

ЭОЛИН

Карин Рита Гастрейх

Король-маг Кедехен устраивает беспощадную чистку маг во время гражданской войны. Эолин, последняя дочь маг и единственная наследница их запрещенного мастерства, находит убежище в Южном Лесу.

Когда она встречает загадочного Акмаэля, наследника престола в этом жестоком царстве, она выбирает путь надежды, соблазна, предательства и войны. Желание влечет Эолин в темные объятия Акмаэля, но судьба связывает ее с Кори из Восточной Селен, хитрым магом, чьи амбиции пытаются выйти за пределы любви и верности.

Может ли она доверять тем мужчинам?

Среди сильных колдунов и жестокого обмана Эолин должна найти путь к свободе, или она сгорит на костре.

Перевод: Kuromiya Ren

Сюзанне и Рафаэлю

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Простая магия

Осеннее утро выдалось холодным и ясным, окутало темные сосны и старые дубы резким запахом зимы. Эолин бежала к лесу, щеки покраснелись от волнения. Истории о троллях-людоедах, неуловимых гендах и ведьмах, пожирающих детей, крутились у нее в голове. Где-то в бескрайних глубинах Южного леса скрывались легендарные существа. Возможно, сегодня она найдет такое.

Шаги Эолин замедлились, когда она достигла опушки леса. Проведя рукой по коре кривого бука, она посмотрела на крону, ее естественный энтузиазм сдерживался уважением, которому ее мать, Кайе, научила ее. Высоко над головой раскинулись сплетения черных ветвей, силуэты которых вырисовывались на фоне яркого неба.

Листья шелестели на ветру.

Вспышка слоновой кости на лесной подстилке привлекла ее внимание.

Грибы!

Эолин опустилась на колени и смахнула пестрые опавшие листья, обнажив пухлые белые грибы. Пока она собирала их, рубиновое пятно выдало последние ягоды на колючем кусте. Из-за упавшего бревна выглянули ярко-зеленые листья аломинты. Эолин бегала от одного простого сокровища к другому, наполняя корзину из эвкалипта едой и лекарствами, представляя, как голос ее матери звучит в течении ближайшего ручья.

— Подойди, посмотри на это, — звала Кайе, и Эолин бежала смотреть, как ее мать срывает нежную траву с темной земли. — Это снизит лихорадку в зимнее время.

У растения был цветок в форме звезды и крошечные заостренные листья. Эолин обожгло пальцы, когда она раздавила его, чтобы вдохнуть горькую эссенцию.

— И эти, — Кайе собрала несколько свежих грибов с резким ароматом мягкого сыра. — Поможет наполнить животы сегодня вечером. Бальзам из листьев этой черной крапивы вылечит инфекцию. Но используй только черную крапиву, Эолин. Белая убьет тебя быстрее, чем ты успеешь чихнуть.

Каждый раз, когда они посещали лес, Эолин узнавала что-то новое от своей матери, чьи

знания казались бесконечными.

— Ты должна хранить все это в своем сердце, — наставляла Кайе. — Это Простая Магия, и она сослужит тебе хорошую службу.

— Магия? — глаза Эолин широко раскрылись. Ей нравились растения, но магия была опасна. Прошлой осенью в Моэне женщину сожгли за колдовство. Друг Эолин Делс видел это. Делс сказал, что первое, что загорается у ведьмы, — это ее волосы, а последнее, что умирает, — ее сердце. По словам Делса, горящая ведьма пахла так плохо, что даже крысы убежали, когда костер зажигали.

Ее мать вздохнула.

— Это не настоящая магия, Эолин. Во всяком случае, не та, за которую могут сжечь. Тем не менее, лучше не говорить о том, что ты узнала, в деревне, даже в нашем доме.

— Почему нет?

— Потому что стены шепчут, — ответила Кайе. — Они слышат, что говорят, и повторяют это в неподходящий момент.

Мать Эолин остановилась и села на большой гладкий камень. Она ослабила ленты, связывавшие ее волосы, и пряди медными реками упали ей на плечи. Ее глаза цвета весенних листьев оторвались от дочери. Она потерла лоб, словно желая ослабить напряжение, охватившее ее голову. После долгого молчания Кайе глубоко вдохнула и встала.

— Уже поздно, — она завязала волосы и взяла Эолин за руку. — Нам пора возвращаться на ферму.

— Но, мама, ты ничего не объяснила про Простую Магию!

— И не объясню. Не сегодня.

— Почему нет?

Мать Эолин не ответила. Ее походка стала нетерпеливой, и Эолин пришлось бежать, чтобы не отставать.

— Почему ты сердишься, мама? Что я сделала?

Кайе резко остановилась. Она наклонилась и положила нежную руку на щеку Эолин.

— Я не сержусь на тебя, дочь моя, — сказала она. — Я злюсь на молчание, навязанное нашей жизни.

Это был первый и последний раз, когда мать Эолин упомянула Простую Магию. Несколько недель спустя Кайе отправилась одна в Южный лес. Она вернулась с прочной тростью почти в два раза выше Эолин и потертой кожаной сумочкой, прикрепленной к широкому ремню.

Отец Эолин разозлился, и последние ночи Кайе на ферме были отмечены ожесточенными спорами между мужем и женой. Однако в то утро, когда Кайе ушла, папа прижимал ее к себе, покрывая лицо поцелуями.

— Куда она идет, папа? — спросила Эолин, когда ее мать пошла на север.

Папа крепко обнял Эолин. Эолин обняла его за шею.

— Союзники твоей матери мертвы, — сказал он, — но ее верность — нет. Мы должны молить богов о ее благополучном возвращении.

Эолин молилась, но боги реагировали медленно. Весна перешла в лето, а лето превратилось в осень. Кайе все не возвращалась.

Опечаленная воспоминаниями, Эолин прервала работу. Холодный северный ветер раскачивал деревья. Иней распространился по лесной траве. Внезапный холод показался неестественным, и Эолин поежилась.

Пойдем, Эолин. Посмотри на это.

Вздвогнув, Эолин уронила корзину, рассыпав ягоды и травы. Голос был настоящим, Эолин была уверена. Она огляделась, но никого не было видно.

— Мама?

— Я здесь, Эолин.

Эолин вздрогнула, увидев рядом с собой Кайе, высокую и бледную, как залитое лунным светом дерево. Глаза у мамы были матово-зеленые, а волосы — распущенными, до талии. Инстинктивно Эолин потянулась, чтобы прикоснуться к ней. Кайе замерцала и исчезла, появилась в нескольких шагах от нее.

Эолин в страхе отступила.

— Что творится?

— Тише, дочь моя. Послушай меня. Найди своего брата. Скажи ему, что ты должна бежать. Скажи ему, что ты должна спрятаться.

Затем Кайе исчезла с порывом ветра.

Вдалеке болтали белки. Эолин слышала топот ног по земле.

— Эолин! — Эрнан ворвался на поляну, где стояла Эолин. Он остановился, затаив дыхание, и схватил Эолин за плечи. — Где ты была? Почему ты не ответила, когда я звал? Я искал тебя повсюду.

Эолин перевела взгляд с него на то место, где минуту назад стояла ее мать.

— Эолин, — Эрнан положил ладонь на подбородок сестры и заставил ее взглянуть на себя. — Как часто я должен говорить тебе, чтобы ты не убегала в одиночку?

— Я не одна, — сказала Эолин. — Не здесь.

Эрнан раздраженно покачал головой. На пять лет старше нее, брат Эолин был долговязым мальчиком с резкими чертами лица, рыжими волосами и ярко-зелеными глазами, как у их матери. Сколько себя помнила Эолин, Эрнан присматривал за ней.

— Я видела маму, — голос Эолин звучал очень тихо. Она задавалась вопросом, поверит ли ей ее брат.

Эрнан стиснул зубы.

— Что?

— Я видела маму, прямо здесь. Всего мгновение назад. Она сказала, что мы должны бежать. Она сказала, что мы должны спрятаться.

Рука Эрнана крепко сжала руку Эолин. Он выпрямился и направил свой взгляд, как копьё, на их деревню.

— Боги помогите. Они нашли ее.

— Нашли кого? Маму?

Эрнан покраснел от гнева.

— Отец был неправ, ожидая. Мы должны были уйти давным-давно.

— Где она? Она вернется?

Без предупреждения Эрнан бросился вглубь леса, волоча за собой Эолин. Они уклонялись от деревьев и перепрыгивали через бревна и камни. Дважды Эолин спотыкалась. Ее руки и колени горели, в царапинах, но Эрнан не замедлил шага. Они подошли к небольшому ручью, прорезавшему узкую траншею. Эрнан толкнул Эолин в яму на берегу, скрытую кустами.

— Что это за место? — сказала Эолин, пораженная запахом сырой земли. — Эрнан, что происходит?

Вытащив из тени масляную лампу, Эрнан зажег ровный свет кремнем.

— Я позову папу. Оставайся здесь. Не шуми и не выходи, что бы ни случилось, пока мы не вернемся. Понимаешь?

— Нет! Нет, я не понимаю, потому что ты мне ничего не сказал.

Эрнан выскользнул из укрытия и прикрыл за собой вход.

— Эрнан, не оставляй меня здесь!

Но брата Эолин уже не было.

Ее окутала тьма, которую нарушал только мерцающий фонарь. Воздух казался спертым и тяжелым. Земляные стены давили на плечи Эолин, она могла задохнуться.

«Я не собираюсь оставаться здесь. Я пойду за Эрнаном и найду отца».

Эолин двинулась к выходу, но дрожь заставила ее остановиться.

Послушай, Эолин, — прошептала ее мать. — *Слушай хорошо.*

Эолин прижала руки и ухо к земле. Тонкий гром пробежал по земле, поднимаясь, как обсидиановая волна, к ее деревне. Когда Эолин закрыла глаза, ее охватила дрожь. Кровавые видения взревели и отступили, словно дикий огонь, подгоняемый ветром. Всадники в едком дыму. Друзья падали от сверкающих мечей. Обычные жители лежали в бордовой пыли, их дома сгорали в огне. Эолин закричала, но ее никто не услышал. Она бежала сквозь удушающий дым и наткнулась на отца. Его конечности были вывернуты под странными углами. Жизнь вытекала из его тела малиновой рекой, которая впадала в землю.

Глаза Эолин распахнулись. Ее пронзила тошнотворная пустота. Она бросилась назад, опрокинув лампу и погасив ее пламя. Прижав колени к груди, Эолин закрыла лицо и заплакала. Остаток этого долгого дня и последовавшую за ним мучительную ночь она больше ничего не слышала и не видела.

Когда, наконец, утренний свет осветил вход в ее убежище, конечности Эолин затекли. Влажный холод пронзил ее кости. Она прокралась вперед и выглянула наружу.

Туман висел над ручьем. На противоположном берегу пестрый коричневый кролик рылся в листьях в поисках остатков осеннего корма. За ним в небольшом кустике чирикала пара певчих птиц с яркими грудками. Убедившись присутствием этих животных, что поблизости нет людей, Эолин выползла из маленькой пещеры и встала на трясущиеся ноги.

В тот момент, когда она появилась, животные растворились в лесу, оставив такую оглушительную тишину, что Эолин заткнула уши, чтобы не слышать ее.

Эрнан уже должен был вернуться.

Их ферма находилась на краю Южного леса. Ему не потребовалось бы много времени, чтобы сбегать туда и обратно.

Он был бы здесь, если бы выжил.

Эолин прикусила язык, чтобы не позвать брата по имени, опасаясь, что любой звук мог вызвать всадников из-за деревьев. Она подумывала заползти в дыру в надежде поймать видение, которое раскрыло бы судьбу Эрнана, но мысль об этой сырой пещере вызывала тошноту.

«Мне не нужно другое видение. Я видела, что они сделали. Эрнана не пощадили бы».

В деревне Эолин рассказывали множество историй о таких набегах. Они говорили, что Королевские всадники уничтожали целые деревни за предательство и магию. Они сказали, что никто не пережил его гнев и ничего не осталось. Но Эолин всегда думала, что такие ужасы случаются в других провинциях, в отдаленных местах, таких как Селкинсен или Селен, где мятежные подданные все еще цеплялись за старые обычаи. Ее семья жила в

Моэне. Кто из жителей ее деревни мог навлечь на себя гнев короля?

«Это простая магия, Эолин, — слова ее матери вернулись, как шипение змеи. — И она сослужит тебе хорошую службу».

Земля качнулась. Эолин упала на колени. Желчь обожгла ее горло и пролилась на лесную подстилку.

Вот как? Неужели Простая Магия осудила их всех?

Рыдания сотрясали тело Эолин невыносимой волной потери и вины. Это была ее вина. Она предавалась коварному и запретному. Она узнала секреты растений.

Бледное солнце сожгло туман с земли и опустилось на высокие ветви задолго до того, как у Эолин кончились слезы. Только когда ее рыдания перешли в изнеможение, голоса леса вернулись шелестом сухих листьев, тонким ропотом осеннего ветра и серебристым журчанием крошечного ручья.

«Иди, посмотри на это, Эолин».

Девочка вздрогнула от голоса матери, снова близкого и настоящего. Всклипнув, Эолин вытерла влажные щеки и поднялась на ноги.

— Мама? — она звала так громко, как только могла.

Взгляд Эолин привлекло плавное движение, слабое смещение света за деревьями. Эолин узнала взмах юбки матери, уверенность плавной походки Кайе. Девочка сделала нерешительный шаг вперед.

— Мама?

Тень ответила, скользнув к сердцу Южного Леса.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Дом со сладким хлебом

Призрак Кайе продолжал идти вперед, никогда не оказываясь в пределах досягаемости, всегда за соседним деревом или за поворотом. Он завел Эолин вглубь леса, прежде чем совсем исчезнуть.

Растерявшись, Эолин повернулась, пытаясь определить путь, который привел ее сюда. Незнакомые деревья пялились на нее. Толстая кора искривилась в выражениях отвращения и неодобрения. Сильный порыв ветра зашевелил высокие ветки, и ливень рыжеватых листьев упал на землю. Птицы не пели. Белки не болтали. Южный Лес никогда не казался таким холодным и бессердечным.

Страх пронзил кожу Эолин. Что, если легенды были правдой? Что, если за темными деревьями поджидали оборотни, семиглавые крысы и ведьмы, которые ели детей?

— Как я найду путь? — прошептала Эолин.

Голос Кайе вернулся:

Броди, дочь моя. Путь женщины состоит из странствий.

Теперь это было единственное руководство Эолин, слова на ветру. Воспоминания в ее сердце. Глубоко вдохнув, она неуверенно поставила одну ногу перед другой.

Прошли дни. Хотя Кайе научила Эолин находить ягоды и выжимать воду из мха, каждое утро девочка просыпалась голоднее, чем в прошлый день. Чем дальше она уходила, тем меньше могла собрать. Пустота начала грызть ее живот.

Однажды ночью Эолин разбудили беспокойные крики синекрылой совы. Лай и визг пронзали тени. На нее неслась стая волков.

В панике Эолин в темноте вскарабкалась на дерево. Ветки царапали руки и предплечья, оставляя неровные рубцы. Челюсти щелкали у ее пяток. Вопли поднялись к ней. Она

цеплялась за дерево, пока стоя пыхла внизу. Слезы текли по ее щекам.

Она чувствовала себя душой. Почему она забрела так далеко? Почему она не дождалась Эрнана? Что, если ее брат выжил? Что, если он искал ее сейчас? Она умрет здесь, прежде чем он ее найдет, если не от голода, то от клыков этих ужасных зверей.

К утру волки ушли. Онемев от усталости, Эолин слезла с дерева. После той ночи она стала искать крепкие высокие ветки, на которых можно было спать.

Примерно через неделю после начала путешествия, когда молодая луна скрылась за пологом леса, Эолин проснулась и увидела двух склонившихся над ней *гендов*. Они замерли, как пара оленят, застигнутых врасплох. *Генды* носили цвета ночи и леса. Их большие глаза мерцали, а носы-кнопки дергались. Один держал простой фонарь, светившийся теплым оранжевым светом. Другой накрыл Эолин одеялом из пушистого мха и паутины.

Они казались не более чем сном, но *генды* дали Эолин ощущение тепла и товарищества, как будто лес, наконец, протянул утешительную руку. Вместе *генды* начали петь шепотом. Эолин сменила позу, закрыла глаза и уснула.

На следующее утро у подножия дерева она нашла блюдо из листьев, полное спелых золотых ягод, и деревянную чашку со свежим молоком дерева Беренбен. Обильный завтрак порадовал ее. В знак благодарности Эолин собрала яркие листья и блестящие коричневые орехи и оставила их *гендам*, как учила ее мать. С этого дня *генды* согревали Эолин по ночам и кормили утром. Они следовали за ней с невидимым шелестом сухих листьев.

К тому времени, как Эолин добралась до большого каменистого русла реки, она уже потеряла след луны. Через несколько месяцев весна наполнит берега реки до краев, но теперь, когда осень перешла в зиму, она перешла через воду, не замочив ног, перепрыгивая с одного камня на другой. Она остановилась на противоположном берегу и решила идти вниз по течению.

Затем появился еще один *генда*.

Существо стояло в нескольких футах от нее, отражая оттенки осени. У него были цветные листья на шапке и вечнозеленая жилетка, расшитая семенами и орехами. Улыбающиеся глаза выглядывали из-под кустистых бровей. Оно протянуло руку. Эолин была удивлена легкостью его прикосновения, как будто *генда* вовсе не был настоящим, а был всего лишь порывом, который овладел ею и потянул вперед.

Они отошли от реки и шагали почти час, пока Эолин не почувствовала едва уловимое движение в лесу. Лес ничем не отличался от старых стволов, покрытых корой и мхом. И все же что-то изменилось.

Разрываясь между любопытством и опасением, Эолин остановилась. *Генда* тянул ее за руку. Интенсивный гул заполнил уши Эолин, будто она шла через невидимый пчелиный улей. Жужжание прекратилось, и *генда* исчез.

Эолин стояла на небольшой поляне. Густые деревья, которые несколько мгновений назад определяли ее мир, растаяли. Земля наклонялась под покровом мягкой травы, а затем снова поднималась. За невысоким холмом висела слабая струйка дыма из трубы.

Ощувив энтузиазм, основанный на надежде на человеческое общество, Эолин бросилась вперед. На другой стороне холма она нашла простой домик, окруженный густым садом.

— Добрый день! — позвала она. — Кто-нибудь есть дома?

Кусты зашумели. Темный капюшон поднялся, и голос затрепал, как огонь.

— Так-так. Кто эта мышка, которая забрела в мой скромный дом?

Эолин отступила, тут же пожалев о своей смелости. Как она могла быть такой глупой?

Она знала истории о ведьмах, живущих в лесах. Все они были ведьмами. Они превращали детей в хлеб и ели их на завтрак.

Поднявшись во весь несколько скрюченный рост, ведьма зашаркала к Эолин.

— Не убегай, дитя мое.

Эолин не собиралась подчиняться, но ее ноги вросли в землю, как упрямые сорняки.

Найдя рядом с девочкой пенек, старуха опустилаась. Несколько минут прошло в молчании.

— Ты не очень разговорчива, — сказала ведьма. — Тем лучше, я полагаю. Я привыкла к существованию без болтовни в этом месте. Как долго ты была в лесу?

— Почти месяц, — прошептала Эолин.

— Месяц? — повторила старушка с удивлением и интересом. — Как ты так долго выживала в одиночестве?

— Я знаю ягоды и грибы, и как найти родники и выдавить воду из мха. Потом меня нашли *генды*.

«И привели меня сюда. Коварные звери!».

— Понятно, — сказала ведьма. — Что вообще привело тебя в лес?

Эолин моргнула и отвернулась. Ее глаза горели, а в горле застрял тяжелый ком.

— Ну же, дитя, — голос женщины был нежным. — Ты можешь рассказать мне.

Эолин не собиралась ничего ей говорить, но потом слова все равно полились.

— Там были лошади, солдаты и страшные пожары, и они убили моего отца, и мой брат так и не вернулся, а потом я... я услышала свою мать. Я видела ее, клянусь! Она сказала мне следовать за ней, но, в конце концов, это была не она. А потом я потерялась.

Ведьма скрестила руки на груди и медленно кивнула.

— Ты очень смелая девочка. Сколько тебе лет?

Эолин нервно переминалась с ноги на ногу.

— Может, девять лет? — спросила старуха.

Кровь отлила от лица Эолин. Доказательство колдовства! Как еще она могла определить ее возраст?

— Говори, дитя. Гость в моем доме должен говорить то, что думает.

— Ты ведьма, которая ест детей? — Эолин прикрыла рот обеими руками, потрясенная своим неосторожным языком.

Глаза старухи вспыхнули в тени ее плаща. Она потянулась, чтобы снять капюшон. Эолин ожидала увидеть древнее лицо, искривленное острым бородавчатым носом, растрепанные, как солома, волосы и воспаленные глаза, которые тут же проклянут ее.

Правда оказалась странно разочаровывающей. Черты лица женщины были мягкими, с морщинами многих лет, согнувших ее тело. Ее густые седые волосы были аккуратно заплетены в косу на затылке. Ее нос представлял собой ничем не примечательную вершину над узкими губами.

— Ну, это не тот вопрос, который я получаю каждый день, — сказала она, наблюдая за Эолин пронизательными серыми глазами. — Скажи мне... Как, ты сказала, тебя зовут?

— Эолин.

— Приятно познакомиться, Эолин. Я Гемена. Скажи мне, почему ты думаешь, что я ведьма, которая ест детей?

— Потому что ты старая женщина и живешь одна в Южном лесу.

— Это убийственное доказательство, — признала она. — Что еще ты знаешь об этой

ведьме, поедающей детей?

— Она живет в доме из сладкого хлеба, и дети приходят его есть. Она откармливает их, прежде чем бросить в свою огромную печь.

— Ясно, — женщина кивнула, ее лицо превратилось в маску тщательного размышления. — Ну, юная Эолин, ты видишь мой дом. Он с оттенком сладкого медового хлеба. Почему бы тебе не откусить? Если легенда верна, ты сможешь его съесть. Даже лучше, я смогу съесть тебя. Но я позволю тебе бежать первой. Я дам тебе полдня форы только за то, что ты такая проницательная маленькая девочка.

Это предложение привело Эолин в ужас, но она не видела другого выхода, кроме как согласиться. Полдня лучше, чем ничего. За полдня она сможет обогнать старую ведьму, если только она не умеет летать, как положено ведьмам.

Эолин подошла к дому и провела руками по черепице цвета корицы. Желудок заурчал, и голод взял верх. Отломив щепку, она впилась в нее. Боль пронзила ее зубы. Дерево оцарапало ей язык. Наступило разочарование.

Она бы отдала все, чтобы съесть домик старухи прямо сейчас, даже если это означало превратиться в буханку хлеба.

Громкое фырканье заставило Эолин обернуться. Ведьма упала с пня, хрипя. Слезы текли из глаз старухи.

— Не старайся слишком сильно, дитя. Зубы сломаешь!

Ведьме потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя. Задыхаясь и хватаясь за ребра, она поднялась на трясущихся ногах.

— Дом сладкого хлеба! Кто придумал такую ерунду? Почему бы тебе не зайти внутрь, Эолин, и не поесть нормально?

Не в силах противостоять силе аппетита, Эолин с опаской последовала за ведьмой.

Внутри дом был тусклым и скудно обставленным. Наблюдая за тем, как ведьма разжигает огонь на ее неприметной кухне, Эолин обдумывала варианты. Зима в Южном лесу была суровой. Она будет голодать в бесплодном лесу, пока первые снега не превратят ее в лед, или она могла есть у Гемены, пока ведьма не превратит ее в завтрак.

— Можешь остаться здесь, если хочешь, на всю зиму, — старуха подала горячее овощное рагу, свежий хлеб и сыр. — Придет весна, я могу отправить тебя обратно в Мойсехен.

Лицо Эолин опустилось на дно миски, пока она пила острое варево Гемены.

«Жестокая ведьма, раз говорит о том, чтобы отправить меня обратно, когда она не собирается этого делать».

— Я знаю лесника, который бродит по этим местам, — продолжал Гемена. — Он мог бы проводить тебя домой.

— У меня нет дома. Ничего нет. Я уже рассказала тебе об этом.

— Ты говорила о смерти отца и брата, но как насчет твоей матери? Где она?

— Мама ушла прошлой весной. Она так и не вернулась.

Седые брови Гемены сдвинулись.

— Почему она ушла?

— Я не знаю, — горло Эолин начало болеть. — Я думаю, что она пошла искать своих сторонников, потому что ее союзники погибли. Так сказал папа.

Эолин потянулась за толстым ломтем хлеба и намазала его мягким сыром. Она чувствовала, как Гемена изучает каждое ее движение, хотя размышляла ли ведьма над

словами отца или оценила разочаровывающую ширину руки Эолин, девочка не могла сказать. Она задумалась, где находится печь Гемены, и содрогнулась при мысли об обугленных остатках детских костей внутри.

— Это твоя мать научила тебя собирать урожай в лесу? — спросила ведьма.

— Да.

— Чему еще она научила тебя?

Эолин отвернулась от стола, забыв о хлебе. Почему ведьма продолжала задавать надоедливые вопросы? Теперь у нее болел живот. Может, еда была отравлена!

— Она научила тебя лекарствам? — спросила Гемена. — Она рассказала тебе, как лечить растениями?

Воздух двигался у стен, горячий. Эолин стиснула зубы.

— Я не должна об этом говорить.

— Я понимаю, — Гемена кивнула. — Как ее звали?

— Кайе.

Старуха резко выдохнула сквозь желтые зубы.

— Я знала твою мать, — тихо воскликнула она, и на ее лице отразилось удовольствие от открытия. — Давно. Конечно. Я вижу сходство сейчас. Она была мага-воительницей, одной из лучших в своем поколении.

У Эолин внутри все сжалось. В самом темном из миров не могло быть, чтобы эта ведьма знала свою мать.

— Что это? Что такое мага-воительница?

— Мага — это женщина, которая знает магию. Мага-воительница также обучается военному искусству.

— Мама не была ведьмой! — гнев Эолин придал ей сил. — Мама была красивой.

Гемена вдохнула, словно собираясь ответить, и задержала дыхание, сжав губы. Беспокойная грусть заполнила ее глаза. Она оттолкнулась от стола и побрела к входной двери. Невысказанные мысли тянулись за ней тонкими облаками.

Голова Эолин опустилась на руки.

«О чем я только думала? Я только что оскорбила ведьму».

Она наверняка умрет до того, как выпадет первый снег.

— Прекрасный день, — объявила Гемена. — Думаю, один из последних в сезоне. Почему бы тебе не помыть посуду, Эолин, и не встретиться со мной в саду? Мы вместе выпьем чаю.

Стремясь исправить свой проступок, Эолин повиновалась.

Убрав со стола, она вышла на улицу и нашла старуху на скамейке, с туго натянутым на плечи плащом. В воздухе витал аромат трав. Пригласив девочку сесть, Гемена подала ей чашку с водой и аккуратно положила веточку мяты.

— Я хочу тебе кое-что показать, — сказала ведьма. — Смотри на меня.

Сложив руки вокруг деревянного сосуда, Гемена закрыла глаза, поднесла жидкость к губам и произнесла короткий стих на странном языке:

Эхекат нэом цефур. Эхуки.

От воды начал подниматься пар.

— Как ты это сделала? — любопытство Эолин отбросило ее осторожность. — Как ты нагрела воду?

— Разве ты не видела? Попробуй. Я верю, что ты можешь сделать это так же, как и я.

Сложив руки вокруг чашки, Эолин повторяла стих, как могла, но вода не нагревалась.

— Это было очень хорошо, — сказала Гемена, — но дело не только в подражании.

Встань прямо, твердо упираясь ногами в землю.

Эолин сделала, как ей сказали, схватив чашку и крепко зажмурив глаза.

— Подожди, дитя. Открой глаза. Дай мне эту чашку. Сними туфли и чулки.

Эолин прижала босые ноги к влажной земле. Смутно знакомое тепло струилось по ее ногам, открывая ее чувства и привлекая к ее восприятию каждый едва уловимый звук сезона.

Гемена вернула чашку чая в руки Эолин.

— Вот и все. Теперь расслабься и закрой глаза. И дыши.

Холодный воздух наполнил легкие Эолин, резко прижавшись к ее ребрам. Эолин казалось, что она больше не стоит на том же месте, будто сад Гемены сменился другим, который выглядел так же, но работал совсем по-другому.

— Что ты чувствуешь у своих ног? — спросила Гемена.

— Землю, — сказала Эолин.

— Да, но скажи мне, на что это похоже.

— Она твердая и неподвижная, — Эолин растопырила пальцы ног на прохладной земле. — Но и в движении. Как это может быть? — она открыла глаза.

— Держи глаза закрытыми.

Эолин повиновалась.

— А теперь сделай глубокий вдох и скажи мне: что ты чувствуешь в воздухе?

Эолин втянула вечерний воздух, обращая внимание на то, как он проходит через ее горло, как расширяется в ее груди, как уходит теплым и влажным облаком.

— Он несет жизнь, как... как невидимая нить.

— Отлично. А теперь расскажи мне о воде.

— Она неподвижная. И все же она течет в чаше и... под моей кожей.

Дрожь проникла в слова Гемены.

— И, наконец, твое сердце, Эолин. Что ты чувствуешь в своем сердце?

Это был самый простой вопрос из всех.

— Тепло. Мое сердце теплое, как очаг в твоём доме.

— Отлично, моя девочка. Теперь вот что я хочу, чтобы ты сделала. Собери воедино все элементы, о которых ты мне только что рассказала: землю у ног, воздух в легких, воду в чашке и огонь в сердце. Представь, что все это объединяется в одну блестящую точку света. Когда увидишь этот свет, повтори стих так, который я говорила.

Ночь сгушалась от усилий Эолин. Задача была не из легких. Воздух можно задушить землей, а огонь потушить водой. Эолин поняла это и работала с осторожностью, пока небольшое белое сияние не осветило ее внутренности. Она открыла глаза и выдохнула стих:

Эхекат нэом цефур. Эхуки.

Чашка ответила мягким паром.

— Отлично! — воскликнула Гемена.

Вернулось щебетание насекомых и шелест трав. Эолин огляделась, словно впервые увидела сад. Она чувствовала себя другой внутри. Теплой. Полной. Будто она нашла что-то, что всегда искала, что-то, что всегда ускользало от нее.

— Подойди и сядь со мной, Эолин, — сказала Гемена. — Давай вместе выпьем чаю.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Серебряная паутина

Все, что создала королева Бриана при жизни, было уничтожено на двенадцатую ночь после ее смерти. Король магов Кедехен запретил Акмаэлю соблюдать обряд, но принц ослушался отца и нашел узкую лазейку, чтобы подглядывать за бдением.

На закате Высшие Маги собрались во дворе замка. Вещи королевы Брианы были разложены на большой куче дров: темные бархатные платья и нижнее белье из тонкого льна, ленты, перевязывавшие ее густые черные волосы, драгоценности, украшавшие ее шею, вышитые туфли, занавески из ее покоев, гобелены, даже простыни. Поверх них были помещены бесчисленные предметы магического предназначения: ее пояс целителя и травы в горшках, большая коробка с кристаллами, моток тщательно разделенных паучьих шелков, неглубокая серебряная тарелка, которую она могла использовать как инструмент для наблюдения, коллекции мехов и насекомые, стеклянные пузырьки, наполненные таинственными жидкостями, несколько оставшихся книг и ее посох из черного дерева.

Когда погребальный костер был готов, волшебник Церемонд выступил вперед. Хоть ему было много лет, Церемонд оставался высоким, а его внешний вид впечатлял. Коротко подстриженные угольные волосы с проседью подчеркивали изможденные черты лица. Он трижды ударил своим рябиновым посохом об землю.

— *Эхекат*, — воскликнул он. — *Нэом эхан авигнес, реохорт...*

Высшие Маги подхватили пение. Кедехен присоединился к заклинанию над вещами своей покойной жены, выражение его лица было таким же бесстрастным, как и каменный фундамент, на котором покоился замок.

Когда пение достигло своего апогея, Церемонд поднял костлявую руку и послал ослепляющий луч света в костер. Дерево вспыхнуло, превратив вещи Брианы в парящие клочки пепла.

Дым достиг укрытия Акмаэля, обжигая ему глаза и горло. Ему казалось, что он снова стал свидетелем убийства своей матери. Его грудь сдавило, и он с трудом сдерживал подъем желчи из желудка.

Только два предмета, сделанных Брианой, ускользнули из костра в ту ночь, и оба они оказались в сжатых кулаках Акмаэля. Один из них был амулетом, сплетенным из нитей серебряного шелка, а другой — повязкой с изображениями Дракона. Королева приказала Акмаэлю не носить повязку, пока он не начнет изучать Высшую Магию, поэтому принц спрятал ее в известном только ему месте. Однако серебряную паутину Акмаэль носил с исключительной преданностью любящего сына.

Прошло больше года после смерти Брианы, прежде чем однажды днем, во время уроков Акмаэля, мастер Церемонд не заметил драгоценный камень на воротнике мальчика. Волшебник схватил медальон и попытался сорвать его с шеи Акмаэля. Тонкая цепь держалась крепко. Завязалась борьба между учителем и учеником. Отчаявшись ослабить хватку Церемонда, Акмаэль укусил волшебника за руку. Церемонд вскрикнул и отпустил мальчика.

Акмаэль умчался прочь по коридорам замка. Его ноги стучали по каменному полу. Ярость текла по его венам. Он петлял извилистыми тропами через входы для прислуги и задние коридоры, вниз по лестницам и вверх, надеясь оторваться от Церемонда или кого-нибудь еще, кто мог бы преследовать его. Он сердито смотрел на стражей, которые приветствовали его, и слуг, которые кланялись и убегали с дороги.

Проклятие на них всех!

Они мешали принцу пройти незамеченным.

Акмаэль ворвался в один из задних дворов и остановился, глотая свежий весенний воздух. Яркий дневной свет заставил его прищуриться. Когда его гнев прошел, он понял, что Боги предоставили ему исключительную возможность. В этом пустынном пространстве никого не было. Он взглянул на высокие крепостные валы, но даже эти стражники смотрели куда-то в другую сторону.

Акмаэль прокрался через двор, держась в тени, и приблизился к маленькой деревянной двери в северной стене. Он проскользнул внутрь и надежно закрыл за собой дверь.

Он добрался до длинного коридора из грубо отесанного камня. Здесь царил тишина, нарушаемая лишь медленным пульсом горного сердца.

Акмаэль хорошо знал это место. Проход вел к основанию Вортингена, где Дракон явился самому первому из отцов Акмаэля и сделал его королем всего Мойсехена. Он прокрался по темному проходу, пока не вышел на травянистый холм. Равнина заканчивалась острыми утесами, обрамленными разбросанными и кривыми деревьями. В центре к небу устремлялся круг бледных монолитов.

Отступив в рощу у края утеса, Акмаэль нашел укрытие среди высоких кустов. Он прислонился к грубому стволу старого бука и позволил пульсу успокоиться, все время сжимая серебряную паутину.

«Я не позволю им забрать тебя у меня. Я умру первым».

— Я знаю, любовь моя.

Голос его матери казался таким реальным и близким, что это разбивало сердце Акмаэля. Слезы текли из его глаз. Он соскользнул по стволу и тяжело сел на землю.

«Мне очень жаль, матушка».

Как она могла исчезнуть? В какой-то момент Бриана была живой, смеющейся и энергичной. В следующий она лежала, распластанная и неподвижная. Акмаэль никогда не забудет, как погас свет в ее глазах.

Мастер Церемонд часто говорил, что убийство королевы Брианы было ярким примером вероломных сердец мага.

«Они настолько неспособны к верности, что убивают собственных сестер. Это одна из многих причин, по которым мы больше не позволяем женщинам изучать магию».

Акмаэль не соглашался со своим учителем по многим пунктам, но в этом Церемонд был прав. Хотя рыжеволосая ведьма прибыла в костюме служанки, мать Акмаэля приняла ее как друга и равную. Они обнялись, но вскоре их теплота сменилась разногласиями. Акмаэль вспомнил, как его присутствие разжигало ярость рыжеволосой маги, как его сходство с Кедехеном заставило ее выступить против Брианы.

— Ты знаешь, как опасно вливать кровь Восточной Селены в род Вортингена! — закричала незнакомка. — Сила этого мальчика будет непреодолимой.

Но рыжеволосая убийца ошибалась. Непреодолимая сила погасила бы смертельный заряд, летевший от посоха маги к Акмаэлю. Непреодолимая сила удержала бы Бриану от того, чтобы бросить свое тело на его пути.

«Непреодолимая сила вернула бы мою мать из мертвых».

С тяжелым сердцем Акмаэль снял с шеи серебряную паутину. Сделанный из кварцевых кристаллов, вплетенных в шелк ткача сфер Темной Луны, драгоценный камень сверкал в дневном свете. Акмаэль услышал слабое эхо смеха Брианы и почувствовал утешение от ее присутствия. К нему вернулась колыбельная, которую она пела, когда он был маленьким мальчиком.

Он тряхнул паутиной, и она закружилась вокруг своей оси. Слова песни его матери возникли у него на губах. Когда мелодия закружилась вокруг медальона, роща деревьев, где он укрылся, растаяла.

Вздогнув, Акмаэль прекратил свою песню.

Он сидел в незнакомом и дремучем лесу. Полуденный свет просачивался сквозь кроны. Мимо проносилась вода в небольшой речке, усеянной крупными валунами. Где-то рядом болтали белки в сопровождении сладкого пения дрозда.

Прижавшись к ближайшему дереву, Акмаэль изучал амулет. Взволнованный мощью объекта, он, тем не менее, сразу же озаботился проблемой возвращения домой.

«Это должно быть простое заклинание. Матушка всегда предпочитала простые заклинания».

Закрыв глаза, Акмаэль заземлил свой дух и представил мягкую траву и высокие монолиты Основания Вортингена. Он покрутил амулет и запел, но его мелодию оборвал смех, высокий и свободный, как песня леса.

Акмаэль открыл глаза. Он снова надел серебряную цепочку на шею и спрятал амулет под рубашку. Затем он осторожно двинулся к источнику смеха.

Обогнув большое дерево, он увидел на берегу реки девочку примерно его возраста. На ней было простое красновато-коричневое платье с заплатами во многих местах. Волосы обрамляли лицо дикими кудрями, словно пряденая медь. Грязь плескалась под ногами, но это не мешало ей танцевать с бабочками, кроликами и белками. Вскоре она рухнула на траву и стала наблюдать, как белые облака мчатся мимо верхушек деревьев.

Акмаэль сделал шаг ближе. Под ногами хрустнула ветка.

Девочка села и пронзила его острым взглядом.

Акмаэль смотрел на нее, не зная, что делать или говорить.

— Добрый день, — девочка встала и попыталась стряхнуть грязь с юбки, но усилия были напрасными, так как ее руки были в грязи. — Ты, должно быть, потерялся.

— Я не заблудился, — ответил Акмаэль. Затем он добавил довольно застенчиво. — Я просто не уверен, где я.

— Ты в Южном лесу, на берегу реки Тарба.

Акмаэль резко вдохнул. Серебряная паутина швырнула его через королевство!

— Меня зовут Эолин, — сказала она. — Кто ты?

Акмаэль отвел взгляд.

— Ахим. Меня зовут Ахим.

— У тебя есть, где остановиться, Ахим?

— Конечно, — Акмаэль придал своему голосу больше уверенности, чем он чувствовал. — Я вернусь домой.

— Тебе обязательно возвращаться прямо сейчас?

Это казалось странным вопросом.

— Я хочу сказать, хочешь поиграть? — сказала она.

Акмаэль покачал головой.

— Я не играю. Уж точно не с девочками.

Она недоверчиво развела руками.

— Как ты можешь не играть?

— Я слишком взрослый, чтобы играть.

— Ты не можешь быть старше меня больше, чем на пару лет.

— Да, но я не девочка.

— У меня есть идея, — сказала Эолин. — Мы можем поискать радужную улитку. Говорят, улитка мигрирует вверх по реке весной, но я никогда ее не видела. Гемена говорит, что она вырастает размером с ладонь, а ее раковина сделана из жемчуга, отражающего все цвета мира. Хочешь помочь мне найти ее?

«Я должен попытаться вернуться домой».

Но даже если амулет вернет Акмаэля в замок, что его ждало? Ссора с отцом, конфискация драгоценного подарка Брианы, приводящее в ярость удовлетворение старого Церемонда.

— Это ненадолго, — в тоне девушки послышалось раздражение. — Если тебе это не нравится, ты можешь просто идти домой.

Ухмылка расплзлась по лицу Акмаэля. Он потянулся, чтобы стянуть сапоги.

Эолин подпрыгнула и захлопала в ладоши. Освобожденная от туфель, она тотчас же рванула к реке.

— Побеждает тот, кто первым найдет!

Акмаэль последовал за Эолин вдоль берега реки, оба старались не забрести слишком глубоко в быстрое и ледяное течение. Весна расцвела по всему лесу. Сильные южные ветры вытесняли морозное дыхание севера. Бледные травы пробивались из затхлой земли, а тонкие розовые листья распускались на высоких дубах.

Неуловимая радужная улитка так и не появилась, но многие другие существа танцевали в воде, чтобы развлечься. Крупные серебристые рыбы перепрыгивали через глубокие пороги, сверкая на солнце крепкими телами. Стремительные гуппи кусали их за пальцы ног. Крошечные водяные драконы цеплялись за нижнюю часть скал. Водовороты лихорадочно наполняли неподвижный берег реки. По каменистому дну сновали ярко-синие креветки. Эолин поймала несколько, чтобы забрать домой, потому что, как она с энтузиазмом сообщила Акмаэлю, из них получалось отличное рагу.

Вскоре, промокшие до нитки, они вдвоем отыскивали большой валун, где они сели, солнце согрело их тела и высушивало одежду.

— Скоро мне придется идти домой, — объявила Эолин. — Отсюда около часа ходьбы, и в это время года ребенку нехорошо выходить на улицу в сумерках. Гемена говорит, что волки и медведи сейчас ужасно голодны.

— Кто такая Гемена? — спросил Акмаэль.

— Женщина, которая заботится обо мне. Она похожа на мою бабушку, но на самом деле она не такая. Она живет в домике неподалеку. Люди думают, что она ест детей, но это совсем не так. И дом не сделан из сладкого хлеба.

Акмаэль не знал, что с этим делать.

— Кто заботится о тебе, Ахим?

Он кашлянул.

— Мой отец и мои наставники.

— Где ты живешь?

— Далеко отсюда.

— Ну, если тебе потребуется больше часа, чтобы идти домой, ты должен остаться с нами до завтра.

— В этом не будет необходимости. Я... — он подыскивал подходящую фразу. — Я путешествую очень быстро.

Акмаэль отвернулся, не понимая, почему ему неуютно было сдерживаться вместе с ней. Вряд ли было бы благоразумно раскрывать истинное лицо простой девочке из Моэна.

— Расскажи мне о том, где ты живешь, — Эолин подтянула колени к груди. Рыжие кудри танцевали на розовых щеках. Карие глаза блестели из-под густых ресниц. — Это такой же лес, как этот?

— Ну... — он рассмотрел разбросанные вокруг них столбы стволов деревьев. — Да. Место похоже на лес, только сделано из камня.

— Каменный лес, — Эолин подняла лицо к лучу солнечного света. — Звучит красиво. В день летнего солнцестояния деревья должны быть наполнены изумрудными листьями, листья становятся рубиновыми и янтарными в Самайн. В канун Середины зимы ветви точно утяжелены алмазным льдом и снегом, а в Эостар, держу пари, цветы расцветают лепестками опала!

Девочка повернулась к Акмаэлю, словно желая, чтобы он подтвердил ее видение, но он мог только молча смотреть в ответ. Он никогда не слышал, чтобы о его доме говорили с такой поэзией. Он мог почти вообразить это именно так, как она описала.

Сев прямо, Акмаэль вытянул руку перед собой и сосредоточился на пространстве над ладонью. Через мгновение частицы света собрались над его рукой и закружились. Они собрались в ветвь полированного коричневого камня с изумрудными листьями и сапфировыми ягодами.

— Из твоего леса? — спросила Эолин, задыхаясь.

— Для тебя, — он подобрал предмет из воздуха и подарил ей.

Подарок исчезнет в течение часа. Акмаэль еще не научился продлевать свои визуализации. И все же он мог сказать, что Эолин получит столько же удовольствия от драгоценного камня за это короткое время, сколько дочь аристократа — за год.

Действительно, любой другой ребенок отреагировал бы на это волшебство со страхом и трепетом. Под руководством мастера Церемонда Акмаэль научился использовать страх как источник силы. Но Эолин не выказала ни удивления, ни опасения. Она излучала лишь странное приятное сияние, которое Акмаэль с некоторым трудом определил как признательность и зарождающуюся привязанность.

— Я хочу подарить тебе кое-что из моего леса, — объявила Эолин.

Затем девочка сделала то, что действительно поразило Акмаэля. Она села прямо и соединила ладоши чашей. Через мгновение над ее пальцами появился водоворот света, который собрался в маленькое растение с толстыми листьями и изысканным бело-золотым цветком.

— Это орхидея, — Эолин сорвала растение с воздуха. — Она растет на самых высоких ветвях самых старых дубов, и она для тебя.

Едва дыша, Акмаэль принял подарок и осмотрел его. То, что сделала Эолин, было невозможно. Запрещено.

— Где ты этому научилась? — спросил он. — Где ты научилась магии?

— Это не магия, — горячо возразила она. — Ты только что сделал это сам! Это...

Девочка остановилась и встала, выражение ее лица колебалось между негодованием и осознанием.

— Это магия? Ты уверен?

— Это, — Акмаэль прочно поставил растение между ними, — работа ученика, хорошо продвинутого в Средней Магии.

— Средняя магия?! — Эолин хлопнула в ладоши и поднесла пальцы к губам. Она пристально посмотрела на Акмаэля. — Что такое Средняя магия?

— Как ты можешь не знать? Ты должен знать, что такое Средняя Магия, чтобы практиковать ее.

— Это похоже на «Простую магию»?

— Нет, совсем нет. Простая магия — это просто еда и лекарства. Средняя Магия — это язык мира животных, камней и растений. Речь идет об интеграции элементов. Средняя Магия — это все, что нужно знать, прежде чем ты сможешь практиковать Высшую Магию.

— *Высшая* магия?

Ее невежество сбивало его с толку. Как она могла вызывать визуализацию, если ничего не знала о различных классах магии?

— Ты чувствуешь то же, что и я, когда достаешь землю из воздуха? — спросила она.

— О чем ты говоришь?

— Когда ты сделал ветвь из камня.

— Ты имеешь в виду, когда я визуализировал это, — сказал Акмаэль.

— У тебя покалывали подошвы ног? — настаивала Эолин. — Всякий раз, когда я черпаю землю из воздуха, возникает ощущение, что мне становится тепло внутри. Это случается с тобой? Это делает тебя счастливым, как когда светит солнце в весенний день или когда начинает падать первый зимний снег?

— Я не знаю, — Акмаэлю пришлось на мгновение задуматься. — Я испытываю не совсем счастье, это больше похоже на ощущение власти над большим движением, будто через мои руки течет река. Это немного напоминает мне, как ездить на энергичной лошади.

— Лошадь?

Акмаэль закатил глаза.

— Лошадь — это животное, которое...

— О, я знаю, что такое лошадь! — она нетерпеливо махнула рукой. — Раньше в моей деревне были лошади. Просто я никогда не ездила верхом. Хотя Эрнан ездил на них. Он много ездил на них, и это всегда делало его очень счастливым.

Взгляд Эолин дрогнул и оторвался от Акмаэля. Безошибочно узнаваемый цвет мерцал в ее ауре, почерк какого-то ужасного воспоминания. Прежде чем Акмаэль смог определить источник, она быстро тряхнула головой, подавив свои мысли.

— Значит, должно быть то же самое, — заключила она. — Если это работает так же и заставляет нас чувствовать то же самое, значит, все это волшебство — ты делаешь ветку, а я делаю цветок. И, конечно же, ты едешь верхом.

Акмаэль открыл рот, чтобы поправить ее, но остановил себя. Если девочка была так запутана в этом вопросе, она не могла продвинуться дальше в магии, и это было лучше для всех.

— Я должна идти, — Эолин прыгнула вперед и испугала его объятиями. — Ты вернешься, да? Я снова буду у реки через четверть месяца.

Прежде чем он успел ответить, она ушла вглубь леса.

— Подожди, пока я поговорю с этой старой ведьмой! — крикнула она через плечо. — Она разыгрывает меня с того дня, как я пришла!

Как только девочка ушла далеко, Акмаэль достал свой амулет. Он глубоко вдохнул, покрутил серебряную паутину и запел песню своей матери. К его большому облегчению, серебряная паутина вернула его в его убежище в Основании Вортингена.

Закат окрасил небо багряным и фиолетовым. На востоке скоро засияют звезды над дальними землями дома его матери.

— Акмаэль! — крик Кедехена заставил принца подпрыгнуть. Король магов был рядом и был зол.

Акмаэль закрепил амулет над сердцем. Он осторожно выглянул из-за кустов.

Кедехен ходил среди длинных теней, отбрасываемых монолитами. Его рука покоилась на рукояти меча. Его закаленное войной лицо обрамляли каштановые волосы.

Рядом с ним были волшебник Церемонд и сэр Дростан, самый доверенный рыцарь Кедехена.

— Вы уверены, что люди видели, как он входил сюда? — спросил Кедехен.

— Его никто не видел, мой король, — ответил Дростан, — но путь его бегства ведет сюда.

— Боги знают, что мы искали везде. Акмаэль!

Несмотря на трепет, Акмаэль восхищался внушительным телосложением и силой своего отца. Когда-нибудь он надеялся стать таким же, как Кедехен, которого уважали и боялись все жители Мойсехена. До тех пор он был обязан повиноваться.

Он расправил плечи и вышел на поляну.

Дростан первым заметил принца.

— Мой король, — рыцарь кивнул в сторону Акмаэля.

Черный взгляд Кедехена остановился на его сыне. Он заметил растрепанный вид Акмаэля и грязную одежду.

— Ради богов, сынок, что ты делал? Бился с медведем?

— Я... я был...

— Неважно, — сказал Кедехен. — Покажи мне медальон.

Неохотно принц подошел и вытащил серебряную паутину. Он не снял амулет с шеи.

Кедехен взял тонкий камень своими сильными пальцами. Выражение лица короля изменилось, взгляд смягчился, такого Акмаэль не видел с тех пор, как умерла его мать. Он давно понял, что это не знак привязанности, а скорее выражение неудовлетворенного желания Кедехена чувствовать привязанность.

— Что это за магия, вы сказали, мастер Церемонд? — спросил Кедехен.

— Не знаю, мой король. Однако я узнаю дело рук королевы. Предмет был создан ею.

— Конечно, — Кедехен повертел паутину в руке. — Когда твоя мать дала это тебе, Акмаэль?

— В мой день рождения, почти за год до ее смерти.

— Она рассказала тебе, как им пользоваться? Какие-нибудь заклинания или песнопения? Обряды, которые пришли с подарком?

— Нет, отец, — Акмаэль выдержал взгляд короля. Он говорил правду. Бриана ничего не рассказала о медальоне. Совсем другое дело, что Акмаэль только что открыл для себя его применение.

— Дростан, — позвал Кедехен рыцаря. — Ты знал магов лучше любого из нас. Взгляни на этот предмет и скажи мне, что ты думаешь.

Воин, обученный в Старых Орденах, сэр Дростан верно служил королю, когда против него восстали маги. Теперь Дростан обучал Акмаэля военному искусству. Акмаэль был высоким мальчиком, но сэр Дростан возвышался над ним, пока изучал паутину. Челюсть рыцаря дрогнула под густой рыжей бородой, и от его тела исходил слабый запах пота и

кожи.

— Я не видел ничего подобного, мой король, — Дростан выпрямился и отошел. — Ни среди знакомых мне магов, ни в последние дни Старого Ордена.

— Очень хорошо, — Кедехен кивнул. — Ты можешь оставить подарок себе, Акмаэль.

Сердце Акмаэля вздрогнуло. Он с трудом мог поверить в свою удачу. Неужели это будет так просто?

— Мой король, — возразил Церемонд.

— Это всего лишь драгоценность, мастер Церемонд, — сказал Кедехен. — Это не причинит Принцу никакого вреда. Даже если бы в нем была магия, я не могу поверить, что королева портит славу своего сына из могилы. Ты знаешь, чем она пожертвовала, чтобы родить его. Ты понимаешь лучше, чем большинство, выбор, который она сделала.

— Я уважаю вашу веру в нее, мой король, но не могу разделить вашу веру. Королева Бриана была ведьмой. Истинная дочь Восточной Селен.

— Да, — Кедехен положил твердую руку на плечо Акмаэля. — И благодаря ей наследие Восточной Селен теперь мое. Если этот медальон тревожит тебя, Церемонд, продолжай искать в своих записях. Если найдешь доказательства того, что серебряная паутина содержит подрывную магию, сообщи мне, и мы примем необходимые меры предосторожности. Пойдем, Акмаэль. Мы потратили достаточно времени на это дело. Ужин ждет.

Акмаэль поблагодарил отца и спрятал медальон в тайник, сдерживая волнение в своем сердце.

«В нем есть магия!».

Магия самого чудесного и загадочного рода.

Завтра он начнет исследовать весь потенциал дара своей матери. Он узнает, что определяет его пункт назначения и может ли он контролировать, куда идет. Может, он сможет вернуться к реке в лесу и снова найти ту девочку. Как ее звали?

Эолин.

У Акмаэля перехватило дыхание.

Он хотел бы увидеть ее снова, понял он.

Он бы этого очень хотел.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Исток магии

Эолин ворвалась в домик, запыхавшись.

— Почему ты не сказала, что учишь меня магии?

Застигнутая посреди приготовления их вечернего рагу, Гемена отложила нож и вытерла руки о потертый фартук. Карты предсказали этот момент. Они обещали, что Эолин увидит отражение своей силы в тени леса.

— Потому что ты боялась магии, Эолин. Ты родилась в мире, где женщины, занимавшиеся ремеслом, жестоко встретили свой конец. Ты обвинила свою магию и магию своей матери в гибели своей семьи и разрушении своей деревни. Ты бы ничему от меня не научилась, если бы я рассказала тебе, что делаю.

— Я не боюсь больше.

— Ты уверен?

Эолин открыла рот и снова закрыла его. Ее взгляд дрогнул и скользнул в пол.

— В твоих венах течет магия, — сказала Гемена. — Ты мельком увидела двери, которые она может открыть для тебя. Теперь, когда ты осознала свой потенциал, тебе нужно принять

решение.

Эолин подняла взгляд.

— Но если я уже изучаю магию, решение принято.

— Нет, Эолин. Я показала тебе путь. Это все. Путь, у которого может не быть будущего. Сейчас единственное место для маги за пределами этого леса — это костер. Если продолжишь следовать путям Старого Ордена, это может привести к мучительной смерти. Чем больше твоя сила, тем страшнее твое осуждение.

Эолин сложила ладони и внимательно их изучила.

— Но я не могу умереть здесь. Здесь нет дорог, поэтому никогда не будет солдат, и никто никогда не сможет прийти сюда, чтобы навредить мне или тебе. Да?

Эолин подняла свои темные глаза, робко и неуверенно, на Гемену.

— Милое дитя, — пробормотала старая мага. — Смерть найдет нас, где бы мы ни прятались.

Девочка судорожно вдохнула. Она поднесла пальцы к глазам, словно останавливая слезы. Через некоторое время она открыла лицо, расправила плечи и подняла голову.

— Ну что ж, — сказала она. — Полагаю, если мне суждено умереть, я лучше умру с магией внутри меня. Я не хочу умирать так, как погибли люди в моей деревне. Все они погибли страшной смертью. Я думаю, теперь для них было бы лучше умереть, изучив магию, чем умереть так, как они это сделали, вообще без магии.

Равновесие Гемены пошатнулось. Она отыскала ближайшую табуретку и опустилась.

Лесничий Варил упрекнул ее, когда она решила оставить Эолин. Варил назвал ее дурой, и, возможно, так оно и было. Сумасшедшей, одинокой старухой, не желающей расставаться с мечтой без будущего. Но, в конце концов, Гемена устояла. Она не встречала ребенка с таким врожденным талантом уже много-много лет.

А как насчет судьбы Эолин? Девушку должны были убить Королевские Всадники, ибо только в легендах люди выживали в тех бойнях. Она должна была погибнуть в лесу от голода или стать добычей волков и диких кошек. Воры — упаси боги — могли найти ее, расправиться с ней и оставить ее умирать. Южный лес простирался обширно и непроходимо во всех направлениях от деревни девочки. Тем не менее, благодаря гендам, Эолин прошла почти прямой путь к убежищу Гемены, где увлеклась магией, как птенец, который поднимается в воздух поздней весной.

Разве все это ничего не значит?

— Иди сюда, Эолин, — прошептала Гемена.

Девочка подошла и встала перед ней. За годы Эолин стала выше. Ее когда-то округлое лицо начало приобретать более тонкие черты юности. Четко очерченные брови гладкими дугами лежали над темными глазами. В ее лице была глубина, решимость, которая, как знала Гемена, сослужит Эолин хорошую службу.

— Ты будешь единственной, кто владеет этим знанием, Эолин. Ты будешь одинока, тебя будут бояться и ненавидеть многие. Ты уверена, что это то, чего ты хочешь?

— Да, — на этот раз Эолин ответила без колебаний. Вспышка в ее ауре подтвердила ее решимость. Гемена почувствовала то, чего не испытывала много лет: надежду. Мимолетное ощущение, что не все потеряно. Возможно, старые пути можно было восстановить. Возможно, слава магов все-таки не угаснет.

— Тогда мне есть, что тебе показать, — Гемена поднялась на ноги. — И что рассказать.

Распечатав потайную дверь рядом с очагом, Гемена открыла небольшую нишу,

заполненную немногими оставшимися анналами женской магии. Эти тома нашли здесь убежище от погребальных костров Мойсехена, тайно спрятавшись, когда маги убежали в Южные Леса.

Эолин ахнула, увидев их, и пошла за опекуной.

— Садись за стол, — сказала Гемена. — Здесь едва ли найдется место для всех этих книг, тем более для нас двоих.

Гемена выбрала из ниши увесистый том и опустила перед девочкой, раскрыв его богато иллюстрированные страницы.

— Что это? — пальцы Эолин скользнули по сложным символам, покрывавшим страницу. — Что они означают?

— Это особый вид Средней Магии. На простом языке это называется письмом. Это позволяет нам делиться мудростью между поколениями, и ты научишься интерпретировать ее в процессе обучения.

— Мама рассказывала мне о книгах. И письменности, и пергаментях. Я никогда не думала, что увижу их. Она сказала, что книги существуют только в укромных местах и что девочкам нельзя к ним прикасаться.

— Думаю, это место достаточно хорошо спрятано. Что касается разделения между книгами и женщинами, то это недавний поворот событий. Согласно традициям Старого Ордена, я бы показала тебе секреты этих страниц задолго до того, как научила бы тебя какой-либо другой магии. Но здесь, в Южном лесу, нам придется многое сделать по-другому. Сегодня ты начнешь следующий этап своего путешествия, Эолин. Сегодня ты узнаешь, как к нашему народу пришла магия.

Гемена перевернула страницу и начала читать:

Давным-давно, в стране, существовавшей до того, как время обрело смысл, жила женщина по имени Эйтна. Она выросла в мире обычных вещей. Растения хранили молчание. Животные двигались тайно. Ветер был тихим, и скалы лежали холодные и безжизненные на земле. Солнце бледно светило сквозь серые дни, а луна едва освещала беззвездные ночи. Эссенция Первобытной Магии преследовала землю, но люди не могли придать форму ее песне. Они страдали от голода и болезней, и Эйтне очень хотелось им помочь.

Эйтна часами размышляла над этой проблемой, пока однажды не заметила, что животные всегда здоровы. Зимой их темная шерсть была густой, а летом их дети были энергичны. Так она начала наблюдать за ними. Так она узнала от Медведя, какие ягоды вкусны, от Кабана, где искать вкусные грибы, от Белки, как выбирать орехи, а от Певчей птицы, как плести корзины. Это было началом Простой магии.

В то время молодой человек по имени Карадок влюбился в Эйтну. Эйтна, увидев, что Карадок понимает ее, влюбилась в него. Они соединили свою любовь под полной весенней луной, и жар их сердец зажег огонь в центре их деревни. Жители села собрались в страхе, чтобы наблюдать за пламенем. Сосновыми ветками они делили пламя так, чтобы каждая семья унесла по кусочку домой. Вот так огонь пришел к нашему народу.

Вместе Эйтна и Карадок открыли секреты Средней Магии. Радость их любви осветила мир, позволив им увидеть, что камни не холодны, а наоборот, дрожат мудростью веков. Растения и животные не молчат, а шепчут вечные тайны на хорошо подготовленное ухо. Эйтна и Карадок обучали Средней Магии всех, кто хотел ей научиться.

В это время боги из самых глубоких и высоких мест мира заметили Эйтну и Карадока,

и среди них выросло разделение. Некоторые боги увидели в их инициативе великую красоту. Они поняли, как магия освещала и улучшала жизнь жителей деревни. Но другие божества чувствовали угрозу.

— Должны ли мы позволить им продолжать идти по этому пути? — возмутились они. — Стать богами, как мы?

Вдохновленные этим разделением, боги послали двух посланников к Эйтне и Карадоку, каждый из которых представлял разные стороны их спора.

Первый вестник, Гром, преследовал влюбленных по лесу и наполнил их сердца страхом. Эйтна и Карадок нашли убежище в небольшой пещере в горах. Гром бушевал по холмам в поисках их, но, в конце концов, сдался и стих.

В последовавшей тишине Эйтна и Карадок поняли, что они не одни. Змей-дракон сидел в пещере и наблюдал за ними серебряными глазами. Как и все змеи, Дракон говорил только сквозь тишину, но Эйтна и Карадок, давно привыкшие слушать животных, с легкостью приспособились к этому диалекту.

— Не бойтесь, — сказал Дракон. — Боги, пославшие меня, находят удовольствие в вашей магии. Они предлагают вам дар Высшей Магии, чтобы вы могли использовать его для процветания своего народа.

— Гром сказал нам, что боги недовольны и мы больше не можем использовать магию, — возразил Карадок.

— Боги Грома ревнивы и напуганы, — ответил Дракон. — Они считают, что ваша сила угрожает их владычеству. Вам нечего их бояться. Если вы выберете этот путь, я покажу вам, как защитит себя от их гнева.

Карадок колебался, но Эйтна выступила вперед и спросила:

— Что нам делать?

Дракон приказал Эйтне принести три элемента, а Карадоку — четыре. Он отправил на поиски Эйтну на восток, а Карадока — на запад. Через три дня оба вернулись, выполнив задание. Дракон помог каждому из них выковать из этих элементов свой первый посох. Затем он дал им единственную команду:

Практикуйте магию, как хотите, но не причиняйте вреда этим даром.

— И вот как магия была дана нам, — Гемена закрыла книгу с тихим благоговением.

Эолин протянула руку, чтобы остановить ее.

— Но что было дальше?

— О, — старуха улыбнулась и поймала пальцы девочки в свои. — Остальная история. Но это слишком много для одного урока. Мы продолжим в другой день.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Изменение облика

— Я была выдрой, ястребом, дубом, полевым цветком, черепахой, волком, жуком, северным гусем и кроликом! — Эолин поймала нижнюю ветку речной ивы одним прыжком. Она оттолкнулась, чтобы сесть там, ее ноги болтались над Акмаэлем. У девушки была гибкая фигура почти без изгибов, как кусок тонкого ясеня, пригодный для изготовления сильного лука. — А ты? — спросила она.

— Я тоже был волком, — Акмаэль взобрался на ствол, чтобы сесть рядом с Эолин, но она продолжила взбираться по дереву. — Мастер Церемонд также превращал меня в лису, паука, змею, рысь, медведя и барсука.

Эолин посмотрела на него с озадаченным выражением лица.

— Как странно.

— Странно? — Акмаэлю его список показался впечатляющим, а не странным.

— Они все хищники, — сказала она. — Ты когда-нибудь был тростью или чем-то в этом роде?

— Когда-то я был стрекозой.

— Это тоже хищник.

Акмаэль пожал плечами и ухватился за большую ветку обеими руками, чтобы подняться выше.

— Однажды я попросил превратить меня в оленя, но мастер Церемонд отказался. Он сказал, что послушные животные — пустая трата моего времени.

— Это вздор. Гемена говорит, что практикующие магию должны принять в свое ремесло различных духов. У оленей совсем другой образ жизни, чем у хищников. Как может быть пустой тратой времени учиться у оленя?

— Мастер Церемонд говорит, что моя судьба не оставляет места для образа жизни подчиненных существ.

— Подчиненных? — в голосе Эолин вспыхнул гнев. — Олени не подчиняются. Олени могут прекрасно обходиться без волков, кошек и медведей, но найти хищника, который может жить без своей добычи? Вот это было бы впечатляющее волшебство.

— К сожалению, тебя не было рядом, чтобы поспорить с мастером Церемондом.

— Он бы все равно меня не послушал, — Эолин уселась на высокую ветку и раздраженно вздохнула. — Я не знаю, как ты терпишь Церемонда. Все, что ты мне о нем рассказываешь, неприятно, и он дает тебе самое скучное образование. Я не могу представить превращение только в хищников.

— Церемонд — великий волшебник, — возразил Акмаэль. — И единственный Мастер оставшийся в Королевстве. Отец говорит, что мне повезло быть его учеником.

По правде говоря, Акмаэль не любил своего властного наставника, но отношение Эолин его раздражало. Не ей было ставить под сомнение подготовку Акмаэля. Возможно, у Церемонда был мрачный характер, но принц уважал то, чему учил мастер. Власть над магией однажды сделает Акмаэля могущественным королем, возможно, самым могущественным в мире.

— И все же, — сказала Эолин. — Когда ты станешь Высшим Магом и научишься вызывать изменение формы самостоятельно, ты должен превратиться во что-то помимо хищника. Что-нибудь интересное.

Акмаэль уже достаточно хорошо знал Эолин, чтобы понимать, что они будут спорить о Церемонде весь день, если он не сменит тему.

Об этой ситуации нужно будет сообщить в ближайшее время.

Эта мысль причиняла Акмаэлю боль, потому что он знал, что это будет означать конфискацию серебряной паутины и конец его приключениям в Южном Лесу. Тем не менее, долг есть долг. Старуху Гемену придется арестовать и сжечь. Что касается Эолин, возможно, ее можно было бы вернуть в Королевский город и поместить в знатную семью.

Акмаэль позаботится о том, чтобы девушке не причинили вреда. Вряд ли она была виновата в том, что ведьма обучала ее магии, а она была еще достаточно молода, чтобы забыть свои силы.

«Возможно, я даже смогу убедить отца взять ее под свое крыло, как он сделал с магом Кори».

Двоюродный брат Акмаэля, Кори из Восточной Селен, был спасен в детстве благодаря вмешательству Брианы. Значит, Кедехен мог проявить милосердие, когда на него находило настроение, а кто не хотел бы быть милосердным по отношению к такой девушке, как Эолин?

Акмаэль переместился на широкую ветку и стал смотреть, как кобальтовое небо мерцает сквозь зеленые листья. Гладкая кора холодила спину, а аромат нагретых солнцем трав доносился с земли. Принцу-магу нравился ровный гул Южного Леса. Здесь под землей текла глубокая магия.

— Я бы и не подумал о дубе, — он прикрыл глаза от солнечного света, чтобы посмотреть на Эолин. — Я бы и не подумал превратиться в дерево или любое другое растение, если уж на то пошло. На что это похоже?

— Это самое великолепное приключение, — она перебралась на ветку ниже и села рядом с ним, рыжеватые кудри сверкали на солнце. — Ты, я и животные привыкли к тяжестим плоти на наших костях, но для деревьев все по-другому. Дерево ловит воду веером своих корней, собирает ее по каплям, и она бежит непрерывной рекой вверх по стволу. Река разделяется на ветки, а затем на листья, пока вода не разлетится на тысячи крошечных капелек. Когда превращаешься в дерево, возникает ощущение, что ты плывешь между водой на земле и водой в небе. Ветер обвивает твои ветки, и ты чувствуешь, как почва струится сквозь твои корни. Когда светит солнце, ты постоянно чувствуешь себя сытым, но не в том смысле, в каком мы ощущаем себя после обильной еды. А ночью...

Ее голос дрогнул.

Акмаэль, который в какой-то момент закрыл глаза во время ее речи, открыл их и обнаружил, что Эолин смотрит на него с любопытством.

— Что такое? — спросил он.

— Я думала, ты собираешься это сделать.

— Что сделать?

— Изменишь облик. Знаешь, ты начал мерцать.

— Да? — Акмаэль осмотрел свои руки. Он что-то почувствовал, понял он. Покалывание в центре живота, легкая волна магии в ногах. — Ты уверена?

— Да. Ты собирался изменить облик. Я видела, как это делает Гемена. У тебя было точно такое же мерцание, как у нее перед тем, как она меняет облик.

— Должно быть, так это делается! — заявил Акмаэль. — Ты представляешь существо, в которое хочешь превратиться. Но кто призвал магию? Это была ты или я?

— Я думаю, это были мы оба. Думаю, мы сделали это вместе.

— Фантастика! — Акмаэль хлопнул в ладоши. — Мы должны попробовать еще раз!

Они слезли с высоких ветвей. Остаток дня Акмаэль и Эолин пытались превратить друг друга в камни, белок, птиц, волков, кусты, рыб, лягушек, черепах и во все, что только можно было придумать. Время от времени им удавалось достичь неуловимого мерцания между их обликом и желаемой формой, но они не добивались истинного изменения вида.

— Интересно, чего не хватает, — спросил Акмаэль, разочарованный очередной неудачной попыткой. — Особого пения или заклинания? Какой-то травы, гриба, или настойки?

— Возможно, нам нужны посохи. Только Высшие Маги и маги могут менять облик, и у всех них есть посохи.

— Возможно, — Акмаэль не был убежден.

— Мы в любом случае научимся, как только станем Посвященными и начнем изучать Высшую Магию.

Акмаэль стал серьезным.

— Ты не можешь пройти через это, ты же знаешь. Ты не можешь изучать Высшую Магию.

— Почему нет? У меня не было никаких проблем с изучением Средней Магии.

— Ты прекрасно знаешь, почему нет. В королевстве для тебя не будет безопасного места, если ты будешь практиковать магию. Уже того, что ты знаешь, достаточно, чтобы приговорить тебя к сожжению.

— Гемена научит меня защищать себя так же, как Дракон научил Эйтну и Карадока.

— Ты не знаешь, с чем столкнешься! Орден Церемонда, Совет, воины моей... Королевской армии. Гемена даже не показала тебе, как пользоваться ножом, не говоря уже о том, чтобы научить тебя магии военного времени.

— У меня будешь ты, — сказала Эолин. — Я не знаю других магов, с которыми можно было бы сравнить тебя, но очевидно, что у тебя очень мощная магия. А Гемена говорит, что один друг может все изменить во враждебном мире.

Это заявление повергло Акмаэля в неловкое молчание. Тайно дружить с Эолин в Южном лесу было легко. Встать на защиту женщины Эолин, Верховной Маги и угрозы миру в королевстве его отца... это совсем другое дело.

— А просто говорю, что если ты продолжишь идти по этому пути, это станет для тебя очень опасно, — настаивал он. — Женщинам больше не следует практиковать Высшую Магию. Это неприемлемо.

Эолин уставилась на него так, словно он ударил ее по лицу. Она встала и отошла, глаза горели от ярости.

— Ты действительно в это веришь? — спросила она.

— Нет. Я не знаю, — интенсивность ее реакции застала его врасплох. — Просто все знают, что женская магия неверна. Маги навлекли смерть на это королевство, на их семьи и даже на собственных сестер.

Щеки Эолин побледнели. Она сложила руки и повернулась к нему спиной. Очень долго она не разговаривала.

Таинственная тревога вспыхнула в сердце Акмаэля.

— Уже поздно, — сказала Эолин утомленным и жестким голосом. — Мне следует отправиться домой.

В одно мгновение Акмаэль вскочил на ноги и оказался рядом с ней.

— Подожди, Эолин. Я имел в виду... Я имею в виду, что если ты должна изучать Высшую Магию, то, по крайней мере, научись защищать себя. Я могу научить тебя, если хочешь.

«Что я говорю?».

В конце концов, он только усложнит ситуацию.

— Конечно, я сам еще ученик, — неловко добавил он. — Но я мог бы показать тебе кое-что, например, как метать нож и как держать меч.

Эолин смотрела на него снизу вверх, словно сквозь невидимую преграду. Акмаэль уловил тревогу в ее ауре. С любым другим человеком он взял бы этот страх и сделал его своим, как учил его мастер Церемонд. Но он не мог сделать этого с Эолин. Что-то глубоко внутри причиняло ей боль, когда она так на него смотрела.

— Я не предаю тебя, Эолин, — пробормотал он. — Этого я делать не буду.

Верила ли она ему?

Он не мог сказать.

Не говоря ни слова, Эолин ушла, слившись с тенями Южного Леса.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Церемонд

С того момента, как Кедехен взял Бриану в жены, и до того дня, когда воительница-мага сразил ее, Церемонд наблюдал за ситуацией с неустанным вниманием.

Кедехен всегда поражал волшебника своим ясным и уравновешенным мышлением, но когда дело касалось черноволосой волшебницы из Восточной Селен, король, как правило, терял разум. Напряжение, связанное со сдерживанием силы Королевы Ведьм все эти годы, настолько проникло в жизнь Церемонда, что он не осознавал своего истощения до того дня, когда Боги освободили его от долга.

«Как интригует ирония моего избавления, — часто размышлял он, — что мага-воительница положила конец самой беспокойной ведьме из всех».

Убрав Бриану с дороги, Церемонд обратил свои надежды на возможность появления новой королевы и подходящих наследников. Хотя Акмаэль унаследовал дар своей матери к магии, он не обладал качествами настоящего короля. Его мятежный характер мешал его продвижению в колдовстве, а насильственная смерть его матери только усугубила ситуацию.

Пока Акмаэль оставался единственным наследником Кедехена, королевство было в опасности. Однако после убийства Брианы прошло уже три года, а король все еще отказывался искать другую невесту.

Теперь, когда Церемонд сидел на совещании с остальными членами Совета, будущее его народа тяготило его сердце.

Совет собрался вокруг длинного полированного дубового стола в самой большой из прихожих королевских покоев. Двенадцать Высших Магов занимали места в Совете, среди них было много лучших учеников Церемонда. Комнату украшали военные и магические артефакты. Восточную стену покрывал изысканный гобелен, изображающий явление Дракона древнему вождю Вортингену. Большие окна вдоль южной стены обеспечивали стратегический вид на холмистые равнины Мойсехена, зеленеющие под лучами позднего летнего солнца.

— Принц продолжает быстро прогрессировать, мой король, — говорил сэр Дростан. — Если он сохранит сосредоточенность, которую показывал в последние недели, из него выйдет свирепый воин и способный лидер.

— Его внимание вернулось, — сказал Церемонд, — но его упрямство не исчезло.

Внимание Совета переключилось на волшебника, как это всегда бывало в тот момент, когда он решал заговорить.

— Он борется со своими наставниками на каждом шагу, бросает вызов нашей мудрости на каждом шагу, — продолжил Церемонд. — Его навыки в магии не вызывают сомнений, но ему трудно понять более глубокие истины того, чему мы учим. Он трудный ребенок, мой король, и меня беспокоит, что будущее этого королевства лежит исключительно на его плечах.

— При всем уважении, мастер Церемонд, — сказал сэр Дростан, — я считаю, что одаренный ученик должен бросить вызов своим учителям. В самом деле, было бы гораздо большим беспокойством, если бы вопросов принца Акмаэля было слишком мало, а не

слишком много.

— Он исчезает, мой король, — Церемонд не сводил глаз с Кедехен. — На длительные периоды времени. Иногда может пройти целый день, когда никто не знает, где он.

— Эти отлучки не мешали его урокам, — настаивал рыцарь. — Для мальчика четырнадцати лет естественно исследовать мир. Он принц, а не заключенный.

— Сэр Дростан, я говорю в интересах принца Акмаэля, — Церемонд повернулся к рыцарю. — Молодой маг, оставшийся без присмотра, может попасть под множество злых влияний даже в этих залах.

Дростан вдохнул, будто собираясь что-то сказать, затем замолчал, почтительно кивнув. Перед войной этот рыцарь тренировался у магистров Старого Ордена, слабых волшебников, чье потворство женской магии едва не привело Мойсехен к гибели. Хотя его доблестная служба завоевала доверие короля, Дростан не был настолько глуп, чтобы спорить с Церемондом в вопросах подрывной магии. По крайней мере, не на открытом совете.

— Я подозреваю, мастер Церемонд, что пламя женской магии погасло как в этих залах, так и снаружи, благодаря вашим кропотливым усилиям, — сказал Кедехен. — Суды и казни за колдовство теперь редкость в Мойсехене.

Церемонд принял комплимент короля любезным кивком.

— Усердие наших магов в поиске и уничтожении женской магии сослужило нам хорошую службу, а надзор со стороны магистратов в провинциях является образцовым. Тем не менее, тень маг цепляется за эту землю. Наши гадальные инструменты посылают противоречивые сообщения относительно нашего успеха. С одной стороны, они указывают на то, что с Орденом Маг покончено. С другой стороны, они настаивают на том, что скоро наступит новая эра женского колдовства.

— И что вы думаете об этом противоречии? — спросил король.

— Я полагаю, ваша светлость, что грядущая угроза будет настолько новой для нашего опыта, что мы можем ее не распознать. Мы охотимся на маг старыми методами. Нам нужны новые стратегии для поиска ведьм, предсказанных нашими прудами видения и священными символами.

— Конечно, — король погладил бороду. Его темный взгляд метнулся через стол к магу Цетобару. — У вас есть что добавить к наблюдениям мастера Церемонда?

— Я разделяю его беспокойство, мой король.

Круглые щеки Цетобара, казалось, постоянно горели под густой светлой бородой. Как и Дростан, он обучался у Старых Орденов, но Цетобар часто проявлял большую мудрость и благоразумие в делах, которые предстояло решать Совету.

— То организованное сопротивление, которое существовало после войны, давно рухнуло в ходе чисток, — сказал Цетобар. — Там, где память о великом конфликте еще не угасла, работает страх. Внимание людей вернулось к сельскому хозяйству, торговле и ремеслам, но мы достигли шаткого мира. Нельзя легкомысленно относиться к возможному возрождению любой подрывной магии.

За столом пронесся общий ропот согласия.

— Могу ли я сделать предложение, мой король? — теперь заговорил Верховный Маг Телин.

Самый молодой член Совета, Телин, мог похвастаться поразительным выражением лица, подчеркнутым редкой бородкой. Один из немногих, добившихся после войны звания Высшего Мага, был отличником с острым умом. Церемонд порекомендовал его королю,

полагая, что Телин внесет большой вклад своим пониманием сложных тайн Первобытной Магии.

— Я считаю, что было бы разумно начать всестороннее изучение альтернативных форм магии, — сказал Телин. — Магия в том виде, в каком она практикуется за пределами этой земли, например, у сырнте или горцев. Эту идею я подробно обсуждал с некоторыми другими Высшими Магами. Такая попытка может дать нам лучшее представление о том, что искать.

— Интересная рекомендация, — признал король. Это был тот проект, который понравился Кедехену. Хотя у него не было естественных способностей к магии, его жажда знаний заставляла его работать усерднее, чем любой ученик, которого когда-либо учил Церемонд, превратив молодого принца в грозного волшебника. — Что вы думаете, мастер Церемонд?

— Я поддерживаю предложение мага Телина, мой король. Как он сам упомянул, мы долго это обсуждали.

— Работа, которую предлагает Телин, должна выполняться с большой осторожностью, — Цетобар, всегда осторожный, вмешался. — Мы были бы благоразумны, если бы скрыли наши усилия под маской дружбы, сотрудничества и обмена магическими традициями.

— Очень хорошо, — сказал король. — Позаботьтесь о том, чтобы это было сделано, мастер Церемонд. Я ожидаю периодических отчетов о вашем прогрессе.

— Конечно, мой король.

Кедехен хотел отпустить их, но Цетобар неуверенно поднял свою румяную руку.

— Если позволите, мой король?

Кедехен кивнул и откинулся на спинку стула. Голубые глаза дипломата ненадолго встретились с глазами Церемонда, прежде чем вернуться к регенту.

— Я подумал, что мы могли бы использовать эту возможность, чтобы проанализировать предложение, сделанное королем Рёнфина, — сказал Цетобар.

Широкие плечи Кедехена напряглись.

— Я уже принял решение, маг Цетобар, как вы хорошо знаете.

За столом повисла напряженная тишина. Церемонд поерзал на своем месте. Если Цетобар не мог решить этого, то, возможно, никто не мог.

— При всем уважении, мой король, — настаивал краснолицый маг. — Третья принцесса Рёнфина — очень подходящая пара, добродетельная дева превосходного происхождения, и ее отец предлагает щедрое приданое в виде имущества и территорий. Есть много преимуществ в этой возможности и много рисков в отказе от нее. Среди прочих соображений вы должны знать, что это не... — Цетобар кашлянул. — Неблагоразумно позволять будущему корону зависеть от одного наследника.

— Судьба моего сына не подлежит сомнению, — сказал король. — С ним слава Вортингена и волшебство Восточной Селен слились в один сосуд. Мне не нужны другие наследники.

— Мой король, — осторожно произнес Церемонд, придавая своему голосу искреннее беспокойство. — Я согласен, что этот мальчик, если Боги продолжают благоволить к нему, мог бы стать величайшим Магом и Королем, когда-либо ходившим по этим землям, но мы должны позаботиться о собственной гордыне и высокомерии. Что было бы, в конце концов, если бы ваш отец возлагал все свои надежды на старшего сына?

Кедехен резко встал и отошел от стола. Его челюсть работала за жесткими чертами лица. В течение нескольких минут единственным звуком был тяжелый стук его ботинок, пока он ходил.

Вопрос Церемонда горел в воздухе между ними. Трое братьев Кедехена погибли до того, как на него легла тяжесть короны. Опыт показал, что одного наследника мало. Что, во имя богов, мешало Кедехену признать это? Сама мысль о том, чтобы принять еще одну королеву, казалось, наполняла его отвращением, необъяснимым для принца Вортингена.

«Возможно, он действительно любил ее».

Как ни маловероятно это казалось. Бриана прожила свои последние годы как пленница Кедехена, заключенная в Восточную башню за дверьми, запечатанными магией.

И все же, если между ними не было любви, какая сила удерживала короля от того, чтобы взять в свою постель еще одну принцессу? Какое другое объяснение могло быть у этой странной привязанности, превосходящей саму смерть?

Король занял решительную позицию перед ними, сильные руки вцепились в спинку стула.

— Я не желаю никакой другой королевы и не нуждаюсь в дополнительных наследниках. Принц-маг Акмаэль примет корону Вортингена, и через него продолжится род моих отцов. Вы можете передать это сообщение королю Рёнфина: его предложение отклонено. Я не потерплю дальнейшего обсуждения этого вопроса.

С тем Кедехен ушел, и Совет был закрыт.

Испытывая искушение уронить утомленную голову на руки, Церемонд сохранял самообладание. Он встал и подобрал свой рябиновый посох. Он безмолвным кивком отметил усилия Цетобара.

И снова они потерпели неудачу, но Церемонд не терял надежды. Боги завели его так далеко в его стремлении исцелить страну от женской магии и защитить ее будущее от любого возрождения. Был только вопрос времени и настойчивости, пока Дракон не покажет ему другой путь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Три Реки

— Я хочу быть магой-воином, как моя мать, — голос Эолин прорезал прохладный утренний воздух.

Гемена собрала горсть стручков фасоли, положила в свою корзину и несколько минут наблюдала за подопечной. Досада отмечала каждое движение Эолин, пока она вырывала морковь из мягкой земли.

— Но войны нет, — ответила Гемена. — Зачем изучать военное искусство, если не существует войны, в которой можно было бы его применить?

— Это поможет мне защититься от тех, кто накажет меня за мою магию и... — Эолин вытащила из земли еще одну морковку и бросила ее в свою корзину. — Это послужило бы мстью за разрушение моей деревни и убийство моей семьи.

— Существует множество стратегий самообороны, не требующих магии военного времени. Что касается мести, кто говорит тебе о таких вещах? Импульсу мести нет места в этом доме, не говоря уже о твоих уроках.

Гемена с тревогой восприняла угрюмое молчание девушки. Взмолвленное свечение окрасило ауру Эолин, сопровождаемое неожиданной искрой, которую Гемена не замечала до этого момента.

— У тебя есть друг, о котором ты мне не говорила, — с удивлением поняла она. — Кто бы мог подумать? Ребенок в этом уголке леса. И секрет, который ты решила скрыть от меня.

Эолин по-прежнему молчала. Она сжала в кулаке еще пучок морковной зелени и сильно потянула. Напряжение сморщило лоб девушки, и пот ее усилий увлажнил тонкие корни ее волос.

— Почему ты мне не сказала? — настаивала Гемена.

Земля неожиданно выпустила морковку, отбросив Эолин. Она долго смотрела на овощ, а затем бросила его в корзину.

— Он попросил меня не делать этого.

— О, ради любви к богам! — Гемена воздела руки к небу. — Что такого в мужчинах, что они чувствуют девственницу на таком расстоянии? Кто он, Эолин? Сын лесника? Он не может быть вором, иначе я давно бы потеряла тебя в какой-нибудь ужасной судьбе.

— Он не вор и не лесник. Он просто мальчик, который приходит в лес, изучает магию, как и я.

Слова ударили Гемену в живот. Земля качнулась, и ее зрение затуманилось. Она поймала себя на нетвердых руках и попыталась отдышаться. В ее легких появился резкий хрип.

Эолин поспешила положить руки на спину старухи, но исцеляющая сила девушки не созрела настолько, чтобы проникнуть в хрупкие ребра Гемены.

— Маг! — Гемена ахнула. — Но как? Откуда он взялся?

— Я точно не знаю, — Эолин казалась растерянной. — Он просто появляется. Он сказал мне, что живет в таком же лесу, как этот, только все из камня. Гемена, что не так? Куда исчезло твое дыхание?

Старая мага закрыла глаза. Ее голова упала на дрожащие руки. Только одно место можно было назвать каменным лесом, великий город Мойсехен, Королевский город. Ученик Церемонда каким-то образом пересек королевство, проник в Южный лес и нашел Эолин.

«У меня нет сил на данном этапе жизни противостоять бедствию такого масштаба».

Гемена подняла лицо и обнаружила, что оно мокрое от слез.

— Ты не можешь больше его видеть. А мы должны немедленно покинуть это место и искать новое убежище.

Пока она говорила, Гемена осознавала невыполнимость этой задачи. Варил не вернется до весны, а Гемена была слишком стара, чтобы двигаться без его помощи. Пройдет не менее двух месяцев, прежде чем зима сделает Южный лес непроходимым. Если маги хотят выследить их, они могут сделать это до Самайна.

Она глубоко вдохнула.

— Возможно, мы сможем найти для тебя новое место, Эолин. Где-то спрятаться в ближайшие месяцы. Ты можешь снабдить его припасами из дома и дожидаться весны, чтобы найти другой путь. Я слишком стара, чтобы просить о продлении жизни. Если они найдут меня, мало что будет потеряно. Но ты не можешь умереть сейчас. Ты должна бежать и прятаться.

— Нет, Гемена, — запротестовала Эолин. — Я не оставлю тебя.

— У тебя нет выбора! Тебя нашел ученик Церемонда. Он предаст тебя, если уже не предал.

— Это не правда! Он обещал никогда не предавать меня. Он хочет только защитить меня. Он даже предложил научить меня, как защититься!

Гемена пронзила Эолин взглядом.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она, каждое слово было резким и зловещим.

Эолин отвела взгляд. Румянец залил ее щеки.

— Он хочет немного научить меня драться. Как метать нож. Как держать меч.

— Значит, ты хочешь умереть, как маги Старого Ордена, — горько заключила Гемена. — На поле боя, наблюдая, как кровь течет из твоих отрубленных конечностей.

— Нет, Гемена! Просто... я боюсь. Что будет, если я когда-нибудь покину этот лес? Как я узнаю, кому доверять? У кого я буду искать защиты, если не смогу защитить себя? А Ахим уже так многому меня научил, не только в бою, но и о Церемонде и короле, и о мире за пределами этих лесов.

— Не важно. Даже если он сможет сохранить верность вашей дружбе — чего он не может — в его Ордене есть другие, которые при малейшем намеке на твое существование сделают все возможное, чтобы уничтожить тебя. Ты должна немедленно положить конец этой «дружбе».

— Я не могу, — взмолилась девочка. — Не проси меня об этом, Гемена, пожалуйста! Он был таким замечательным компаньоном. Он единственный мой друг, кроме тебя. Мы знаем друг друга уже много месяцев. Все лето мы были вместе. Ты не думаешь, что он уже предал бы меня, если бы это было его намерением? Пожалуйста, Гемена, я не могу вынести мысли о потере еще одного друга. Не сейчас. Пожалуйста.

Гемена крепко прижала пальцы ко лбу. Ее внутренний голос был слабым по сравнению с собственным беспокойством и мольбами девушки.

— Ты сама сказала, — продолжала Эолин, — что в Великой войне были маги, которые поддерживали маг, которые сражались вместе с ними против Короля и Церемонда. Что, если мой друг похож на этих магов? Что, если ему суждено помочь мне, когда придет время?

— Твой друг — не маг Старого Ордена! — рявкнула Гемена. — Старые порядки мертвы. Церемонд позаботился об этом.

Эолин погрузилась в растерянное молчание.

Садовые растения шевелились под осенним солнцем. Насекомые жужжали среди листьев и ветвей, равнодушные к надвигавшемуся кризису.

Гемена взяла руки Эолин в свои крючковатые пальцы. У девушки были длинные пальцы, уже окрепшие от работы и магии.

— Большую часть своей жизни, Эолин, я верила в аксиому Старого Ордена, что в этом мире нет зла, кроме того, которое мы создаем по собственному выбору. Церемонд все изменил. Его волшебству не было места в традициях Мойсехена, и все же он появился от нас, обученный нашими собственными мастерами. Он всегда направлял магию только в разрушительных целях, но Боги оставляют его безнаказанным. Он нарушил величайший запрет нашего народа и научил магии человека королевского происхождения. Когда этот принц принял корону, и маги подняли протест, Церемонд не просто победил их. Он уничтожил всех своих соперников, как магов, так и маг. Он разрушил старые пути и создал свой собственный порядок. Теперь единственная магия, оставшаяся у нашего народа, находится под его контролем. У Церемонда нет учеников, Эолин. У Церемонда только марионетки, и твой друг — одна из них.

— Ахим не марионетка! Это не так, Гемена. Он мой друг.

Гемена вздохнула, увидев упрямое выражение лица Эолин. Она знала этот решительный взгляд. Она отточила это.

— Ты всегда была таким послушным ребенком. Почему ты предпочитаешь быть сложной именно в этом?

Выражение лица Эолин смягчилось. Она пожала плечами и опустила взгляд.

— Сегодня вечером я сверюсь с картами, Эолин. Завтра решим, что делать. До тех пор ты не должна ходить в лес. Ты должна остаться здесь, со мной.

* * *

В тот вечер, оставшись одна в своей крошечной комнате, Гемена взяла свою потертую колоду и расстелила дугой в свете одинокой белой свечи.

Десятилетия назад странствующая ведьма-сырнте оставила эти иллюстрированные пластины *дуайен* в качестве подарка. Со временем она научилась их интерпретировать, и с тех пор, как она бежала из Мойсехена, они были ее постоянными спутниками.

После медитации Гемена выбрала для чтения три предмета: отполированный черный камень, перо певчей птицы и сломанный нож. Закрыв глаза, она провела старческими пальцами по картам в поисках эфемерной вибрации.

Первую она вытащила для Эолин.

Товарищество. Две ведьмы играют на открытом лугу. Солнце садится на западе, а луна восходит на востоке.

Глаза Гемены повлажнели. Это был не тот ответ, которого она искала. Риск казался слишком большим. Тем не менее, карты редко вводили ее в заблуждение. Должна ли она сомневаться в них сейчас?

Вернув пальцы на дугу, она вытянула себе вторую карту.

Трансформация. Одинокая ведьма пересекает реку, словно по воздуху, с запрокинутым лицом. Звезды освещают ее путь.

Сердце Гемены замедлилось. Она положила руки на шершавую поверхность стола.

Столько лет она прожила, столько опыта накопила. И все же в этот момент при мерцающем свете свечи возраст и мудрость казались недостаточными, чтобы противостоять истинному смыслу этого образа.

«Боги скоро позовут меня домой».

Ей самой эта новость показалась почти утешительной, но что станет с юной Эолин, когда она уйдет? И как она могла научить девочку всему, что ей нужно было знать, прежде чем пересечь Равнины Мертвых?

— Сколько у нас есть времени? — прошептала Гемена.

Колода ответила двумя картами.

Для Эолин три реки.

Для Гемены семь деревьев.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Секрет Акмаэля

За несколько недель до Самайна магистрат Селкинсен привез в город девушку, обвиненную в колдовстве.

По просьбе короля принц Акмаэль наблюдал за ее судом. Она была молода, как Эолин, уже не девушка, но и не совсем женщина, с льняными волосами и испуганными голубыми глазами. Ее родители, известные купцы, плакали и бушевали перед судом, заявляя о ее невинности, но, в конце концов, девушка созналась под пытками.

Когда они уводили ее перед тем, как суд вынес приговор, Акмаэль мог видеть только Эолин, ее распухшее и обесцвеченное лицо, волосы спутались от крови, конечности были

сломаны и искривлены, так что они больше не служили ей.

В ночь перед тем, как девушка сгорела, Акмаэль не мог уснуть от мысли о том, что его Эолин была брошена стражникам, как кусок мяса на растерзание, чтобы она не умерла девственницей.

Принц не видел такого насилия над ведьмой со времен суда над женщиной, убившей его мать. Эта рыжеволосая убийца совершила непростительное преступление. По мнению Акмаэля, она заслужила каждое мгновение навязанных ей страданий.

Но эта девушка из Селкинсен, какое преступление она совершила, чтобы подорвать мир в королевстве? Какую угрозу она действительно представляла?

Ревностная ярость уничтоживших ее магов отрезвила Акмаэля и заставила его пересмотреть свой план привести Эолин в город. Как принц, он не имел реальной власти вмешиваться в вопросы магического права, и если он не смог заручиться симпатией своего отца, что стало бы с его другом?

Так прошла зима, за ней весна и снова лето, а Эолин по-прежнему оставалась его тайной в Южном лесу. Как долго он сможет выдержать такое положение, Акмаэль не знал. Могли пройти годы, даже десятилетия, прежде чем Боги сочтут нужным призвать его отца домой и отдать ему Корону. Каждый день, проведенный Эолин в Южном лесу, был еще одним днем, потерянным из-за разлагающего влияния этой старухи. Но если Эолин покинет лес, маги Церемонда смогут найти ее. Когда это произойдет, она может быть навсегда потеряна для Акмаэля.

— Это кажется неправильным, — разочарованная, Эолин воткнула лезвие в землю и принялась ходить вокруг него. Пот блеснул на ее согретой солнцем коже и пропитал корни каштановых волос. — Я не могу этого сделать, Ахим. Я не могу драться мечом.

— Ты только начала. Требуется много времени и практики, чтобы умело обращаться с мечом.

— Дело не в тренировках. Это происходит, когда я чувствую металл в своих руках. Что-то внутри меня отвергает все, что я пытаюсь с этим сделать.

Акмаэль не мог отрицать правду ее наблюдения. В тот момент, когда она бралась за рукоять, естественная скорость и равновесие Эолин покидали ее. Весь день ее движения были неуклюжими и вынужденными. Похоже, она сражалась против оружия, а не с ним.

Эолин снова подняла меч, вложила его в ножны и протянула ему.

— Нет, — Акмаэль покачал головой. — Это оружие твое.

Это был первый меч, которым он пользовался, маленький, предназначенный больше для тренировок, чем для боя. Акмаэль давно отказался от него в пользу более длинных клинков, но он был хорошо сделан. Он выбрал это оружие для Эолин, зная, что его легкий вес идеально ляжет в ее сильные руки, и что его пропажу из арсенала замка не заметят.

— Я не могу принять твой меч, Ахим. Как ты будешь драться без него?

Он рассмеялся.

— У меня много других мечей. Однажды я унаследую меч отца, и тогда я буду использовать только его. Тебе нужно практиковаться, Эолин. Держи меч.

— Можем ли мы просто визуализировать еще один для меня?

— Меч невозможно визуализировать. Магия не может быть использована для создания оружия войны.

— Почему нет?

Акмаэль пожал плечами.

— Сэр Дростан говорит, что это потому, что магия и война имеют разные корни, магия была дана Карадоку, а война — предкам Вортингена. Но, может, они просто еще не открыли, как это сделать.

— Даже если я сохраню этот меч, куда его положить? Гемена уничтожит его, если найдет в доме.

— Ты можешь спрятать его здесь, в лесу.

— Тогда какой-нибудь вор или лесник может наткнуться на него и забрать.

— Я знаю простое заклинание, позволяющее вонзить меч в камень, чтобы только ты смогла снова его вынуть. Мы можем использовать один из валунов у подножия хребта Рыси.

Эолин вынула клинок из ножен и оставила его в руке. Металл отражал осенние листья и голубое небо. Она изучала инструмент, внимательно прислушиваясь к его серебристому гудению.

— Такой странный звук — язык мечей, — сказала она.

— Ты достаточно хорошо разбираешься в ножах.

Эолин с легкостью выучила диалект ножей. Она могла послать свой маленький клинок пением практически в любую цель.

— У ножа простая песня, — ответила она. — Это совсем не похоже на голос этого меча, и близко не так сложно.

— Это один и тот же язык, — странно, что она сама этого не слышала. Отличить голос меча от голоса ножа было так же просто, как различить акценты Селкинсен и Селен. — Они оба металлы.

Она посмотрела на него. На мгновение Акмаэль потерялся в овале ее лица, в изгибе ее розовых губ, в прекрасной улыбке, которая сияла в ее темных глазах.

— Это щедрый подарок, Ахим. Спасибо. Я сохраню твой меч. Возможно, со временем мы с ним научимся понимать друг друга.

Эолин вложила оружие в ножны, и вместе они отправились к высокому гребню. Осенние листья хрустели под ногами. Деревья, увенчанные золотыми и малиновыми кронами, бросали тень на их путь. Пустые звуки осени наполнили Южный лес, отгоняя певчих птиц и загоняя медведей в их пещеры. Скоро белое покрывало зимней смерти накроет пустые деревья.

Во второй раз Акмаэль оставит Эолин на зиму в Южном лесу. В очередной раз он задумался, не ошибался ли он. Лес мог похитить ее ледяной хваткой, не оставив ничего, кроме воспоминаний к весне. Если она выживет, эта старуха продолжит сбивать Эолин с толку своей паутиной подрывной магии.

Акмаэль хотел забрать Эолин в Королевский Город, закутать ее в прекрасный меховой плащ и смотреть, как она засыпает у ревущего огня. Он хотел доставить ее в удобства Мойсехена, но призрак избитой девушки из Селкинсен маячил в его сознании. Запах ее горячей плоти вернулся в его память.

— Как ты выживаешь здесь всю зиму? — спросил он. — Что вы делаете для еды и тепла?

— Мы всегда встречаем зиму с большим количеством припасов. То, что мы не можем вырастить в саду или собрать в лесу, нам приносит лесник по имени Варил. Он приезжает всего два раза в год, но привозит все, что нам нужно. Южный лес всегда был добр ко мне и Гемене. Я не боюсь зимы. Мне нравится ее хрустальное дыхание и резкость ее красок, — Эолин остановилась, чтобы обнажить лезвие меча. Она поднесла его к уху. — Держу пари, у

этого меча зимой будет другая песня. Бьюсь об заклад, она будет звенеть, как лед.

Акмаэль улыбнулся и взял оружие из ее рук. Он уговорил меч загудеть несколькими ленивыми взмахами.

— Он будет петь только для тебя, если ты будешь так ему льстить, — сказал он. — Почему твоя наставница против того, чтобы ты учился владеть мечом? Все маги ее времени разбирались в военном искусстве.

— Это не правда! Лишь небольшое число маг когда-либо были воинами, даже во время последнего великого конфликта, в котором все они погибли.

Акмаэль неодобрительно выдохнул. Сколько лжи наговорила ей ведьма!

— Гемена не принадлежала к классу воинов, — продолжила Эолин. — Она никогда не потворствовала войне, даже когда маги восстали против Кедехена. Она поддерживала маг, потому что они были ее сестрами, но не терпела войны. Она считает, что любой, кто научится говорить с мечом, умрет от него.

— Лучше умереть от меча, чем на костре, — люди короля, не задумываясь, выбирали, какую смерть даровать, но по выражению лица Эолин Акмаэль понял, что его комментарий не показался ей забавным.

— Я не понимаю, как магия может применяться в войне, — сказала она. — Магия должна использоваться, чтобы создавать, а не разрушать. А на войне всегда приходится разрушать. Как маг может стать воином?

— Это достаточно просто, — Акмаэль балансировал мечом в руке. — Изучаешь искусство войны, а затем — искусство магии. Затем маг-воин, такой как сэр Дростан, учит тебя, как объединить их. Например...

Подойдя к ближайшему дереву, Акмаэль вызвал мягкое шипение лезвия. Он взбежал вверх по стволу вертикально, отражая наступление воображаемого врага, и вернулся на землю в коротком полете.

— Подобные трюки дают большое преимущество перед противником. Ты также можешь изменить траекторию летящих объектов.

Он метнул меч в ствол молодой сосны, желая, чтобы тот отклонился, прежде чем вонзиться в цель.

— Искусный маг-воин обнаруживает страхи своего врага и обращает их в свою пользу, — Акмаэль подошел к сосне, чтобы подобрать оружие. — Маг-воин, обученный Высшей магии, может использовать посох, чтобы призвать смертельный заряд.

Его слова оборвались, когда он снова повернулся к Эолин.

Она стояла мертвенно неподвижно среди падающих листьев, ее ноги плотно прижались к земле, ее глаза были широко раскрыты и испуганы. Вся краска схлынула с ее лица.

— Что такое? — спросил он. — Что случилось?

— Ты собираешься стать одним из них? — прошептала она.

— Из кого?

— Ты собираешься быть Всадником короля?

— Нет. Нет, Эолин. Всадники — не маги. Они просто рыцари.

— Знаешь, они разрушили мою семью. И мою деревню. Я сбежала только потому, что в тот день оказалась в лесу. Вот как я оказалась здесь с Геменой.

Холод охватил Акмаэля. Деревья закричали на ветру, а затем замолчали.

— Должно быть, там были предатели, — сказал Акмаэль. — Король посылает своих всадников только в деревни, в которых укрываются предатели.

— Там, где мы жили, не было предателей, только обычные жители.

Иней покрыл лесную землю, окрашивая опавшие листья в туманно-белый цвет.

— Дети не могут быть предателями, — сказала Эолин, — а что касается их родителей, то что за предательство в том, что они растят цыплят и собирают урожай?

— Не знаю, Эолин. Я лишь говорю, что у него была причина. Отправка всадников в деревню — не легкое решение короля. Должно быть какое-то оправдание.

— Какое оправдание могло быть? — ее голос оборвался, как раскат грома.

Когда Акмаэль ничего не ответил в ответ, Эолин опустила на землю и заплакала.

Акмаэль знал Эолин во многих настроениях, но он никогда не был свидетелем этой боли и гнева. С другой стороны, он никогда не спрашивал, почему она живет так глубоко в лесу в компании только старой ведьмы или что случилось с ее настоящей семьей.

Теперь, когда правда лежала на ковре ее слез, он разрывался между верностью, которую сохранял по отношению к отцу, и жестокими последствиями правосудия короля.

Вложив меч в ножны, Акмаэль подошел к Эолин и опустился на колени рядом с ней.

— Эолин.

— Не смей говорить мне, что это моя вина!

— Твоя вина?

— Это то, что ты думаешь! — рыдания Эолин пронзали ее тело резкой дрожью. — Это то, что ты сказал!

— То, что я сказал?

— Ты сказал, что женская магия вызывает слезы и кровопролитие. Ты сказал, что маги несут смерть своим семьям, даже собственным сестрам. Но это была не моя вина! Тогда я знала только Простую магию. И даже если бы я знала то, что знаю сейчас, что в этом плохого? От меня? Как что-то такое прекрасное может быть неправильным?

Ее слова затерялись в новом потоке слез.

Акмаэль отклонился, не зная, что ответить.

Да, он сказал это, хотя и не мог точно вспомнить, когда. Но он не хотел причинить Эолин вреда, а только предостерег ее от опасностей женской магии.

Он осторожно положил руку ей на плечо.

— Эолин, нападение на твою деревню произошло не по твоей вине. Я не знаю, зачем пришли Всадники, но это не могло быть из-за тебя.

Это, безусловно, было правдой. Ни одна деревня не была наказана только за то, что одна девочка знала несколько лекарственных растений.

Рыдания Эолин прервались и снова зазвучали.

Акмаэлю вспомнились причитания его матери, преследовавшие тени его раннего детства.

— Я потерял мать, — его голос звучал тихо. Он никогда никому об этом не говорил, даже отцу. — Она погибла, защищая меня, и я видел, как она пала. Мне еще не было одиннадцати, но я винил себя в ее убийстве. Я думал, что смогу защитить ее, но не смог. Иногда мне до сих пор снятся эти кошмары.

Дрожь в плечах Эолин исчезла.

Ободренный, Акмаэль продолжил:

— Я не говорю, что это сравнимо с твоей потерей. Как можно сравнивать одно горе с другим? Но мне кажется, я кое-что понимаю из того, что ты пережила.

На мгновение рыдания Эолин усилились. Акмаэль притянул ее к себе и вдохнул медово-

древесный аромат ее волос. Объятия давали ему ощущение тепла и завершенности.

— Мне жаль, что Всадники разрушили твою деревню, Эолин. Мне жаль, что они забрали твою семью. Если бы в этом мире существовала магия, которая позволила бы мне отменить то, что было сделано, я бы это сделал.

Наконец, Эолин перестала плакать. Она вытерла слезы со щек и попыталась перевести дух прерывистым дыханием. Она подняла свои карие глаза к его. Короткие всхлипы прерывали ее слова:

— Мне жаль твою мать, Ахим. Я не знала. Мне очень жаль, что ты потерял ее. Я бы вернула ее, если бы могла. Я бы вернула ее для тебя.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Зимнее бдение

Эолин сплющила клочок бумаги, сделанный из растительных волокон и лаврового листа. Взяв с края очага кусочек древесного угля, она написала желание священными символами. Затем, согревая лицо горячим огнем, она трижды сложила бумагу и поднесла ее к огню.

— Да увидят боги честь в моем желании, — сказала она. — Пусть мои надежды на будущее направят солнце в Мойсехен.

Огонь принял записку, скручивая ее по краям, пока желание не вспыхнуло маленьким белым пламенем, быстро перешедшим в красное.

Откинувшись на спинку стула, Эолин завернулась в грубое одеяло и прижалась к Гемене. Они будут бодрствовать перед очагом всю ночь, попивая горячее ягодное вино, рассказывая истории и распевая песни, пока солнце совершало свой опасный путь из подземного мира в канун Середины зимы.

— Гемена, почему ты никогда не рассказывала мне о войне?

Старушка напряглась.

— Я часто говорила о войне.

— Ты рассказывала мне обрывки, но в основном ты говоришь обо всем, кроме войны. Ты рассказывала мне, как Эйтна и Карадок открыли для себя Высшую Магию и как Кэдмон стал первым магом-воином. Ты рассказала мне о вторжении Громовых Людей и Основании Вортингена. Я знаю, как появились Старые Ордены, и знаю легенды клана Восточной Селен. Я знаю об изгнании Демонов Наэтер и о магии ведьм сырнте. Ты даже рассказала мне об огненных волшебниках Галии, которых, я уверена, я никогда не увижу, но ты никогда толком не говорила о войне, которая уничтожила наших сестер.

Гемена закрыла глаза. За последний год она похудела, и морщины на ее лице стали глубже. Когда она снова посмотрела на Эолин, взгляд ее был туманным.

— Почему ты спрашиваешь меня об этом сейчас?

Эолин вздрогнула и плотнее натянула одеяло на плечи.

— Я боюсь, что в моем будущем может быть война. Мне приснился дым и огонь, и тела, разбросанные по почерневшей равнине. Там был Ахим, покрытый сажей и кровью. На него обрушился большой меч из слоновой кости, и он исчез.

Гемена цокнула языком.

— Это был только сон.

— Что, если это было видение?

— Гадание — безрассудная форма магии. Ты не должна отдаваться этому.

— Ты используешь свои карты, — возразила Эолин.

— Я прибегаю к этим игрушкам сырнте, потому что мне больше не с кем советоваться при принятии решений, — голос Гемены был горьким и полным эмоций. — В прежние времена карты были лишь занимательной реликвией. Я говорила с реальными людьми, когда выбирала свой путь, соратниками и наставниками, которые не позволяли моим надеждам и страхам омрачить мое суждение.

— Тогда поговори со мной, Гемена, — сказала Эолин. — Если ты предпочитаешь, чтобы я слушала человека, а не свои сны, расскажи мне о войне. Может, если ты объяснишь мне, что и как произошло, у меня хватит мудрости выбрать другой путь, когда придет мое время.

Гемена сузила глаза и снова посмотрела на огонь.

— Мы не можем остановить войну. Мы можем только бежать от нее. Бежать и прятаться.

У Эолин сжалось горло.

— Неужели ты в это веришь, Гемена? Ты всегда говорила мне, что у маги есть выбор.

Через некоторое время старая мага утомленно покачала головой.

— Не обращай на меня внимания, Эолин. Давным-давно я видела, как мой мир сторает в огне. Теперь иногда я разглагольствую без причины. Верно то, что ты говоришь: жизнь маги никогда не привязана к единственному пути, даже на войне. Я расскажу тебе историю, которую ты хочешь услышать, но сначала ты должна налить мне вина.

Гемена обладала даром делать горячее вино из ягод и примулы. Эолин нравилось, как его сладкий аромат обжигал ее чувства всякий раз, когда она наливала стакан. Она взяла для них по толстому ломтику орехового хлеба, прежде чем снова закутаться в тепло своего одеяла.

— Конфликт, который втянул нас в войну, начался примерно в то время, когда меня назначили настоятельницей Берлингена, — сказала Гемена. — Один из *Экеларов Старого Ордена* — места обучения под руководством мастера Церемонда — принял принца из рода Вортинген в качестве ученика магии. Это решение нарушило важный запрет. Смещение магической силы с королевской властью считалось опасным. Это означало слишком большую власть в руках одной семьи. Старые Ордены понимали это, и запрет королевской власти на практику магии соблюдался всеми поколениями Дома Вортинген, вплоть до прибытия четвертого сына Уриена, принца Кедехена.

— Тот, кто теперь король Мойсехена?

— Да. Но тогда он еще не был королем. У него было мало надежды когда-либо стать королем или кем-то еще важным в этом отношении. Ужасно, Эолин, быть четвертым сыном короля. Четвертый сын стоит меньше, чем его сестры, поскольку, хотя принцесса ничего не наследует, она может, по крайней мере, заключить полезные союзы своим браком и детьми. Но что четвертый сын может принести королевской семье, чего у нее еще нет? И что ему от того, что он отпрыск короля, если он не получит наследства? Принцы, не предназначенные для короны, часто стремятся доказать свою ценность, становясь великими воинами, торговцами или исследователями. Но Кедехен не хотел ничего из этого. Кедехен хотел научиться магии.

— И только Церемонд принял его?

— Ни один другой Экелар не принял бы его под запретом. Когда Церемонд открыл свои двери Кедехену, все подняли шум. Маги созывали особые советы и пытались отговорить Церемонда от его безумия. Однако волшебник держался твердо, и принц быстро продвигался

вперед под его руководством, пока спор продолжался. В конце концов, все устали от этого вопроса и притихли. Мы понимали, что Церемонда не свернуть с этого пути, кроме как силой, и мы не хотели посылать магов в бой друг против друга. В конце концов, Кедехен был четвертым сыном. Если между ним и тронем три здоровых брата, то корона упадет на него только по стечению обстоятельств.

Гемена сделала горький нажим на «стечению обстоятельств». Пламя очага вспыхнуло в ее серых глазах, а кожа вокруг поджатых губ побледнела.

Эолин ощутила ледяную болезненную руку видений, которые были у нее в тот день, когда ее деревня была разрушена.

— Он убил их, — прошептала она. — Он убил их всех, чтобы стать королем, не так ли?

— Возможно, — сказал Гемена. — Если он это сделал, правда давно похоронена в местах, слишком темных, чтобы их можно было найти. Через несколько лет после смерти короля Уриена все трое братьев Кедехена последовали за отцом в загробную жизнь. Первый стал жертвой такой редкой формы дизентерии, что даже придворный врач не смог найти лекарства. Второй был убит своим лучшим рыцарем, и, хотя свидетелями убийства были более ста человек, этот человек пошел на казнь, поклявшись в невиновности. Третий принц, отправившийся далеко за горы в страну сырнте, по пути домой за короной стал жертвой разбойников. Благодаря этому невысказанное стало реальностью. Кедехен, принц и верховный маг, был готов принять корону Вортингена. Маги обоих Орденов снова встретились на специальных советах. Мы подписали петиции, призывающие принца отречься от престола. Мы вызвали Церемонда с указанием, как посоветовать его ученику, на этот раз под угрозой исключения. Все наши усилия провалились. Кедехен взошел на трон, и через несколько недель после его коронации маги подняли восстание.

— Значит, маги начали войну.

Гемена пронзила Эолин взглядом.

— Это тебе твой друг сказал?

— Нет. То есть да, но ты только что сказала...

— Никто не начинает войну. Война растет, как ползучие лозы, заглушая все и питаясь конфликтами, настолько глубоко увязшими в истории, что многие не могут вспомнить первоначальный спор к тому времени, когда они встречаются в битве. Маги не начинали войну. К сожалению, мы ее и не закончили. У нас было много превосходных воинов, как женщин, так и мужчин. Бесчисленные маги присоединились к нашему делу против короля. Мы храбро сражались, но, в конце концов, проиграли, и проиграли с треском. После этого начались чистки.

— В наказание?

— Не только наказание. Церемонд учил, что женская магия — это заблуждение, оскорбление Дракона. Он обучил Кедехена этой доктрине, а после войны использовал свое влияние, чтобы убедить короля, что эта земля не будет в безопасности, пока не будет уничтожена каждая ведьма.

— Как можно считать женскую магию оскорблением Дракона? Эйтна, женщина, была первой, кто открыл для себя магию. Это она без колебаний приняла предложение Дракона, в то время как Карадок усомнился в послании Дракона и дрогнул под гневом Грома.

— Церемонд учил другому взгляду на историю и приписывал истину другому набору легенд. Это была небольшая группа магов, радикальных по своим взглядам и считавшихся неважными в более широком контексте Старых Орден. До того, как все это началось,

никто и подумать не мог, что Экелару Церемонда суждено стать средоточием такой силы. Любой, кто предложил бы такое, был бы выброшен из комнаты со смехом.

— Ты знала Церемонда?

Гемена вздохнула сквозь зубы.

— О, да. Мы знали друг друга с тех пор, как он был учеником средней магии.

— Каким он был?

— Красавчик, если ты можешь в это поверить, — взгляд Гемены стал замкнутым. — У него был уникальный цвет глаз, пронзительный янтарно-коричневый, который мог такой молодой маге, как я, вскружить голову. И он был искусным магом. Но даже тогда он боялся силы маг. Именно этот страх привел его к ненависти. Он никогда не понимал...

Гемена поднесла горячую чашку к губам. Ее пальцы дрожали.

— Достаточно, — сказала она. — Я сказала достаточно для одного раза.

— Но я хочу услышать больше, Гемена.

— Меня утомляет разговор об этих вещах. Я пожилая женщина. Я должна сохранить свою энергию, чтобы встречать утром обновленное солнце.

— По крайней мере, расскажи мне, как ты здесь оказалась. Как вы избежали чисток?

Она вздохнула.

— По милости богов Берлинген остался нетронутым во время войны. У нас была нехватка еды и лекарств, но нас не втягивали в прямой конфликт с королем. Когда маги сдались, мы ожидали, что мир будет восстановлен, а старые порядки вернуться. Потом пришло известие о резне в Восточной Селен. Слухи были безумными и искаженными. Сначала было сказано, что никто не выжил. Потом мы узнали, что Бриана из Восточной Селен была схвачена и изнасилована. Другие утверждали, что она предала свою семью и добровольно отдалась Кедехену. Мы не успели разобраться в истине, за нами пришли. Люди Кедехена атаквали посреди ночи. Я проснулась от шума, похожего на гром, грохотавший в моей голове. Я думала, что мне снится кошмар. Раздались крики и ужасные звуки металла, разрезающего плоть. Все было в огне. Я бежала, как сумасшедшая. Все, что я хотела сделать, это спасти что-нибудь, что угодно... Библиотеку, книги. Внезапно появился мой племянник Варил и утащил меня. До сих пор не знаю, как мы спаслись. Если бы не он, я бы умерла вместе со всеми остальными.

— Варил? Ты имеешь в виду лесника, который приносит нам припасы? — Эолин не знала, что Варил был племянником Гемены. Со своей взлохмаченной бородой и хриплым голосом он казался озлобленным человеком. Хотя он добросовестно привозил припасы каждую весну и осень, коренастый лесник ни разу не сказал Эолин ни слова.

— Когда-то он был рыцарем Вортингена. После окончания войны он приехал в Берлинген, чтобы отдохнуть и подлечиться. Я была его единственной семьей в то время. Все остальные погибли на войне. Когда на нас напали, он помог мне сбежать. Это была моя идея бежать в Южный лес. Я думала, что смогу спрятаться здесь, пока ужас не закончится сам по себе. Но по прошествии лет я прислушалась к деревьям и гентам. Вот откуда я знала, что Церемонд и Кедехен не остановятся, пока не перебьют всех. И вот я здесь. И здесь я буду, полагаю, до самой смерти.

— Но ты не умрешь здесь, Гемена, — сказала Эолин. — Когда-нибудь, когда я стану Высшим магом, мы вместе вернемся в Мойсехен и восстановим все, как было раньше.

Гемена покачала головой.

— Этот день не наступит, Эолин. Когда ты вернешься в Мойсехен, ты сделаешь это в

одиночку. Ты не будешь частью какого-либо Ордена. Ты будешь всего лишь одной магой на враждебной земле, пытающейся сохранить умирающее ремесло.

Эолин опустила вино. Острая боль камнем застряла в ее животе.

— Тогда как мне выжить?

Гемена смотрела в огонь с серьезным выражением лица.

— Гемена, ответь мне.

— Как солнце возвращается после кануна Середины зимы, — пробормотала Гемена, — так и ты вернешься в Мойсехен, одна и через мир тьмы, страха и смерти. Твой путь не будет легким. Я предупреждала об этом с самого начала. Но если тебе это удастся, твоя магия принесет новый рассвет в беспокойные земли нашего народа.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Прощание

За годы их дружбы Эолин научилась предугадывать момент появления Ахима.

Сегодня она ждала его у реки, где они впервые встретились. Лето уже возвещало о своем приближении теплыми южными ветрами. На деревьях начали распускаться розово-зеленые бутоны, а на маленьких участках залежавшегося снега распустились цветы. Вода шумела, и в ее волнах прыгали серебряные рыбки.

В зыбком свете, просачивающемся сквозь молодые листья, появился Ахим. Впервые он облачился в темно-зеленую мантию Высшего Посвященного Мага. Она хорошо сочеталась с зарождающимися красками весеннего леса.

Эолин встала, чтобы поприветствовать его, но остановилась, ахнув.

— Что они сделали с твоими волосами?

Рука Ахима легла ему на голову. Его густые черные локоны были острижены у корней.

— Это было частью церемонии посвящения.

Эолин смотрела на него в озадаченном молчании.

— Так плохо выглядит? — спросил он с гримасой.

— Нет, выглядит неплохо. Это просто так... по-другому. У тебя были такие красивые волосы, Ахим. Если бы я знала, что они собираются сделать, я бы подумала прикоснуться к ним, когда ты был здесь в последний раз, — она шагнула к нему. — Ты позволишь им отрасти?

— Да, пожалуй, так и будет. Но я не должен этого делать, пока не закончу обучение.

Эолин кивнула. Она подняла руку туда, где раньше были его волосы, и позволила пальцам коснуться его лица. Странная боль вспыхнула в ее сердце, заставив ее ощутить каждую черточку его лица: его густые брови, его темные глаза, его прямой нос и полные губы.

Ахим замер, как олень, почуявший запах хищника, или рысь, готовая к броску. Маленькие искры, казалось, вспыхнули между ее руками и его кожей, когда Эолин провела пальцами по его шее и плечам. Она задавалась вопросом, что случилось с мальчиком, которого она впервые встретила здесь, на берегу реки. Тогда она и Ахим были примерно одного роста. Она помнила его тощим подростком. Когда он стал выше на целую голову? Когда его плечи приобрели такую ширину, руки — такую силу, грудь — такую утонченную мощь?

Внезапно она отступила. Жар залил ее щеки. Она отвернулась.

— Я... я просто надеюсь, что Гемена не сделает со мной то же самое, когда придет мое время.

Ахим моргнул.

— Что делает?

— Побреет мне голову, — Эолин порылась в кармане и достала маленькую коробочку. — У меня есть подарок для тебя.

Коробка из полированного палисандра легко помещалась в его ладони. Ахим поднял крышку, внутренняя часть была выстлана крошечными цветными кристаллами. Когда на них падал свет, в воздух проецировалось маленькое трехмерное изображение леса, миниатюрная копия рощицы, где они стояли, места, где они впервые встретились.

— Гемена помогла мне, — сказала Эолин. Они начали создавать объект три года назад, когда Гемена сказала Эолин, что ей придется отпустить Ахима. — Я выбрала кристаллы, и Гемена показала мне, как вложить их песню. Тебе это нравится?

— Это захватывает дух, — сказал он.

Эолин вздохнула с облегчением. Энтузиазм окрасил ее голос.

— Он будет меняться в зависимости от сезона. Зимой ты увидишь это место покрытым снегом и льдом. Летом под ярким солнцем он станет зеленым. Я сделала так, чтобы ты всегда помнил этот лес, даже в ближайшие годы, когда ты не сможешь вернуться.

Выражение лица Ахима стало жестким. Он захлопнул коробку.

— Что значит, не вернусь?

Эолин опустила глаза.

— Ты прощаешься? — спросил он.

Она кивнула.

— Почему?

Она посмотрела на него в замешательстве.

— Я думала, ты вспомнишь. Гемена дала нам три года с того момента, как узнала о нашей дружбе. Теперь я должна попрощаться с тобой и посвятить себя изучению Высшей Магии.

Ахим закрыл рукой маленький подарок и покачал головой.

— Я вспомнил. Но три года! Они уже прошли? Когда ты впервые сказала мне об этом, я подумал, что у нас достаточно времени, чтобы все исправить, договориться...

Его голос оборвался из-за озадаченного выражения лица Эолин.

— Как это: исправить? — спросила она.

Он стиснул зубы и посмотрел в лес, как будто деревья могли скрыть ответ.

— На самом деле прошло чуть больше трех лет, — Эолин заговорила, чтобы заполнить тишину. — Подходящее время для начала моих тренировок — весна, поэтому Гемена дала нам еще несколько месяцев до сегодняшнего дня.

— Почему ты ничего не сказала до сих пор? — спросил он.

— Я не знаю! Просто как-то легче было об этом не говорить. Я думала, что ты... — ком в горле прервал ее слова.

Ахим разжал ладонь и позволил шкатулке из розового дерева парить в воздухе рядом с ними.

— Так решено. Ты собираешься изучать Высшую Магию?

— Завтра я начинаю поститься.

Он кивнул с суровым выражением лица. Эолин знала, что он не согласен с ее решением, и на мгновение подумала, что он испортит их последнюю встречу, затеяв новый спор.

Вместо этого он закатал рукав и сказал:

— Я хотел бы подарить и тебе что-нибудь на память обо мне.

Символы, вышитые на ткани его мантии, отражали лес в нескольких оттенках зеленого. Под складками Эолин увидела серебряную полоску на его руке. Осторожно сняв украшение, Ахим протянул его Эолин.

В благоговейном трепете Эолин повертела браслет в руках. На выгравированной поверхности она узнала множество форм Дракона: крылатую змею, змею, льва, бабочку, речную выдру, рыбу и многих других. Каждая фигура сливалась с другой, создавая единое существо, такое же фантастическое, как само воображение.

— Красиво, — выдохнула она.

— Это подарок от моей матери, — голос Ахима прервался от тихого волнения. — Она дала его мне перед смертью.

— О, Ахим. Это слишком много для меня. Если это украшение принадлежало твоей матери, оно должно остаться с тобой.

Аккуратно забрав у нее браслет, Ахим надел его на запястье Эолин и передвинул чуть выше ее локтя. Металл свернулся, идеально прилегал к ее коже.

— Я бы сказал, что он сделан для тебя.

Рука Ахима снова скользнула по ее руке. Он поймал ее пальцы своими и какое-то время изучал ее.

— Я буду скучать по тебе, Эолин.

Затем он наклонился и поцеловал ее.

Застигнутая врасплох, Эолин помедлила, прежде чем погрузиться в удовольствие от его прикосновения. Вкус губ Ахима был знаком, будто она всегда знала, каково это — держать его так близко. Ей нравился аромат полированного камня и мягкой земли, который поднимался вокруг нее. Его ласки, сначала неуверенные, обрели уверенность. Между ними росло чувство безотлагательности, пока неожиданная сила их страсти не зажгла узел паники внутри Эолин.

Раскрасневшаяся и дрожащая, она отстранилась. Дыхание стало прерывистым, будто из легких выбили воздух.

Ахим притянул ее, обнял и зарылся лицом в ее волосы. Его голос был приглушен ее густыми кудрями.

— Не оставляй меня, Эолин.

— Так не должно быть, — прошептала она. Слезы защипали глаза. — Я не понимаю. Что произошло?

— Вернись со мной. Мой отец... имеет некоторое влияние при дворе. Я мог бы защитить тебя, даже с твоими познаниями в Средней Магии. Я уверен, что смог бы. Не иди по этому пути. Не изучай Высшую Магию. Пойдем со мной домой.

Она отстранилась, терзаемая собственными сомнениями.

— Три года я готовилась к этому дню. Это не должно было так ощущаться. Я не понимаю, что происходит.

— Эолин, — он двинулся к ней, но она отступила.

— Нет, Ахим. Я должна сделать это.

Он резко остановился, будто она ударила его по лицу.

— Больше всего на свете я хочу изучить Высшую Магию, — сказала Эолин, — и Гемена — единственная, кто может меня научить. Если я вернусь с тобой, я больше никогда не научусь никакой магии.

Ахим напрягся. Его руки сжались в кулаки по бокам, а глаза потемнели.

— Понятно, — сказал он, хотя Эолин показалось, что он не понимал.

— Через четыре года я закончу обучение, и тогда ты сможешь вернуться в гости, — когда он не ответил, она неловко добавила. — Или я выйду из этих лесов, чтобы найти тебя.

— Я найду тебя, — строгость его тона напугала Эолин. Она не могла понять, были его слова обещанием или угрозой. — Я не успокоюсь, пока не найду тебя снова.

Эолин искала, что бы еще сказать, но если и существовали слова, которые могли бы преодолеть это напряжение между ними, они ускользали от нее.

— Думаю, тогда мне следует уйти, — пробормотала она.

Ужасная аура окутала Ахима. Эолин вспомнила Ястреба, как его сосредоточенность достигла максимальной интенсивности как раз перед тем, как нырнуть за пухлой Мышью-Соней.

— Я буду скучать по тебе, Ахим, — ее голос звучал бессильно на фоне тени его ярости и стука ее сердца. Она не могла вынести такой его взгляд. — Я буду скучать по тебе больше, чем ты можешь себе представить.

Ахим по-прежнему ничего не говорил, а у Эолин больше не было для него слов. Не в силах больше выносить тишину, она повернулась и убежала в лес.

* * *

К тому времени, когда Эолин добралась до домика, над лугом повисла россыпь ярких звезд. Хотя ее сердце было опустошено после расставания с Ахимом, Эолин обнаружила, что ее дух обновился, когда она увидела заботу, с какой ее наставница готовилась к Пиру Посвященного.

Гемена поставила в саду стол и накрыла его хлебом, орехами, сухофруктами, жареными весенними овощами, острым беренбенским сыром и дымящимся кувшином с горячим вином из ягод и примулы. Плавающие свечи давали бледное освещение, соответствующее застенчивым привычкам *генд*, присоединившихся к ним в этот особенный вечер.

Гемена поприветствовала Эолин крепкими объятиями.

— Сегодня вечером ты начинаешь свое путешествие как женщина в магии, — с глазами, полными радости, старая мага держала лицо Эолин в своих руках. После размышлений она добавила. — Хотя я осмелюсь сказать, что это не единственный переход, который ты начала сегодня. У тебя был первый поцелуй.

Из тени доносились тихие смешки *генд*.

Эолин покраснела.

— Это так очевидно?

— Только для опытной магии, умеющей читать ауру своей ученицы, — Гемена подмигнула. — Первый поцелуй порождает характерную искру. Если это хороший поцелуй, эта искра разрастается, отражая цвета женской ауры, как бриллиант в солнечном свете. Если это неудачный поцелуй, искра угасает, уступая место следующей возможности. Если это нежелательный поцелуй, искру нужно обработать магией, иначе она превратится в тени, которые затмят истинные цвета женского сердца.

— Я думаю, это был хороший поцелуй.

— Дорогая, совершенно очевидно, что ты очень хорошо поцеловалась.

— Но это было так неожиданно. А потом я испугалась, и Ахим разозлился, и я... не знаю. Я убежала, как заяц от лисы. Что, если я больше никогда его не увижу? Все, что он будет помнить сейчас, это то, как трусливо я убежала, когда мы прощались.

Гемена поманила Эолин к столу, где она подала две чашки горячего ягодного вина.

— Мы часто говорили о желании и привязанности, но никакие слова или иллюстрации, никакие истории или упражнения не могут по-настоящему подготовить нас к этому мощнейшему выражению Первобытной Магии. В прежние времена — в моем Экеларе — этим летом во время Высшей Церемонии Бел-Этне ты испытала бы пробуждение эн-ласати. Твой любовник был бы для тебя маской, а ты — маской для своего возлюбленного. Это освободило бы вас от личности, от прошлого и будущего, от страха перед собственными эмоциями. Ваш акт страсти, ваше приношение богам было бы связано с настоящим и, следовательно, с вечным.

Эолин отхлебнула вина.

— Значит, я бы не вела себя трусливо сегодня, если бы знала эн-ласати так же, как древние маги?

— Я хочу сказать, что у тебя особые проблемы, учитывая обстоятельства твоего обучения. Научиться танцевать со страстью и желанием — одна из них.

— Иногда мне кажется, что учеба меня ни к чему не готовит. Все не так, как раньше. Как я смогу стать магой, если Старого Ордена нет с нами? Если у меня даже не будет настоящего ковена?

— Не путай форму магии с ее духом. В конце концов, все обряды являются лишь символами более глубоких процессов. Ты помогла мне запомнить это, потребовав творчества в обучении. Твое обучение сослужит хорошую службу, когда ты вернешься в Мойсехен, именно потому, что все старые обряды были смыты. Что до ковена, по которому ты так скучаешь, оглянись, юная мага. Осмелюсь сказать, что за всю историю магии не собиралось такого шабаша.

В этот момент до Эолин донесся ропот в саду: болтовня Рыжей Белки и свист Дрозда влажный шлепок хвоста Речной Выдры и резкий щелчок челюсти Черепахи. Заяц топнул ногой, Сова хрипло ухнула, а Гигантский Мотылек ритмично порхал над столом. Генды смеялись, а Толстая Соня выскочила из тени, чтобы украсть кусочек сыра.

Гемена созвала их всех, многочисленных товарищей ее детства. Всех, кроме одного.

— Ахим должен быть здесь, — сказала Эолин.

— Мы уже говорили об этом, Эолин.

— Он единственный настоящий друг, который у меня есть, и он маг.

— Это тоже твои друзья. Они всегда были с тобой, учили и защищали тебя.

Эолин сморгнула слезы. Она знала, что Гемена была права, но это не уменьшило ее душевной боли.

— Что, если Гонец не появится? Что, если все мои тренировки напрасны? Что, если я только что отослала единственного друга во всем мире ради мечты, которая никогда не сбудется?

Старая мага откинулась на спинку стула. Морщинки вокруг ее серых глаз смягчились.

— Я обучила многих учениц, Эолин, поэтому могу сказать, что если Боги отклоняют твоё прошение, то это не потому, что ты недостойна. Если Дракон не появляется, значит, традиции маг пришел конец по причинам, которые ни ты, ни я не можем понять. Все, что нам остается сделать этой ночью, — это подготовиться принять их решение, каким бы оно ни было, с верой и смирением.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Пост Посвященного

Эолин проснулась перед рассветом. Закутавшись в поношенный красный плащ, она приняла многочисленные благословения Гемены и отправилась вглубь залитого солнцем леса. Голоса деревьев танцевали на ветру. Животные разбегались при ее приближении. Одиночество преследовало ее, словно живое присутствие.

В полдень Рысь вышла из тени не более чем в десяти шагах от нее. Дикая кошка вытянула на земле широкие мохнатые лапы и села. Она внимательно изучала Эолин янтарными глазами. Потом она повернулась и ушла в лес.

Поняв безмолвное приглашение, Эолин последовала за ней.

Шаги Рыси затихли среди опавшей листвы. Ее мускус тянулся за ней успокаивающим облаком. Когда они достигли подножия хребта Рыси, кошка перевернулась на спину и вытянула конечности, обнажив пушисто-белый живот. Она посвятила несколько минут тщательному мытью лап, прежде чем встать и исчезнуть, словно призрак в кустах, оставив Эолин карабкаться в одиночестве.

Хотя Эолин бесчисленное количество раз исследовала основание хребта Рыси, она никогда не приближалась к логову. Восхождение оказалось трудным. Остаток дня ушел на то, чтобы найти пещеру, расположенную на южной стороне скалистого обнажения. С ноющими конечностями Эолин заползла в небольшое пространство, села и вытерла пот со лба.

Пещера Рыси была сухой и хорошо проветриваемой. На гладком грязном полу Рысь оставила ароматную траву и мягкие папоротники, чтобы подготовить постель. Аромат камня и земли напомнил Эолин об Ахиме.

Интересно, на что был похож его пост.

Ей не пришло в голову спросить его во время их встречи у реки, но тогда она не думала ни о чем, кроме исключительной силы этого поцелуя.

Его ковен устроил ему банкет дружбы и перехода? Отпустил ли Церемонд, как и Гемена, своего ученика с любовью?

Хоть Ахим учился в компании полного ордена, Эолин не могла отделаться от подозрения, что его инициация была одиноким опытом.

На закате Эолин устроилась у входа в пещеру, чтобы посмотреть, как зажигаются звезды на темно-фиолетовом небе. Внизу волнистым ковром раскинулся лес. Аромат сосны и дуба поднимался от его кроны. Ритмичные звуки наполняли ночь: колючее стрекотание сверчков, кваканье лягушек и периодическое уханье карликовой совы. Безграничное пространство вызывало глубокое чувство спокойствия.

Когда сон позвал, Эолин заползла в логово. Станные и яркие сны приветствовали ее. Она видела, как древние люди бродят по лесу, наблюдала за фантастическими животными, которых больше не существовало. Она была свидетельницей первого священного огня, вызванного Эйтной и Карадоком, и наблюдала за их бегством, когда Гром гнал влюбленных в горы.

Она оказалась перенесенной на поля сражений, где Кэдмон и его воины-маги победили Людей Грома. Затем она последовала их священной традиции, которая перетекала из поколения в поколение в жизнь ее собственной матери Кайе.

Эолин стояла рядом с посвящённой Кайе, когда та принимала посох Высшей Магии. Она сопровождала рыцаря Кайе в войне против закованных в металл противников. Она наблюдала, как мать Кайе делилась искусством простой магии со своей дочерью в Южном лесу, и утешала заключенную Кайе, когда та исчезала в загробной жизни на холодном

каменном полу с окровавленным лицом и разбитыми конечностями.

После смерти Кайе появилась черноволосая ведьма. Тонкими пальцами она собрала тысячу оборванных нитей дружбы, оставленных войной, и сплела их в мерцающую паутину, протянувшуюся от одного конца королевства до другого.

Ты не та, кого я искала, маленькая Эолин, — прошептала она, — но ты та, кого я нашла. Боги говорили. Судьба раскрыла свою руку. Если выберешь путь Высшей Магии, ты обязана восстановить нашу традицию в Мойсехене, возобновить наследие своих сестер. Если откажешься от этой клятвы, то не сможешь принять дар Дракона.

Эолин резко проснулась, мускулы напряглись, а щеки стали мокрыми от слез. Когда она вышла из пещеры, рассвет разливал бледным светом туманный горизонт. Плотный туман опустился, скалистый хребет плавал в мягком белом море. Ленты лососевого и бледно-голубого цвета возвещали приход солнца. Когда яркая сфера выглянула из-за края мира, кончики туманного берега вспыхнули туманным золотом.

Дракон, — сказала Гемена Эолин, — может принимать форму любого существа, которое ходит по земле. Поэтому Посвященный должен открыть свой разум величю всех существ, чтобы услышать голос Гонца в извилистом движении многоножки или в устрашающем реве разъяренного медведя.

Эолин оглядела хребет, но не обнаружила движения на его скалистом склоне. Она искала крошечных существ среди грубых расщелин, но ни паука, ни жука, ни ящерицы не оказалось.

В лесу было странно тихо. Даже птицы воздерживались от своего утреннего хора.

Время шло. Оранжевое солнце всплыло сквозь полосу тумана. Зазубренные камни согрелись, и иней рассеялся.

С замиранием сердца Эолин подумала, не поняла ли она Рысь неправильно. Возможно, она не собиралась приходить сюда. Возможно, Дракон ждал где-то еще.

Затем по скалам пронеслась тень.

Эолин выпрямилась, не зная, сыграл ли с ее глазами шутку переменчивый свет. Тень снова мелькнула, на этот раз безошибочно узнаваемая по форме и значению.

Не веря своим глазам, Эолин повернулась к восходящему солнцу.

Драконша летела к хребту в своей истинной форме, темный силуэт на фоне яркого неба. Ее полет был плавным и ритмичным. Ее крылья взбивали золотые облака под ней. Солнечный свет отражался от ее серебряной чешуи яркими и ослепляющими вспышками. Трижды она облетела Эолин. Затем она поднялась над камнями и приготовилась к посадке.

Эолин отступила, застряв между удивлением и страхом. Она глубоко вдохнула свежий утренний воздух, пытаясь успокоить колотящееся сердце.

Не было слышно ни звука, ни дрожи, когда Драконша опустила массивные лапы на землю. Только ветер от ее крыльев отметил ее прибытие, откинув капюшон плаща Эолин.

Полупрозрачная чешуя дракона сияла, как хрусталь тонкой огранки. Изящные движения ее длинной шеи и волнистого хвоста создавали впечатление сверкающей реки в постоянном движении. Она сложила крылья и посмотрела на Эолин непрозрачными серебряными глазами.

Не бойся, — Драконша говорила на своем тихом языке. — Боги, пославшие меня, благосклонно взирают на твое прошение. Со времен Кэдмона они не приказывали мне появляться в моей истинной форме, а до этого — со времен Эйтны и Карадока.

Эолин уставилась на чудесное существо, пытаясь осознать масштаб происходящего.

Инстинктивно она опустилась на колени. Ее слова превратились в дрожь.

— Я... я не достойна этой чести.

Драконша склонила голову. Веселье вспыхнуло внутри серебряных глаз.

Именно поэтому тебя считают достойной. Ты приняла свой дар с радостью и смирением. Теперь твое путешествие обещает новую эру магии.

— Я не понимаю.

Разве, Эолин? Твои сестры говорили с тобой прошлой ночью во сне. Ты уже забыла их послание?

Эолин склонила голову и закрыла глаза. Вся тяжесть ноши, которую она собиралась принять, легла на ее плечи. Сердце забилось быстрее, и она сосредоточилась на своей связи с землей.

— Моя благодарность богам бесконечна, — тихо сказала она, повторяя заклинание, которое дала ей Гемена. — Вы дали мне жизнь, в то время как многие другие встретили смерть. Вы дали мне магию, даже когда мои сестры сгорели. Я молю вас, раскройте мой дух, чтобы я могла получать ваши наставления и выполнять вашу волю.

Драконша кивнула.

Иди к самому старому дубу. Он приготовил ветвь, из которой будет выкован твой посох. Ты найдешь ветку у его ног вместе с пером Полночной Совы. Принеси их мне вместе с кристаллом воды из Реки и мечом, подаренным тебе твоим другом-волшебником.

Почтительно поклонившись, Эолин попрощалась. Она собрала все четыре элемента, найдя их так, как указала Драконша. На обратном пути к логову Рыси она остановилась в том месте, где хранила меч Ахима. Обхватив обеими руками рукоять, она пропела заклинание, которому он ее научил, и вытащила оружие из камня.

Солнце висело низко на западе, когда Эолин вернулась на гребень. Туман давно рассеялся, и чешуя Дракона переливалась медно-алыми оттенками вечера.

Драконша приняла ветку от Эолин и сорвала с нее листья и кору. Она положила его на землю, поместила кристалл воды на его кончик и положила перо Совы у основания.

Меч, — приказала Драконша.

Эолин протянула клинок. Одним ударом о камни Дракон разбил его на тысячу осколков.

Эолин в ужасе вскрикнула.

— Меч Ахима!

Это не его меч, — возразила Драконша. — Он твой, как и был с того дня, как он дал его тебе. И он будет служить тебе гораздо лучше так.

Из разбросанных осколков Драконша выбрала один и тщательно сбалансировала его на средней части ветки. Затем она остановилась и подняла свои серебряные глаза на заходящее солнце.

Ты должна молиться богам о руководстве и силе на этом пути, который ты выбрала.

Когда Эолин закончила свои заклинания, Драконша выпустила огненное дыхание.

Эолин в изумлении наблюдала за тем, как посох не сгорел под белым пламенем, а стал податлив к прикосновению Драконши. Крылатый змей хорошо работала ночью. Она впечатала перо в основание посоха, вонзила осколок меча Ахима в его сердцевину и прочно прикрепила кристаллизованный кварц к наконечнику.

Хотя Эолин намеревалась бодрствовать вместе с Драконшей всю ночь, ритмичные движения крылатого змея убаюкивали посвященную. Когда, наконец, юная мага проснулась,

Драконша была лишь тенью, исчезнувшей на восходящем солнце.

Новый посох стоял на каменистой земле.

Эолин осторожно подошла и сомкнула ладони на вылеченном магией дубом. Гладкая поверхность ответила на ее прикосновение гулом, которого она никогда раньше не слышала, прекрасным и сложным. Когда утренний свет коснулся союза дерева и кварца, открылся образ летящего Дракона, выгравированный в сердце речного хрусталя.

Наполненная внезапной и сильной радостью, Эолин подняла посох с места, где он лежал, и побежала вниз по хребту к своему дому.

* * *

Гемена встала задолго до восхода солнца, чтобы приготовить священный огонь. Она сложила сухие ветки Бука, хранителя древних знаний, Березы, чтобы обеспечить баланс, и Грецкого ореха, чтобы дать силу в переходные времена. Для растопки Гемена использовала веточки липы, покровительницы детской магии. Как только она заложила ветки, она устроилась ждать. Священный огонь не мог быть зажжен, пока не прибыла Эолин.

Неуверенность преследовала старую магу. Много лет назад Боги даровали Кедехену победу над магами. Было ли их волей, чтобы традиции Эйтны и Карадока погибли?

Сегодня она узнает ответ. Если Боги отвергнут прошение Эолин, других не будет. Ремесло, которое Гемена чтит каждый день своей жизни, умрет вместе с ней, здесь, в Южном Лесу.

Не в силах больше сидеть на месте, Гемена вышла из хижины и подошла к краю сада.

Восходящее солнце осветило деревья золотыми оттенками. Свежий ветерок принес ароматы весенних цветов, молодых листьев и влажной глины. В лесу доносились песни птиц.

Гемена наклонила голову и прислушалась.

Ее сердце подпрыгнуло, когда она услышала голос Эолин вдалеке. Крики становились громче и возбужденнее, пока Эолин не вырвалась из леса на поляну.

— Гемена! — воскликнула она. — Смотри, что дал мне Дракон!

У Гемены перехватило дыхание. Эолин держала посох в руках. Хрустальный наконечник сверкал под яркими лучами солнца. Ошеломленная, мага двинулась к Эолин так быстро, как только позволяли ее затекшие конечности.

— Гонец явился мне как Дракон! — объявила Эолин, затаив дыхание, когда они подошли друг к другу. — О, Гемена, она прекрасна! Полет ее стремителен и бесшумен, и она сияет, словно сделана из речного жемчуга и кристаллов воды. Она выковала для меня мой посох и приняла мою торжественную клятву вернуть женскую магию нашему народу.

Дрожа, Гемена положила руки на полированный дуб.

— Что это за чудесный дар? — пробормотала она. — Дракон не выковывал ни одного посоха со времен Кэдмона, а до этого со времен Эйтны и Карадока.

Эолин громко рассмеялась.

— Боги благословили нас, Гемена. Они указали мне путь и позволили сделать его своим. Они пообещали, что всегда будут со мной.

Гемена закрыла глаза, впитывая сложную и навязчивую мелодию посоха. На поверхности этой песни Гемена слышала все элементы, которые приносили радость в юную жизнь Эолин. Но под этой красотой скрывалось более зловещее настроение. Когда она узнала его, у Гемены похолодела кровь.

— Я не понимаю, — Гемена открыла глаза. Ее голос дрожал. — Я не могу научить тебя,

как пользоваться этим.

— Дракон сказал, что ты знаешь, что делать, — ответила Эолин с лучезарной улыбкой. — Она сказала, что боги укажут тебе путь. Когда мы можем начать? Мы можем начать сегодня?

— Нет, — неужели девушка не слышала? — Послушай меня, Эолин. Я не буду учить тебя, как пользоваться этим посохом.

Улыбка Эолин исчезла.

— Но почему? Ты единственный учитель, который у меня есть. Если ты мне не покажешь, то...

— Это оружие войны. Я не сделаю тебя воином. Я не научу тебя убивать, — вспыхнув от гнева, старая мага вырвала посох у Эолин. Она подняла его к небесам и закричала богам. — Вы меня слышите? Я не сделаю этого! Я не позволю запятнать ее магию насилием и кровопролитием!

— Гемена! — Эолин положила руку на плечо старой маги. — Пожалуйста, не говори так. Не ты ли учила меня, что инструменты магии — это всего лишь инструменты? Что это мага командует своим посохом, а не наоборот?

Слезы щипали глаза Гемены. Она опустила на землю. Ее многочисленные ноши ложились тяжелым бременем на хрупкие плечи. Она чувствовала себя истощенной, измученной до костей бесконечными испытаниями жестокого века.

— Дракон связал этот посох с самыми глубокими местами земли, — сказала она, — где реки силы текут полноводными и практически неиспользованными. В древних легендах темные волшебники из дальних стран использовали эти реки как средство разрушения. Во времена короля Фарена маги и маги Мойсехена призвали ту же самую магию, чтобы заманить демонов Наэтер в ловушку и отправить их в Преисподнюю. Я очень уважаю эту силу, Эолин, но не питаю к ней любви. Это опасно и непредсказуемо. Я не хочу, чтобы ты была связана с этим.

Плечи Эолин опустились. Она перевела взгляд с Гемены на посох. Печаль отразилась на лице девушки, заставив Гемену пожалеть о ее быстрых словах.

«Я могла бы, по крайней мере, позволить Эолин почувствовать радость в этот день».

— Прости, дочь моя, — сказала она. — Я стала старой и озлобленной женщиной. Будущее, которое я хочу для тебя, — это не будущее, которое я вижу в этом посохе. Дар дракона несет большое бремя, больше, чем я себе представляла. Я бы отдала все, чтобы избавить тебя от жертв, которые потребует этот инструмент.

Глаза Эолин стали влажными. Она моргнула и медленно провела рукой вдоль посоха, пальцы остановились на его хрустальной головке.

— Ты бы отказалась от своей магии, Гемена? — спросила она приглушенным тоном. — Должна ли я тогда отказаться от своей?

Спокойная решимость Эолин смягчила холодный узел страха в Гемене. Дрожащими руками Гемена заключила в крепкие объятия свою последнюю ученицу.

— Да будет так, любимая дочь, — пробормотала Гемена. — Боги сказали. Давай найдем способ.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Песни прохода

На пятом году обучения Эолин Гемена отправила ее в лес собирать элементы, необходимые для оберега маги.

Эолин собрала много шелка от трех разных разновидностей пауков: призрачного листового ткача, который плел паутину в полночь; ткача рассветного тумана, чьи тонкие нити можно было увидеть только при первых лучах рассвета; и гигантский прыгун-арлекин, разноцветное существо, чей толстый шелк придавал ткани прочность и упругость.

В дополнение к паучьему шелку Эолин собрала все, что могла найти, что обладало силой обмана и сокрытия. Она ловила водомерок, терновых жуков, коровых ящериц и бледно-розовых крабовых клещей. На дне реки она нашла галечные жилища крошечных водяных драконов и пыльные чешуйки с крыльев загадочных бабочек и мотыльков. Она брала пучки лисьего меха, запутавшиеся в колючих зарослях ежевики, и шла по пути ускользающей бархатной змеи, пока она не сбросила для нее кожу.

Когда пришло время готовить оберег, Гемена положила все, кроме шелка, в большой котел. Старая мага добавляла порции руты, лука-порея, можжевельника, розмарина и валерианы. Она дополнила рецепт здоровой дозой морщинистых темных ночных грибов, известных и вызывающих страх за их способность вызывать слепоту.

Целый день Гемена кипятила ингредиенты на медленном огне, время от времени посылая Эолин добавить свежей родниковой воды и перемешивать смесь, напевая шепотом заклинания.

Когда наступила ночь, Гемена и Эолин сняли кастрюлю с огня и разделили напиток на три большие чаши, по одной для каждого вида шелка. Затем они оставили шелк замачиваться на ночь под последним лучом убывающей луны. Утром нити отделили, промыли в чистой дождевой воде и бережно разложили сушиться на солнце.

Гемена поставила ткацкий станок, предназначенный для плетения оберегов. Когда солнце скрылось за деревьями, она зажгла свечи, пропитанные кресс-салатом и орегано. Только тогда она и Эолин приступили к делу, которое заняло бы их до утра, потому что ткань оберега должна была быть соткана в один присест под темной луной.

— Маги изобрели оберег во время борьбы с Церемондом и его Королём-Магом, — сказала Гемена Эолин, пока они работали бок о бок. — До войны у маг не было причин скрывать свою силу. Но во время войны способность скрывать способности стала синонимом выживания.

— Могут ли маги сломать оберег? — спросила Эолин.

— У каждой защиты, какой бы искусной она ни была, есть швы. Умелый маг может найти эти недостатки, но он должен знать, что ищет и где искать. Даже тогда это сложно, но маги Церемонда очень проницательны. Обычно они начинают с поиска других признаков магии. Знание лекарств и растений. Общение с животными. Исключительная красота или откровенный характер. Все, что отличает женщину, по их мнению, может быть свидетельством колдовства. Как только они увидят подозреваемую магу, лишь вопрос времени, когда они найдут ее оберег или поймут ее в момент небрежности.

— Небрежность?

— Возможно, это не то слово. Хорошо обученная мага редко бывает небрежной. И все же магия для нас вторая натура, как инстинкт. Ты должна найти способ контролировать свое желание использовать магию, Эолин. Каждый раз, когда ты используешь свою магию, оберег сползает со своего места, обнажая истинные цвета вашей ауры.

Эолин прервала свое плетение и бросила взгляд на Гемену.

— Я вообще не могу использовать магию, пока ношу это?

— Можно использовать несколько форм Средней Магии, совместимых с сокрытием и

обманом. Ты также можешь практиковать Простую Магию полностью, но нужно делать это с большой осторожностью, так как это один из признаков, который маги ищут, когда охотятся на маг. Если используешь Высшую магию, оберег пошатнется в тот момент, когда ты вызовешь заклинание. Однако он возобновит свою силу, как только ты закончишь заклинание.

— Сколько времени понадобится магу, чтобы распознать мой почерк в такой ситуации?

— Он, скорее всего, первым распознает твою магию, и этого будет более чем достаточно, чтобы отправить тебя на костер. Но если твое заклинание не обнаружено или если его нельзя легко отследить до тебя, магу может потребоваться несколько минут, чтобы найти искомую ауру. При таких обстоятельствах этого времени может быть достаточно, чтобы ты ускользнула.

— Все эти годы я посвятила тому, чтобы стать высшей магой, и теперь я должна прятаться за оберегом и любой ценой избегать использования своих навыков.

— Если ты сдержишь клятву, которую дала как Посвященная, и вернешь магию женщинам Мойсехена, твои дни сокрытия подойдут к концу, — ответила Гемена. — Но когда ты покинешь этот лес, ты должна быть очень осторожна. Пока ты не найдешь настоящих друзей и безопасные места, ты должна считать, что любой акт магии отправит тебя на смерть.

— Может, мне не стоит возвращаться, — сказала Эолин. — Какой в этом смысл, если все, чему я научилась, и большую часть того, кем я являюсь, нужно так тщательно скрывать? Лучше остаться здесь, в Южном лесу, где я могу свободно практиковать магию с тобой.

— Одиночество убедит тебя в обратном, — тихо ответила старая мага. — Скоро ты будешь вынуждена покинуть Южный лес, чтобы найти своих людей.

— Но ты мой народ, Гемена! Ты вырастила меня как собственную дочь. Ты открыла для меня мир волшебства. Все, что они сделали, это разрушили мою деревню, убили мою семью и отправили меня в изгнание. Зачем мне возвращаться к этому?

Гемена сосредоточила внимание на ткани, которая росла под ее пальцами. Когда она заговорила, это было низким тоном, соответствующим ритму ее плетения.

— Много ужасных вещей произошло в Мойсехене, но это не меняет того факта, что они — твои люди. Ты обязана служить им, независимо от того, что они сделали с тобой в прошлом, и независимо от того, что они могут сделать с тобой в будущем. В день, когда они будут нуждаться, ты должна ответить, потому что ты будешь единственной Высшей Магой, оставшейся у них.

* * *

Несколько дней спустя Гемена не появилась к завтраку.

За годы, прошедшие с тех пор, как старая мага приняла Эолин, она ни разу не пропустила первые мгновения дня, когда свет солнца поднимал над лесом бледный туман.

Сбитая с толку, Эолин тихонько постучала в дверь спальни Гемены.

— Входи, дочь моя.

С облегчением, услышав знакомый хриплый голос Гемены, Эолин отдернула потертую занавеску и шагнула в тесное помещение. С закрытыми ставнями Гемена была всего лишь еще одной тенью в крошечной нише. Она съежилась под одеялом, выглядывая из-под грубой ткани.

— Почему ты все еще в постели, Гемена? — Эолин почувствовала дрожь в голосе. Она искала хрупкую руку Гемены.

— Мое время пришло, Эолин, — дыхание Гемены хрипело в легких. — Приготовь место под ивой. Я проведу свой последний день в этом мире под весенним солнцем.

Боль пронзила горло Эолин. Она попыталась выдавить смех.

— Не говори таких вещей, Гемена. Как будто я позволю тебе уйти! Как будто боги позовут тебя, прежде чем я закончу свое обучение.

— Я назвала тебя Высшей Магой в прошлом месяце.

— Но мне так многому еще предстоит научиться!

— Не от меня. Приготовь место и не спорь с волей Богов. Я проведу свой последний день в покое.

Эолин встала. Ее конечности онемели. Не говоря ни слова, она оставила Гемену и вышла из дома.

В саду пышно цвели кусты и травы, пастельные цветы перемежались бледным румянцем весенних листьев. Овощи пробивали из темной земли новые побеги, а плодовые деревья шумели под жужжащий танец ос и пчел.

Мага не должна грустить в такой день, — сказала она себе, вытирая слезы со щек. — *Мага празднует весну и разделяет ее радость.*

По крайней мере, так Гемена говорила ей бесчисленное количество раз. Но все, что когда-либо огорчало Эолин, теперь вернулось к ней. Как далеко ей нужно было бежать, чтобы избежать смерти? Какое удовольствие получали боги, снова и снова оставляя ее одну?

Эолин закрыла глаза и изо всех сил пыталась заземлить свой дух. Она должна была подавить гнев и восстановить спокойствие. Если она не уравновесит свои эмоции, она поставит под угрозу переход Гемены в загробную жизнь.

Глубоко вздохнув, молодая мага вернулась в дом.

— Свечи, — голос Гемены хрипел, как сухие листья. — Те, что мы сделали прошлым летом, из ночной ягоды, зимнего шалфея и корня ириса. Принеси их сейчас, чтобы мы могли использовать их.

Эолин обернула одеялом хрупкие плечи старой маги. Она проводила Гемену к иве, стоявшей на краю луга. Она принесла свечи и поставила их, всего девять, по кругу у основания ствола. Когда она закончила, Эолин села рядом с Геменой и взяла ее за руку.

Трансформация маги была деликатным событием. Чтобы попасть в Загробную жизнь, ей приходилось пройти через коварные пейзажи Преисподней. Там она рисковала стать жертвой заблудших душ, спугавших свет магии с зовом Загробной жизни. Еще хуже были Наэтерские Демоны, которые охотились и пировали душами практикующих.

— У мамы ничего этого не было, — Эолин указала на круг свечей. — У нее не было ежевики или зимнего шалфея; у нее даже не было рядом друга, когда ее уничтожили. Означает ли это, что она оказалась в ловушке в Подземном мире?

Гемена подняла лицо к Эолин. Как изменилась старуха! Ее глаза сидели в утомленных темных впадинах. Ее нос свисал над тонкими губами. Ее щеки потеряли цвет.

— Маги-воины иначе готовились к смерти, — сказала Гемена. — Они носили на поясе зимний шалфей и читали заклинания перед каждым столкновением, иногда каждый день. На теле у них была пурпурная отметина ночной ягоды; некоторые окрашивали подошвы ног, другие рисовали замысловатые узоры на руках или спине. Кайе наблюдала за всеми этими практиками. Насколько я помню, она была набожной магой.

— Но как мы можем быть уверены?

— Ты сказала, что видела Кайе в тот день, когда люди короля напали на твою деревню.

Эолин кивнула.

— Она явилась мне в лесу и призвала нас спрятаться.

— Тогда она выживает в загробной жизни. Душа, пойманная в ловушку в Подземном мире, не может вернуться в это царство.

— Почему ты уходишь, Гемена? — слова выскочили, злые и непрошенные.

— Ты говоришь так, как будто у меня есть выбор, — Гемена выдавила тихий смешок. — Все мы, в конце концов, умрем. Придет и твое время.

— Но ты — все, что у меня есть. Должно быть какое-то волшебство, которое сможет удержать тебя здесь еще немного.

— Возможно, ты принесла с собой такое волшебство, когда пришла сюда маленькой девочкой. Может, поэтому я жила все эти годы до сих пор.

— Гемена! — голос Эолин был полон раздражения. Она не хотела банальных ответов. Ей нужны были древние заклинания и секретные пути отступления.

— Ты недолго будешь одна, — мягко сказала старая мага.

— Это то, что сказали тебе твои карты?

— Карты и сны древней женщины.

— Гадание — безрассудная форма магии, — Эолин не потрудилась скрыть свой сарказм.

— Да. Но временами это приносит утешение, и это, по крайней мере, может принести какую-то пользу, — уголки губ Гемены приподнялись в слабой улыбке. Ее глаза сияли тихим весельем.

Эолин отвернулась. Она была не в настроении для шуток.

— Я говорю правду, Эолин. Боги дали мне возможность заглянуть в твое будущее. Твои друзья ждут тебя. Ты их узнаешь...

Слова Гемены оборвались прерывистым вздохом. Ее тело сжалось у груди.

Вздрагнув, Эолин взяла старую магу на руки. Призвав силы земли, она положила руку на сердце Гемены и пробормотала длинное заклинание.

Дыхание Гемены стало медленным и хриплым.

— Ты стала прекрасной целительницей, — сказала она. — Такой жар в твоих руках. Твоя магия зависит от этого места, Эолин. Ты никогда не должна забывать об этом. Тебя всегда будет тянуть в лес, чтобы восстановить силу и обновить магию.

— Ты говорила о моих друзьях. Где они? Как я узнаю, кто они?

— У них уникальная магия. Они прячутся на видных местах.

Эолин нахмурилась. Всегда ли умирающие говорили так, загадками и противоречиями?

— А что с Ахимом? Ты не видела Ахима?

Гемена закрыла глаза.

— Нет. Я искала твоего друга, Эолин, но он скрыт в тени. Ты должна быть очень осторожна. Не позволяй своей привязанности к мальчику затмить твое суждение о мужчине. Он прошел через годы самых строгих тренировок. Если Церемонд сделал его Верховным Магом, то это потому, что он принял способ магии, который не оставляет места для женщины твоей силы.

Ясность вернулась во взгляд Гемены, когда она открыла глаза.

— Он знает твое имя, — продолжала она, — и теперь другие, возможно, уже слышали о тебе. Так что ты должна использовать другое имя, когда покинешь Южный лес. Не вызывай никакой магии без необходимости. Не делай ничего, что могло бы позволить им найти тебя,

пока ты не будешь уверена, кто твои союзники.

Эолин кивнула, но в глубине души не могла смириться с мыслью, что Ахим когда-нибудь предаст ее.

Гемена вздохнула, как будто произнесение такого количества слов потребовало невероятных усилий. Ее глаза снова закрылись. Некоторое время она лежала так неподвижно, что Эолин могла бы подумать, что она начала свой путь, если бы не постоянное тепло ее хрупкого тела.

Наставница спала большую часть дня, время от времени просыпаясь, чтобы сменить позу или понаблюдать за обитателями луга, прежде чем снова заснуть. Только когда солнце низко опустилось за деревья, Гемена снова заговорила:

— Эолин, — сказала она. — Зажги свечи.

Разрыдавшись, Эолин крепко обняла свою наставницу.

— Я не могу, Гемена! Не делай этого.

Старая мага положила дрожащую руку на лицо своей ученицы.

— Зажги свечи, Эолин. Спой мне. Спой песни перехода. Они помогут нам обоим.

Эолин подавила слезы. Она подняла руку к свечам. Ее заклинание было резким и неустойчивым. Фиолетовые фитили вспыхнули, как светлячки, над лугом. Успокаивающий аромат зимнего шалфея и ночной ягоды наполнил воздух.

— Ты принесла мне огромную радость, дочь моя, — прошептала Гемена. — Я благодарю богов за то, что послали тебя ко мне, за то, что дали мне надежду в то время, когда всякая надежда исчезла. Мне жаль... Мне жаль, что я не доживу до того, как ты исполнишь свое предназначение.

— О, Гемена!

— Спой мне, Эолин. Спой песни перехода.

Эолин сосредоточила все свои усилия на том, чтобы найти звук. Когда, наконец, ее голос вырвался на поверхность, он звучал слабо на фоне сгущающейся ночи, словно струйка дыма, развеянная вечерним бризом:

Я пою для перехода этой ведьмы

Мудрой и прекрасной подруги,

Принесший радость в мои дни

И смех в мои ночи

Я призываю ее спутников в загробной жизни

Те, кто признают ее с любовью

Свяжитесь со мной,

Чтобы мы стали мостом,

И она найдет безопасный проход.

Тело Гемены расслабилось, а ее лицо потеряло напряжение. Глубокий холод охватил старую мага. Затем ее руки обмякли, а тело погрузилось в обычный холод мертвеца.

Песня Эолин стихла. Она уложила наставницу, вытянула ее тонкие ноги и нежно скрестила руки Гемены на ее маленькой груди.

«Это все».

Последняя мага Старого Ордена присоединилась к своим мертвым сестрам.

Эолин накрыла тело Гемены своим и заплакала. Когда ее слезы превратились в изнеможение, она поцеловала Гемену в лоб и села на пятки.

Вечерние птицы молчали. Ритмичное стрекотание сверчков стало доноситься с лесной

подстилки. Рядом ухала сова. Елки шуршали на ветру.

На хребте Рысь выходила из своего логова, чтобы охотиться на зайцев, которые высунули свои носы из своих нор. Где-то наверху по черному небу расползались звезды.

Ночной лес оживал, но при всей его бурной активности Эолин чувствовала только отсутствие и раскаяние. Она подняла лицо к небу и издала глубокий, болезненный стон.

Откликнулись только волки, их печальный хор звучал слабо и невыносимо далеко.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Логово волков

Эолин сожгла тело Гемены в соответствии с традицией Старого Ордена на тщательно разложенном костре из бука, чтобы сохранить старое, ольхи, чтобы защитить новое, и ясеня, чтобы обрести мудрость во времена утраты. Через двенадцать дней после того, как священный огонь поглотил тело Гемены, Эолин развеяла пепел по лугу.

Отсутствие Гемены вызвало ноющую боль в сердце Эолин. Еда потеряла свой вкус, травы — свой аромат. Голоса деревьев стали туманными и приглушенными. Животные исчезли. Дугообразное голубое небо стало плоским и серым.

Несмотря на то, что она цеплялась за распорядок, который управлял ее жизнью с Геменой, Эолин погрузилась в море раскаяния. Как бы ей ни хотелось остаться в их доме столько лет, она начала понимать, что Гемена была права. Она не могла продолжать без человеческого общения.

Итак, через несколько недель после трансформации Гемены Эолин набила свою сумку лепешками, жареными орехами и сушеными ягодами. Она добавила сменную одежду и наполнила аптечку травами, в том числе большим запасом зимнего шалфея. Она прикрепила нож к поясу и наполнила кухню наградами для генд, которые ожидали много подарков в обмен на сохранение убежища в ее отсутствие.

Хотя было безопаснее лететь под покровом облаков, Эолин решила улететь в ясную ночь. Она хотела увидеть лес под собой и звезды над головой. С наступлением вечера она зажгла костер из ели, пихты и сосны под открытым небом. Она смешала белену, лавр и полынь с точно отмеренной белой мажентой, весенним грибом, дарующим способность летать. В небольшом котелке с дождевой водой она довела все до кипения. Затем она положила над поднимающимся паром плотную еловую ветку. Когда все иголки заблестели от капель влаги, ель стала тянуться к небу.

Прикрепив ветку к основанию своего посоха, Эолин поднесла отработанный отвар огню, потушив пламя. Она перекинула сумку через плечо и уселась на парящий посох.

Эхекат

Наэм да-уван

Эхуки

Сильно оттолкнувшись ногами, Эолин унеслась от земли, дома, сада и луга. Эолин почувствовала, что воспоминания о ее детстве тоже исчезли, как тысяча крошечных гирь, которые всегда будут тянуть ее к этому месту.

На краю луга едва уловимое движение указало на прибытие Рыси, пришедшей попрощаться простым жестом своего присутствия. Над Рысью бродили по ветвям беспокойные тени генд, шепотом желающих счастливого пути.

На уровне кроны сильное гудение указывало на границы оберега, окружавшего убежище. Пейзаж расплылся, а затем превратился в мираж сплошного древесного покрова.

Направив посох на север, Эолин направила свое бегство и повторила путь, который

привел ее в Гемену много лет назад. Ароматы сосны и дуба витали над лесом. Ветерок освежал ее щеки. Растущая луна освещала разбросанные облака оттенками голубого и серебристо-белого.

Эолин летела только ночью, прячась под покровом леса на рассвете. Время от времени Сова сопровождала ее под звездным небом, тихие взмахи ее крыльев успокаивали ее. Летучая мышь тоже выныривала раз или два, кружась у посоха в нетерпеливом порхании и спускаясь в лес с пронзительной песней.

Когда ночь начала переходить в пятый день, Эолин снова спустилась в навязчиво знакомое место, в убежище, где Эрнан оставил ее в день нападения на их деревню.

За все эти годы мало что изменилось. Ручей кристальными волнами падал на серые камни. Ужас маленькой Эолин давно исчез в его танцующих пузырях.

Вход в убежище был шире, чем помнила Эолин. В тот момент, когда она заметила это, запах Волка наполнил воздух. Эолин обернулась и увидела крупного серого волка с блестящими черными глазами всего в нескольких футах позади нее. Существо напряглось и оскалило клыки.

Я не причину вреда, — заверила она волка на его языке. *— Когда-то это место защищало меня. Я только хочу увидеть его снова.*

Подергивая ушами, волк резко кивнул и обратил внимание Эолин на убежище, откуда появилась пепельно-серая волчица. В детстве Эолин питала сильный страх перед этими существами, но, будучи Высшей магой, она знала, что они будут уважать ее до тех пор, пока не обнаружат злого умысла.

Эолин задержала дыхание, пока они обнюхивали ее ноги, одежду, руки и посох. Через несколько мгновений они расслабились и начали вилять хвостами. Эолин наклонилась, их влажные языки ласкали ее ладони. Она поняла, что впервые после трансформации Гемены наслаждалась прикосновением другого живого существа.

Скуление превратились в короткий лай, и без предупреждения группа энергичных волчат выскочила из укрытия, чтобы атаковать ноги и юбку Эолин.

— О, — улыбнулась она, вставая на колени, чтобы встретить семью, — я вижу, вы очень хорошо использовали это место.

В тот день Эолин осталась с волками, ухаживала за волчатами, пока взрослые охотились. Когда стемнело, она устроила себе постель рядом с их логовом. Самец спал рядом с ней, его пара укрылась со своим потомством в логове. Прижимаясь к мускусному теплу его жесткого меха, Эолин погрузилась в успокаивающие сны о лесной глуши.

К тому времени, как она проснулась, самец уже ушел. Самка наблюдала за ней с берега ручья, волчата бегали у ее ног и кусали ее за хвост.

После купания в холодной воде Эолин приготовила завтрак из лепешек, сухофруктов и травяного чая. Затем она ушла, поблагодарив мать-волчицу и малышей за их гостеприимство и благословив их убежище своей магией.

Прошло более десяти лет с тех пор, как Эолин в панике бежала по этим лесам. Время не оставило следов, за исключением, может, небольшого утолщения стволов деревьев и небольшого изменения трав на земле леса.

Эолин нашла рощу, где в последний раз появлялась и говорила ее мать. Оттуда оставалось совсем немного пройти до места, которое раньше обозначало край Южного Леса и начало ее деревни.

Лес расширился до полей, где когда-то жили ее семья и их соседи. Стволы ольхи и

березы тянулись над колючими кустами и молодыми деревцами.

Осторожно Эолин проследила путь к их прежнему дому. Ее глаза искали останки ее отца, но лес уже давно забрал его. Ничего не сохранилось и в строении из камня и дерева, которое он и ее мать создали с любящим намерением воспитать свою семью в мире.

Эолин прошла по размытым границам их старого жилища, вспоминая местонахождение очага, комнату своих родителей, комнату, которую она делила с Эрнаном. Стоя в центре, она поражалась тому, как все исчезло под надвигающимся лесом.

Земля вздрогнула и с треском провалилась. Эолин рухнула сквозь облако пыли. Прежде чем она поняла, что происходит, ее спуск был прерван, а ноги пронзила боль.

Она стояла в яме по грудь.

«Погреб. Как я могла забыть подвал?».

Она согнула лодыжки и проверила колени. Если не считать многочисленных жалящих царапин, она не пострадала. Отталкивая крошащиеся доски, она искала край, где могла вылезти. Когда она убрала гниющий пол, солнечный свет хлынул в подвал и осветил бесформенную груды в забытом углу, груды сломанных костей.

У Эолин перехватило дыхание.

Встав на колени, она провела пальцами по миниатюрному черепу.

Эрнан.

Он вернулся в дом! Должно быть, он спрятался здесь, пока их отец ходил искать ее в лесу, и задохнулся, когда Всадники подожгли их дом.

Эолин всегда помнила Эрнана больше, старше, сильнее и мудрее, но теперь, когда его хрупкий череп лежал в ее руках, потеря его жизни коснулась ее новой и горькой скорбью. Каким юным он был, когда его мир пришел к такому жестокому концу!

— Прости, что не смогла тебе помочь, Эрнан, — тихо сказала она. — Прости, что я еще не была достаточно сильна.

Собрав с благоговением каждую косточку, Эолин вынесла брата на солнечный свет. Она использовала посох, чтобы проделать дыру в земле, выбрав место, где раньше собирали тыквы. Затем она покрыла его останки плодородной коричневой землей.

Эолин составляла компанию Эрнану, пока могла, рассказывая ему истории обо всем, что она сделала с тех пор, как они расстались много лет назад.

Солнце двигалось над ними, миновало пик и начало опускаться в западной части неба. С приближением вечера Эолин встала, не желая уходить, но понимая, что не может задерживаться. Ночь откроет двери в Преисподнюю, распахнутые насилием Королевских Всадников и не закрывшиеся. Потерянные души узнают ее свет и будут посылать ужасные сны, прежде чем утащить ее с собой.

Эолин воззвала к посоху. Она убрала еловую ветку и превратила ее в пепел во вспышке оранжевого пламени. Из сумки она достала оберег, который соткала с помощью Гемены. Расшнуровав корсет, Эолин сняла платье.

Послеполуденное солнце согревало ее обнаженную кожу, и она чувствовала, как ее тело впитывает свежесть этого момента, готовясь спрятаться. Эолин подбросила блестящую ткань к небу и позволила ей опуститься на нее.

Эхекат

Наэм энем

Энем семту, фэом семту

Эхекат Эхука

Тонкий шелк исчез при соприкосновении с ее телом, расширяясь и невидимо прилипая к ее коже, такой легкой, что она лишь изредка ощущала покалывание при движении.

Она надела платье и собрала сумку. Используя небольшой кусок ткани, вырезанный из той же ткани, что и ее оберег, Эолин накрыла посох, сделав его неотличимым от обычной трости.

Затем она наклонилась, чтобы положить руку на свежую могилу Эрнана.

— Спи спокойно, дорогой брат, — сказала она, — тебя помнят с любовью.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Маг Эхиор

В детстве Эолин побывала в городе Моэн только один раз. Она мало что помнила об этом путешествии, за исключением того, что они шли по дороге, ведущей на север от ее деревни.

Первый отрезок этого маршрута теперь представлял собой не более чем заросшую тропу, но через несколько дней ходьбы она расширилась до небольшой грунтовой дороги. Плодородные холмы раскинулись во всех направлениях, с полями пшеницы и чечевицы, пасущимися коровами и мирными овцами, густыми садами и разбросанными фруктовыми деревьями.

Люди усиленно трудились на земле, признавая ее путь лишь косым взглядом или ленивым взмахом руки. Эолин внимательно наблюдала за ними. Боясь привлечь к себе лишнее внимание, она ни с кем не разговаривала.

Одним солнечным днем она проходила через деревню, наполненную криками, смехом и песнями. Она никогда еще не видела столько людей в одном месте, и это зрелище одновременно испугало и очаровало ее. Жители деревни кружились в волнах танца. Веселье тронуло сердце Эолин, пробудив далекие воспоминания о смехе, который когда-то звучал у костров в ее деревне.

— Это свадьба.

Эолин вздрогнула от голоса мужчины рядом с ней. Он был постарше и дороднее, с круглыми щеками и густыми белыми бровями. Он носил земно-коричневые одежды Среднего Мага и изучал ее пронизательными голубыми глазами.

— Ты не из этих краев.

— Я выросла на ферме недалеко от Южного леса, — Эолин с трудом сдерживала дрожь в голосе.

— А куда идешь?

— В город Моэн. Потом, возможно, в Королевский город.

Его брови приподнялись.

— Тебе предстоит долгий путь. Что заставило такую юную леди, как ты, отправиться в такое путешествие в одиночку?

— Мой отец умер, оставив меня с фермой. Я не могу справиться в одиночку, поэтому я иду в Моэн, так как у меня там семья. Если они не смогут мне помочь, я отправлюсь в Королевский город, где у меня есть друг, который, надеюсь, сможет найти мне работу.

— Работа! — он рассмеялся. — Думаю, тебе больше повезет найти мужа. Женщины в Мойсехене не искали работу со времен мага.

— Я понимаю, — его ответ смутил ее. Какое отношение имело исчезновение мага к практике найма женщин?

— Как тебя зовут, дитя? — спросил мужчина.

— Дана.

— Приятно познакомиться, Дана. Я маг Эхиор. Добро пожаловать в нашу скромную деревню, — он указал на гуляк. — Я создал круг для этой пары. Пусть их совместная жизнь будет долгой и благополучной.

Эолин смотрела на жителей деревни, страстно желая насладиться волшебством их танца.

— Если хочешь, можешь присоединиться к празднованию, — сказал Эхиор.

— Нет, — Эолин смущенно покачала головой. — Я должна быть в пути.

— Ты не успеешь добраться до следующей деревни до наступления ночи.

— Я хочу продвигаться к Моэну как можно быстрее. Я разобью лагерь вдоль дороги, если придется.

— Это небезопасно, — тон Эхиора стал серьезным. — Особенно для молодой женщины, путешествующей в одиночку. Я бы посоветовал тебе остаться на ночь в деревне. Я могу помочь тебе найти кровать.

— Я ценю вашу заботу, но я должна продолжать, — Эолин поклонилась и попрощалась, избегая празднества, насколько это было возможно. Несмотря на ее попытки стать невидимкой, ее уход не остался незамеченным.

— А вот и красотка, — сказал мужчина.

— Куда идете, миледи?

— Танец, любовь моя?

— Ну, почему ты так торопишься?

Она чувствовала, что ее преследует стая собак. Когда она, наконец, покинула толпу, ее сердце билось быстрее. Она ушла из деревни так быстро, как только могла.

— Дана!

Эолин сжала кулаки и поборола порыв бежать. Она повернулась и увидела спешащего к ней мага Эхиора. Он двигался гораздо быстрее, чем она могла ожидать от мужчины его возраста и телосложения.

— Да, маг Эхиор? — ответила она с напускным спокойствием.

— Если ты собираешься в Моэн, ты должна спросить о Круге Кори.

— Круг Кори?

Маг Эхиор захрипел и схватился за ребра.

— Кори — маг, а Круг — спектакль, который путешествует по королевству. В это время года они часто бывают в Моэне.

— Спектакль? — это слово было незнакомо Эолин.

— Исполнители. Они танцуют, поют, делают сценические иллюзии. Во всяком случае, говорят, что он предлагает работу женщинам и... — Эхиор вздохнул, — ...что он хорошо относится к своим людям.

— Большое спасибо, маг Эхиор. Я поищу Круг Кори, как вы предлагаете, — по правде говоря, она и не собиралась делать ничего подобного, но чем скорее она умилюстит этого человека, тем скорее сможет отправиться в путь.

Эхиор положил тяжелую руку на плечо Эолин. Она с трудом сдержалась, чтобы не вздрогнуть.

— Да защитят тебя боги, Дана, — сказал он.

* * *

Ночь наступила слишком рано, заставив Эолин разбить лагерь задолго до того, как она

достигла удобного расстояния от деревни Эхиора. Она устроилась далеко от дороги, рядом с небольшим ручьем. Набрал сухих веток, она разожгла костер и приготовила ужин из горячего чая и орехового хлеба.

— Еда становится однообразной, — призналась она потрескивающему огню. — Я должна была попросить у мага Эхиора похлебки.

Огонь радостно зашипел в ответ. На фоне полумесяца плыли мягкие голубые облака. Напряжение встречи с магом Эхиором начало спадать. Эолин напевала тихую мелодию, добавляя свою мелодию к песням лягушек и ритму ручья.

Воздух был прохладным и обещал сон со смыслом. Эолин тут же приготовила бы постель, если бы запах незваного гостя не атаковал ее чувства. В темноте треснула ветка. Эолин встала и твердо уперлась ногами в землю. Ее рука искала рукоять ножа.

— Покажи себя, — потребовала она.

Незванные гости — Эолин обнаружила как минимум двоих — остановились. Запах их колебаний донесся до нее. С размеренным хрустом травы у края костра появились двое молодых людей.

Эолин узнала их по деревне, пару мальчиков, чьи ауры были окрашены недоброжелательностью. Тогда ей не нравилось маслянистое ощущение их взглядов, и теперь ее не волновал хищнический характер их приближения.

— Вы заблудились? — спросила она.

— Нет, миледи, — тот, кто ответил, был высоким и долговязым, с узкими глазами и многочисленными веснушками на вытянутом хамском лице. Он надулся, как простодушная ящерица в первый день ухаживания. — Но, кажется, вы могли.

Он неторопливо подошел к огню и сел, обменявшись с партнером отталкивающей ухмылкой.

Эолин презирала их обоих.

— Я не заблудилась и не приглашала вас посидеть у моего огня. Ты и твой друг можете уйти прямо сейчас.

Мальчик нашел камень и лениво бросил его в огонь.

— Не думай, что мы пойдем, миледи. Не пока ты не проявишь к нам немного вежливости.

С этими словами они прыгнули на нее.

У Эолин не было возможности подумать. Она почувствовала, как мягкая масса плоти поддается удару ее колена, услышала, как хрустнула кость под ее кулаком. Ее клинок зажил своей жизнью, шипя в воздухе и пробуя кровь. Внезапно освободившись от их грубой хватки, она отшатнулась.

Один из мальчиков лежал на земле и стонал с раненым пахом и сломанным носом. Другой стоял перед ней, его глаза были широко раскрыты от шока, рука была прижата к его щеке. Когда он опустил пальцы, они были скользкими от крови. Нож Эолин оставил длинную рану.

— Оставьте меня сейчас, или я убью вас обоих, — она никогда не слышала такого тона в ее голосе, низкого и свирепого. Все стихло, кроме ритма их дыхания. Двое парней смотрели на нее, как ястребы.

«Самый верный порез — горло, — сказал однажды Ахим. — Но в прямой конфронтации может не быть такой возможности».

Он набил холщовые мешки сухими листьями и привязал их к деревьям. Затем он нанес

на карту грудины, ребра и брюшную полость.

«Направь нож низко, под углом вверх. Если нацелишься слишком высоко, лезвие отскочит от ребер. Вложи вес своего тела в толчок. Не полагайся на силу своей руки. Вот и все. Теперь поверни лезвие или проведи им по животу, чтобы закончить работу. Никогда не оставляй противника полумертвым, Эолин, иначе он вернется, как раненый кабан».

Одно дело, конечно, отправить нож в мешок с сухими листьями. Мысль о том, чтобы вонзить свой клинок в дрожащий живот одного из этих мальчиков, вызывала у нее отвращение. Но она убьет их. Во имя богов, она убьет их обоих, если они сделают хотя бы шаг к ней.

Тишину нарушил шорох в грязи. Мальчик с раненым пахом вскочил на ноги и исчез в темноте. Другой плюнул в огонь.

— Ведьма! — сказал он. — Мы скоро придем к тебе. К утру ты будешь на костре!

Потом он повернулся и убежал.

Только когда звук их бега стих, Эолин ослабила бдительность.

По ее телу пробежала сильная дрожь. Нож выскользнул из ее пальцев. Она плотнее закуталась в плащ, пытаясь согреть холод в венах. Она не знала, что расстроило ее больше: их извращенное нападение или устрашающая сила ее инстинкта убийства.

«Я не могу оставаться здесь».

У нее был примерно час, максимум два, прежде чем выдуманная ими история дойдет до мага Эхиора и начнутся ее поиски.

Заземлив свой потрясенный дух, Эолин призвала ночной воздух в свои легкие. Она подняла руку к теням и пропела тихое заклинание. Через несколько мгновений она услышала голос соседней ели. Дерево было молодым, но его ветви обладали достаточной силой, чтобы летать.

Вернувшись к огню, Эолин вытащила из-за пояса необходимые травы и пропарила ветку так долго, как только могла. К тому времени, когда она начала тянуться к небу, ее чуткие уши уловили далекие крики. Она потушила пламя, собрала вещи и скрыла следы своего лагеря.

Затем она рванулась в низком и отчаянном полете, стремясь как можно дальше на север.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Круг Кори

Эолин не собиралась задерживаться в городе Моэн, но любопытство сдерживало ее, а водоворот шума и деятельности придавал утешительное ощущение невидимости.

Яркие вывески магазинов на домах из толстого дерева и белой штукатурки. Фермеры выстроились вдоль узких улочек, их прилавки были заполнены первым урожаем. Люди весело переговаривались и приветствовали друг друга широкими улыбками. Дети бегали, розовощекие и капризные, по мощеным улочкам. Эолин оказалась загипнотизированной острым ароматом копченого мяса и гниющих фруктов, пронзительным детским смехом и громоподобным топотом лошадей и повозок.

Солнце уже плыло высоко в полуденном небе, когда внимание Эолин привлек новый звук, низкий пульсирующий гул, который, казалось, носил ее имя. Люди вокруг нее прекратили свои труды. Многие направились к источнику странной музыки. Дети бежали впереди собравшейся толпы.

Эолин последовала за ними к центру города, где увидела элегантную процессию.

Ритмичные барабаны переплетались с соблазнительными припевами флейт, колокольчиков и других неизвестных инструментов. Женщины в роскошных платьях одарили музыку богатыми голосами, в то время как другие танцевали изящно, среди развевающихся вуалей. Несколько участников процессии ехали верхом, и одна из них, красивая женщина с темными распущенными волосами и нагретой солнцем кожей, произнесла слова на незнакомом языке, ее голос дрожал в такт барабанам.

Среди их медленного марша выделялся один человек. Он был одет в угольно-серую мантию и нес фальшивый посох, который, казалось, двигался по собственной воле. Он был высоким, как Ахим, но был гораздо более худощавым. Движения его были быстры и проворны, цвет лица — необычен, волосы — короткими и тонкими, а глаза — серебристо-зелеными на бледном лице. Он вызывал в памяти образ Дракона: полупрозрачность ее чешуи, кремовая линия, тянущаяся от горла к низу живота.

Громким голосом он приглашал всех на шоу, шоу для молодых и старых, зрелище иллюзий, созданное специально для прекрасных людей Моэна.

— Это он! — ребенок рядом с Эолин подпрыгивал, хлопая в ладоши. — Это маг Кори! Быстрее, может, он угостит нас сладостями!

Во главе с мальчиком на парад ворвалась стая детей. Их буйное мужество было вознаграждено дождем конфет из рукава мага Кори. В этот момент Эолин поняла, как близко забрел маг. Она отступила в сторону, чтобы скрыться в толпе, но было слишком поздно. Маг Кори уловил ее движение и устремил на нее серебристо-зеленый взгляд.

Эолин напряглась под его пристальным вниманием.

Его лицо озарила обезоруживающая улыбка.

Он шагнул вперед и сыграл вокруг нее дурацкий танец, закончив преувеличенным поклоном. Когда она ответила смехом, маг Кори достал из рукава лилию.

— Мое личное приглашение красивой женщине, — сказал он. — Предъявите это на входе, и вы заплатите половину цены, пять пенсов вместо десяти. Прекрасная сделка для шоу, которое вы не забудете.

— Но у меня нет... — прежде чем Эолин успела договорить, маг Кори пошел дальше.

Деньги.

С разочарованным вздохом Эолин засунула цветок за пояс. Гемена предупредила ее о деньгах, странных металлических предметах, которые появляются, когда люди обмениваются товарами или услугами. Эолин никогда не прикасалась к монете и поэтому не могла представить себе ее. По этой причине она хотела устроиться на работу, но работа не пришла бы достаточно скоро, чтобы оплатить ее вход в «Круг Кори». И ей очень хотелось больше узнать об этом «спектакле».

Жар и тяжелая поступь большого животного прервали мысли Эолин. Одна из парадных лошадей остановилась рядом с ней, на ней сидел красивый мужчина с густыми черными волосами, свободно собранными на затылке. На его лице появилось любопытное выражение, как будто он узнал ее, хотя Эолин знала, что до этого момента они не встречались.

— Как вас зовут, миледи? — он произносил слова осторожно, с мелодичным акцентом, который навевал образы ветра, гуляющего по открытым равнинам.

— Я Сара из Южного Моэна.

Он улыбнулся, будто она открыла ему важную тайну.

— Я Тамир из Сырнте.

Тамир потянулся вперед. Его пальцы прошли по ее виску и плавно опустились за ее

ухом. От этого жеста Эолин пробежала дрожь искр. Она бы отпрянула, если бы не успокаивающий эффект его прикосновения.

— Вы придете на представление сегодня вечером? — спросил он.

— Я бы хотела, но не могу. Только после того, как я... — она остановилась, когда Тамир вынул из-за ее уха единственную монету. Он подбросил пять пенсов в воздух, заставив ее поймать монету.

— Я не могу этого принять, — инстинктивно сказала она. Гемена предупредила ее о том, что нельзя принимать подарки от мужчин, хотя в тот момент она не могла вспомнить, почему.

— И я не могу дать, — ответил Тамир. — Как я могу отдать то, что не принадлежит мне? И как вы можете принять что-то в подарок, если оно уже ваше?

Эолин закрыла монету рукой и всмотрелась в карие глаза своего благодетеля, пытаясь понять его намерения.

— Значит, увидимся в Круге? — спросил он.

— Да. Видимо, да.

Удовлетворенно кивнув, Тамир из Сырнте продолжил свой путь.

* * *

Круг Кори был устроен сразу за городскими стенами, группа скамеек и галерей, окружающих центральное открытое пространство. Эолин прибыла, когда солнце висело низко над горизонтом. Место уже было переполнено. Буйные дети толкали друг друга локтями за место впереди. Другие взобрались на плечи родителей.

Как только Эолин удалось найти место на жесткой деревянной скамье, шоу открыл маг Кори. Он начертил круг и призвал благословение богов. Как только он закончил, акробаты ринулись в пространство со всевозможными прыжками, согревая толпу улыбками и аплодисментами. Всадники Сырнте последовали за ними, размахивая огненными мечами и вызывая воодушевляющие крики удивления и восторга.

Когда сгустились сумерки, маг Кори снова появился для искусно выполненной иллюзии, хотя Эолин не могла не заметить, что он обманывал с помощью настоящей магии. Кори переходил от одного трюка к другому, смелым шуткам и пародиям на мрачных старых магов, вызывая у публики взрыв смеха.

Как только сумерки растворились во тьме, появилась певица, которую они называли Горной Королевой. Это была высокая женщина с поразительными чертами лица и короткими белоснежными волосами. Под аплодисменты горожан она поманила своих спутников, красивую темноволосую женщину, которая ехала в процессии, и девять танцовщиц. Небольшая группа музыкантов заняла свое место на краю Круга.

Когда восторженный прием публики растворился в предвкушающей тишине, один из музыкантов сыграл единственную ноту. После этого Горная Королева наложила свой полный голос, вызывая другие инструменты. Она взяла за руку темноволосую женщину, чья песня глубоко переплелась с ее. Вместе они довели музыку до крещендо, которое привело танцоров в движение.

У Эолин перехватило дыхание. За годы своего ученичества у Гемены она изучила примитивную магию и применяла ее принципы к священным праздникам и заклинаниям. Однако только в этот момент она поняла истинную силу этой самой древней и наименее изученной формы магии. Исполнители захватили духов ветра и леса и превратили их в нечто еще более возвышенное.

Жители Моэна взялись за руки. Голоса и тела качались в едином целом. Трижды Горная Королева вела их через мелодию, каждое повторение было более интенсивным, чем предыдущее, пока гармония не достигала страстной кульминации, а затем уменьшалась, оставляя за собой притихшую и благоговейную толпу.

Минута насыщенного молчания прошла, прежде чем народ разразился бурными аплодисментами.

Эолин вспомнила слова Гемены.

«Ты узнаешь их по уникальной магии. Они прячутся на видных местах».

Могли ли это быть друзья, которых обещала ее наставница?

Она надеялась, что да.

После того, как толпа рассеялась, Эолин рискнула войти в группу палаток, где уединились люди Кори. Призвав скрытность Лисы, она молча двигалась среди теней.

Живая энергия гудела в этом месте, пока оборудование чистилось и складировалось, а костюмы менялись на более простые. Легкая болтовня наполнила воздух. Где-то сразу за палатками музыканты играли беззаботные мелодии с помощью нескольких пинт эля.

Внимательный слух Эолин уловил голос мага Кори, резкий и взволнованный, в одной из больших палаток. Она проскользнула в проход и увидела его сидящим за маленьким столиком. Перед ним стоял мужчина с кислым лицом в коричневой мантии Среднего Мага. Ткань была более тонкой, чем у мага Эхиора, и отделана золотом. Увидев их, Эолин заколебалась.

— Уверю вас, маг Мелк, — настаивал Кори, — в сегодняшнем представлении не было несанкционированной магии.

— Но эти женщины...

— Танцоры и певцы, больше ничего.

— И огни!

— Все управляется механически или с помощью моей магии, — заверил его Кори.

— Но *музыка*, маг Кори! Такой музыки не слышали в этой стране, даже во времена маг. Наверняка вы понимаете, что это было слишком мощно для такой скромной аудитории, как наша.

— Мы уже обсуждали это, маг Мелк. Мои музыканты приезжают со всех уголков известного мира, из мест, о которых вы, вероятно, никогда не слышали. Я собрал их вместе, чтобы создать совершенно новые виды мелодий. Должен ли я распустить их сейчас за то, что они оправдали мои ожидания?

— Если их работа вдохновляет на подрывную магию? Да.

— В этом шоу нет маг.

— Как вы можете быть уверены?

— Потому что маги были уничтожены, друг мой, — Кори говорил так, словно объяснял маленькому ребенку. — Их не осталось.

— Мастер Церемонд не разделяет вашего оптимизма.

— Ну, возможно, он должен. Это может помочь ему немного расслабиться.

— Я также должен упрекнуть, маг Кори, за очень вульгарные шутки, которые вы отпустили в отношении нашего самого почитаемого Мастера.

— О, ради богов! — Кори воздел руки к небу. — Вы не способны понимать юмор?

— Когда дело доходит до вопросов серьезной важности, да. Вы должны понимать, что завтра я отправлю полный отчет в Королевский город.

— Отправьте отчет. Совет сочтет это пустой тратой своего времени, так же как этот разговор был пустой тратой моего.

В этот момент в палатку вошла Горная Королева. Она прошла мимо Эолин, даже не оглянувшись. Во время представления она была одета в потрясающее синее платье, сверкающее серебряной вышивкой. Теперь она была одета как мужчина, в простую тунику и однотонный плащ.

— Привет, Кори, — тепло сказала она. — Я вижу, у тебя гость.

— Это магистрат Моэна. Маг Мелк, представляю вам Горную Королеву. Вы можете задать ей прямой вопрос, если хотите.

Маг Мелк ответил коротким кивком и молча вышел из палатки.

— Он дружелюбный, — Горная Королева говорила с любопытством.

— Они не будут разговаривать с женщиной, если подозревают, что она — мага, — сказал Кори. — Они боятся, что ее колдовство соблазнит их.

— Тем лучше для меня, полагаю. Но как им задавать вопросы во время суда, если они не могут поговорить с обвиняемым?

— Они наняли Высшего Мага, чтобы тот делал свою грязную работу, — Кори достал маленькую серебряную фляжку. — Это скверное дело, и я бы предпочел не обсуждать его сегодня вечером. Какой невыносимый дурак! Один только его титул — шутка: маг Мелк, магистрат Моэна. У меня чешутся зубы.

— При всем уважении, Кори, ты сильно рискуешь, разговаривая с этими магистратами.

— Я очень хорошо знаю, на какой риск иду.

Горная Королева пожалала плечами, вытащила из-под плаща яблоко и откусила с хрустом кусочек.

— Разве ты не заметил, что красивая женщина ждет тебя на пороге?

Кори сосредоточился на Эолин. Напряжение спало с его плеч. Он открыл фляжку и налил себе глоток кристально чистой жидкости, едкий запах которой достиг Эолин в нескольких футах.

— Я заставил тебя долго ждать, да? — сказал он. — Выходи на свет, где я могу тебя видеть.

Эолин шагнула вперед.

Глаза Кори сузились.

— Ты выглядишь знакомо. Где мы встречались раньше?

— Сегодня в городе. Во время процессии ты...

— Ах, да, теперь я вспомнил. Как я могу помочь тебе?

— Я пришла поблагодарить вас за приглашение. Шоу было очаровательным, и... — Эолин переступила с ноги на ногу. — Я подумала, что может быть я смогу работать в Круге.

— Я понимаю, — Кори допил свой напиток. — Хотя, если бы у меня была работа для всех, кто приходил спрашивать... Подойди поближе, чтобы я мог хорошенько тебя разглядеть.

Эолин подошла, встала перед столом. Кори не торопился, осматривая ее с ног до головы и обратно.

— Ну, — заключил он, — ты достаточно хорошенькая, и у нас нет никого с таким огненным тоном в волосах. Что ты можешь делать?

— Делать, сэр?

— Ты играешь на музыкальном инструменте? Танцуешь?

— Нет, я не играю ни на каких инструментах. Я танцевала, но у меня нет грации ваших танцоров.

— Ты умеешь петь?

— Немного, но мой голос далеко не такой завораживающий, как у женщин, которые пели сегодня вечером.

Горная Королева приподняла бровь.

— Ты определенно умеешь хвастаться своими талантами.

— Молодая леди, — нетерпение Кори вернулось. — Если вы не умеете петь, танцевать, кататься на пони или жонглировать огнем, вам здесь не место.

Эолин прикусила губу. Неужели она ошиблась в пророчестве Гемены? У нее не было ни одного из талантов, необходимых магу Кори, если только...

Не обращая внимания на все осторожные инстинкты, Эолин подошла к столу и показала магу Кори свои ладони. Как и во время своего выступления, Эолин сложил одну руку над другой в короткой, но сложной хореографии, которая закончилась раскрытием единственной монеты на кончиках ее пальцев.

Она уронила монету в пять пенсов на стол перед ним.

Кори и Горная Королева в изумлении уставились на кусок меди. Маг поднял его и внимательно осмотрел.

— Вот это удобный трюк, — сказал он с сомнением в голосе. — Если произведешь несколько тысяч таких, мы могли бы закрыть шоу и вернуться домой богатыми.

— Я не могу этого сделать, маг Кори. Это единственная монета, которая у меня есть, поэтому мне нужна работа.

Горная Королева выхватила монету из рук Кори и поднесла к свету факела.

— Найми ее, Кори. Она выглядит скромной, но внутри она бунтарь. Думаю, она вполне подойдет.

Кори сдвинул брови.

— Как, ты сказала, тебя зовут?

— Сара.

— Сара, ты знаешь, что такой трюк может привести тебя к костру?

— Они могли сжечь меня, но не по закону. То, что я сделала, не было настоящей магией. Это была просто ловкость рук.

Горная Королева рассмеялась.

— Послушай ее, Кори! Она звучит так же, как ты.

— Я не могу посадить тебя в Круг за это! Иллюзия или нет, они бы сожгли тебя без суда, — упрек мага Кори прозвучал резко и окончательно.

Эолин разочарованно опустила взгляд.

— Я понимаю. Спасибо за ваше время, маг Кори. Я больше не буду вас беспокоить.

— Я не отпускал тебя.

Откинувшись на спинку стула, Кори налил себе еще стакан. Он изучал Эолин с задумчивым выражением лица.

— Возможно, мне сойдет с рук, если я сделаю тебя своей помощницей, — сказал он. — Ты бы сама никаких иллюзий не делала, но была бы рядом с «волшебством». Я искал женщину, которая сопровождала бы мое выступление, но девушки Мойсехена больше не будут приближаться к магии, даже к ее иллюзии. Впрочем, ты бы не испугалась. Не так ли, Сара?

Сердце Эолин подпрыгнуло.

— Нет, не испугалась бы.

— Мы могли бы назвать тебя «последней Магой Моэна». Это привело бы Мага Мелка в ярость.

— При всем уважении, маг Кори, я думаю, что использование слова «мага» в отношении моей персоны было бы слишком рискованным.

— Я согласен, — теперь он смотрел на нее с подозрением. — У тебя нет мужа, да? Отца или опекуна? Кого-то, кто может пойти за мной с ножом, если я позволю тебе остаться с нами?

— Нет. Я одна в этом мире.

Он кивнул, как будто ожидал этого ответа.

— Одна. Одинокая и неповторимая.

Эолин смущенно отвела взгляд. Заметил ли он мгновение исчезновения ее оберега в тот момент, когда она достала монету?

— Тогда решено, — объявил Кори. — Ты можешь остаться с нами.

Женщина приветственно протянула руку.

— Поздравляю. Меня зовут Хелия. Я с Параменских гор, хоть я и не королева. Надеюсь, это тебя не разочарует.

— Нет, — Эолин нахмурилась. — А должно?

Хелия пожала плечами.

— Это разочаровывает меня. Если бы я была королевой, мне не пришлось бы зарабатывать на жизнь пением песен для этого старого скряги.

— Старого? — возмутился маг Кори.

— Я родилась и выросла среди горцев, но моя мать выросла в Мойсехене, — продолжила Хелия. — Это делает нас с тобой сестрами, в каком-то смысле.

— Должно быть, ты ей понравилась, — в тоне мага Кори было скрытое предостережение. — Только горстка людей знает эту историю.

Хелия выдержала взгляд Эолин. Ее глаза были завораживающими, потрясающего оттенка ледяной голубизны. Через мгновение она отпустила Эолин и сказала:

— Тогда я пошла.

— Кто идет с тобой? — спросил маг Кори.

— Ронан и Халил. Остальные останутся.

— Слава богам. В прошлый раз ты чуть не убила шоу со всеми музыкантами, которых взяла. А припасы?

— Все готово, — она обошла стол, чтобы поцеловать мага Кори в щеку. — Боги защитят тебя от гнева магистратов. И будь добр к этой женщине. Она мне нравится.

Хелия ушла, оставив мага Кори и Эолин наблюдать друг за другом в мерцающем свете факелов.

Через некоторое время Кори поднялся на ноги.

— Тогда, я полагаю, нам следует тебя устроить.

К ужасу Эолин, маг взял монету, которую она визуализировала, и сунул ее в свой кошелек.

— Если вам угодно, маг Кори, — Эолин изо всех сил пыталась сдержать дрожь в голосе. Визуализированная монета исчезнет в течение часа. Если Кори заметит, он точно узнает, что она сделала. — Эта монета — все, что у меня есть. Могу я оставить ее себе?

— Нет. Мне нужно это, чтобы покрыть твои расходы, пока ты не начнешь зарабатывать себе на жизнь.

Эолин открыла рот, чтобы возразить, но передумала. Споры могли вызвать подозрения, а она достаточно рисковала за один вечер. Она послала безмолвную молитву богам, надеясь, что исчезновение одной монеты среди многих останется незамеченным.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Сара

Проведя несколько недель в городе Моэн, маг Кори собрал вещи и направился в провинцию Селкинсен. Длинный караван Круга змеился на северо-запад по холмистому ландшафту, усеянному зелеными злаками и украшенному разбросанными деревушками.

В некоторых деревнях Кори устраивал простые представления для небольшой, менее привилегированной публики. Фермеры прибывали разрозненными группами, целыми семьями набивались в скрипучие деревянные повозки, запряженные крепкими волами.

Когда они спустились через узкий проход Эрунден, Кори, как он часто делал, задался вопросом, почему благородные дома Моэна никогда не укрепляли этот проход. Хорошо защищенный, он сделал бы Моэн почти невосприимчивым к атаке. И все же Моэн был самым легким завоеванием старых королей Мойсехена, попав под их контроль задолго до Селкинсен или Селен.

Кори часто комментировал это в присутствии лорда Фелтона, патриарха Моэна. Старик всегда отвечал одинаково, скромно и скромно смеясь.

— Чего можно ожидать от провинции фермеров?

— Вы недооцениваете свою значимость, лорд Фелтон, — ответил Кори. — Плодородные земли Моэна кормят остальную часть королевства.

— Мойсехен живет силой своей магии и могуществом своих королей, — тихо заявил Фелтон.

Временами Кори не мог сказать, был патриарх наивен или благоразумен. Если бы Моэн когда-нибудь осознал свою силу, он мог бы стать силой, с которой можно было бы бороться, за одну ночь. По этой причине Кори внимательно следил за провинцией, как и за многими вещами.

Как только они миновали перевал, Круг разбил лагерь в долине Эрунден, узком участке луга между лесистыми холмами. Кори решил задержаться на несколько дней. Ему нравилась магия, гудевшая под этой долиной, и он счел благоразумным напиться, прежде чем отправиться в Селкинсен. При всем своем богатстве и элегантности восточная провинция предлагала очень мало источников магии.

Как и предполагал Кори, его люди были благодарны за перерыв.

Однажды днем, вернувшись после долгой прогулки по летнему лесу, он застал Ренату за работой со своими танцовщицами.

«Эта женщина не понимает идеи отдыха».

Не то чтобы Кори возражал. Рената с ястребиным лицом держала шоу в тонусе, а его людей контролировала своей неутомимой дисциплиной. Она была в преклонных годах, в ее черных волосах просвечивала седина, но никто не был так предан Кругу, и немногие составляли лучшую компанию Кори.

Маг остановился на небольшом холме, чтобы понаблюдать за их тренировкой. С этой выгодной позиции он хорошо видел всех женщин, включая девушку, которая сейчас его больше всего интересовала, интригующую Сару из Моэна.

Рената заставляла бедняжку страдать больше других постоянными упреками и бранью. Так обстояло дело с любым новым членом Круга, но в случае с Сарой трудности усугублялись полным отсутствием у девушки опыта. Кори, без сомнения, сегодня вечером выслушает все это, но у Ренаты не было оснований для жалоб. Она навлекла это на себя.

— Ты совсем сошел с ума? — вопила Рената, ворвавшись в палатку Кори на следующий день после того, как он нанял Сару. — Включить эту девушку в свое магическое шоу?

— Я уже давно ищу помощницу, — ровным голосом ответил Кори.

— Через неделю она будет на костре, и остальные вполне могут сгореть вместе с ней.

— Она не будет творить никакой магии.

— Даже иллюзия магии может...

— Она не будет строить никаких иллюзий.

— Будь ты проклят, Кори! Я так устала от рисков, на которые ты идешь.

— Ты можешь выйти из Круга в любое время, Рената.

Рената сжала губы в тонкую линию. Кори хорошо знал ужас, который он вызывал всякий раз, когда предлагал ей уйти. Ничто не ждало Ренату вне Круга, кроме одиночества и страха, бесконечных мучений из-за всех ее призраков из прошлого.

Тон Ренаты смягчился.

— Кори, пожалуйста. Она всего лишь ребенок. Не делай ее своей игрушкой в этом.

«Игрушка? Так думала Рената?».

— Я не могу себе представить, чего ты ожидаешь от этой глупости, — настаивала Рената, — но эта девушка, эта красивая, невинная девушка, может лишиться жизни. Это справедливая цена за твоё удовольствие?

Он не мог с этим поспорить.

Что ж, он мог, но зачем расстраивать Ренату больше, чем нужно?

Они пришли к соглашению, что Сара будет выступать только в половине шоу в качестве ассистента Кори. В противном случае она заняла бы более мягкую роль танцовщицы. По правде говоря, Кори думал, что это мало уменьшит риск для юной Сары, но, по крайней мере, гнев Ренаты утих.

Несколько мужчин из Круга собрались, чтобы посмотреть, как женщины тренируются. Они сидели или стояли на травянистом склоне, льняные рубашки были распахнуты под золотым солнцем, их болтовня была тихой и веселой. При других обстоятельствах Кори мог бы предаваться их безделью, но сегодня у него были вопросы, и он хотел получить ответы.

— Я плачу вам не за то, что вы сидите и глазете, как дураки, пока женщины работают, — рявкнул Кори. — Почему бы вам не последовать их примеру и не сделать что-нибудь полезное?

Мужчины ответили хохотом и закатыванием глаз, но прислушались к его упреку. Один за другим они поднялись и направились к лагерю, все, кроме Тамира, который остался по сигналу Кори.

— Что думаешь о нашем новом приобретении? — Кори кивнул в сторону молодых женщин, которые стояли в позах, пока Рената исправляла их реплики.

— Она много работает, — сказал Тамир. — И она не привыкла к критике. Сомневаюсь, что она когда-нибудь приобретет мастерство наших лучших танцовщиц, но она устоит. Я подозреваю, что она будет готова, когда мы доберемся до Селкинсен.

Кори согласился. В девушке была естественная грация, отражение какого-то животного духа. Возможно, лисы или рыси.

— Расскажи мне что-нибудь, чего я еще не знаю. Что показал тебе твой знаменитый прицел сырнте.

Тамир закрыл глаза и поднял лицо к ветру. Бесплезное зрелище, на самом деле. Те, кто обладал зрением сырнте, видели прошлое, настоящее и будущее так же легко, как дышали. Тем не менее, как и у всех людей Кори, у Тамира была естественная склонность к драматизму.

Или, возможно, он просто обдумывал свои слова.

— Ее настоящее имя не Сара, — сказал Тамир.

Кори приподнял бровь. Ему и в голову не пришло, что у девушки могут быть причины использовать вымышленное имя.

— Как же тогда ее зовут?

— Не могу сказать.

«Не может или не хочет?».

— У нее дар обращаться с животными, — продолжил Тамир. — Она очень быстро начала ездить верхом, словно понимала язык лошадей. Будто она могла говорить с ними, а они с ней.

Уроки верховой езды также были идеей Ренаты.

«Она сможет уехать быстро, как стрела, если возникнут какие-то проблемы», — Кори, помня о своих битвах, решил побаловать и свою наставницу танца. Тамиру поручили научить Сару верховой езде, и он взял на себя эту обязанность со сдержанным энтузиазмом.

Отойдя в сторону от группы, Сара сняла поношенную тунику, чтобы продолжить тренироваться в нижней рубашке. Кори заметил вспышку света чуть выше ее локтя. Он прищурился.

— Та повязка, которую она носит, — сказал он. — Что это такое? Ты ее видел?

— Нет, но моя сестра Ришона отметила ее качество. Там украшение из цельного серебра, на котором выгравированы изображения многих животных, связанных вместе в одну змею.

«Боги», — сердце Кори сбилось в недоумении. Он проверил свои мысли и прикрыл их словами, надеясь, что Тамир не заметит более глубокий вопрос, который теперь его охватил.

— Откуда, по-твоему, обычная девица могла раздобыть что-нибудь подобное? Что еще Ришона узнала в женской палатке?

— Ничего такого, чего бы ты уже не знал, — ответил Тамир. — Истории, которыми Сара делится с женщинами, мало чем отличаются от того, что она рассказала нам. Действительно, она очень мало говорила о себе, предпочитая вместо этого задавать вопросы о Мойсехене. О народе, короле... и тебе.

— Мне? — это позабавило Кори. — Значит, она подозревает, что я представляю для нее опасность.

— Ее заверили, что ты не питаешь любви к Церемонду.

— Если она мудра, это ничего не изменит в ее подозрениях. Что еще они ей сказали?

— Она знает о твоих кровных связях с кланом Восточной Селен и с королевским домом Мойсехен через королеву Бриану. И она слышала много приукрашенных историй о твоих путешествиях в южные королевства.

Кори поморщился.

— Надеюсь, ничего слишком скандального.

— Ничего такого, чего бы ты не хотел, чтобы она услышала. Она очень интересуется

магией.

— Конечно. Она проявляет слишком много любопытства в этом отношении. Это ненормально для девушки из Мойсехена.

— Возможно, она одна из маг, вернувшаяся из мира, в который они были изгнаны.

Что-то в тоне Тамира заставило Кори задуматься.

— Это было бы совершенно невозможно, друг мой, — осторожно сказал он. — Все маги Старого Ордена были мертвы к тому времени, когда ей исполнилось пять. А у Моэна нет традиции магии, нет надежды создать что-то столь же сложное, как мага. Это почти оскорбление — предположить, что мага может появиться на этих грязных полях овса и ячменя.

— И все же ты разделяешь мои подозрения.

Кори искоса взглянул на Тамира.

— Когда она проделала то, что принесло ей эту работу, да, я подозревал, но с тех пор я не нашел никаких доказательств существования оберега. Тем не менее, видно, что она что-то знает. Сколько, можно только догадываться.

— Тебе не нужны дополнительные доказательства, чтобы передать ее магистратам.

«Ведьма, которую можно сжечь», — это может принести ему пользу.

— Я предпочту пока оставить ее с нами, — сказал Кори.

Маг повернулся спиной к танцорам Ренаты и направился к палаткам. Тамир последовал его примеру, не отставая от Кори.

— Я хочу посмотреть, как она отреагирует на Круг, — сказал Кори. — Возможно, она ослабит бдительность. Возможно, она расскажет кому-нибудь, кто она такая и есть ли еще такие, как она, спрятанные в Моэне.

— Она осторожная женщина, — ответил Тамир. — Медленно заводит друзей, еще медленнее сближается.

Кори пожал плечами.

— Сколько осторожных женщин поддалось твоему очаровательному обаянию, Тамир? Используй свои навыки сырнте. Убеди ее в своей дружбе и дай мне знать, что ты узнаешь.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Особый интерес

Город Селкинсен тянулся вдоль западного берега реки Фурмы, которая отделяла Мойсехен от соседнего королевства Ренфин. Толстые стены из желтого камня окружали центр города. На узких и извилистых улочках собрались магазины и прилавки. Вдоль набережной постоянно кипела деятельность, поскольку корабли и паромы разгружали товары в обмен на разнообразные продукты королевства.

В ушах Эолин звенело от ритмичных криков продавцов и яростной болтовни торговцев. Запах тухлой рыбы, мочи и пролитого эля будоражил ее чувства и вызывал слезы на глазах. Здания теснились над ними, отрезая часть ясного летнего неба. Она прижималась к своим спутникам, Ришоне и Адиане, и задавалась вопросом, будет ли «каменный лес» Ахима таким же хаотичным и прогорклым, как все это.

— Я никогда не видела столько людей в одном месте, — сказала Эолин.

— Тем лучше для Круга, — Ришона тепло улыбнулась группе мужчин. Они прервали разговор, чтобы посмотреть, как проходит черноволосая красавица. — Чем активнее рынки, тем щедрее наша аудитория.

— Каково было здесь расти? — спросила Эолин Адиану. — Я не могу представить себе

жизнь в таком месте.

Адиана вздернула подбородок.

— Селкинсен — центр королевства. Где еще кто-то хотел бы жить? Жизнь, торговля, культура. Королевский город может впечатлять своими величественными зданиями и благородной историей, но вся настоящая жизнь происходит здесь.

Эолин покачала головой. Как можно жить в месте без деревьев? Какими пресными потоками текла земная магия под провинцией Селкинсен! Она уже чувствовала истощение своих сил.

— По правде говоря, — продолжала Адиана, — я провела здесь лишь часть своего детства. Мои родители были купцами и меценатами. Они признали, что у меня был музыкальный дар, когда я была очень юна. Мне хотели найти учителя, но чистки набирали обороты, и никто не брал девушку, опасаясь обвинений в подрывной магии. Так что родители отправили меня вниз по течению, в Нью-Линфельн. Я жила там с двоюродным братом моей матери и почти восемь лет занималась музыкой.

— Что привело тебя домой?

— Мать и отец перестали писать, а потом перестали присылать деньги. Я думала... — она пожала плечами и отвела взгляд, заправив за ухо выбившуюся прядь золотистых волос. — Я думала, что они забыли обо мне. Я потратила все, что у меня осталось, чтобы вернуться домой. В то время мне было всего пятнадцать, и я очень злилась на родителей за их пренебрежение. Знаешь, я собиралась их хорошенько отругать. Но потом я узнала, что мать и отец совсем не забыли. Они умерли.

Сердце Эолин сжалось при воспоминании о собственной утрате.

— Как?

— Мать сожгли за колдовство, — голос Адианы стал горьким. — А отца казнили по обвинению в укрывательстве ведьмы.

— Твоя мать была магой?

Адиана покачала головой.

— Это маловероятно. У Селкинсен никогда не было особых традиций магии. Наша сила в коммерции, музыке и искусстве.

— Искусство — это магия, — сказала Эолин. — Как и музыка. Это все Первобытная Магия. Старые Ордены считали Первобытную Магию самой священной из всех.

Адиана рассмеялась.

— Ты слишком много времени проводишь с магом Кори. Ты должна следить за собой. Женщине неразумно говорить так, будто она знает об этих вещах.

Эолин прикусила губу. Она не задумывалась о том, с какой легкостью говорила о магии. Сколько раз она делала подобные комментарии перед Ренатой, Тамиром или даже магом Кори?

— В любом случае, я не говорю о Первобытной Магии, — продолжила Адиана. — Я говорю о магах и тому подобном. Очень немногие из них когда-либо были выходцами из Селкинсен. Однако во время чисток здесь было сожжено больше ведьм, чем где-либо еще в королевстве. Как ты объяснишь это? — ее глаза остановились на Эолин, хотя вызов, казалось, предназначался для кого-то другого.

— Не знаю, — призналась Эолин.

— Мать и отец умерли, потому что другие хотели того же, что и они. Многие семьи были уничтожены во время чисток, и на их могилах были построены новые империи.

Осуждение отца позволило магистрату конфисковать все его имущество.

— Но их имущество должно было достаться тебе!

— Девушке? — она издала резкий смешок. — Сироте? Нет, у меня не было ни на что прав, и не осталось денег, чтобы вернуться в Нью-Линфельн. В публичном проявлении милосердия магистрат предложил мне место слуги в своем доме, но я понимала, что это не сулит мне будущего. Он был извращенным стариком. Вместо того чтобы подчиниться ему, я убежала, думая найти работу на пирсе. К тому времени женщин почти никуда не нанимали. Какое-то время я пробовала петь в кабаках, но мужчины...

Адиана остановилась. Она разглядывала бульжники у своих ног и обхватила себя руками. Когда она снова посмотрела на Эолин, выражение ее лица было каким-то натянутым; беззаботным, но с напряжением на лбу.

— Знаешь, они всегда хотели большего, чем песня. Они платили лучше, если я обращала на них внимание, и становились жестокими, если я этого не делала. Все же мне повезло. Стюард отца пришел за мной до того, как я забрела слишком далеко по этой тропе. Он принял меня как члена своей семьи.

— Как получилось, что ты присоединилась к Кругу?

— Это произошло намного позже. Я долго прятала свои инструменты, то ли из стыда, то ли из страха. Затем однажды появился Круг Кори, где женщины создавали музыку вместе с мужчинами. Я просто знала, что должен быть частью этого, — Адиана взяла Эолин за руку. — Маг Кори допустил тебя в священное место, Сара. Мир, в котором ты можешь быть немного больше собой. Это то, что он дает каждому, кто присоединяется к Кругу. Ты обнаружишь, что мы яростно преданы ему из-за этого.

Ришона прервала их разговор, вздохнув от восторга. Она бросилась к продавцу, чей шаткий стол был завален сушеными травами и флакончиками с цветными порошками.

— Ваши люди называют это «пряностями», — сказала Ришона, когда Эолин и Адиана догнали ее. — Они с моей родины. Мы используем их почти так же, как вы используете травы. Они придают отличный вкус нашей еде.

С разрешения продавца Эолин потянулась за флягой с порошком оттенка дубовых листьев поздней осенью. Как только она собралась открыть его, Ришона остановила ее руку.

— Не этот, Сара. Позволь мне показать, — женщина-сырнте сняла кремовый шарф, который был на ней, и намотала его на глаза Эолин, оставив ей ощущение парения в ярком облаке.

— Это море, — сказала Ришона.

Эолин почувствовала фляжку у себя под носом и почувствовала теплый порыв соленого ветра.

— Это высокие равнины моей родины.

Чувства маги наполнились золотой лаской нагретой солнцем травы.

— Ночь.

Эолин почувствовала аромат, одновременно эфемерный и интенсивный, такой сладкий, что у нее сжалось сердце.

— Огонь, который согревает наши очаги.

Поманив Эолин разомкнуть губы, Ришона прикоснулась к ее языку веществом, которое вспыхнуло в ее носовых пазухах и обожгло горло.

— Это добавляют в еду? — Эолин ахнула.

Ришона коснулась губ Эолин своим дыханием, создав успокаивающий иней, который

распространился по пути огненной пряности.

— Это должно было открыть твои чувства. То, что я собираюсь показать, гораздо более тонкое.

Женщина-сырнте больше ничего не сказала, позволив воображению Эолин поиграть с ароматами и вкусами, которые последовали за этим: тростника, растущего на берегу безмятежного озера, влажной опавшей листвы и фруктовых деревьев, солнца, садящегося за ярким морем.

После многих таких попыток к Эолин пришел новый аромат, который замедлил ее дыхание и ускорил ее сердце. Она вдохнула свои духи, тяжелую, интимную пряность, исходившую от тепла ее рук и мягких очертаний ее груди. Она попробовала мед, который растекался по внутренней стороне ее бедер всякий раз, когда она впадала в экстаз под полной луной.

Вздвогнув, Эолин отпрянула, но запах мужского желания остановил ее отступление и впелся в ее аромат. Она встречала этот пьянящий аромат однажды, мельком, в тот день, когда прощалась с Ахимом. Но не Ахим привязался к ней, когда их страсть взлетела.

Внезапно Эолин сорвала шарф.

Горячий румянец залил ее щеки. Взгляд Ришоны был холодным и бесстрастным. Мага была уверена, что женщина-сырнте все видела. Чего она не могла сказать, так это то, создала ли видение Ришона.

— Этого достаточно, — голос Эолин был жестким. Дрожь вторглась в ее голос. — Возможно, ты сможешь показать мне больше в другой день.

Ришона приняла шарф, на ее румяных губах играла слабая улыбка. Она повернулась к продавцу, чтобы сделать заказ.

Адиана подошла ближе и обвила рукой талию Эолин.

— Если бы я не знала лучше, я бы сказала, что она наложила на тебя заклятие.

— Думаю, так и было.

Адиана цокнула языком.

— Невозможно. Если бы она была ведьмой, ее бы не пустили в Мойсехен. Ришона всегда играет в игру со специями, когда появляется новый участник. Я думаю, ее забавляет то, что наши приземленные чувства сбиваются с толку ароматами ее родины.

Но Эолин не собиралась так легко отмахиваться от случая. Ришона вошла в Мойсехен по приказу мага Кори. Ее беспокоило подозрение, что он мог нанять ведьму-сырнте при полном знании и поддержке Ордена Церемонда.

Продавец попросил высокую цену за свой товар, и, хотя Ришоне удалось сторговаться, она оставила крупную сумму в обмен на небольшое количество драгоценного импорта. С довольным видом женщина из Сырнте сунула специи в сумочку.

— Мой брат будет расстроен тем, что его месячное пособие на вино было потрачено, — она подняла свои темные глаза на Эолин. — Хотя ему будет приятно узнать, что его еда скоро станет более вкусной.

— Хватит бездельничать! — заявила Адиана. — Давайте посмотрим на ткани.

Она взяла Эолин за руку и повела ее к текстильному магазину — тесному залу с рулонами ткани, тянущимися к потолку. Лавочником был худощавый старик с лысеющей головой и самодовольной улыбкой. Разложив несколько шелков и парчи, он оставил их для обслуживания других покупателей. Ришона попросила Эолин сделать свой выбор, но разнообразие ошеломило молодую мага.

— Вы оба должны мне помочь. Вам лучше знать, что подойдет для спектакля, а что уложится в те рамки, которые дал нам маг Кори.

— Мы должны выбрать цвет, который компенсирует прекрасный тон твоих волос, — сказала Адиана. — Возможно, что-то зеленое.

— Зеленый — традиционный цвет Высших Магов, — возразила Эолин. — Это слишком рискованно.

— Тогда, возможно, синий, — предложила Ришона. — Не ледяная с серебром голубизна платья Хелии. Более насыщенный синий, теплый синий цвет реки в летний день.

Ришона отделила сапфировый дамаск с золотыми нитями, вплетенными в свободные бриллианты. Эолин провела пальцами по необычному плетению. Она не могла представить себя в такой ткани. Это было так чуждо всему, что она когда-либо знала.

— Хорошо? — спросила Ришона.

— Я не знаю. Я думаю, это слишком мягко.

Адиана хихикнула. Ришона позвала владельца магазина и поручила ему разрезать ткань. Затем она попросила его разложить несколько рулонов более простой ткани, прежде чем вернуться к Эолин.

— Ты должна выбрать что-нибудь другое, — сказала женщина из Сырнте.

— Еще одно платье? — спросила Эолин. — Почему?

— Это подарок от мага Кори, что-то, что можно носить, когда не выступаешь.

— Подарок?

— Я подслушала его только вчера, — сказала Адиана с заговорщицкой ухмылкой. — Он считает, что ты очаровательно выглядишь в этих домотканых коричневых одеяниях, но хочет видеть тебя в чем-то более подходящем для твоего положения в Круге.

— Мое положение?

Они рассмеялись.

— Кажется, ты пробудила некоторую щедрость среди мужчин Круга, — от слов Ришоны щеки Эолин вспыхнули. Она резко отвернулась и сосредоточилась на тканях.

Адиана подошла ближе.

— Ты должна быть рада, знаешь ли. Для мага Кори необычно проявлять особый интерес к одной из работающих у него женщин.

— Действительно, особый интерес, — Эолин не потрудилась скрыть свое раздражение. — Хотя и не романтического характера.

— Какие еще есть особые интересы? — поддразнила Адиана.

Эолин перевела дух и искала подходящий ответ. Она не могла отрицать внимание мага Кори по отношению к ней, его щедрость, расчетливую доброту. Но Кори не искал ее сердца. Он искал доказательства ее магии.

— В твоем духе есть резонанс, который напоминает Кори о ком-то, кого он потерял, о ком-то очень дорогим для него, — сказала Ришона.

— Ришона, я не выкажу неуважения к магу Кори, отказавшись от этого подарка, но и не потерплю больше разговоров о его романтических намерениях.

— Тогда, возможно, мы сможем поговорить о песне, которую Натан посвятил тебе прошлой ночью! — предложила Адиана. — Держу пари, его ласки такие же сладкие и искренние, как и его голос.

— Мы могли бы также обсудить монету, которую мой брат предложил тебе в Моэне.

— Это не считается, — возразила Адиана. — Тамир всегда раздает монеты женщинам в

этих процессиях.

— Он делал это раньше? — спросила Эолин.

Адиана пожала плечами.

— После шоу к нему в постель приходит не одна желающая.

Сердце Эолин сжалось. Она мало разговаривала с Тамиром вне уроков верховой езды, но не могла отрицать влечение, которое испытывала к нему. Его темный взгляд будоражил ее, и он двигался с необузданной чувственностью, напоминающей Рысь. Уже были моменты, прикосновение его руки к ее руке, встреча взглядов над вечерним костром, когда она ловила себя на мысли, что, возможно, он чувствует то же самое. Узнав, что она была одной из многих, она как-то разочаровалась.

— Дело в том, — сказала Ришона, — что Тамир испытывает особый интерес к Саре.

Адиана накручивала на пальцы прядь золотых волос.

— Должно быть, это был настоящий удар по самолюбию Тамира, когда ты отправился на поиски Кори после шоу вместо него.

— В ту ночь мне не нужен был любовник, — отрезала Эолин. — Мне нужна была работа.

Ни одно заявление, сделанное Эолин во время этого разговора, не было задумано как шутка, и она не могла понять, почему ее спутницы продолжали хохотать.

— А когда тебе понадобится любовник, — спросила Ришона, — кого ты выберешь?

Адиана преувеличенно вздохнула.

— Ришона уже знает ответ на этот вопрос. Она видела все наше будущее.

— Это неправда, — сказала Ришона.

— Я хочу знать, с кем ты была. Ты говоришь так, будто давно уже погрузились в эти удовольствия, Сара. Расскажи нам о своих любовниках, — Адиана произнесла слово «любовники» так, словно откусывала медовый пирог.

— Я еще не испытала должного пробуждения эн-ласати, но моя бабушка научила меня этим искусствам. Она объяснила, чего ожидать, и научила меня важности... подготовки.

— Ты не испытала настоящего пробуждения? — Адиана весело передразнила Эолин. — Ты действительно выросла на краю королевства! Никто больше не говорит об этом так. Теперь говорят «потерять». Ты можешь потерять девственность или потерять невинность, потерять свою лилию. При этом ты потеряешь свою репутацию или, по крайней мере, уважение. И всегда кажется, что женщины теряют. В наши дни мужчины рождаются, чтобы не терять вообще. Этого достаточно, чтобы женщина сошла с ума, как по мне.

— Рената рассказала нам, что во времена маг женщины Мойсехена были лучше обучены искусству любви, — заметила Ришона. — Твоя бабушка, должно быть, принадлежала к этому поколению.

— Да, — Эолин впала в задумчивость, вспомнив свою наставницу. На мгновение она снова оказалась в Южном лесу, работала бок о бок со старой магой в саду.

— Скажи мне, Сара, — голос Ришоны упал до бормотания. — Твоя бабушка тоже учила тебя, как отвергать мужское семя, когда ты того желаешь?

Это был опасный вопрос, и Эолин это знала. Но день оставил ее беспокойной, будто вокруг нее построили забор. Она чувствовала потребность защитить себя. Если она еще не могла защитить свое право на магию, то, по крайней мере, она будет защищать свое право на близость.

— Конечно. Я всегда ношу с собой подходящие травы.

Адиана затаила дыхание.

— Ты знаешь старинные женские лекарства?

Ришона заставила их замолчать, когда лавочник повернул голову.

— Ты *должна* научить меня, — яростным шепотом настаивала Адиана. — Ты должна научить нас всех!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Тонкость суждения

Хотя появление Эолин в акте иллюзий Мага Кори привлекло к палатке Кори немало разгневанных магов, шоу за шоу проходило без происшествий. Каждая публика принимала ее с лестью. Никто не пришел арестовывать Эолин, и мало-помалу юная мага почувствовала себя в компании Круга более непринужденно.

Ришона и Адиана остались ее верными спутницами. Эолин завоевала уважение среди женщин благодаря своим знаниям о растениях и традиционной медицине. Благодаря их путешествиям она многое узнала о своей родине: элегантность Селкинсен, богатые жилы магии, которые гудели под Селен, песня металла, которая эхом отдавалась над правящей провинцией Мойсехен.

Когда осень начала переходить в зиму, дух Эолин померк из-за растущего подозрения, что сезон может пройти так, что караван мага Кори так и не достигнет Королевского города. Она надеялась найти Ахима до конца года и покинуть Круг ради его защиты.

Все ее фантазии о встрече с Ахимом были счастливыми. Эолин представила его практически неотличимым от мальчика, которого она когда-то знала, и ее сердце загорелось при мысли о том, что они вновь обретут дружбу. Ахим защитит ее и подарит ей новый дом. Вместе они найдут способ восстановить Старые порядки.

За несколько дней до осеннего праздника Самайн Круг дал последнее выступление в городе Селен. Спутники Эолин отметили Великий Праздник обычаями, призванными почтить память умерших, и ярким весельем, посвященным прощанию с товарищами-артистами и хорошими друзьями. В зимние месяцы Круг потеряет более половины своей компании, так как многие участники вернутся в свои дома и семьи в межсезонье. Те, кто остался, в том числе основные фигуры, как госпожа Рената, иностранцы, как брат и сестра из Сырнте, и другие, у которых больше не было семьи, как Адиана, должны были уйти вместе в поместье мага Кори в Восточной Селен.

За день до их ожидаемого отъезда Эолин отправилась на свою обычную прогулку в сопровождении, как это часто бывало, мага Кори. Запах зимы только начал пропитывать воздух. Сухие листья шуршали, когда ветер сдувал их с деревьев. Эолин вспомнила день, когда пала ее деревня, и по ее плечам пробежала невольная дрожь.

— Ты в порядке, Сара? — спросил маг Кори.

Не было ни одной детали, которую бы он не заметил.

— В воздухе витает холодок, — Эолин больше не говорила о набеге на ее деревню. Она уже вытерпела бесчисленные вопросы об этом. — Сейчас слишком поздно, чтобы носить летний плащ.

— Мы можем вернуться, если хочешь.

— Нет. Осень уже уходит. Я хочу получить от этого как можно больше удовольствия.

Кори сделал паузу, снял плащ и накинул его на плечи Эолин. Эта близость нервировала ее.

— В этом нет необходимости, — сказала она.

— Я знаю, — он застегнул плащ у основания ее горла. Застежка была красивой, из цельного серебра с замысловатым выгравированным изображением Дракона. На мгновение он позволил своим рукам коснуться ее плеч. — Так лучше?

— Да, — признала Эолин. Тепло уже проникало в ее конечности. Шерстяной плащ был пропитан успокаивающим ароматом хвои и зимнего ветра.

Маг Кори отошел, и они продолжили прогулку.

Хотя он всегда просил у Эолин разрешения сопровождать ее, маг понимал, что у нее нет выбора, кроме как согласиться. Она нервничала из-за бдительности Кори, но находила некоторое удовольствие в его харизматическом присутствии. Она восхищалась легкими шутками Кори и естественным вниманием к деталям пейзажа: скользящий вдали зимний ястреб, окрашенный в потрясающие цвета опавший лист, убранное поле, освещенное лучами холодного полуденного солнца.

— Я слышала много легенд о Восточной Селен, — сказала она. — Я с нетерпением жду встречи с твоим домом.

— Я с нетерпением жду возможности показать его тебе, хотя я не смогу сделать это еще много недель.

— Что ты имеешь в виду? Я думала, мы уезжаем завтра.

— Ты и остальные отправляетесь в Восточную Селен на рассвете. Я должен отправиться в Королевский город.

— Почему ты не берешь нас с собой? — разочарование Эолин вылилось неволью. Она прикусила губу, уже сожалея о своей вспышке.

Маг Кори искоса взглянул на нее.

— Эта поездка не представляет интереса ни для тебя, ни для других членов Круга. Спектаклей не будет, и я буду заперт на встречах с Советом, что, должен добавить, приведет меня в очень скверное настроение. Тем больше причин, по которым я должен ехать один.

— Но я хотела бы увидеть Королевский город, Каменное основание Вортингена, великий замок королей-воинов. Моя бабушка рассказывала мне замечательные истории.

— Это величественное место, хотя многие, кто знал его до войны, говорят, что оно утратило большую часть того великолепия, которое было когда-то.

— Почему ты не возил туда Круг прошлым летом?

— Город Мойсехен — трудное место. Один Верховный Маг с кислым лицом может испортить представление. И, конечно же, для меня это означает больше работы, связанной с посещениями и обсуждениями бесчисленных магов, проживающих в городе. Вдобавок ко всему этому, мы поместили тебя в мой акт иллюзий. Я не могу принести это в Королевский город, пока нет. Хотя я уверен, что о твоём месте в шоу было доложено магистратами. Я потрачу много времени, защищая это решение.

— Что произойдет, если ты не сможешь заручиться поддержкой Совета?

— К концу моего визита я получу их поддержку во всем. Так всегда. Это просто вопрос убедительных аргументов.

Эолин прокручивала это утверждение в уме, ее пальцы лениво скользили по прохладной металлической застежке плаща Кори. Она видела, как он сражался лицом к лицу почти с каждым магистратом каждой деревни, в которой они выступали. Маги всегда бросали ему вызов с одними и теми же аргументами, и всегда они угрожали сообщить о нем Церемонду. Тем не менее, Круг продолжал беспрепятственно существовать, и уверенность мага Кори в безопасности никогда не колебалась, даже сейчас, когда он говорил о защите своих действий

перед Советом.

— Это не просто убедительный аргумент, да? — осмелилась она, бросая на него осторожный взгляд. — Тебя никогда не беспокоят обвинения магистрата, и ты всегда уверен в поддержке Совета. Почему так?

Улыбка мага Кори исчезла. Он остановился и нахмурился, словно борясь с новой идеей или примиряясь с каким-то тихим откровением.

Эолин гадала, не была ли она слишком смелой.

— Я оказываю услугу Совету, — Кори возобновил шаг, не сводя глаз с пути впереди. — Круг — это не просто шоу. Это своего рода лаборатория, придуманная для изучения альтернативных форм магии.

Ноги Эолин вросли в землю под ней.

Маг Кори сделал еще несколько шагов, прежде чем повернуться и сфокусировать свой серебристо-зеленый взгляд на маге.

— С какой целью? — спросила она.

— Мастер Церемонд и король боятся проявления нового класса магии, чего-то, что они не могут обнаружить или контролировать. Поэтому они запустили большой проект, чтобы попытаться понять магию чужих земель, сырнте, горцев, даже Примитивную и Простую Магию, которая живет в сердцах женщин Мойсехена. Круг является частью этого проекта. Моя работа заключается в том, чтобы наблюдать за поведением наших членов и изучать влияние их магии на жителей Мойсехена. Цель моих ежегодных визитов в Королевский город — сообщить Совету все, что я узнал.

— И ты делаешь это для них?

— Это то, чего от меня ждут.

— Но магистраты и все остальные... те их угрозы Кругу...?

— Они ничего не понимают в истинной природе этого предприятия. Знает только Совет и король.

— А члены Круга?

— Каждый человек, находящийся у меня на службе, знает то, что я считаю необходимым для него или нее знать.

Эолин хотела продолжить путь, но ее ноги упрямо цеплялись за землю. Это был рефлекс маги, дух впивался глубоко в землю при столкновении со страхом. Эолин надеялась, что маг Кори не узнает эту технику.

— Ты должны понимать, что не следует ни с кем обсуждать то, что я открыл, — сказал он.

— Почему ты рассказал мне это?

Маг Кори сократил дистанцию между ними. Его магия бесшумно распространялась сквозь опавшие листья, окружая ее, отрезая путь к отступлению и бросая ей вызов защититься контрзаклинанием. Он остановился прямо перед ней, его лицо было близко.

— Потому что, Сара, — пробормотал он, — иногда мне нравится представлять, что мы с тобой живем в мире, где мы не чувствуем себя обязанными хранить секреты друг от друга.

В горле Эолин пересохло.

— Позволь мне пофантазировать, — продолжал он, — и скажи: почему ты так сильно хочешь отправиться в Королевский город?

Эолин заставила себя смотреть ему в глаза. Когда она заговорила, ее голос был ровным:

— Это желание ребенка. У меня был друг в детстве. Я верю, что он живет там. Я хочу

найти его. И все.

Маг Кори какое-то время изучал ее. Затем он отошел и продолжил прогулку. Осенняя земля освободила ноги Эолин. Она ускорила шаг, чтобы догнать его.

— Друг, — спросил он с маской праздного любопытства в голосе, — или любовник?

— Друг. Мы были детьми, когда знали друг друга.

— Понимаю. Извини, Сара, но я не могу взять тебя в город не потому, что я против того, чтобы ты нашла своего друга, а потому, что я против того, чтобы заводить оленят в гнезда змей. Хотя, если бы ты была там, было бы еще хуже. Змеи, по крайней мере, имеют некоторое представление о том, кто их настоящий враг. Слишком многие маги Церемонда не обладают тонкостью суждения. У них не хватает терпения отличить истинную угрозу от ложной. Это место небезопасно для женщины твоих... качеств. И я буду слишком занят Советом, чтобы заботиться о тебе.

— Я понимаю, маг Кори, — по правде говоря, теперь Эолин почувствовала облегчение, что не будет сопровождать его.

— И еще, — Кори снова остановился, чтобы посмотреть ей в глаза, выражение его лица было задумчивым. — Я знаю многих людей в городе Мойсехен. Если ты назовешь мне имя этого твоего друга, возможно, я смогу...

Выражение лица Эолин остановило его слова.

— Я вижу, что давлю слишком сильно, — сказал он. — Очень хорошо, Сара. Сегодня у нас был честный обмен: одна правда за одну правду, — коснувшись подбородка Эолин, Кори вернул ее взгляд к своим глазам. — Возможно, мы сможем продолжить этот разговор, когда я вернусь в Восточную Селен.

Эолин кивнула, хотя уже сомневалась в решении провести зиму с Кругом.

— Знаешь, я рад, что ты будешь сопровождать нас, — Кори слегка погладил ее подбородок. — Я ожидаю, что твое присутствие принесет много тепла предстоящим холодным ночам.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Канун Середины зимы

Эолин немедленно покинула бы Круг, если бы не то, что бегство только подтвердило бы подозрения Кори. С другой стороны, если она останется, это может запутать его. Конечно, он не ожидал бы, что она останется, если бы ей нужно было скрывать магию. Поэтому после долгих размышлений Эолин предпочла известный риск бдительности Кори неизвестным последствиям встречи с зимой в одиночку. Она решила покинуть Круг при первой же оттепели, отправиться в Королевский город самостоятельно и, наконец, найти Ахима.

К тому времени, как караван достиг Восточного Селен, осень окрасила деревья в глубокие оттенки медного и бордового. Сухие листья лежали кучками на земле. Ветер стих, готовясь к приходу первых морозов.

На протяжении веков земли Восточной Селен контролировались одной большой семьей, которая произвела на свет одних из величайших магов и маг в истории. Хотя клан погиб от гнева Кедехена во время войны, Эолин чувствовала, как их духи блуждают по холмам. В их присутствии была навязчивая радость, общество, затерянное во времени и все же сохраненное пейзажем.

Гостей Кори разместили в беспорядочной полукруглой усадьбе с толстыми деревянными опорами и соломенными крышами. Интерьер был разбит на уютные комнаты с несколькими очагами. Единственный большой зал, расположенный в центре усадьбы,

служил местом для ужинов и общих собраний. Перед залом стояла гигантская ель, посаженная первыми магами, поселившимися в этом районе. Вся конструкция покоилась в тени густого леса, магия которого напомнила Эолин о Южном лесу, хотя внешне он казался более темным.

Когда выпал первый снег, появился маг Кори, утомленный путешествием, но наполненный энергией радости, которая сопровождала любое истинное возвращение домой. С его приездом началась серьезная подготовка к Зимнему Солнцестоянию. Госпожа Рената наблюдала за отливкой черничных свечей и выпечкой ореховых лепешек и сладкого хлеба. Были организованы охотничьи экспедиции, чтобы добыть свежую оленину, что позволило Ришоне продемонстрировать свои исключительные способности в обращении с луком. Были собраны ветки сосны, падуба и омелы, чтобы придать аромат и цвет обеденному залу. Со своей стороны, маг Кори часами бродил по лесу, часто приглашая Эолин сопровождать его, пока его проницательный взгляд не помог ему найти святочное полено.

Неистовая энергия ее спутников смутила Эолин. Хотя она выросла на историях о шумных пиршествах прошлого, празднование Зимнего Солнцестояния в ее детстве было простым и тихим.

За несколько дней до праздника женщины начали проветривать, чистить и штопать свои лучшие платья. Эолин, у которой было всего два простых шерстяных платья, чтобы согреться в зимние месяцы, теперь задавалась вопросом, уместно ли будет присутствовать на полуночном празднике в таких простых одеждах. Ришона разрешила эту дилемму, появившись однажды днем с выражением особого интереса мага Кори: одолжение изысканного темно-зеленого платья с меховой подкладкой. Когда-то оно принадлежало женщине из его клана.

— Я сказала Кори, что ты против зеленого, — сказала Ришона, — но он подумал, что на этот раз ты можешь сделать исключение.

На закате в канун Середины зимы гости Мага Кори собрались в обеденном зале, освещенном бесчисленными яркими свечами. Столы были наполнены тарелками с жареным гусем и олениной, овощами с приправами, сладостями и хлебом. Святочное полено несло в своем желтом пламени тепло спящего солнца, а аромат сосны и черники опьянил празднующих задолго до того, как кто-то начал разливать вино.

Маг Кори занял главный стол в сопровождении госпожи Ренаты, Ришоны и Тамира. Все остальные гости заняли места за двумя длинными столами, расположенными напротив друг друга в небольшом зале. Между ними оставалось достаточно места, которое должно было заполниться танцорами по мере того, как ночь подходила к концу, и вино начинало действовать.

Пир уже был в самом разгаре, когда Хелия ворвалась в тяжелые двойные двери в густом снежном вихре, сопровождаемая несколькими спутниками с музыкальными инструментами. Обрадованные ее неожиданным появлением, гости захлопали. Маг Кори пересек столовую, чтобы обнять ее, и она заняла место рядом с ним за столом.

Праздник процветал на оживленных волнах смеха, пока, наконец, не заиграла музыка, и танцоры не заполнили зал. Хелия покинула главный стол и направилась к Эолин, предаваясь оживленной беседе со всеми, кто попадался ей на пути.

— Я рада видеть, что ты все еще здесь, — женщина гор приветствовала Эолин теплыми объятиями и дружеским поцелуем. — Значит, Кори был добр к тебе?

— Да. На самом деле, слишком добр.

Ее глаза искрились весельем.

— Ну, в нем есть немного романтической стороны, хотя поначалу в это трудно поверить. Не волнуйся, если он начал осыпать подарками. На самом деле он ничего не ждет взамен, разве что немного честной дружбы.

— Я знаю.

— Хотя настоящей женщине трудно быть честной в наши дни в Мойсехене, — взгляд Хелии скользнул по толпе танцующих. — Это довольно сложная дилемма, не так ли? Можно быть правдой, а можно быть честным. Что ты предпочитаешь, Сара?

Она обратила внимание на Эолин, словно желая проложить путь к сердцу маги своими льдисто-голубыми глазами.

— Я предпочитаю быть правдой, — сказала Эолин.

Хелия улыбнулась и подняла чашку.

— Так я и подозревала. Я слышала, ты стала звездой во всей стране своим магическим выступлением.

— Это игра мага Кори, и это игра иллюзий.

— Да, теперь все равно, знаешь ли. Они еще не угрожали сжечь тебя?

— Нет, пока нет.

— Это хорошие новости. Тогда Кори, вероятно, будет продолжать в том же духе как минимум еще один сезон.

Эолин решила, что пора сменить тему.

— Где ты была, Хелия? Я была уверена, что ты снова выступишь с Кругом до окончания сезона.

— Почему? — Хелия одарила Эолин дерзкой улыбкой. — Ты скучала по мне?

— Я надеялась, что у меня будет возможность узнать тебя.

— Узнать меня? — бледные брови Хелии приподнялись. — Трудно узнать кого-либо внутри Круга, но у нас могут быть другие возможности, если Боги захотят. А пока предлагаю не спрашивать, где я была и куда поеду, если уж на то пошло. Некоторые вопросы лучше оставить без ответа.

Раздражение Эолин из-за этой безжалостной игры начало прорываться сквозь ее сдержанность. Каждый член Круга, казалось, хранил какую-то тайну или работал над какой-то целью. В центре всего этого стоял Маг Кори, сплетал все свои разрозненные нити в единую призрачную сеть. Ей было интересно, какие истории маг рассказывал Хелии. В какой из реальностей Кори жила женщина из гор?

Хелия положила руку на руку Эолин.

— Не позволяй моим уверткам расстроить тебя. Они — всего лишь сиюминутная цена за настоящего друга, а не за честного.

При этом настроение Эолин смягчилось. Она ответила на жест Хелии сжатием руки.

— Идем танцевать, Сара, — поманила ее Хелия. — Сегодня не та ночь, когда нужно так много думать. Рената сказала мне, что ты умеешь двигаться.

— Что она сказала?

— Она всегда раздает комплименты, когда слишком много выпила.

Эолин рассмеялась и последовала за Хелией в центр зала. Они танцевали, пока ее мышцы не наполнились сладкой усталостью, а корни волос не стали влажными от пота.

С приближением полуночи музыканты замолчали. Гости мага Кори собрались в круг в центре зала. Это был самый священный момент самой длинной ночи в году, отмечающей

крайний предел проникновения солнца в великую пустоту Подземного мира. Повсюду в Мойсехене, от крестьянских очагов до королевского зала, восход солнца встречали благоговейной тишиной.

Описав рукой медленно дугу, маг Кори приглушил свечи, пока только мерцающее пламя святочного полена не осветило комнату, отбрасывая такие тени, что Эолин представила, как гены выскальзывают из деревянного дома, чтобы присоединиться к ним.

Закрыв глаза, она увидела солнце, тусклую звезду в холодном черном море, нерешительный отблеск, почти теряющийся в ночи. Это видение зажгло в ее сердце глубокую боль, непреодолимое желание петь, как всегда было с Геменой. Поэтому она направила свой голос в древней мелодии, которая когда-то принадлежала магам Мойсехена, поэме о любви, сочиненной с единственной целью — вернуть солнце в мир живых.

Адиана была первой, кто присоединился к ней. Она взяла Эолин за руку и украсила мелодию своим прекрасным голосом. Через несколько мгновений к ним присоединились и другие женщины Мойсехена. Даже Рената попыталась вступить в хор, хотя какая-то незримая сила утихомирила ее беззвучными слезами. Куплет закончился резонирующей тишиной.

Когда Эолин открыла глаза, маг Кори наблюдал за ней, выражение его лица было непроницаемым среди теней.

Он зажёл черничные свечи и обратил внимание на музыкантов. По его приказу музыка возобновилась, но круг не разорвался. Эта новая мелодия, хотя и незнакомая Эолин, пробудила чувство глубокой памяти.

Ришона и Маг Кори двинулись в центр зала, где танцевали друг вокруг друга, элегантными движениями рук увеличивая пространство между ними. Обмен был тонким, но чувственным. Воздух стал таким наэлектризованным, что Эолин почувствовала покалывание на коже. Они повторили движения трижды, прежде чем довести танец до напряженного конца.

Ришона удалилась, и маг Кори протянул руку Эолин.

Инстинкт заставил Эолин отступить, но Адиана повернула вспять движение твердой рукой на поясице Эолин.

— Маг Кори, я не знаю этого танца, — сказала Эолин, спотыкаясь. — Я не могу этого сделать.

Он взял ее за руку и притянул к себе. Его голос был низким и таким уверенным, что ее пробрала дрожь.

— Этот танец у тебя в крови, Сара. Она стара, как земля, на которой мы родились. Все, что нужно сделать, это следовать музыке всем сердцем.

Как и обещал маг Кори, Эолин вспомнила. Шаги пришли к ней, каким-то образом неслись на плавных волнах богатой музыки, в медленном сердцебиении холодной зимней земли, в остром огне сущности Кори, в шепоте духа мертвых маг.

Интерпретация обряда Эолин, хотя и не такая искусная, как у Ришоны, несла в себе естественное выражение их веры. Движение удобно облегалo ее, как излюбленный старый плащ с мягкими теплыми складками.

В другую эпоху Кори и Эолин могли бесчисленное количество раз участвовать в подобных обрядах, он как Маг, а она как Мага. Теперь все, кто смотрел, думали, что маги больше не танцуют в Мойсехене. И все же Эолин почувствовала, что наконец-то полностью раскрыла себя перед Магом Кори, и обнаружила, что ей все равно. Это казалось небольшой

ценой в обмен на этот момент, за ощущение общей магии на кончиках ее пальцев, за постоянный жар его серебряного взгляда, за мимолетное видение того, как он может ответить на ее ласку.

Когда они закончили, Эолин удалилась, а Хелия присоединилась к магу в качестве его третьего и последнего партнера. Хотя Эолин не видела танец до этой ночи, мага знала, что он закончится здесь, с Хелией рядом с ним, сверкающей, как звезды на фоне черной зимней ночи. Последние ноты песни резонировали с оконными стеклами. Затяжной жар танца поднялся вокруг Кори и Хелии, словно яркое облако. Они закончили страстным поцелуем.

Люди разразились аплодисментами, смехом и громкими требованиями музыки. Когда музыканты согласились, гости продолжили танец. Маг Кори взял Хелию под руку, и они отправились на ночь.

— Что теперь скажешь о его «особом интересе»? — спросила Эолин Адиану, глядя, как они уходят.

Адиана пожала плечами.

— Их союз сегодня вечером — это подношение удовольствия, предназначенное для благодарности богам. Это не то же самое, что влюбиться. Совсем не то же самое.

Эолин раздраженно вздохнула, но подавила желание поправить Адиану. Время благодарения наступало утром, когда бледный свет зари возвещал о возвращении солнца. Общение между Хелией и Кори, если оно действительно священно по своему аспекту, должно было служить совсем другой цели, помогая освещать путь солнца во время его опасного пути домой.

Но зачем спорить о нюансах старинных обрядов? Слова ее подруги, возможно, вызвали гнев Эолин, но не Адиана была источником ее недовольства.

Адиана присоединилась к танцорам и поманила Эолин следовать за ней, но мага воздержалась. Беспокойство вторглось в ее вечер. Все казалось неуместным, включая ее личность. Призвав Зимнюю Лису для невидимости, Эолин забрала свой плащ и выскользнула за дверь, надеясь, что знакомая лесная компания принесет немного покоя.

Ночь приняла Эолин холодными объятиями. Горстка звезд пробивалась сквозь облака над головой. Свежий снег заглушал ее шаги и звуки праздника, навевая воспоминания о мирных зимних ночах с Геменой.

Как удивительно, думала теперь Эолин, что общества одной женщины было более чем достаточно на столько лет, в то время как общество всех этих людей оставляло ее одинокой и неполноценной.

Эолин миновала Старую Пихту. Морозный ветерок пронесся по ее высоким ветвям, разгоняя резкий аромат хвои. Дерево говорило на диалекте, который Эолин не могла понять, пока она с большим удивлением не осознала, что это шепчет язык металлов.

Повязка, подаренная ей Ахимом, ответила серебрястым шипением.

Эолин ахнула, когда украшение развернулось и по спирали двинулось к ее запястью. Серебряный дракон вылез из ее рукава и свернутой спиралью лег на ее ладонь. Он поднял голову к дереву, словно в безмолвном ожидании.

Они долго говорили, Старая Пихта и серебряный змей, но Эолин не могла их понять. Несмотря на свое умение обращаться с ножом, она так и не овладела языком металлов.

Опустив голову, браслет расплющился в трехъярусный виток, в центре которого появилась единственная светящаяся точка. Затем украшение соскользнуло с ее локтя и обвилось вокруг ее руки, остановившись на своем обычном месте.

Эолин обхватила ладонями яркий подарок, который он оставил после себя, и ее удивление сменилось благоговением. Прошло много месяцев — для нее это казалось вечностью — с тех пор, как она держала в руках белое пламя магии. Она поднесла его к губам и прошептала: «Потворствуй этой моей фантазии».

Эхекат, нэом энте.

Она возвращала огонь своим дыханием, пока он не засиял, как утренняя звезда. Затем она направила светящуюся сферу на самые высокие ветви Старой Пихты, где она вспыхнула тысячей крошечных огоньков, мерцающих среди укутанных снегом ветвей.

Эхуки.

Эолин наслаждалась красотой сверкающего дерева и богатым ощущением волшебства, текущего по ее венам, дольше, чем, возможно, было благоразумно.

Снег начал сыпаться с неба. Ледяные пальцы зимы пронзили ее плащ. Не желая расставаться с магией, Эолин тем не менее позволила белому пламени исчезнуть.

Когда она повернулась к янтарному свету обеденного зала, ее сердце остановилось. На ее пути встала тень мужчины.

— Тамир, — сказала она. — Как давно ты здесь?

В несколько шагов он сократил расстояние между ними, заставив ее замолчать прикосновением пальцев к ее губам. Мягким щелчком пальцев он зажег в воздухе теплое оранжевое свечение, плавающий свет, напоминающий фонари генд.

— Покажи мне свои руки, — сказал он.

Очарованная, Эолин достала их из-под плаща. Тамир прижал шар к ее ладоням, пока он не проник в ее кожу и не наполнил ее тело теплом летнего солнца. Эолин никогда не сталкивалась с подобной магией, и она с удивлением наблюдала за своими руками, когда сияние угасало, а его сущность распространялась по ней.

— Ты не можешь сказать магу Кори, что видел, что я делала, — сказала она, возвращаясь к озабоченности.

— Тебе нечего бояться его.

— Он послал тебя за мной, не так ли?

— Я слежу за тобой не по приказу мага Кори. Я наблюдаю за тобой, потому что это доставляет мне удовольствие.

Эолин не могла не улыбнуться. Такие комментарии были очень типичны для Тамира. Он никогда не упускал возможности напомнить женщине о ее красоте.

— Но маг Кори попросил тебя присматривать за мной.

Он тщательно взвешивал свои слова, как всегда.

— Ты высвобождаешь что-то в людях. Особенно в своих спутниках. Сначала эффект был незначительным, но он нарастает. Кори заметил это и хочет понять это.

— И он просил твоей помощи в выполнении задания, — гнев поднялся внутри нее. Почему никто не отвечал на ее вопросы прямо? — Тебе не надоело, Тамир? Ведь и ты под его надзором, ты и твоя сестра Ришона. За всеми нами наблюдает маг Кори. Мы все играем для него.

Она едва могла разглядеть Тамира в темноте, но чувствовала его реакцию, сморщенный лоб, озадаченный хмурый взгляд.

Она сложила руки и повернулась к Старой Пихте.

— Я ошиблась, решив зимовать в Восточной Селен. Маг Кори выиграет эту игру, потому что я даже не знаю, во что он играет.

— В какую бы игру ты бы играла, Сара, если бы правила выдумывала только ты?

Этот дар Тамир разделял с Ришоной, эту способность говорить правду настолько остро, что не чувствуешь ее быстрого проникания в сердце. В одно мгновение он открыл источник ее недовольства и предсказал путь, по которому она пойдет из-за него.

Он прибудет не с весенним обрядом Бел-Этне, — однажды пообещала Гемена, — а в свое время и по собственному желанию. Он принесет лето в своей ласке. Он будет сопровождать твою самую длинную ночь.

Она всегда представляла, что он будет Ахимом, но теперь она не была так уверена. Гемена не подготовила ее к неопределенности. Тоска Эолин по старым обрядам никогда не была сильнее, чем в эту ночь. Она хотела настоящие маски, а не образные. Она хотела интимной поддержки истинного ковена, а не далеких песен танцоров и музыкантов.

— Ты сказал мне, что твои люди празднуют те же праздники, что и мы, — ее голос спокойно отдавался эхом в ночи.

— Мы чтим фазы луны и циклы солнца, хотя наши времена года и наши урожаи складываются по-разному в зависимости от года.

— Соблюдаете ли вы практику, которая когда-то была традицией наших магов и маг, подношение удовольствия богам?

За месяцы, прошедшие после их первой встречи, она задавала Тамиру много таких вопросов, надеясь лучше понять его народ. Поэтому она знала, что ее слова могут привести к продолжительному разговору о природе обрядов сырнте, праздниках, во время которых они соблюдаются, и их интерпретации в контексте его веры. Она почувствовала небольшое облегчение, когда он выбрал самый простой из всех ответов.

— Да.

— Тогда сделай это подношение со мной сегодня вечером, — ее голос оставался ровным, что было удивительно, учитывая учащенное биение ее сердца. — Помоги мне направить солнце обратно в Мойсехен.

Тамир не колебался и не торопился. Он шагнул вперед, откинул капюшон и запустил свои длинные пальцы в густые пряди ее волос. Он наклонил ее лицо и накрыл ее губы своими.

Воспитанная как мага, Эолин хорошо знала свое тело, исследовав его черты в полуночном общении с Духом леса. Но к ней никогда так не прикасался другой человек, с тех пор, как она рассталась с Ахимом, и этот обмен был резким, отягощенным неловкостью недавно обнаруженной страсти.

Напротив, Тамир привлек ее к себе, будто он давно решил, как именно поцеловать ее, когда представится возможность. Эолин наслаждалась своим ответом, тонким сиянием искр, вспыхивающим в ее дыхании, изгибом ее шеи, когда она уступала его изучающему нисхождению, дрожью удовольствия, вызванной прикосновением его языка к ее коже, раскаленным добела стержнем жара, который выстрелил из ее ядра в покрытую снегом землю вниз.

Эолин потеряла равновесие. Прижавшись к Тамиру, она растопырила пальцы на резонирующую плоскость его груди. Она узнала его опьяняющий аромат. Это был тот же богатый танец специй, который подарила ей Ришона, когда они посетили рынок в тот первый день в Селкинсен.

Он ласкал ее жаром своего дыхания.

— Это решение должно быть твоим. Оно должно быть принято свободно.

— Так и есть, — она снова притянула его губы к своим. — Это мой выбор.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Эостар

После их первого подношения в Середине зимы прошло много ночей, когда Эолин искала тепла в постели Тамира. Каждое столкновение открывало еще один неизведанный путь через твердые контуры его тела. Эолин восхищалась откликом его нагретой солнцем кожи на изгиб ее ладоней, шелковистым падением его черных волос между ее тонкими пальцами, чувственным прикосновением его губ к ее груди, изгибом ее живота, священной тайной ее пола. Снова и снова она взращивала пламя его желания и отдавалась наслаждению его силой, пока экстаз богов не связал их и не покинул, и она прижималась к нему в сладком, пресыщенном изнеможении.

Ее магия пустила корни в их страсти и росла со свирепостью, которую было трудно сдерживать. Поначалу она была уверена, что это внезапное расширение силы, нарастающее внутри нее, как горячий поток, не ускользнет от внимания Кори. Тем не менее, маг, проявлявший неослабевающее любопытство ко всем остальным аспектам ее жизни, не проявлял никакого интереса к ее отношениям с Тамиром. Это удивило ее, а затем подогрело ее настороженность. Она позаботилась о том, чтобы не повторять никаких магических действий в присутствии Тамира. Она также не говорила с ним об истине своего обучения. Несмотря на их близость, Эолин не могла вырвать из своего воображения мысль о том, что все, что откроется Тамиру, в конечном итоге станет известно магу Кори.

Весна возвестила о своем приходе в Восточной Селен так же, как это всегда было в Южном Лесу, кристальным дождем льда, тающего на ветвях деревьев, неуверенной песней первого прилетевшего лесного дрозда и свежими цветами розы-этне, висящими низко над обнажившимися опавшими листьями.

Поскольку новый сезон Круга должен начаться после Эостара, репетиции стали более частыми и интенсивными. Палатки проверяли на предмет повреждений, ремонтировали снаряжение, проветривали, стирали и чинили костюмы. Празднование весеннего равноденствия, хотя и предпринятое с тем же энтузиазмом, какой Круг посвятил всем праздникам, оказалось менее роскошным, чем Зимнее солнцестояние.

Это было время смешанных эмоций для Эолин. Даже когда она готовилась к путешествию в Королевский город, мысль о прощании с Тамиром и другими друзьями, которых она приобрела в Круге, наполняла ее странной меланхолией.

Через пару недель после равноденствия, когда ящики были упакованы, а тележки загружены, из глубины земли раздался тошнотворный грохот. Эолин, чьи чувства не замечали такого ужасающего движения с того дня, как Всадники разрушили ее деревню, оседлала первую попавшуюся лошадь. Она убежала бы в лес без оглядки, если бы Тамир не схватил лошадь за узду и не остановил ее бегство.

— Это всего лишь посланник короля, — заверил он ее. — Пойдем, посмотрим, какие новости они принесут.

Подавив панику, Эолин спешила. Тамир взял ее за руку и пошел с ней к передней части поместья, где все собирались. К ним неслась небольшая группа мужчин. Броня сверкала под весенним солнцем. Пурпурные и серебряные флаги трещали на ветру. Копыта подбрасывали комки грязи.

Когда мужчины остановились перед поместьем, маг Кори выступил вперед, чтобы поприветствовать их. Гонец не спешил, а повернулся ко всем собравшимся и криком,

достойным городской площади, объявил:

— Король мертв!

Эти слова отбросили Мага Кори на несколько шагов. За год, который Эолин знала его, она никогда не видела у Кори такого выражения лица, такого явного признания совершенно неожиданного.

После мгновения ошеломленного молчания к магу Кори вернулось самообладание. Он повернулся к своим людям и привел их к единственно приемлемому в данных обстоятельствах ответу:

— Да здравствует король!

* * *

В Мойсехене было хорошо известно, что практикующие магию, если боги помогали им естественной смертью, доживали до глубокой старости. Их возраст оказалось трудно подсчитать, потому что молодость цеплялась за их черты. Это было связано не с тайными заклинаниями, магическими эликсирами или договорами со сверхъестественными силами, как многие могли подумать, а с тем простым фактом, что маги не жили днями, месяцами и годами. Для них жизнь текла в неизмеримых волнах опыта. Таким образом, кончина Кедехена в период относительного мира стала неожиданностью для всех жителей Мойсехена, включая его сына и единственного наследника, принца Акмаэля.

Это случилось за несколько дней до Эостара, когда король проводил традиционные весенние турниры. Лучшие воины собрались из четырех провинций, их доспехи сияли серебром над тяжелыми боевыми конями. Длинные деревянные галереи были возведены за городскими стенами для знати Мойсехена, которая великолепно восседала под яркими знаменами своих домов. Золотые цепочки блестели на бархатных дублетах мужчин, а женские вуали трепетали на ветру.

Почитая обычай своих предков, Кедехен открыл турнир, приняв церемониальный вызов от одного из недавно приведенных к присяге рыцарей провинции. Личность его противника была установлена случайно, и в то солнечное утро был выбран сэр Бортен из Моэна. Высокий, худощавый юноша с едва заметной тенью бороды, Бортен был самым молодым мужчиной, участвующим в тот день.

Когда Бортен сел на лошадь, толпа насмеялась над ним. Моэн не был известен мастерством и доблестью своих бойцов. Тем не менее, Бортен держал голову высоко и отказывался изображать из себя труса.

«Замечательно», — подумал Акмаэль, когда рыцарь взял свой щит и балансировал копьем, потому что у молодого человека было мало шансов против Короля-Мага.

Акмаэль бесчисленное количество раз слышал грохот коня своего отца, который бегал тут много раз. Он видел, как Кедехен сбрасывал с места каждого, кто когда-либо бросал ему вызов, и король убил многих.

Но сегодня, когда лошади подошли друг к другу, дрожь земли под их копытами приобрела тревожный ритм. Возможно, поскользнувшись на камне или скрытом пятне грязи, конь сбился с ритма.

Когда они встретились, копьё короля скользнуло по щиту рыцаря, вызвав рев удивления у зрителей. Оружие Бортена вонзилось в шлем короля с резким скрежетом. Дерево разбилось о металл, наконечник копья сломался. Конь рыцаря пронесся мимо короля и достиг конца пути, где Бортен повернул коня, бросил сломанное копьё и поднял забрало.

Толпа молчала. Лошадь Кедехена остановилась сразу после удара. Король замер на

своем месте. С трибун донеслись протяжные воющие крики, когда дамы и лорды поняли, что произошло. Акмаэль побежал к отцу. Прямо за собой он услышал тяжелый топот ног сэра Дростана.

Кедехен упал, когда они добрались до его лошади. С помощью Дростана принц поймал короля и опустил его на землю.

Удар копья согнул и приподнял забрало Кедехена. Кровь свободно текла из узла дерева и плоти, который когда-то был его глазом.

— Мой Король, — сказал сэр Дростан.

Тот ничего не сказал, но медленно, судорожно вдохнул.

Воин-маг Старого Ордена, Дростан верно служил Дому Вортинген со времен деда Акмаэля, Уриена. Хотя в его рыжей бороде появились седые пряди, его сила, казалось, не уменьшилась со временем. Мужчина был сложен как медведь. Он приложил свои сильные пальцы к ране, а затем посмотрел на Акмаэля. На лбу Дростана образовалась морщина, а в его голосе появилась легкая дрожь:

— Он ранен глубоко, мой принц.

Акмаэль сразу понял, что его мир вот-вот изменится.

Сэр Бортен подошел и упал на колени в нескольких футах от него. Рыцарь закрыл лицо руками в перчатках и воззвал к богам.

— Дурак! — лорд Фелтон подошел к Бортену сзади и ударил его по голове. Акмаэль ни разу не был свидетелем того, как близкий по духу Фелтон поднимал руку на другого человека, но в тот день глава Моэна обнажил свой меч и мог бы проткнуть рыцаря, если бы король не поднял дрожащую руку.

— погоди, — голос Кедехен хрипел, как сухие листья.

— Лорд Фелтон, остановите руку! — приказал принц.

Фелтон замер, его кустистые белые брови низко сдвинулись над сердитыми голубыми глазами.

— Это желание моего отца, — сказал Акмаэль.

Дородный мужчина вложил свой меч в ножны. К этому времени подошли еще несколько человек, в том числе лорды Херенсен из Селкинсен и Барамон из Селен.

Кедехен положил руку на предплечье принца.

— Оставь его, Акмаэль. Отпусти мальчика.

Это была необъяснимая просьба короля, который редко проявлял милосердие во время своего правления.

— Он нанес... честный удар, — Кедехен судорожно выдохнул. — Воля богов... Не отправляй его в загробную жизнь, он может причинить мне там больше неприятностей, — Кедехен издал хриплый смешок, еще больше сбивая с толку Акмаэля. Принц никогда не видел своего отца такой улыбкой. — Прости его. Приведи его в город. Он рыцарь, которого стоит иметь рядом с собой.

— Мой принц, если позволите, — рядом с Акмаэлем появился придворный целитель, верховный маг Резлин. Его темная борода была с рыжими и серебряными прожилками, карие глаза были полны беспокойства.

Акмаэль встал и передал короля на попечение Резлина. Кедехен закрыл здоровый глаз. Его дыхание оставалось неглубоким, но ровным. Старые пальцы Резлина с большой осторожностью провели по ране.

Бортен все еще горбился на коленях, его светлые волосы отбрасывали тень на гладкое

лицо. Пот ручьями бежал по его шее.

Хотя Кедехен приказал пощадить Бортена, помилование убийцы короля на глазах у собравшейся знати Мойсехена выглядело бы слабостью, чего Акмаэль не мог себе позволить в этот момент.

— Арестуйте его, — Акмаэль кивнул стражнику короля. — Мы разберёмся с его судьбой, как только позаботимся о моем отце.

В святилище покоев Кедехена Верховный маг Резлин удалил все, что смог, из раны. Он промыл рану и каждые несколько часов прикладывал свежие припарки. Он варьировал порции тысячелистника, вербены и зверобоя для борьбы с заражением, а также добавлял фенхель и девясил для заживления нежных тканей глаза. Он ввел ковбейн в надежде уменьшить агонию.

Несмотря на неустанные усилия Резлина, через несколько дней плоть вокруг раны начала гнить. Из разрушенной лунки кислой массой вытекал гной. Покои короля наполнились смрадом смерти.

С сожалением лекарственные травы и целебные мази были заменены обильным озимым шалфеем и лавандой. Толстые темно-синие свечи были зажжены, маги готовились к переходу Кедехена в загробную жизнь.

Многие дворяне и маги просили последней аудиенции у короля, но он не принимал никого, кроме своего целителя и сына. Даже его давний наставник, волшебник Церемонд, был изгнан из комнаты с безумными криками и проклятиями.

Король терял разум, как и жизнь.

Принц Акмаэль оставался рядом с отцом с момента ранения до его смерти. Те, кто не знал обычаи королевской семьи, могли бы истолковать это как выражение любви, но их отношения никогда не были нежными. Тем не менее, Акмаэль чувствовал глубокую утрату из-за ухода Кедехена. С того дня, как королева Бриана привела его в этот мир, Акмаэль был готов занять место своего отца. Однако никто не предупредил его о том тяжелом чувстве одиночества, которое обрушится на него в эту минуту.

— Акмаэль, — было седьмое утро после случая, когда Кедехен в последний раз обратился к сыну. Бледно-голубое предрассветное сияние просачивалось сквозь узкие окна королевских покоев. — Мы одни?

Акмаэль взглянул на Верховного Мага Резлина, который дежурил вместе с ним эти семь дней. Благоговейно кивнув, целитель удалился.

Кедехен открыл воспаленный глаз и уставился на сына. Мерцающий свет свечей отбрасывал на него серые и желтые оттенки. Одна сторона его лица раздулась под давлением скопившейся гнили, другая погрузилась в ландшафт темных ям и впадин. Его рот обвис, и из него выходил зловонный воздух. Тем не менее, Акмаэль наклонился, чтобы услышать его слова. Он взял горящую руку отца в свою.

Голос Кедехена стал хриплым и напряженным:

— Ты нашел одну, да? Ту, о ком вы никогда не рассказывал нам. Умный, коварный мальчик.

— Что нашел, мой король? — уже несколько дней бред его отца сбивал Акмаэля с толку. Он задавался вопросом, не потеряет ли и он разум, когда придет его время.

— Магу, — прошипел Кедехен. — Ты нашел магу.

Акмаэль от удивления отстранился, хотя и не выпустил руку отца.

Эолин.

Прошли годы, принц уже ничего не знал о своей подруге из Южного Леса, хотя Боги знали, что он пытался ее найти. За все это время он ни с кем не говорил об Эолин.

— Королева зовет меня из-за Равнин Мертвых, — сказал Кедехен. — Она прошептала мне твои секреты.

— Ты слышишь Мать?

— Грозная ведьма, эта Бриана... — Кедехена охватил тошнотворный кашель. Акмаэль поднес к его губам фляжку с травяным вином. Король выпил и захрипел. — Клянусь богами, я любил ее... люблю ее до сих пор. Она попытается убить тебя.

— Королева?

— Мага.

— Она не умеет убивать.

— Меч, с которым она говорит, умеет.

— Девушка слишком мало понимает в фехтовании, чтобы...

— Она уже не девушка. Это оружие любит ее. Оно сделает так, как она попросит, — больше глупостей. Клинок не мог любить женщину больше, чем лошадь могла летать, а Эолин так и не овладела мечом. — Будь с ней очень осторожен. Держи ее в живых. Соблазни ее, или она уничтожит тебя.

Акмаэль покачал головой. Его отец не мог говорить о своем товарище детства. Должен быть кто-то еще, еще одна мага в королевстве, которая представляла угрозу.

— Соблазни ее, Акмаэль. Убеди ее родить тебе сыновей. Уничтожь всех ее сестер... Делай, как я. Только тогда твоя сила будет абсолютной.

Кедехен попытался вдохнуть, но его тело взбунтовалось от этого усилия. Его сотрясли сильные конвульсии. Когда, наконец, припадки прекратились, его хватка на руке Акмаэля ослабла. Его пепельные губы изогнулись в слабой улыбке, когда он произнес последние слова:

— Я знал, что Боги приберегут одну для тебя.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Новый король

Принц Акмаэль принял корону Вортингена на двенадцатый день после смерти своего отца. Церемония состоялась на каменном фундаменте Вортингена, гладком гранитном выступе к северу от стен замка.

Сэр Дростан стоял рядом с одиннадцатью другими членами Совета Высших Магов. Напротив них стояли главы провинций, среди них лорды Херенсен, Барамон и Фелтон. Мрачная магия плыла в утреннем тумане, будто удивление от смерти Кедехена еще не рассеялось. Низкий гром и тусклые вспышки молнии заполнили северный горизонт. Осторожные выражения печали и сожаления маскировали мысли аристократов, которые сэр Дростан представлял отягощенными предательскими возможностями теперь, когда железная рука Кедехена была уничтожена.

Естественные очертания Каменного фундамента повторяли очертания земель Мойсехена: равнины на севере, широкая река Селкинсен на западе, холмистая местность, сменяющаяся гористой местностью на юге и востоке. Это было место, где Дракон даровал корону древнему вождю воинов Вортингену. С каждым поколением построенный им замок рос, пока не превратился в грозный комплекс, занимавший теперь почти половину склона холма.

Мастер Церемонд председательствовал на церемонии, поднося серебряный венец в

торжественной песне Востоку, Югу, Западу и Северу, прежде чем возложить его на голову молодого короля. Выпрямившись в развевающихся одеждах, волшебник высоко поднял свой посох и призвал священное имя Дракона.

Эхекату нэомед амуни ай де Вортинген!

Эхекату нэомед ано Кат, Акмаэль!

Единым движением маги и дворяне преклонили колени перед своим новым правителем.

После этого король спустился из замка и проехал по улицам города верхом. Церемонд ехал справа от него, а за ними следовали Высшие Маги. Присутствующие дворяне и рыцари Мойсехена следовали за ними.

Несмотря на влажный воздух, люди вышли в большом количестве. Женщины бросали на их пути лилии, символ надежды на обновленное и мирное королевство. Люди пели и танцевали. Тем не менее, прием бледнел по сравнению с воспоминаниями сэра Дростана о восхождении короля Уриена двумя поколениями ранее.

Еще мальчишка верхом на широких плечах своего дедушки, Дростан наблюдал, как Уриен проезжает по улицам, заполненным красочными знаменами и шумными песнями. На его пути танцевали парочки, а дети, смеясь, бегали среди медленно идущих лошадей. Позади Короля маршировали воины-маги, около трех тысяч человек, их пылающие посохи были высоко подняты, а мечи, которыми они умело владели, сияли на летнем солнце.

Для молодого Дростана рыцари Вортингена казались унылым дополнением к харизматической силе этих магов. Это был день, когда он заявил с чистым энтузиазмом очень маленького ребенка:

— Я тоже хочу быть магом-воином!

Теперь его отрезвило воспоминание о наивных надеждах того маленького мальчика. Он и представить себе не мог, что его судьба — видеть, как эти одаренные мужчины и женщины разрывают друг друга на части на поле боя. Он также не ожидал, что его клятва обяжет его взять великую традицию Кэдмона, когда-то разделяемую тысячами, и доверить ее судьбе одного принца.

Прошло всего несколько часов после коронации Акмаэля, когда сэр Дростан получил первое приглашение от нового короля. Рыцарь прибыл в зал совета и обнаружил, что правитель был занят беседой с мастером Церемондом. Они сидели за длинным столом, сделанным из цельного массива черного дуба, на том самом месте, где Кедехен встречался со своим Советом и принимал самые важные решения своего правления.

Комнату украшали военные и магические артефакты. Большие окна вдоль южной стены открывали стратегический вид на холмистые равнины внизу. Как и все покои, зал был вычищен, проветрен и уложен свежим камышом. И все же Дростан не мог избавиться от гниения, разрушившего лицо короля, и чувствовал, как призрак Кедехена задержался в тенях.

Стражи, впусившие Дростана, закрыли за ним двери. Акмаэль подозвал его.

— Мастер Церемонд сообщил мне о сложном проекте, предпринятом по приказу моего отца, чтобы лучше понять другие формы магии, — сказал Акмаэль, когда Дростан занял его место. — Мне кажется, что для угрозы, которая в лучшем случае подозревается, тратится много усилий.

— Тень маг цепляется за эту землю, — губы Церемонда были сжаты, костлявые руки теребили рябиновый посох. — Несмотря на наши старания по их искоренению, в Селен ходят слухи о снежной ведьме, обитающей в восточных лесах. А прошлым летом недалеко от Моэна мы получили подтвержденный отчет о подрывном колдовстве. Женщина,

путешествующая одна, пыталась соблазнить двух парней. Когда они стали сопротивляться, она превратилась в рысь и напала на них, прежде чем исчезнуть в ночи.

Пока Церемонд говорил, Дростан внимательно следил за своим новым сюзереном. Молодой король унаследовал все суровые черты лица своего отца, но еще не научился пользоваться этим каменным выражением лица. Что-то мелькнуло в его темных глазах при упоминании ведьмы из Моэна, но исчезло до того, как сэр Дростан смог уловить сущность.

— Две ведьмы не составляют вооруженного восстания, — взгляд Акмаэля обратился к сэру Дростану, приглашая рыцаря заговорить. Не для этого ли его призвали, чтобы уладить первое разногласие между королем и волшебником? Эта мысль совсем не понравилась сэру Дростану.

— Мой король, как вы знаете, я оставляю вопрос о том, как найти и уничтожить подрывную магию, мастеру Церемонду, — сэр Дростан уважительно кивнул волшебнику. — Хотя я согласен, что ваш отец добился непростого мира. Никогда нельзя легкомысленно относиться к возможности вооруженного восстания, особенно на заре правления. Как, возможно, сообщил вам мастер Церемонд, прошлой осенью пограничники перехватили небольшой караван с оружием. Того, что они несли, было немного, но оно предназначалось для боя. Мы не можем сказать, сколько еще таких грузов проникло в наши земли незамеченными за последние годы.

— Вы допрашивали кучеров?

— Только трое мужчин сопровождали повозки. Все они пытались бежать, и только один был задержан живым.

— Король передал его нам для допроса, — добавил мастер Церемонд, — но он погиб, так и не сообщив ничего.

— Погиб, мастер Церемонд?

— Мой король, как вам известно, чем упрямее преступник, тем более строгие методы применяются. Верховный маг Бейдон лично наблюдал за процессом, растянул допрос на несколько недель, но, в конце концов, узник не продержался достаточно долго, чтобы дать нам информацию, которую мы искали.

— Ваш отец и Совет подозревали, что это вооруженное движение, организованное с использованием примитивной и чужой магии, — сказал Дростан. — Внедрение таких сил, если его вовремя не остановить, может представлять серьезную угрозу миру в королевстве.

— Почему мне не сообщили об этом, пока был жив мой отец?

Вопрос вызвал неловкое молчание. Сэр Дростан случайно встретил взгляд Церемонда. Кедехен всех подозревал в предательстве, кроме, может быть, этого волшебника, который когда-то сидел по правую руку от него.

— Он думал, что я могу быть замешан, — Акмаэль говорил так, словно впервые это понял. — Он подозревал, что я могу использовать это движение, чтобы предать его!

— Мой король, — спокойно ответил Церемонд, — ваш отец питал к вам большое уважение. В глубине души он не хотел верить, что вы способны на измену, но любой благоразумный король принял бы такие же меры предосторожности, когда дело касается его ближайших наследников. Неразумно позволять гордыне или привязанности затуманивать рассудок при защите Короны. Ваш отец понял это, как и вы.

— Я понимаю, — если король и находил снисходительный тон Церемонда оскорбительным, он не показывал этого. — Очень хорошо. Любой обиде, которую я имею к моему отцу, придется подождать до загробной жизни. Мастер Церемонд, вы будете держать

меня в курсе ваших находок. Я также хотел бы поговорить с Верховным Магом Телином и другими магами, участвующими в этом проекте.

— Как пожелаете, мой король.

— Сэр Дростан, нам нужно усилить бдительность вдоль границ и следить за деятельностью наших кузнецов. Вы также доложите мне о полной оценке обороны этого города и нашей готовности в случае восстания.

Сэр Дростан кивнул. Ему было что сказать об их готовности в случае нападения, хотя мало что можно было сказать в присутствии Церемонда. Корона Вортингена командовала множеством пехотинцев и рыцарей, а крепость была неприступной, как никогда. Но класс воинов-магов был на грани вымирания. За последние двадцать лет мастер Церемонд принял лишь горстку Высших Магов, и только один из них, Акмаэль, был обучен военному искусству. Принц вырос в опытного бойца под опекой сэра Дростана, но легионы, когда-то защищавшие сердце и душу Мойсехена, исчезли.

— Могу ли я предложить, мой король, — сказал Церемонд, — что было бы полезно на этом раннем этапе вашего правления организовать продвижение Всадников, чтобы напомнить людям о цене измены?

Ожидаем для волшебника. Банда рыцарей без чести опустошит сельскую местность. Кедехен не колебался бы с таким предложением, но Акмаэль остановился. Челюсть его боролась с какой-то невысказанной мыслью.

— Мой король? — подсказал Церемонд.

— Нет, мастер Церемонд. Нет. Я бы распустил «Всадников».

У сэра Дростана перехватило дыхание от неожиданности.

— Это был путь моего отца. Не мой.

— Мой король, — пробормотал Церемонд, — я не думаю, что это разумно.

— Я не спрашивал вашего мнения, мастер Церемонд. Это военное дело, и король решил. Сэр Дростан, проследите, чтобы это было сделано.

— Да, мой король, — Дростан ощущал ярость Церемонда, как жгучий туман. Волшебник не привык к тому, чтобы его мнение не принималось во внимание королем Мойсехена.

— Есть еще один вопрос, который мы еще не решили, Дростан, — продолжал король. — Относительно сэра Бортена. Мы будем уважать желание моего отца. Этот человек не должен возвращаться в Моэн. Держите его здесь в течение одного года, и пусть он выполняет любую услугу, которую вы сочтете уместной, в поддержку наших воинов. По истечении этого периода, если он хорошо послужит и покажет себя достойным, мы рассмотрим возможность сделать его рыцарем Вортингена.

— Мой король, — сэр Дростан кивнул. Хотя он был менее доволен этим приказом, он был обязан повиноваться.

Церемонд пошевелился, словно хотел что-то сказать, но Акмаэль поднял руку и отпустил их обоих.

— Это все.

Хотя волшебник молчал, когда они уходили, Дростана он не обманул. Церемонд будет искать способ заставить волю короля отражать его волю, и он не успокоится, пока не преуспеет.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Призывы

Вскоре после воссоединения Круга Кори в городе Селен их навестил Верховный маг Телин. Член Совета прибыл верхом в сопровождении небольшого эскорта воинов, несущих знамя и герб королевского дома Вортингенов.

В одежде, соответствующей его положению, Телин спешил с легкой грацией. На голове у него была квадратная шапка, а в руке он держал посох из полированного вишневого дерева. Его зеленый плащ свисал длинными свободными складками. Высокий и ухоженный, Телин очень хорошо носил эту форму.

Маг Кори тепло поприветствовал Телина, радуясь встрече со своим старым другом. Кори и Телин были одного возраста и вместе изучали магию в Королевском городе. Хотя Телин не разделял природного таланта Кори, у него была более высокая терпимость к характеру Церемонда и врожденная способность к политическим маневрам, необходимым для преуспевания в его Ордене. Он обладал впечатляющими познаниями в Первобытной Магии и с самого начала поддерживал уникальную работу Круга.

Вместе они уединились в палатке мага Кори. Их встреча, прошедшая в тихих тонах, продолжалась более часа. Когда они, наконец, вышли, маг Кори позвал Ришону и попросил ее присмотреть за подготовкой палатки Телина. Затем Кори послал за госпожой Ренатой.

Он сразу же перешел к делу, как только появилась Рената.

— Тебя вызывают в Королевский город.

Она замерла в нескольких шагах от стула, который он поставил для нее, с белым, как лилия, лицом.

— По правде говоря, мы все вызваны, — сказал Кори, — но твой вызов немедленный. Завтра ты отправишься с верховным магом Телином.

— Завтра? — обычно резкий голос Ренаты звучал тихо и слабо. — Почему? Что я сделала?

— Ты ничего не сделала, дорогая Рената, — маг Кори взял ее за руку и подвел к креслу. Он наполнил бокал и настоял, чтобы она выпила. — По крайней мере, Телин здесь не под открытым предлогом твоего ареста. Каким-то образом ему удалось убедить мастера Церемонда и нашего нового короля в том, что весной этого великого правления было бы уместно возродить некоторые из старых обычаев. Воссоздать, так сказать, былую славу Высоких фестивалей Мойсехена.

— Но какое это имеет отношение ко мне? Почему их план должен обязывать меня вернуться в то место?

Кори медленно вздохнул. Ему было больно просить об этом Ренату. В тех немногих случаях, когда Круг посещал Королевский город, он всегда разрешал госпоже не сопровождать их. Она презирала возвращение в то место, где оставила свою магию и смотрела, как умирают ее сестры.

— Телину нужна женщина, которая поможет ему. Кто-то, кто помнит роль маг на старых фестивалях. Кто-то, способный построить образ этих ритуалов в соответствующих границах, определенных просвещенной эпохой, в которой мы сейчас живем. Он считает, что твоя работа с Кругом делает тебя именно тем человеком, который подходит для этой задачи.

— Одно дело поставить несколько танцев для Круга, но то, о чем он просит, сделать невозможно. Мы можем подражать старинным обрядам, но без настоящих маг... — ее голос оборвался, а лицо исказилось под тяжестью невысказанных мыслей. — Это невозможно сделать.

— Боюсь, у тебя нет выбора. Телин выполняет приказы короля. Ты должна помочь ему,

независимо от того, считаешь ли ты, что задача выполнима.

Рената поднесла кубок к губам, взгляд сосредоточился на внутреннем мире.

— О каком празднике идет речь?

— Бел-Этне.

— Ясно, — она опустила стакан и встретилась с ним взглядом. — Они не могут сделать это без представительства Эйтны. И как они могут представлять Эйтну, не напоминая нашему народу о магах?

— Это, дорогая Рената, и есть твоя задача.

— Очень хорошо. Я сделаю то, о чем ты меня просишь, Кори. Но ты должен сказать мне, что это на самом деле. Им не нужно воскрешать Бел-Этне. С тем же успехом они могли бы дожидаться летнего солнцестояния.

Кори обдумал свой ответ.

— Признаюсь, Рената, я не знаю, что они замышляют. Я знаю, что остальные члены Круга скоро последуют за тобой. Телин рассчитывает полностью включить наших людей. Артистов и магов свозят со всего королевства. Некоторых даже пригласили из соседних территорий. Жители Мойсехена соберутся на это мероприятие. Возможно, все, чего хочет Совет, — это укрепить власть нового Короля в духе празднования. Тем не менее, зная мастера Церемонда, я верю, что есть более глубокая цель. Я подозреваю, что он планирует свою собственную оценку состояния магии в Мойсехене.

— А хорошо спланированный Фестиваль Бел-Этне был бы отличной приманкой для женщин с особыми способностями, — поняла Рената. — Истинного почтения к Эйтне при новом короле может быть достаточно, чтобы заставить подозреваемых ведьм и их сторонников ослабить бдительность.

Кори не стал ни подтверждать, ни опровергать ее выводы.

— Телин говорил с тобой об этом? — спросила она.

— Не прямо. Он казался воодушевленным по поводу проекта — и, должен добавить, от возможности поработать с тобой. Но он — член Высшего совета и знает, что каждое их решение преследует двойную цель.

— Телин всегда был для нас другом. Меня бы здесь не было, я бы не работал с тобой, если бы не он. Тем не менее, прибыть без предупреждения и заставить меня вернуться в это место при таких обстоятельствах... В Городе со мной может случиться что угодно.

— Верховный маг Телин берет на себя личную ответственность за твою безопасность. Он дал мне слово, что тебе не навредят. Ты останешься с ним в качестве его гостя, пока не придут остальные члены Круга, и тогда ты сможешь снова присоединиться к нам.

— Как его гостя или пленница?

Кори наклонился и снова наполнил ее кубок.

— Для женщины твоего таланта, дорогая Рената, все равно.

Утро отъезда Ренаты выдалось серым и безжизненным. Хотя все и пришли пожелать ей счастливого пути, их настроение было бесцветным, как небо. Только Верховный Маг Телин действовал с энтузиазмом, но его веселые слова не вернули кровь к щекам Ренаты.

Старая госпожа крепко обняла каждого члена Круга. Когда она выпустила последнего из своих учеников, из ее глаз брызнули слезы.

Маг Кори помог Ренате сесть на лошадь. Он сжал ее пальцы между ладонями и попытался укрепить ее мужество своей магией, но губы Ренаты оставались сжатыми, а лицо — пепельным.

— После Бел-Этне все изменится, — сказала Ришона, глядя, как путники отправляются по длинной дороге в Королевский город. — Мы должны наслаждаться оставшимися днями, потому что мы больше не будем вместе, как сейчас.

В последующие дни Круг развеяли свою меланхолию яркими выступлениями и спонтанными празднествами после концертов. Маг Кори изо всех сил старался присоединиться к этим усилиям, но натянутая веселость не смогла рассеять тяжесть в его сердце.

В его сон вторглись беспокойные видения: черные тени и сильные взрывы, лицо отца, когда солдаты ворвались в их дом, мучительные крики матери в ночь, когда она умерла.

Бриана выскочила из тени, как затравленный зверь. Она схватила Кори за маленькую руку и потащила его в лес. Они бежали во все более глубокую ночь, пока не потерялись в удушающей темноте. Тем не менее, они бежали так быстро, как только могли, но этого было недостаточно. Мечи нашли их, вращаясь в небе. Кори почувствовал холодный порез стали, когда она сильно вонзилась в его плоть. Он слышал, как их металлические голоса звенят торжеством смерти.

Маг проснулся вздрогнув. Пот струился по его шее. Он оглядел темную палатку.

«Кто-то здесь, наблюдает за мной».

Рука Кори нашла нож под подушкой. Щелчком пальцев он зажег ближайшую лампу.

— Покажи себя, — потребовал он.

Фигура в капюшоне осторожно вышла на свет.

Он сразу узнал ее и выдохнул с облегчением.

— Хелия. Тебе не следовало приходить.

С кошачьей грацией она потушила лампу и опустилась на колени рядом с ним.

— Время пришло.

— Хелия...

— Мы не так подготовлены, как хотелось бы, — она говорила так, словно предвосхищая его возражения. — Но ты знаешь, что говорят об этом новом Короле, о магии, которой он владеет. Мы не можем колебаться. Мы должны нанести удар сейчас, пока он не укрепил свою власть.

— У них Рената.

Она ответила резким вздохом.

— Что? Как?

— Телин приехал без предупреждения и забрал ее всего несколько дней назад. Она должна помочь ему в организации Высоких Церемоний Бел-Этне. Нам приказано следовать, и завтра мы отправимся в Королевский город.

— Телин знает, как ты привязан к Ренате, — тревога обострила ее голос. — Он держит ее в заложниках, чтобы гарантировать, что ты сделаешь, как он просит.

— Конечно.

— Ты подвергнешь риску весь Круг, если возьмешь их туда!

— Боюсь, у меня нет выбора.

— А что насчет тебя, Кори? — она положила свою руку на его. — Что, если они охотятся за тобой? Мы потеряем все, если потеряем тебя.

Ее слова тронули его сильнее, чем она могла предположить.

— Это неправда, Хелия. Я всего лишь инструмент в гораздо большем процессе. Это не зависит от меня. Уже нет.

Горная воительница погрузилась в беспокойное молчание.

Кори слышал тихие звуки полевых сверчков и ветерка, освещенного звездами. Где-то снаружи цвели лунные цветы. Их сладкий аромат напомнил ему о ночах, которые он провел с этой красивой и энергичной воительницей.

Когда он снова заговорил, это было успокаивающим тоном:

— Не беспокойся обо мне или Ренате, если на то пошло. Я всегда обращал планы Церемонда в нашу пользу, и этот раз не будет исключением. Скажи Эрнану подождать, пока мы не закончим с Бел-Этне. Я воспользуюсь фестивалем, чтобы оценить сильные и слабые стороны нашего нового короля. После этого мы примем решение о нашем следующем шаге.

Хелия кивнула и поцеловала его в губы. Затем она ускользнула без звука.

Сделав долгий медленный выдох, Кори откинулся на кровати и устался в темноту.

«Проклятый бардак, вот что это».

Простая уловка судьбы превратила все его сложные планы в руины.

Было время, не так давно, когда он мог положить конец их планам несколькими острыми разговорами. Уже нет. Это движение зажило своей собственной жизнью. Лучшее, на что он мог сейчас надеяться, это справиться с надвигающимся хаосом, не дав себя убить.

«Просто играй осторожно, как всегда».

Он переменял позу и приказал себе уснуть.

«В конце концов, это не так уж и плохо. У тебя все еще есть Сара, и это немаловажно».

Он улыбнулся и сдался волне сна.

Боги не могли бы дать ему лучшей награды, с которой он мог бы договориться о своей судьбе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Призыв к мятежу

Эолин не могла сдержать радости по поводу такого поворота событий. Наконец-то она посетит дом Ахима! И для этого ей не нужно было отказываться от своего места в Круге.

Ее волнение не уменьшило ее чувствительности к настроению ее спутников, которые воспринимали Королевский город как темную тучу на их общем горизонте.

В частности, маг Кори никогда не был таким растерянным. Его досада вырывалась на поверхность постоянно. Он стал сердитым и нетерпеливым. Он даже отступил от постоянного внимания к Эолин.

Хотя она оценила неожиданную свободу, мага вскоре обнаружила, что скучает по компании Кори. Однажды днем, чувствуя, что пейзаж без него неполноценен, Эолин разыскала мага и пригласила его присоединиться к ее прогулке.

Кори колебался. На мгновение Эолин подумала, что он откажется. Но затем он усмехнулся и набросил плащ на плечи.

— Не каждый день ты приглашаешь, Сара.

Весна перешла в раннее лето, теплые южные ветры отгоняли холодное дыхание севера. Возделываемые поля украшали плодородные холмы в залитых солнцем оттенках зелени. Яблони и вишни сбрасывали свои ароматные цветы, чтобы начать медленное превращение цветов в плоды. Певчие птицы неустанно кормили своих птенцов, а стрекозы низко жужжали над сверкающими ручьями.

— Ты должны быть рады, что мы посещаем город Мойсехен, — сказал маг Кори. — Возможно, ты найдешь своего друга.

— Теперь у меня много друзей, маг Кори. Встреча с этим не имеет такого большого

значения, как раньше, — Эолин говорила правду. Она уже несколько недель откладывала свой отъезд не потому, что боялась путешествовать одна, а потому, что не хотела прощаться. Несмотря на все тайны и обманы, Круг стал ее домом. — Но да, я рада. Даже если я не найду его, по крайней мере, я увижу дом его юности.

— Он маг, этот твой знакомый?

— Он только закончил изучение Средней Магии, когда мы в последний раз виделись.

— Он планировал продолжать работать под началом Церемонда?

— Я не знаю, — Эолин боялась правды. Она знала, к чему вели вопросы Кори. Лишь небольшое количество учеников завершили обучение Высшей Магии у Церемонда. Если Ахим был назначен Верховным Магом, Кори почти наверняка знал его.

— Изучение высшей магии под руководством этого волшебника меняет человека, — сказал Кори. — Он не будет тем мальчиком, которого ты когда-то знала. Ты должна быть очень осторожной, Сара. Не спеши доверять ему.

Откровенность его тона обеспокоила ее.

— Мы были близки, как дети. Я верю, что он хорошо помнит нашу дружбу.

— Если он освоил магию, как учит Церемонд, он найдет шов твоего оберега и раскроет на всеобщее обозрение.

Слова Эолин застряли у нее в горле. Несколько мгновений единственным звуком был стук их ног по гравию.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — сумела сказать она.

— Сара, — маг Кори положил ей руку на плечо, заставив ее остановиться и посмотреть на него. — Через несколько дней мы войдем в цитадель военной и магической силы этого королевства. Каждый член Круга понимает опасность этого места, кроме тебя, и я понимаю тот уникальный риск, который выпадет на долю каждого человека, который последует за мной, кроме тебя. То, что у тебя есть какие-то способности, очевидно, но я не могу оценить масштабы твоего дара. Я предпочел бы оставить тебя, потому что я не терплю неизвестных рисков. Тем не менее, Телин узнал обо всех наших членах. Во время своего визита он запомнил каждое лицо. Так что лицо, которое не прибудет с нами в Город, будет первым, кого он будет искать, когда начнутся новые чистки. Я не оставлю тебя на произвол судьбы, но я должен знать, кого я взял под свое крыло, прежде чем мы войдем в это место.

Эолин всматривалась в выражение лица Кори, в тонкие линии его лица. Хотя она чувствовала искренность, она не смела доверять ему.

— Я Сара из Южного Моэна, как я и говорила. Я знаю несколько трюков, которым меня научила бабушка, и больше ничего.

Черты лица Кори стали жестче, но затем что-то сломалось в его выражении. То, что Эолин увидела в тот момент, застало ее врасплох: печаль вкупе с осознанием того, что для него может означать ее потеря. Растерянная, она отвела взгляд.

Маг Кори коснулся ее подбородка и привлек ее взгляд к себе.

— Проблема вот в чем, дорогая Сара: один только вид тебя вызывает образы Древних Маг.

— Они не могут сжечь меня за мой внешний вид.

— Ты не знаешь, что они могут сделать. Они не остановятся ни перед чем в своем стремлении уничтожить всю память об этой благородной и древней линии ведьм, — он отпустил ее и отвернулся.

Смущенная смесью сигналов, которые только что прошли между ними, Эолин

позволила ему уйти в задумчивой тишине.

Солнце низко спустилось к западному горизонту, отбрасывая рыжеватое сияние на деревья и поля. Прохладный ветерок пронизывал ее летний плащ, заставляя ее дрожать.

Маг Кори протянул руку и попросил Эолин подойти к нему. Он положил твердую руку ей на плечо и указал на кристальную поверхность ближайшего ручья.

— Видишь, как стрекозы передвигаются по воде? Они там вдвоем, сцепились в полете?

— Да, маг Кори.

— Вот как мы будем жить в городе Мойсехен. Ты не должна отходить от меня, пока мы там. Ты не будешь выступать с остальными танцорами на Церемонии Первобытной Магии, и ты будешь стоять со мной, в представлении Эйтны, во время Церемонии Огня. Что касается всех других мероприятий, публичных и частных, ты будешь сопровождать меня, если не указано иное. Я не возьму тебя в город, пока ты не дашь мне слово.

Гнев Эолин на это нелепое предложение сдерживался только зарождающимся осознанием того, что, возможно, Маг Кори действительно хотел защитить ее. И все же она бросила бы ему в лицо эти слова и ушла бы сама, если бы не видела очевидную выгоду его плана.

«Ахим, — подумала она. — Маг Кори может привести меня к Ахиму».

— Очень хорошо, — сказала она. — Будет так, как ты пожелаешь.

* * *

Караван покинул Селен и петлял на запад через зеленые холмы. Лесные птицы следовали за ними, с нетерпеливым чириканьем носясь между деревьями и рощами. Порой ливни двигались над пейзажем, а следом приходил золотой свет, освещавший влажную землю кристальными красками Дракона. С наступлением темноты компания разбивала лагерь у чистых ручейков, и музыканты выносили свои инструменты, чтобы дополнить тонкие звуки сумерек.

Маг Кори рассчитал их путь так, что утром седьмого дня они пересекли последний хребет Селен и начали спуск к низким холмистым равнинам правящей провинции Мойсехен. Издалека город и крепость Вортинген сияли, как отполированный камень, над пастбищными и возделываемыми полями.

Когда караван приблизился, город превратился в черепичные крыши и каменные шпили. Замок занимал гребень наверху, его укрепления стояли на острых скалах, которые спускались с плоской вершины. Только северный склон горы остался без построек.

Эолин подозревала, что это было священное место, о котором ей рассказала Гемена, Каменное Основание, где Дракон короновал вождя воинов Вортингена и поручил всем его потомкам защиту Мойсехена. Она спросила у мага Кори, будут ли ее экскурсии с ним включать посещение Основания. Он нашел это забавным, мысль о женщине, ступившей в такое священное место.

Когда они, наконец, достигли городской стены, Верховный Маг Телин выехал навстречу в сопровождении Ренаты, которая больше не была испуганно бледной, как в Селен. Член Совета сопровождал их в лагерь, отведенный для Круга, с собственным колодцем и недавно доставленными дровами. Расположенное сразу за главными воротами, место обеспечивало легкий доступ к городу, а еще за Кругом было легко наблюдать всем, кто хотел бы смотреть с высоких крепостных валов.

Вскоре после того, как Круг разбил лагерь, Рената встретила с женщинами в их палатке. Смакуя крепкий, острый чай, который Ришона приготовила по этому случаю,

Эолин с восторгом слушала, как Рената рассказывала им подробно о своем пребывании в Королевском городе. Наставница подробно рассказала о сложных приготовлениях к фестивалю Бел-Этне, с некоторой гордостью описав многочисленные дебаты, которые привели к возрождению различных этапов фестиваля.

— Это была трудная задача, но нам удалось организовать почти все в соответствии с самыми важными обычаями древности, — слабая улыбка тронула уголки ее губ. — Огненная церемония средних магов вызвала наибольшее обсуждение. Я с трудом могла представить это без прямого изображения Эйтны, и даже Церемонд признает, что она сыграла определенную роль в распространении священного пламени среди нашего народа. В конце концов, мы решили использовать девять танцовщиц, каждая в паре с одним из средних магов. Некоторые из вас примут участие.

— Мы собираемся призвать священный огонь? — карие глаза Милены расширились.

— Нет, Милена. Вряд ли у тебя есть навыки, чтобы сделать такую вещь. Ты будешь танцевать. Тогда ты будешь стоять рядом с магами, когда будет призываться священный огонь, точно так же, как Эйтна стояла рядом с Карадоком, поддерживая все его начинания.

— Но Эйтна не просто стояла там, — вмешалась Эолин.

Всеобщее внимание обратилось на нее. Она запнулась под внезапным взглядом.

— Я имею в виду, что все легенды сходятся, — сказала она. — Эйтне и Карадок создали священный огонь актом совершенного союза. Магия обоих, а не того или другого, принесла свет и тепло нашему народу.

Бледная бровь Адианы удивленно приподнялась.

— Значит, ты хочешь акт совершенного союза во время Огненной церемонии? Тамир будет очень расстроен. Я слышала, ты будешь танцевать с Кори!

Щеки Эолин залились горячим румянцем.

— Адиана, — предостережение Ренаты не подействовало на женский смех. Наставница повернулась к Эолин с суровым выражением лица. — Сара, лучше бы тебе не озвучивать свою необычную интерпретацию Бел-Этне здесь. Шпионы волшебника близко, что, я уверена, маг Кори сообщил тебе.

— Ну, если во время танца огня не должно быть идеального союза, как насчет высокой церемонии? — сказала Адиана. — Я слышала, что в старые времена Третья Ночь Бель-Этне была буйством чувственных наслаждений.

— Ради богов, Адиана, — сказала Рената, — где ты находишь истории? В великой традиции Старых Орденов третья ночь Бел-Этне была кульминацией элегантного церемониального цикла...

— Вот видите? — голубые глаза Адианы торжествующе вспыхнули. — Кульминация.

Рената повысила голос, перекрывая возобновившийся смех.

— И мы повторим цикл так же, как это делали Старые Ордена. Мы начнем с обрядов Первобытной Магии в первый день и перейдем к Огненной Церемонии Средних Магов во второй день. На третий день в полночь Праздник Высшей Магии завершится союзом двух партнеров в белом свете страсти...

— Двух? — возмущение Эолин растворилось среди возгласов и аплодисментов Адианы.

— Действие, которое вызывает Высшую Магию, потому что выходит за пределы времени, — настаивала Рената, ее плечи были такими же напряженными, как и ее голос, — но остается Примитивным, потому что оно доступно всем, независимо от подготовки. Король будет представлять Карадока, а Высшие Маги выберут его Эйтну.

— О, — игривая ухмылка Адианы сменилась преувеличенным разочарованием. — Ну, это звучит довольно скучно, если только... — легкая улыбка расплылась по ее розовым губам. — Если только одна из нас не станет Эйтной. Говорят, он красивый, знаете ли. Самый могущественный маг и король, когда-либо ходивший по этим землям.

— Значит, он сможет всю ночь? — пошутила одна из женщин.

— Мне кажется, это идеальный союз! — ответила другая.

— Как мы можем попасть в этот список, Рената? — спросила Адиана.

— Сомневаюсь, что ты подойдешь, — вставила Милена. — Маги Церемонда наверняка выберут девственницу.

Адиана пожала плечами.

— Что ж, ему хуже. Ни одна дева из Мойсехена не сможет развлечь его так, как я.

— Не могу поверить, что ты обсуждаешь это так, будто это какая-то шутка! — гнев Эолин резко прервал их шутки. — Третья ночь Бел-Этне должна ознаменовать одну из величайших тайн нашей веры! В старые времена у каждого мужчины была возможность стать Карадоком, а у каждой женщины — Эйтной, и огонь их любви тысячу раз обновлялся, чтобы осветить эту землю. Но Церемонд... — она ткнула пальцем в сторону замка. — Церемонд хотел бы, чтобы все это стерлось из нашей памяти! Теперь будет освещаться только одна кровать, и то слабо. Боги будут недовольны.

Вспышка Эолин вызвала удивленное молчание. Даже Адиана, у которой никогда не было недостатка в остроумных репликах, только открыла рот, а потом его закрыла.

— В традиционных обрядах Бел-Этне, — продолжала Эолин, — магия наших магов и маг передавалась нашему народу. Всем было позволено вкусить страсть, которая связала Этну и Карадока. Все чувствовали, как радость волшебства течет по их венам. Но Церемонд и его маги не хотят, чтобы мы об этом помнили. Они не потерпят живого напоминания о силе Эйтны. Вот почему они отказывают в таинстве всем, кроме Короля-Мага. Они стремятся превратить одну из наших величайших традиций в не более чем ритуальное соблазнение, в лучшем случае. Откровенно говоря, это отвратительно.

Все смотрели на нее с ошеломленными лицами.

Рената поерзала на стуле и задумчиво сделала глоток чая.

— Итак, Сара, что ты предлагаешь?

Вопрос поразил Эолин. Слишком поздно она поняла, что только что сказала. Действительно ли Рената ожидала, что она предложит курс действий? Или она просто стремилась закрыть ловушку?

Отвернувшись от пронизательного взгляда Ренаты, Эолин изучала свои руки. Ее тонкие пальцы, с детства обученные колдовству, лежали бесполезными уже больше года. С тех пор, как она присоединилась к Кругу Кори, через них не было создано ни одного заклинания, кроме как в канун Середины Зимы.

Она поняла, как устала стоять на месте, ждать, пока найдет Ахима, ожидать, что мир изменится сам по себе. Она больше не могла так продолжать. Она должна была что-то сделать, и она хотела сделать это здесь.

Судорожно вздохнув, она перевела взгляд на своих спутников.

— Что ж, у меня есть идея. Существует простая, очень тонкая форма Первобытной Магии, которую мы уже применяли в Круге, хотя и не с тем вниманием, которое требуется для задачи, которую я имею в виду.

— Ты предлагаешь нам призвать магию? — спросила Милена. — Женщинам? Внутри

Королевского города? Ты, должно быть, сошла с ума.

— Звучит восхитительно рискованно, — возразила Адиана, — и гораздо интереснее, чем смотреть, как король получает удовольствие с кем-то другим.

— Святое Таинство будет совершаться наедине, — многозначительно сказала Рената. Адиана закатила глаза.

— Клянусь богами, они хотят лишить нас всего удовольствия, не так ли?

— Сара, — сказала Рената. — Пожалуйста, продолжай.

— По сути, это означает уловить нить желаний, скрытую в ткани Мойсехена. Мы все чувствовали эту нить, тоску в сердцах наших людей во время каждого нашего выступления. Мы можем взять их мечту и воплотить ее в движение и песню.

— Так? — брови Адианы сдвинулись от сомнений. — Хочешь, чтобы мы станцевали?

Эолин посмотрела на Ренату. Руки молодой маги охватила дрожь. Она чувствовала, что не сможет продолжать, пока Рената не даст четкий сигнал о том, кому она верна.

— Я знаю магию, о которой ты говоришь, — Рената поставила перед собой чай. — Это способность отражать и усиливать мечту, превращая мысль в движение и позволяя движению перетекать в мысль. Я научила всех вас, как это делать, хотя и не открыла вам множество действенных способов, которыми это можно использовать.

— Звучит как танец, — сказала Адиана.

— Если бы это вызывали во время празднования Первобытной Магии, это был бы просто еще один танец, — признала Эолин. — Но мы должны сопровождать Средних Магов во время Церемонии Огня. Если мы реализуем эту магию, она смешается с силой магов, укрепитя и отразится к людям с большей силой. Каждого человека посетит видение. Вместе они вспомнят проигнорированные силы Эйтны и увидят маг такими, какими они когда-то были.

«Вот. Я сделала это».

Хотя Эолин утверждала, что это заклинание было Примитивной Магией, Рената знала, что только Высший Маг мог сплести разрозненные силы в единый могущественный образ. Эолин опустила голову, боясь того, что может увидеть во взгляде наставницы. Если Рената предаст ее доверие сейчас, к утру Эолин сгорит на костре.

— Мне это не нравится, — решила Милена. — То, что вы описываете, звучит слишком очевидно, чтобы остаться незамеченным Высшими Магами.

— В этом и заключается великолепие, — Ришона заговорила впервые. — Это завершится эфемерным мгновением, едва отличимым от коллективной памяти. Подобную магию практикуют ведьмы-сырнте.

— Ничего больше не произойдет, — заверила их Эолин, — кроме того, что образ будет запечатлен в каждом сознании. На фоне этого образа Высшая Церемония и Полуночное Таинство, даже если они будут полностью проводиться магами Церемонда, просто не будут иметь смысла. Их интерпретация обряда не будет иметь никакого значения для нашего народа.

— Церемонд и его маги не обнаружат появление этого заклинания и не узнают его во время применения, — взгляд Ренаты, темный и полный осторожности, не отрывался от Эолин. — Но если оно будет эффективным, они узнают, что произошло потом, и выследят преступников.

— Мне все равно, — сказала одна из женщин. — Что мы теряем на данном этапе? Круг будет распущен после Бел-Этне. Ришона предвидела это. И когда это произойдет, наше

место в этом королевстве будет потеряно. Если мы не пойдём на риск сейчас, пока мы ещё вместе, то когда?

— Я, например, устала шептать от страха, — согласился другой. — Если у меня есть эта сила, о которой говорит Сара, я хочу использовать ее.

— Можем ли мы также сделать короля импотентом? — спросила Адиана. — Я имею в виду, что теперь, когда все ясно, я не буду с ним спать.

— Мы не остановим Высшую Церемонию, — твердо ответила Эолин. — Мы только лишим ее смысла.

Адиана вздохнула.

— Что хорошего в магии, если ты не можешь сделать мужчину импотентом?

— Хватит шутить, — тихо сказала Эолин. — Это очень серьезно. Мы все должны быть согласны, если собираемся это сделать. И нам нужно благословение Ренаты.

Объявление об этом последнем условии породило выжидательную тишину. Все взоры теперь обратились на наставницу.

Говорили, что много лет назад Рената предала своих сестер, чтобы спасти себя. Эолин не сомневалась, что способна предать собравшихся здесь женщин. Но если наставница решит пойти по этому пути, Эолин не позволит ей сделать это, не возложив на нее это бремя, не заставив ее вспомнить, что именно ее согласие привело их на костер.

Рената поджала губы и тихо кивнула.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Бел-Этне

За несколько дней до Бел-Этне маг Кори посетил ряд встреч. Верный своему слову, он держал Эолин рядом с собой. Только два раза он оставил ее на попечение Тамира: один раз, когда он встретился с мастером Церемондом, и второй раз для аудиенции у короля.

Вскоре Эолин узнала, что собрания магов подчиняются негласным правилам. Волшебники равного ранга содержались вместе. Женщины, пока они присутствовали, были ограждены от любого серьезного обсуждения магии, торговли или других дел королевства. Эолин так и не разобралась, как они сообщали о подходящем моменте, но как только Кори приближал губы к уху Эолин, напоминая следить за ее языком, ее уводили вместе с остальными женщинами, часто надушенная спутница самого важного мага.

Таким образом, Эолин познакомилась с совершенно другим сообществом «дочерей Мойсехена», воспитанных, чтобы служить нуждам своих магов, и лишенных всякого стремления к собственной магии.

Накануне Бел-Этне Эолин познакомилась с несколькими людьми из Ордена Церемонда, но Ахим среди них не появился. Она начала подозревать, что он никогда этого не сделает. Возможно, он не закончил свое обучение, хотя это было трудно представить. Возможно, он отправился в Южный лес в надежде найти ее, хотя наверняка вернется ради этого важного события. Возможно, он преждевременно ушел в загробную жизнь. И все же Эолин верила, что почувствовала бы его уход. Тайна занимала ее мысли, иногда не давая ей спать по ночам.

Последние дни перед великим фестивалем наполнились бурной деятельностью. На центральной площади плотники с непрерывным стуком возводили трибуны, с которых король и его приближенные будут наблюдать за церемониями. Жители Мойсехена стекались из самых дальних уголков королевства, заполняя постоянные дворы и разбивая лагерь за пределами города. Аллеи и переулки наполнились острым ароматом жареного мяса и свежего эля. Продавцы пели, как летние лягушки, продавая традиционные украшения сезона:

белые лилии, ароматные сосновые ветки, украшенные маски и плащи с капюшонами. Смех и болтовня свободно катились по улицам.

Во второй вечер трехдневного фестиваля люди заполнили городскую площадь в ожидании огненной церемонии. Мужчины и женщины носили красочные плащи и украшенные маски. Они держали лилии и сосновые ветки в бело-зеленом море. Дети носились среди взрослых, толкаясь и пролезая в излюбленные места рядом с единственной аллеей, которая соединяла частокол на севере с палаткой, из которой должны были появиться маги и танцоры на юге. Низкая платформа вела к священному кругу, созданному накануне, во время празднования Первобытной Магии.

Когда послеполуденное солнце коснулось высоких крыш, загудели трубы, возвещая об открытии ворот замка. Извилистый путь от крепости был длинным и крутым, поэтому прошло несколько минут, прежде чем король и его свита завершили свой ритуальный спуск. Они въехали на площадь на великолепных лошадях, гораздо более массивных телосложением, чем холеные бегуны Кори. Каждый маг был одет в темно-зеленый плащ, богато расшитый золотом и драгоценными камнями. Они не закрывали свои лица обычными масками, а использовали игру тени и света, которая размывала их черты, а также ауры.

Наблюдая за происходящим у входа в их палатку, Эолин задалась вопросом, не похоже ли заклинание, создавшее эти маски, на заклинание оберега мага.

Адиана прижалась теплой щекой к щеке Эолин.

— Мы не можем видеть лица короля, — сказала она, — но посмотри на его осанку. Он носит власть с абсолютной уверенностью, даже в первые дни своего правления. То, что о нем говорят, правда. Он худший из королей, красивый, харизматичный. Они будут любить его, даже если он использует их всех для своей выгоды.

Люди расступились, чтобы пропустить королевскую процессию. Эолин почувствовала, как серые щупальца страха поднимаются от зрителей, мерцающий туман, который непрерывным потоком стекает к Королю и его Высшим Магам.

«Ученики Церемонда не просто собирают энергию земли», — поняла она.

Они питались страхом и использовали его для усиления. Гемена предупредила ее об этом. Кедехен навел страх на свой народ долгие жестокие годы. Теперь новый король наслаждался плодами труда своего отца. Бель-Этне была всего лишь временной мазью на вечно открытой ране, мгновенным отвлечением от порчи, поглотившей когда-то великолепные традиции Мойсехена.

Когда король занял свое место, Адиана крепко обняла Эолин. Она понизила голос:

— Ты уверена, что хочешь это сделать?

— Да, — никогда в жизни Эолин не была так уверена ни в чем.

— Тогда я с тобой, — с коротким поцелуем Адиана ускользнула, чтобы присоединиться к музыкантам.

Эолин проверила замысловатую шнуровку своей маски и натянула на голову бордовый капюшон. Песня Адияны уже звучала ясно и высоко, когда она заняла свое место рядом с Кори. Волнующее чувство цели поднялось внутри нее. Женщины последовали ее примеру. Рената хранила их тайну. Эолин казалось, что все события ее прошлого сговорились, чтобы создать этот момент, когда она, наконец, приоткроет дверь необратимых перемен.

Когда Кори взял ее за руку, между ними пробежала искра. Он напрягся и бросил взгляд на нее. Несмотря на маску мага, Эолин увидела напряжение в его серебристо-зеленых глазах.

Сомнение омрачило ее решимость. Кори никогда не волновался перед выступлением.

— Что-то не так? — спросила она.

Он не ответил, но изучал ее, как будто обдумывая какое-то трудное решение. Сердце Эолин сжалось.

«Рената рассказала ему?».

Если да, то почему он не вмешался?

Прежде чем Эолин успела облечь свои опасения в слова, Кори крепче сжал ее руку и вывел из палатки. Они следовали за остальными, не отставая от песни Адианы.

Любовь горит в моем сердце,

Ночь больше не темнеет.

Приди, моя Эйтна, мой Карадок

Обнять меня.

Эолин и Кори попали в сложную хореографию, где взаимодействие каждой пары слилось в единую картину целого. Эолин планировала применить свою тонкую магию здесь, в самом начале танца, но колебалась, опасаясь того, что почувствовала в поведении Кори.

Люди, толпящиеся на площади, присоединились к своим голосам с Адианой:

Смотри, как сияет белая луна,

Услышь песню черного неба,

Бушующую любовь текущей реки

Тепло солнца, которое не зашло,

Наш союз освещает полуночное небо

Покоряя вечность этим вечным мгновением...

Пойманные спонтанной силой этих голосов, Эолин и Маг Кори остановили свой танец. Магия хлынула в толпу, растворяя туман страха и оставляя после себя яркую солидарность. Они высоко подняли цветы и сосновые ветки, двигая ими взад и вперед в едином ритме.

Хотя она не могла видеть Высших Магов, Эолин чувствовала бледность, опустившуюся на их приглушенные ауры. Тень предчувствия сгустилась вокруг мастера Церемонда. Неизменными остались только цвета короля. Если реакция людей и тронула его, он не показал этого.

Маг Кори коснулся руки Эолин, намекая, что нужно продолжать.

— Что происходит? — спросила она.

Кори привлек ее к себе и прошептал ей на ухо.

— Это магия жителей Мойсехена. Спящая река, которая связывает их. Сила, которая не шевелилась десятилетиями, — они отвернулись друг от друга и снова приблизились, прежде чем он добавил. — Церемонд будет недоволен.

Адиана завершила гимн. Маги и танцоры образовали два круга с мужчинами внутри. Сочный голос Ришоны вознесся в воздух. Таинственный язык и извилистые мелодии ее народа пробудили чувство глубокой тоски в сердце Эолин. Рената поступила дерзко, предложив женщине-сырнте спеть во время огненной церемонии. И все же Эолин не могла представить другого человека, который бы так хорошо соответствовал сущности и величию Священного Огня.

По мере того как музыка набирала силу, каждый маг посылая дугу яркого пламени с ладони в центр круга. Они объединили свои силы в единое вращающееся ядро света. Водоворот быстро распространился по земле, прежде чем сжаться в светящийся столб, вздымающийся высоко над площадью, вызывая у людей возгласы удивления.

В сгущающихся сумерках маги создали внушающую благоговение хореографию,

разделив яркий свет на разноцветные образы, изображающие многочисленные легенды об Эйтне и Карадоке. Мифические любовники танцевали сквозь пламя и раскрывали тайны магии. Они бежали от Грома, откликнулись на зов Дракона и выковали свою страсть в тысячу огненных ветвей.

Эолин вглядывалась в лица замороженных зрителей.

«Сейчас самое время».

Между танцующим пламенем Средних Магов и глубоким воображением своего народа она начала произносить заклинание на безмолвном языке Дракона.

Эхекат.

Нэом Вехам.

Нэом э ном зехлам.

Эхуки.

Распространяясь по ее приказу, волшебство танца вплеталось в скрытые мечты публики. Эолин почувствовала, как видение обретает форму. Развевающиеся одежды темно-бордового цвета. Исцеляющие руки и изящные конечности. Распущенные волосы и соколиные глаза. Неукротимая свобода и грозная магия.

Мираж уловил старые обряды, в которых Огненная церемония вызывалась сбалансированным шабашем мужчин и женщин, придавая богатую текстуру священному огню, который, несмотря на все навыки присутствующих магов, не мог быть воспроизведен без женской магии.

Заклинание исчезло. Низкая дрожь пробежала по столбу огня. Эолин открыла глаза, обеспокоенная зловещим грохотом.

Характер изменчивого света изменился, стал более ярким. Плечи мага Кори напряглись. Остальные маги обменялись нервными взглядами. Несколько человек безуспешно пытались вырваться. У Эолин перехватило дыхание, когда она поняла, что пламя удерживает их против их воли.

Без предупреждения раскаленное ядро взорвалось вверх. Порыв горячего воздуха швырнул магов на землю. Священный огонь с ревом принял форму пылающего дракона, выгнул горящую шею и обрушился прямо на мага Кори.

У Эолин не было времени обдумывать свои действия. Она выбросила вперед руку и закричала:

Эхекат, фэом энре думэ!

Магия хлынула сквозь ее ноги и вырвалась из ладони дугой ясного голубого света. Синее пламя перехватило голову дракона всего в нескольких дюймах от лица Кори. Вспыхнув, оно поглотило красного змея и его извивающуюся шею. Существо превратилось в туманный шар сине-красного пламени, который взорвался с громовым ревом, а затем исчез в одинокой умирающей искре.

Наступила абсолютная тишина.

С ужасом Эолин поняла, что она сделала и где решила это сделать.

Маг Кори одним движением снял капюшон и маску с недоверчивым выражением лица.

Хотя она не осмеливалась поднять глаза, Эолин знала, что король поднялся на ноги. Она почувствовала ядовитый взгляд Церемонда. Она понимала, что спасения не будет.

— Немедленно приведите ее ко мне, — король не возвысил голоса, но приказ был услышан всеми.

Толпу охватил сдавленный ропот. Некоторые отпрянули от площади. Остальные

замерли на месте. Но большинство вытягивалось, чтобы мельком увидеть женщину в капюшоне и маске, которая каким-то чудом раскрыла дар магии.

Из движущейся массы людей материализовались стражи. Они окружили Эолин, их обнаженные мечи шипели смертью.

Маг Кори вскочил на ноги.

— Дураки! Эти лезвия не помогут.

Он пробился сквозь охрану и схватил Эолин, одной рукой крепко схватил ее за шею, а другой ладонью упершись в лоб. Эолин боролась с неудобной хваткой, но он крепко держал ее и заставил ее взгляд встретиться со своим.

— *Эхекату нэом малех.*

Она замерла от удивления. Его призыв не имел смысла.

— Ну вот, мужики, — сказал Кори. — Я связал ее магию.

Однако он не сделал ничего подобного.

Кори сжал руку Эолин так крепко, что стало больно.

— Но тебе нужно, чтобы я был рядом, если хотите добраться до замка живыми.

Капитан бросил нервный взгляд на Эолин. Вложив меч в ножны, он коротко кивнул Кори.

— Очень хорошо, маг Кори.

Король уже уехал с площади на лошади со своими слугами, оставив стражу ориентироваться в беспокойной толпе, пытаясь проложить проход для новой заключенной. Их старания оказались бессильными против воли зрителей, которые все сильнее стремились взглянуть на магу.

Эолин никогда еще не окружала такая масса людей. Их лица расплылись. Жара стала удушающей. Как только она поверила, что толпа сокрушит горстку вооруженных мужчин и разорвет ее на части, холод пронесся по площади и заглушил их шум. Открылась тропинка, тянущаяся к дороге в замок. В его центре, не более чем в десяти шагах от Эолин, стояла старая женщина с мудрыми глазами и беззубой улыбкой. В руке она держала единственную лилию, которую осторожно положила на землю, прежде чем совсем исчезнуть.

Эолин не знала, видел ли кто-нибудь еще привидение, но вслед за старухой все выпустили свои лилии. Цветы сыпались со всех сторон и скапливались тяжелым ароматным снегом у ее ног.

Стражи сильно толкали Эолин и приказывали ей идти вперед.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Крепость Вортингена

Крепость Вортингена выглядела неестественно, с массивными воротами и непроницаемыми стенами. Зловещие тени цеплялись за края. Лабиринт коридоров вызывал чувство замкнутости и путал. Оружие шипело и лязгало, его металлический язык был непонятен Эолин.

Хватка Кори на ее руке усилилась, когда он притянул ее к себе.

— Не позволяй им запугать тебя. Их сила заключается в твоём страхе. Тот, кто обучал тебя, должно быть, дал тебе техники, позволяющие контролировать страх. Используй эти уроки прямо сейчас. Наше будущее зависит от этого.

«Наше будущее».

Это простое выражение единства легло ужасным бременем на сердце Эолин. Насколько она знала, Кори мог завтра сгореть вместе с ней.

— Прости меня, маг Кори. Я не думала...

— Не думала, — гнев окрасил его тон. — Пока я поблагодарю тебя за спасение моей жизни, хотя ты, возможно, лишилась ее, сделав это. Будет время для объяснений и извинений, если мы доживем до восхода солнца.

Они продолжили молча. Эолин чувствовала, как Кори прокручивает разные версии их истории, ища ту, которая объяснила бы ее действия, не отправляя их обоих на костер. Его тревога обеспокоила ее, а затем наполнила негодованием.

«Что я сделала, чтобы заслужить это?»

В детстве она хранила все секреты, которым ее научила мать. Девочкой она росла, прячась в туманном сердце Южного леса. С момента своего возвращения в Мойсехен она скрывала правду о своей силе и воздерживалась от всех явных действий магии, изнуряя при этом свой дух голодом. Теперь, в один-единственный момент неосторожности, она использовала свой дар для предположительно благородного поступка — спасения жизни мага.

«И вот как они вознаграждают меня».

— Так-то лучше, — сказал маг Кори.

Эолин напряглась, переживая из-за впечатления, что он прочитал ее мысли.

— Теперь ты должна успокоить свой гнев, — сказал Кори. — Не разговаривай с ними, Сара. Сосредоточься на подавлении своих эмоций. Я займусь остальным.

Они подошли к маленькому вестибюлю с двумя огромными деревянными дверями, на которых был вырезан драконий герб Вортингена. Другие стражи выступили вперед, чтобы окружить их. Тяжелые двери распахнулись внутрь, и их сопроводили к королю.

Эолин никогда не видела так много места в одной комнате. Толстые столбы тянулись вверх, как огромные каменные стволы, их ветви разделялись четкими дугами высоко над головой. Высокие окна, черные на фоне сгущающейся ночи, тянулись вдоль длинного зала. Толстые факелы освещали полированный пол, отгоняя тени в дальние углы. Великолепие этого места, как ни странно, напомнило Эолин Южный лес. Немного утешившись этой мыслью, она вдохнула и расправила плечи.

Высшие Маги собрались по обе стороны от Короля, чье лицо оставалось скрытым за чарами его маски. Рядом с королем стоял Церемонд, обрушивший на Эолин вес своего янтарного взгляда. Эолин колебалась, но маг Кори крепко положил ей ладонь на плечо. Вместе они продвигались вперед, пока стражи не дали им знак остановиться.

Король изучал ее, выражение лица было непроницаемо за мерцающим светом его маски. Молчание стало долгим и неловким. Взгляд Церемонда метнулся к королю, словно побуждая его заговорить, но правитель не отвлекался, разглядывая Эолин.

Она вздернула подбородок и выдерживала его взгляд. Какой-то невысказанный вопрос оформился между ними, повиснув туманом в мерцающем свете.

— Кто будет говорить за эту женщину? — потребовал король.

— Я могу, мой король, — ответил маг Кори.

— Я буду говорить за себя, — сказала Эолин.

Маги возмущенно зашептались.

— Пожалуйста, мой король, — быстро сказал Маг Кори. — Имейте терпение с ней. Она всего лишь простолюдинка из Моэна. Она ничего не знает о суде.

— Хотя она кое-что знает о способах магии, — ответил Король. — Как ее зовут?

— Сара, — сказала Эолин.

Кори пронзил ее взглядом.

— Сними маску, дева Сара, — приказал король. — Я бы увидел твое лицо.

— Я буду рада снять свою маску, когда вы снимете свою, — ответила Эолин.

Факелы потускнели от ее наглости.

Король снова сел на свой трон. Неодобрение вырвалось из-под его ног и потекло по ступеням, как смертельный туман.

— Оставьте нас, — приказал он.

Высшие Маги поклонились и, тихо шурша мантиями, поплыли к вестибюлю. Церемонд остался рядом со своим королем, а Кори твердо стоял рядом с Эолин.

— Вы тоже можете идти, маг Кори, — сказал Король.

Кори поколебался, затем сделал тихий, решительный вздох.

— Помилуйте, мой король. То, что произошло сегодня, не ее вина. Я беру на себя полную ответственность. Я научил ее трюкам, которые не должна знать ни одна женщина, из собственного любопытства и гордости. Она жила одиноко. Она мало знала о наших законах, когда я встретил ее, и у нее не было врожденного страха перед магией, свойственного многим женщинам Мойсехена. Я хотел проверить, как далеко она может отправиться во тьму. Но до сегодняшнего дня ее магия никогда не использовалась вне Круга или публично. Это больше не повторится. Даю слово.

— Маг Кори, вы слышали мой приказ. Подождите в коридоре, пока я не закончу с этой ведьмой.

Эолин почувствовала, как дух мага Кори рухнул.

Он снова положил руку ей на плечо, передавая все, что мог, из своей силы и магии, прежде чем уйти. Она понимала вкус его настроения. Кори считал, что прощался.

— Мастер Церемонд, вы тоже можете идти, — сказал король.

— Мой король, я подумал, что могу быть полезен, расспросив эту женщину.

— Я скоро воспользуюсь вашими услугами. Вы будете ждать вместе с остальными, пока вас не призовут.

С уязвленным видом Церемонд удалился. Он пронесся мимо Эолин, обжигая ее чувства едким жалом своей ауры. Двери закрылись за ним.

Наступила неестественная тишина, глубокая тишина горной крепости; ужасная пустота, не прерываемая пением певчих птиц или стрекотом сверчков. Холодная тишина, непроницаемая для журчания весенней реки или мягкого ветра в высоких елях.

Король поднялся на ноги.

— Как долго ты была с магом Кори?

— Чуть больше года.

— Год? — он сошел с трона и размеренными шагами приблизился к ней. — Не так много времени, чтобы научиться трюку, подобному тому, который ты сделала сегодня.

Эолин тщательно обдумала ответ. Голубое пламя, которое она создала, представляло собой продвинутую магию. У короля были все основания сомневаться, мог ли Кори научить непосвященную женщину, как вызывать его так быстро. Если бы она ответила честно, то разоблачила бы Кори как лжеца. Однако из уважения к Гемене она не могла играть соучастницу его истории.

— Кори — одаренный маг, — сказала она.

Король кивнул. Веселая улыбка тронула его губы.

— Так и есть, но он не обучал тебя.

Теперь он стоял в паре шагов от нее. Инстинкт Эолин заметил в его позе тревожную фамильярность. Он напомнил ей Рысь в тот момент, когда она бросалась. Но аппетит был другим. Темнее, глубже.

И все же Эолин не боялась. Она бывала и в роли хищника, и в роли жертвы достаточно часто, чтобы знать, что жертва почти всегда побеждала. Она направила корни своего духа глубоко в землю и не сводила с него взгляда.

— Сегодня был еще один акт магии, — продолжил он, — тонкое, но мощное заклинание, вызванное во время Церемонии Огня. Ты и так сделала?

Вопрос застал Эолин врасплох. Она неуверенно вдохнула, борясь с легкой дрожью, охватившей ее руки. Решение спасти жизнь мага было оправданным, достойным милости Короля, но видение, которое она вызвала во время Церемонии Огня, было изменой.

— Я не заставляла наших людей петь, — сказала она. — Этот порыв возник сам собой.

— Я имею в виду не песню, а образ, который возник у нашего народа во время обряда. Видение Древних Маг. Это было очень хорошо сделано. Изысканно. Почти незаметно.

Кровь Эолин похолодела. Его слова змеились вокруг нее, как привязь, отрезая пути к отступлению, привлекая ее к осуждению. Удовольствие, которое он получал, видя, как она была загнана в угол, было осязаемо.

— Говорят, есть много способов усмирить ведьму, — король медленно обошел ее. Эолин заставила свое сердце успокоиться, когда он шагал сзади. — Как бы ты хотела, чтобы я тебя приручил?

— Меня не приручить, сэр.

— Конечно, — он снял с нее капюшон и начал расстегивать шнурки на маске.

Прикосновение парализовало Эолин. Ей хотелось бежать, принять форму Ночного Ястреба и сбежать через высокие окна. Но ее ноги упрямо цеплялись за землю. Сила изменения формы ускользала от нее.

Он снял маску, подставив ее лицо ледяному воздуху.

Затем он подошел очень близко, так близко, что она почувствовала, как его жар отразился на ее спине. Его сильные руки нашли основание ее горла. Ее нос покалывал от уколов крошечных иголок. Горький металлический привкус наполнил рот.

Эолин узнала признаки Ахмад-мелана, проклятия магов, которое вызывало у жертв пугающие галлюцинации. Она не носила с собой ни одного из известных лекарств, кроме способности контролировать страх и заклинания на языке Дракона.

Руки короля сомкнулись на ее шее.

Эхекат, фэом, — молилась Эолин. — *Эхекат наэму.*

Его хватка стала невыносимо болезненной, будто он зажал камень в ее горле. Легкие Эолин, мгновенно осознав проблему, содрогнулись.

Вехам-мехта. Эхекат.

Она закрыла глаза, велела легким успокоиться, а сердцу биться ровно. Ее тело не могло паниковать. Она не могла допустить паники.

Эхекат, фэом. Эхекат нэму. Вехам-мехта. Эхекат.

Видение померкло. Ужасное давление исчезло. Эолин ахнула, когда свежий и холодный воздух снова ворвался в ее легкие.

— Молодец, — сказал он. — Действительно, очень хорошо сделано.

Восхищение в его голосе разожгло ее гнев, но она подавила порыв нанести ответный удар. Она понимала эту игру. Потеря контроля над эмоциями делает ее еще более уязвимой.

Стянув складки плаща Эолин с ее плеч, Король скользнул по ее руке, пока не нашел место, где повязка Ахима находилась под ее рукавом. От его прикосновения металл отпрянул и зашипел.

Эолин дернулась, но король прижал браслет к ее коже, его хватка вызвала острую боль в ее руке. Эолин замерла, как кролик в пасти волка.

Он знал, что браслет будет там.

Король-маг ласкал ее ухо своим дыханием:

— То, что ты сделала сегодня, было безрассудно, Эолин.

Ее истинное имя сильно ударило по ней. Глаза Эолин защипали. Туман страха поднялся у ее ног.

«Он знает мое имя. Он знает о подарке Ахима».

Чего же он не знал?

И что они сделали с Ахимом?

— Я не узнаю этого имени, мой лорд, — но голос Эолин дрожал, а в горле пересохло.

Король вдохнул запах ее волос и отстранился.

— Тогда, может, ты меня узнаешь, — он завершил круг, встал лицом к ней и позволил своей маске раствориться.

Эолин сначала не узнала его. Не потому, что его лицо изменилось, а потому, что ничто не подготовило ее к тому, чтобы связать мальчика, с которым она подружилась в Южном лесу, с внушающим страх и ненавистью королем Вортингеном.

— Это невозможно, — прошептала она.

Она шагнула вперед и подняла руку к его лицу, ища какой-нибудь намек на иллюзию, заклинание, призванное обмануть ее, хотя она не знала магии, которая позволила бы одному магу превратиться в другого. Он ответил на ее прикосновение, но прикосновение его губ к ее ладони казалось извращенным, и она отдернула руку, будто была обожжена.

— Где Ахим? — ее вопрос был адресован не столько королю, сколько необыкновенным силам, которые привели мальчика в ее жизнь только для того, чтобы позволить ему затеряться внутри этого незнакомца.

Эолин отступила, ее мечты о прошлом рухнули в пустоту ее будущего. Мальчик, которому она доверяла, имя, с которым она строила свои надежды, был ничем иным, как жестокой иллюзией, созданной человеком, стоявшим в самом центре системы, которая желала ее уничтожения.

— С какой извращенной целью ты растил мою привязанность? — сказала она, сбита с толку.

В голове вспыхнула сильная боль. Стены закружились, казалось, сдвинулось само основание замка. Дрожь сотрясла зал, отбросив короля прочь.

Эолин опустилась на пол. Растопырив пальцы на его полированной поверхности, она глубоко и прерывисто вздохнула. Наконец, мир снова стал тихим, но ее голова все еще болела, и дух был истощен. Она чувствовала себя чашей, опустевшей от вина, которое когда-то придавало ей смысл. Когда она заговорила, ее голос был надломленным и подавленным.

— Помилуйте, мой король. Я пыталась уважать законы этой земли. Я покинула лес год назад, потому что моя опекунша ушла в загробную жизнь. Я вернулась в Мойсехен и искала... — ее сердце остановилось. *Искала тебя.* — Меня принял маг Кори. Он дал мне убежище, доход, новую семью. Но он ничего не знал о моих способностях, потому что я вообще не практиковала никакой магии. Когда я увидела, что огонь вышел из-под контроля,

и на него обрушилось красное пламя, мне пришлось вмешаться. Я не могла позволить ему погибнуть, зная, что в моих силах спасти его. Это больше не повторится.

Где-то за грохотом в ушах она услышала, как он произнес ее имя. Но кто звал? Король-Маг или ее испорченная память об Ахиме? Путаница между прошлым и настоящим, между надеждой и разочарованием рвала ее на части. Она почувствовала его руку на своем плече и отпрянула.

— Пожалуйста, — всхлип вырвался из ее голоса. — Позвольте мне покинуть это место.

Эолин подавляла надежду. Она позволила своей раскалывающейся голове погрузиться в ледяные руки.

«Я должна была послушать Гемену. Я никогда не должна была доверять ему. По своей глупости я подвела их всех. Мой народ, моих мертвых сестер, Дракона, самих богов».

С самого начала он намеревался заявить на нее права, как Кедехен заявил права на Бриану, ее жизнь была подчинена его владычеству, ее магия использовалась в его целях.

Не будет возвращения мага, восстановления чтимых традиций ее народа. Она попала в ловушку Короля-Мага, и теперь остался только он, истинный сын Кедехена, подпитывающий свою магию разрушением всех ее мечтаний.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Побег

Дрожь сотрясла вестибюль, сбив Кори с ног и наградив Высших Магов волной паники. Только после того, как движение земли прекратилось, маги обрели самообладание. Они обменялись многозначительными взглядами, удовлетворенно кивнули.

«Последняя мага Мойсехена побеждена».

Эта мысль упала камнем в сердце Кори.

Посох Акмаэля трижды прозвучал внутри тронного зала. Тяжелые двери открылись. Отказавшись от всех протоколов, Кори вырвался вперед. Он резко остановился, увидев ее, похожую на дикую розу, примятую к непоколебимому полу.

Король восседал на троне, лицо его было таким же бесстрастным, как стены его крепости.

— Видите, мастер Церемонд? Ее можно научить смирению, если обращаться с ней должным образом.

Затем Акмаэль остановил черный взгляд на своем двоюродном брате.

— Маг Кори.

— Мой король, — голос Кори был гладкой рекой презрения.

— Забери эту женщину из города и не возвращайся, пока она не разучится трюкам, которым ты ее научил.

Шок пронзил Высших Магов.

Через мгновение Кори оказался рядом с Сарой. Ее руки были холодными как смерть, а кожа была болезненно-серого оттенка, но она пошевелилась, когда он прикоснулся к ней.

«Она жива! Слава богам, жива».

— Мой Король, — сказал Церемонд, — я не думаю, что разумно...

— Дростан, — сказал король, — проследи, чтобы этих двоих сопровождали к воротам замка.

Рыцарь шагнул вперед и предложил свою помощь Саре, но она отшатнулась от его прикосновения. Кори обнял ее и поднял с пола. Они продвинулись всего на несколько шагов, когда она согнулась пополам и выплюнула лужу желчи прямо у ног Церемонда. Сердце

колотилось, Кори наполовину вынес, наполовину вытащил ее из тронного зала, стремясь избежать проклятия волшебника.

Вокруг них собралась небольшая группа стражи. Дростан шел впереди. Они шли молча, торопливые шаги эхом отдавались от освещенных факелами стен. У ворот замка Кори и Сару без церемоний отпустили в ночь.

Кори сделал паузу и перевел дух, Сара обмякла у него на плече.

Над городом сиял каскад звезд.

Тишина нервировала.

«Что сейчас произошло?»

Сару должны были задержать этой ночью, сжечь на следующий день. Какой невероятный поворот событий заставил короля освободить ее?

Аккуратно Кори использовал свою магию, чтобы подтолкнуть дух Сары, пытаясь оценить, что Акмаэль мог забрать, что он оставил после себя. За ужасом и отчаянием все казалось целым.

«Все, кроме ее сердца».

Оно было разрушено таким образом, что это могло означать только...

Кори покачал головой. Нет.

Браслет в виде змеи на ее руке шевельнулся, как будто в ответ на его вопрос.

Но как?

Тень двинулась слева от Кори, и Тамир выскользнул из ночи. Сара застонала, когда воин-сырнте увлек ее от Кори в свои объятия. Он прижался губами к ее лбу и пробормотал слова утешения.

— Где Рената? — спросил Кори. Если повезет, еще может быть время, чтобы вытащить ее из города.

— Телин отослал ее после Огненной Церемонии, — ответил Тамир. — Он убеждал ее бежать, но она пришла в Круг и отказалась уходить, пока мы не получим новости о тебе и Саре.

Тамир поднял Сару с земли и понес ее, когда они начали быстрый спуск к городским воротам.

— Он отпустил ее? — удивился Кори. — Значит, у нас все еще может быть друг в Совете. Тамир, когда мы доберемся до городских ворот, я хочу, чтобы три моих самых быстрых коня были готовы, и Рената была на одном из них.

— Ришона будет ждать со всем, что нужно.

Сара пробормотала в грудь Тамира. Кори пришлось наклониться, чтобы услышать ее.

— Моя сумка, — говорила она, — и моя трость. Они должны пойти со мной.

— Моя сестра уже принесла их для тебя, дорогая Сара, — ответил Тамир.

Она ответила резким вдохом, как будто ее дух вернулся в ее тело. Сара пошевелилась в руках Тамира и подняла голову.

— Теперь я могу идти, — сказала она слабым голосом. — Тамир, я хочу идти.

Он поставил ее и взял ее руку в свою. Все трое пошли вместе, шаги стучали по булыжникам. Скорбная тишина пронизывала полуночный туман. Даже бары и таверны закрылись.

— Где все? — спросил Кори. — Бел-Этне — это не праздник тишины. Эти улицы должны быть наполнены весельем.

— Толпа собралась у ворот замка после ареста Сары, желая еще раз взглянуть на магу.

Когда ударила дрожь, они в ужасе разбежались, думая, что Король и его маги уничтожили ее. Город сейчас в трауре.

— Ну, разве это не ирония, — сказал Кори. — После всех тех лет, что они провели под началом Кедехена, без протеста наблюдая, как он лишает это королевство маг.

— Тогда они попали в ловушку своего страха.

— Страх. Жадность. Безумие. Что бы это ни было, я рад, что оно ушло. Хотел бы я быть здесь завтра, когда новость о ее освобождении распространится по этим улицам со скоростью лесного пожара.

Ришона встретила их за городскими воротами. Она обняла Сару и дала ей фляжку с водой, чтобы смыть желчь изо рта. Женщина-сырнте выбрала трех коней с серебристой шерсткой, которые хорошо гармонировали с залитыми лунным светом полями. Она также взяла полупрозрачные плащи для верховой езды для Сары и Кори.

Рената села на лошадь, готовая к путешествию.

— Будь проклята эта растущая луна, — пробормотал Кори, — и ясное небо, которое позволяет ей освещать землю.

— Эти цвета помогут скрыть ваше отступление, — заверила его Ришона, застегивая его плащ и коротко целуя.

— Тем не менее, будем надеяться, что король не передумает.

Сара надела свой плащ и взобралась на своего коня. Тамир передал ей посох и сумку, затем взял ее за руку.

— Езжай быстро, — сказал он. — Не оглядывайся.

— Почему ты не едешь с нами? — тревога наполнила голос Сары.

— Я скоро прибуду.

— Следуй за нами сейчас же!

— У нас нет времени на романтические драмы, — отрезал Кори.

— Чем меньше группа, тем меньше шансов, что вас заметят, — сказал Тамир Саре. — Так будет лучше.

— Нет, — Сара вцепилась в его руку.

— Мы снова будем вместе, — воин-сырнте прижал ее пальцы к своим губам. — А пока слушай свои сны. Ищи меня там.

— Все, что с ней связано, должно быть уничтожено, — сказал Кори Ришоне, садясь верхом. — Костюмы, простыни, расчески. Все.

— Адиана позаботится об этом, — заверила его Ришона.

Лошадь Кори беспокойно гарцевала под ним, ее дыхание было туманом на фоне ночного воздуха.

— Все кончено, — объявил он. — Распусти Круг сегодня вечером. Те, кто понимают, кто мы такие, знают, что делать. Что касается других, действуй на свое усмотрение. Если они готовы, пусть делают свой выбор. Если нет, заплати им выходное пособие и поблагодари за услуги от моего имени. Никто не должен задерживаться. Я хочу, чтобы этот лагерь был покинут в течение часа.

— Считай, что дело сделано, — пообещал Тамир.

Коротким кивком маг Кори подал сигнал лошадям, и они тронулись в путь, за ними поднималось залитое лунным светом облако пыли.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Совет Церемонда

Акмаэль отослал Церемонда с Высшими Магами, поручив им возродить застопорившийся фестиваль Бел-Этне.

Оставшись один, Акмаэль принял форму серой совы и вылетел в одно из высоких окон. С теплым вечерним воздухом, обдувающим его крылья, он направил свой полет к крепостным валам и устроился в шелесте перьев прямо над входом в замок.

Сумерки сгустились в ночь. Растущая луна отбрасывала широкие серебряные лучи на бульжники внизу. Маг Кори и Эолин вышли из ворот, мага опиралась на мага.

Мужчина-сырнте выскользнул из тени и обнял Эолин. Перья Акмаэля взъерошились, когда незнакомец впился губами в ее густые медные локоны. Мужчина поднял Эолин и понес ее за Кори.

Неопределенность терзала Акмаэля. Он боролся с желанием последовать за ними. Он доверил Эолин Кори, но на каком основании? Преданность мага ее защите? Кровь Восточной Селен, связавшая Кори с Акмаэлем?

Несмотря на их разговоры в последние дни, Акмаэль не был уверен в верности своего кузена, но Церемонд скоро вернется, и он не мог задерживаться. С магом Кори нужно будет связаться, а с нарушителем из Сырнте — разобраться позже.

Взмахнув мощными крыльями, Акмаэль взлетел и повернул к замку. Он спустился в тронный зал и принял человеческий облик как раз в тот момент, когда стражники объявили о возвращении Церемонда.

— Фестиваль продолжится, как и было запланировано, мой Король, — сообщил Церемонд. — К счастью, Верховные Маги должны были руководить третьим днем. Потребуется несколько изменений.

— Я рад это слышать.

Церемонд шагнул вперед, его глаза горели от настойчивости, костяшки пальцев побелели на посохе.

— Мой король, нельзя позволить этой ведьме сбежать.

— Прежде чем мы поговорим об этой женщине, — ответил Акмаэль, — ты расскажешь мне, кто сегодня совершил покушение на жизнь мага Кори и на основании каких полномочий.

Церемонд отступил на шаг, затем перевел дыхание и сказал:

— Я призвал Дракона. Хотя, как вы, несомненно, заметили, заклинание было создано так, будто Средние Маги потеряли контроль над огнем.

Акмаэль изучал непоколебимый взгляд Церемонда. Очевидно, волшебник считал, что мог совершить такой поступок безнаказанно. Кедехен предоставил Церемонду полную власть вершить правосудие в преступлениях, связанных с магией. Тем не менее, определенные протоколы ожидались.

— Кто председательствовал на его суде вместо меня? — многозначительно спросил Акмаэль.

— Мой король, как вы знаете, маг Кори посещает нас раз в год, чтобы сообщить о своей работе с чужой и необычной магией. Мы пользуемся этими встречами не только для того, чтобы учиться у него, но и для того, чтобы оценить его верность Ордену и Короне, верность, которая всегда была под подозрением, как вы знаете, учитывая судьбу его клана. Недавно мы пришли к выводу, что его работа сбивала его с пути. Есть признаки того, что он взял на себя ключевую роль в зарождающемся восстании, о котором мы с сэром Дростаном проинформировали вас.

— Почему ты не сказал мне об этом раньше?

— Маг Кори — деликатная цель. Он приобрел большую популярность среди людей, среди многих важных семей и ряда магов. И хотя вы больше не поддерживаете с ним близких отношений, он — ваш двоюродный брат. Мы надеялись, что этот фестиваль выявит больше улик, что позволит нам арестовать его без споров. Но во время сегодняшней огненной церемонии я понял, что мы ждали слишком долго. Нашему народу было послано видение, извращенный образ мага, создающих священный огонь вместе с магами. Единственным человеком на церемонии, достаточно опытным для такой манипуляции, был Кори. Поэтому я решил, что пришло время устранить его.

Акмаэлю потребовалось мгновение, чтобы переварить эти слова.

«Мог бы мой отец одобрить такой поступок?».

— Судебный процесс был бы более уместным.

— В данном случае, возможно, нет. Учитывая его репутацию и короткий период вашего правления, было бы благоразумнее избежать грязного ареста и суда. Лучше бы он стал жертвой несчастного случая.

Сколько соперников Церемонда за эти годы стали жертвами несчастных случаев?

— Маг Кори был не единственным, кто мог создать видение, о котором вы говорите.

Серые брови Церемонда сдвинулись.

— Было ошибкой отпускать ее, мой король. И позволить магу Кори сбежать вместе с ней.

Акмаэль отошел на несколько шагов от своего наставника и положил широкую ладонь на одну из многочисленных колонн, поддерживающих тронный зал. Он заметил тонкую трещину, след дрожи, которую она только что вызвала.

«Отец был прав».

Эолин больше не была девушкой. Теперь мага обладала собственной властью. Да, она была воплощением магии, подкрепленной завораживающей красотой. Запах Южного Леса исходил от нее ярким облаком. Само ее присутствие наполняло его сердце невыносимой потребностью, разжигая желание более сильное, чем он считал возможным. Он был близок, опасно близок к тому, чтобы утолить самый темный из appetitов.

Даже сейчас Акмаэль не мог сказать, что остановило его руку. Богатый аромат магии Эолин оставался на его языке и питал пламя в его груди.

— Ее сила необыкновенна, — пробормотал он. — Она двигала землю, Церемонд. А затем велела ей замолчать.

— Мага сделала это? — голос волшебника дрожал.

— Да, хотя казалось, что она не совсем осознавала магию, которую вызывала. Мне кажется любопытным, что кто бы ни обучал ее, не открыл ее сознание этому дару, этой способности приводить в движение глубочайшие силы земли.

— Доказана только ее способность расшатывать землю, мой Король.

— Это, а также ее способность останавливать смертельный огонь, вызванный мастером, — рука Акмаэля оторвалась от колонны. Он повернулся к Церемонду. — Такую силу можно использовать, не так ли? Такую силу можно заставить служить мне, как магия Брианы служила моему отцу.

Церемонд замер, как стрела в луке. Свет предвкушения наполнил его янтарные глаза.

— Это была уникальная ситуация, мой Король. Я бы не советовал это повторять.

— Но это можно было бы.

— Да, это можно сделать, хотя в этом нет необходимости. Вам не нужна ее сила.

— Я больше не твой ученик, Церемонд. Это мое решение, что мне нужно, что мне не нужно и что может служить моей цели.

— Я даю только тот совет, который считаю лучшим, мой король. Появление этой магии вызвало замешательство среди нашего народа. Стражи сообщают, что люди бросали ей на пути лилии. Им нужен явный акт справедливости со стороны их нового короля, иначе один этот инцидент вполне может свести на нет дело всей жизни вашего достопочтенного отца.

— Их стремление к магам подобно забытой реке, грозящей вырваться из-под земли, — возразил Акмаэль. — Мы не можем бесконечно подавлять их стремление. Возможно, было бы лучше позволить ему выйти на свет, где мы сможем его увидеть и держать под контролем.

— Нет контроля над магами! Пять лет войны они навлекли на Мойсехен. Они настроили наш народ друг против друга, прокляли нас разделением и кровопролитием. Они сжигали поля, разоряли города и оставляли после себя бесчисленное количество сирот. И с какой целью? Чтобы ваш отец не мог носить корону, которую Боги явно предназначали ему. Вы связаны долгом перед своим народом и памятью о своем отце, чтобы сохранить эту землю свободной от яда маг.

— Мой отец устранил всех, кроме одной. Он оставил Бриану себе.

Церемонд мгновение выдерживал взгляд Акмаэля. Затем он издал тихий вздох.

— Я не буду стоять на вашем пути, мой Король, если вы решите предпринять такую попытку, точно так же, как я не стоял на пути вашего отца, когда он забрал Бриану из Восточной Селен. Если желаете ее магии, то потребуйте ее.

Взгляд Акмаэля метнулся к высоким окнам, куда он только что влетел в образе Филина. «Они уже будут у городских ворот».

Эолин, Кори и этот вор-сырнте.

Церемонд подошел ближе и тихо заговорил:

— Ей не нужно жить, чтобы вы могли использовать ее силу. Верните женщину, овладейте ею и отправьте ее останки в мир мертвых.

И все же Акмаэль не хотел подчинять Эолин так, как учил его Церемонд. Он не хотел питаться страхом Эолин, ломать ее тело или выкачивать ее необычайную магию. Мысль об исчезновении Эолин во вспышке насилия, и что ей больше никогда не удастся насладиться, наполняла его отвращением.

— Или держите ее, если нужно, — добавил Церемонд, — в Восточной башне, как делал ваш отец.

«Нет».

Акмаэль желал от нее чего-то другого, чего-то более глубокого и могущественного. Что-то, чего он еще не мог назвать.

— Ее нельзя привести ко мне силой. Бриана доверяла моему отцу если не во всем, то в том, что было для нее самым важным. Так и должно быть с этой магой. Я хочу, чтобы она добровольно вернулась ко мне и безоговорочно отдала свою магию.

— Вы обманываете себя, мой Король, — сказал Церемонд. — Мага не отказывается от своей магии. Вы должны заключить эту женщину в тюрьму или убить ее. Другого выбора нет.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Убежище

Эолин, Кори и Рената часами ехали на юг по открытым полям. Только когда серый свет раннего утра просочился в небо, Кори замедлил их. Он повел их к густой роще деревьев и повернул на восток. Когда лучи солнца начали проникать сквозь зелень, Кори велел Эолин и Ренате спешиться у небольшого ручья, чтобы их лошади могли отдохнуть.

Мышцы гудели от усталости, Эолин повела лошадь к ручью. Она опустилась на колени, ополоснула лицо прохладной водой и облизала пересохшие губы. Закрыв глаза, она вдыхала густые ароматы леса, мокрой глины, опавших орехов и измельченных листьев. Ее сердце болело за Южный лес, за его красоту и покой, его безопасность и силу.

Отойдя от ручья, она устало села рядом с Ренатой на один из больших гладких камней. Только маг Кори оставался беспокойным. Его ноги прокладывали беспокойные тропинки среди опавших листьев. Его лицо покраснело от гнева. Резко выругавшись, он швырнул луч яркого пламени в ближайший валун, расколов его надвое.

— Ты принимаешь меня за дурака? — он повернулся к Эолин. — Трюки от твоей бабушки? Ты подвергаешь всех нас опасности! Весь Круг мог погибнуть — может погибнуть — из-за твоей лжи и обмана!

— Достаточно, Кори! — возмутилась Рената. — Ты не имеешь права так нападать на нее! Ты когда-нибудь давал ей повод доверять тебе? Ты когда-нибудь говорил ей, кто мы на самом деле? Что мы делаем на самом деле? Даже если бы ты это сделал, какие доказательства ты бы предложил в поддержку своей истории? Какие доказательства ты мог привести, чтобы убедить ее, что ты не просто еще один умный шпион Церемонда? Она сделала именно то, что должна делать женщина с ее силой, чтобы выжить в этом королевстве. Она сделала именно то, что ты сказал бы ей, если бы знал правду. Она никому не доверяла.

Эолин посмотрела на наставницу.

— Ты ничего ему не сказала?

— Нет, — ответила Рената. — Я не раскрывала твоего секрета, Сара. Я уже не та напуганная девушка, какой была двадцать лет назад. Теперь я знаю, как защитить своих, хотя до сих пор у меня не было никого, кого я могла бы защитить.

— Сказала что? — спросил Кори. — Что еще ты мне не сказала?

Рената посмотрела на него холодным взглядом.

— На этот вопрос должна ответить Сара, если она того пожелает.

Кори глубоко вдохнул и смиренно выдохнул. Его гнев угас, хотя глаза оставались измученными от разочарования.

Он подошел к ним, сел лицом к Эолин и тихо сказал:

— Надеюсь, теперь ты понимаешь, что я не причиню вреда. Пожалуйста, скажи мне, кто ты.

Слезы непрощено потекли по ее щекам. Эолин стерла их, расстроенная свидетельством своей уязвимости.

— Мое настоящее имя Эолин. Когда я была ребенком, моя семья погибла во время набега людей короля на мою деревню. Я сбежала в Южный лес, где старушка по имени Гемена приняла меня и заботилась обо мне. Она обучила меня Старым Порядкам и помазала меня Высшей Магой перед тем, как отправиться в загробную жизнь.

— Гемена? — глаза Ренаты расширились от удивления. — Ты про Гемену из Берлингена?

— Да, она часто говорила о Берлингене.

— Но это аббатство было разрушено, — возразила наставница. — Говорили, что все погибли. Никто не выжил!

— Гемена сбежала с помощью племянника, который оказался с ней в то время.

— Итак, ты — Высшая мага, — тон Кори колебался между сомнением и надеждой.

— Обученная одной из величайших дуайен моего поколения, — сказала Ренате.

— Кто бы мог подумать, что такое открытие все еще возможно? — спросил Кори.

— Вы говорите обо мне так, будто я — реликвия, — сказала Эолин.

— Да, — хором ответили маг и наставница.

Утомленное выражение лица Кори сменилось улыбкой. Смех прокрался в его голос, становясь все сильнее, пока не разразился над лесной поляной.

— Представь, Рената! Я протащил Высшую Магу в Королевский город, прямо под носом у Церемонда! Я познакомил ее с половиной магов королевства, и никто ее не обнаружил! Этот старый волшебник, должно быть, вне себя от ярости! Ты бы видела его лицо, когда король освободил ее.

Смех Кори резко оборвался, и его плечи напряглись.

Внезапным нетерпеливым движением он поднялся и снова начал расхаживать.

— Я думал, что мы потеряли тебя, когда увидел тебя на полу тронного зала. Я думал, что он завладел твоей магией и бросил тебя умирать.

— Завладел моей магией? — эта фраза не имела для Эолин никакого смысла.

— Маги Церемонда знают, как отделить магию от духа маги и присвоить ее себе, — объяснила Рената. — Извращенная и насильственная практика, возникшая во время чисток.

«Вот что я почувствовала, — поняла Эолин. Злобный голод, который она чувствовала в его присутствии, попытка вызвать галлюцинации через Ахмад-мелан, использование ее имени, чтобы сломить ее. — Боги, кем он стал?».

— Чего я не понимаю, так это почему он освободил тебя, — сказал Кори. — Какое контрзаклинание ты использовала, чтобы остановить его?

— Никакого заклинания, — ее сердце болезненно сжалось. — У меня нет заклятия против того, что он хотел сделать. Но что-то случилось... не знаю, что. Я узнала его, и все изменилось.

— Узнала его? — нетерпение Кори снова вспыхнуло. — Что это за загадка мага? Конечно, ты узнала его, он король!

Голова Эолин опустилась на руки не потому, что слова Кори огорчили ее, а потому, что в этот момент она поняла, что Ахим... Нет, Акмаэль, Король-Маг, сохранил ее маску. Всего лишь с волосом, ресничкой или даже с ее сущностью, извлеченной из ткани, он мог найти ее.

Или хуже.

— Кори, я думаю, мы можем обойтись без твоего сарказма и даже приостановить вопросы хотя бы на один день, — предупредила Рената. — Пусть она отдыхает ради жалости. Она достаточно натерпелась.

Но Кори не двигался.

Эолин скрывала свое лицо, но чувствовала напряженность его взгляда, пока он работал над каким-то невысказанным вопросом. Едва она подумала, что с его губ сорвется новый шквал слов, маг резко отвернулся. Через несколько мгновений его шаги по опавшим листьям прекратились. Она услышала мягкий шорох его плаща, когда тот упал на лесную подстилку.

— Пойдем, Мага Эолин.

Она подняла заплаканное лицо.

Маг Кори стоял, протянув к ней руку. Лучи утреннего света окрашивали его волосы в мягкие оттенки золота.

— Ты должна отдохнуть, — сказал он. — Мы проведем здесь всего час. Мы с Ренатой разбудим тебя, когда придет время продолжать.

С облегчением Эолин приняла его приглашение и опустила ноющие конечности на мягкие складки его плаща. Сквозь ткань проникал мускусный запах опавших листьев. Хотя Эолин была рада лечь, она была уверена, что не заснет ни на мгновение.

Затем маг Кори опустился на колени и крепко, но нежно прижал ладонь к ее лбу. От его прикосновения тревоги, которые преследовали Эолин, ушли в небытие. Она сразу погрузилась в глубокий сон без сновидений.

Они путешествовали под покровом леса, когда могли, и ночью, когда не могли. Их окольный маршрут не обозначался ни одной тропинкой, но Кори, похоже, хорошо знал путь. Несколько раз его память подвела или какое-то изменение ориентира сбивало его с толку, он советовался с деревьями или проходившими мимо животными.

Эолин не стала спрашивать, куда они направляются. Лишившись всякой цели после разочарования в Акмаэле, она погрузилась в глубокую потребность оставить решения кому-то другому. Летнее солнце указывало, что они двигались примерно в направлении Селен. Со временем встречи с открытыми полями прекратились, и путь продолжился через узкие коридоры между древними деревьями.

Однажды днем они подошли к небольшой березовой роще. Кори приказал своим спутникам остановиться. Солнечный свет просачивался сквозь шевелящиеся ветки, освещая разбросанные клочки лесных трав. Насекомые тихо стрекотали. Слабый запах открытого огня разносился по ветру.

Через несколько мгновений Эолин услышала успокаивающий зов фирхока, искусную имитацию, которую мало кто признал бы подделкой.

— Они нас увидели, — сказал Кори. — Продолжать безопасно.

Все трое продолжили молча, пересекли два невысоких холма, прежде чем выйти на большую плоскую площадку. Здесь подлесок был расчищен и заменен группами палаток. Деревня с задрапированными тканью столбами и открытыми очагами простиралась так далеко, что Эолин не могла определить ее границы.

По мере их приближения мужчины и женщины прерывали свои дела и выходили из жилищ. Вооруженные луками, ножами, топорами и мечами, они выглядели грозно с оружием, многие могли бы отвернуться. Но маг Кори спешил и тепло поздоровался с ними. Рената последовала за ним, и ее приняли как сестру.

Растерявшись от количества незнакомцев, Эолин оставалась на своем коне, пока обрывок воспоминаний не напугал ее. Обыскивая толпу, она заметила движение среди палаток, расхождение тел, указывающее на приближение важного лица.

В одно мгновение она соскользнула с лошади. С колотящимся сердцем Эолин нетерпеливо проталкивалась мимо многочисленных удивленных лиц, пробиваясь сквозь барьер тел, пока, наконец, не оказалась перед мужчиной, который остановился, будто на его пути стояла стена.

Его лицо было вытянутым и состарившимся раньше времени. Глубокий шрам тянулся по всей щеке, исчезая в каштановой бороде. Он смотрел на Эолин ясным зеленым взглядом их матери, выражение его лица колебалось между сомнением и удивлением.

— Эолин? — прошептал он.

— Эрнан, — недоверчиво ответила она.

По толпе прокатился ропот, прерывая разговоры и вызывая любопытные взгляды. Эолин держалась твердо, опасаясь, что любое движение может разрушить эту иллюзию.

Первым протянул руку Эрнан. Он коснулся ее щеки, а затем обнял ее, прижимая Эолин к своей груди. Он целовал ее лицо снова и снова, его глаза были мокрыми от слез. В его аромате, хотя и преобладали агрессия и кровопролитие, сохранились нотки самых глубоких и дорогих воспоминаний Эолин: о темной и плодородной земле, о тыквах осенью и цветущих яблонях весной, о приключениях с матерью в Южном лесу, об объятиях их отца на закате.

Все лучшие моменты их общего детства всплыли на поверхность в один чудесный миг. Эолин вскрикнула от радости и крепко обняла своего брата, который вернулся из мертвых.

Эрнан взял Эолин за руку и положил ладонь ей на плечо. Сохраняя это покровительственное объятие, он повел сестру к своей палатке.

Пока Эрнан раскладывал черный хлеб, сыр и свежий эль, Эолин наблюдала за его большой коллекцией оружия. Она видела копья, мечи и ножи всех форм и размеров. Они были украшены перьями, кисточками, драгоценностями и странными символами. Их клинки пели голосами, такими же свежими и острыми, как первый лед зимы.

— Откуда у тебя все это? — удивленно спросила она.

— Я путешествовал далеко, изучая военное искусство на чужих землях. Эта коллекция — лишь один из многих плодов моих исследований.

Эолин провела руками по длинным гладким древкам его копий и искусно обработанным поверхностям щитов. Затем она повернулась, чтобы рассмотреть брата.

Война начертила на его лице жестокую карту. Мальчик, которого она когда-то знала, почти пропал. Она подняла руку, чтобы коснуться его шрама. Эрнан улыбнулся и поймал ее пальцы шершавой ладонью, прежде чем прижать их к своим губам.

— Ты превратилась в красивую женщину, дорогая сестра.

— Не могу поверить, что ты стоишь передо мной, — воскликнула она. — Все это время я думала, что ты умер! Я похоронила тебя, Эрнан.

— Похоронила меня? — эта мысль, казалось, забавляла его.

— Когда я вышла из леса, я прошла то, что осталось от нашей деревни. Я нашла останки ребенка в подвале нашего дома. Я думала, это был ты. Я похоронила его там, где мы собирали тыквы.

— Ребенок в подвале? — его губы сжались в хмурой гримасе.

— Возможно, это был один из наших друзей.

— Гэвин, может быть.

— Или Делс, — образы их друзей детства вернулись, будто все произошло только вчера. Эолин видела застенчивую улыбку и веснушчатое лицо Гэвина. Она слышала, как Делс кричал через поле о жабе-перевертыше, которую он только что поймал у ручья. В детстве Эолин не полагалось любить жаб, но Делс всегда ловил самых больших и уродливых, и Эолин никогда не могла устоять перед его призывом увидеть их.

— Возможно, он подошел к дому как раз в тот момент, когда Всадники напали на деревню, — сказал Эрнан. — Отец, должно быть, спрятал его в подвале, прежде чем бежать искать нас с тобой.

— Но что случилось с тобой? Та темная дыра, в которую ты меня затолкнул, была

ужасна! Я видела все так, как если бы я была в центре этого, — впервые ей пришлось в голову, что Кайе, должно быть, оставила заклинание на этом месте, хотя какое заклинание могло вызвать такие видения, она не могла себе представить. — Казалось невероятным, что ты мог выжить. Наступила ночь, наступило утро, а ты не вернулся.

Лицо Эрнана помрачнело.

— Прости, Эолин. Я так и не вернулся в деревню. Я уже почти миновал лес, когда какой-то незнакомец поймал меня и не дал двигаться дальше. Боги дали ему нечеловеческую силу, ибо я боролся, как дикий зверь. И все же он подчинил меня, связал веревкой и затащил на дерево. Он засунул меня в дупло и держал там, пока все не кончилось. С этой высоты мы были невидимы для людей короля, но я видел, что они делали. Всадники убивали всех: мужчин, женщин и детей. Они подожгли все дома. Они убили нашего отца, когда он отступал в лес, и наш отец, Эолин... Он умел владеть мечом. Ты это знала?

Эолин покачала головой. Она очень мало помнила своего отца, кроме запаха дыма и смуглого цвета лица. Ей было грустно осознавать это. Почему образ матери так ярко оставался в ее снах, а память об отце почти исчезла из ее сердца?

Эрнан подвел Эолин к столу, где он разложил еду и питье. Он налил кружку эля и предложил ей. Привыкшая к более сладкому вкусу вина, Эолин считала дрожжевое варево несколько горьковатым.

— Многие скрывали от тебя, о многом мне запрещали говорить. Отец воевал на войне бок о бок с нашей матерью. В тот день, когда Всадники напали на нашу деревню, он хорошо защищался, отправив перед собой в Подземный мир нескольких рыцарей короля. Но их было слишком много, и, в конце концов, они зарубили его, как и всех остальных. Три ночи незнакомец удерживал меня, пока последний из Всадников, удовлетворившись тем, что их кровавая работа закончена, не отправился на север и не исчез. Только тогда он развязал меня. Я чуть не слетел с ветвей, так спешил вернуться к тебе, а ты уже ушла.

Челюсти Эрнана сжались, в глазах тлело старое разочарование.

— Мы искали тебя несколько дней, Эолин. Мы проверили все следы, которые ты оставила. Чем глубже мы заходили в лес, тем труднее становилось видеть след. Как будто сами генды взялись скрывать твой путь. Потом мы подошли к реке, заполненной большими валунами, и мужчина не пошел дальше. Он сказал, что лес за рекой заколдован, что никто из тех, кто забрел туда, никогда не возвращался. Он сказал, что если моя сестра переправится через реку, значит, лес забрал ее себе, и ничего не поделаешь. Разъяренный, я попытался продолжить без него, но он сбил меня с ног и потащил прочь. Долгое время я ненавидел его. Я обвинял его в твоём исчезновении и звал трусом. Но, как оказалось, этот лесник был хорошим и храбрым человеком. Он принял меня как своего. Он был рыцарем Вортингена, обучался у короля Уриена. Он служил братьям Кедехена и, наконец, самому Кедехену, пока не закончилась война и не начались чистки. Затем он дезертировал, укрывшись глубоко в Южном лесу. Его звали Варил, и со временем он научил меня всему, что знал сам.

— Варил? — удивленно повторила Эолин.

Взгляд Эрнана остановился на ней.

— Ты слышала это имя раньше?

— Варил был лесником, который два раза в год привозил нам припасы. Река, к которой вы подошли, должно быть, та, которую я пересекла. Генды показались мне с другой стороны. Они привели меня в хижину Гемены, маги Старого Ордена. С того дня я жила с ней. Она научила меня всему, что могла, прежде чем уйти в загробную жизнь.

— И ты знала Варила?

— Он никогда не разговаривал со мной. Сначала Гемена собиралась отправить меня с ним в Мойсехен, но потом передумала. Они ожесточенно спорили об этом. Должно быть, она требовала, чтобы он никому ничего не говорил, даже тебе.

Взгляд Эрнана обратился внутрь, и он замер. Обеспокоенная его реакцией, Эолин наклонилась, чтобы утешить его. Без предупреждения он швырнул кружку в один из щитов, заставив ее отскочить. Глина застучала по дереву и металлу. Красновато-коричневая жидкость разбрызгивалась повсюду, пролилась на землю.

Эолин затаила дыхание, не зная, что делать.

— Будь он проклят! — воскликнул Эрнан. — Почему он ничего не сказал?

— Должно быть, он сделал это, чтобы защитить нас, — тихо ответила Эолин. — Чтобы защитить меня и Гемену.

Эрнан поднял лицо.

— Ты — мага, обнаруженная на фестивале Бел-Этне, та, которую Кори увез из Королевского города.

— Да.

В его глазах вспыхнул странный огонь.

— Тогда это моя сестра владеет древней магией! Твое появление — великий знак, свидетельство достоинства нашего дела. С тобой на моей стороне мы сможем победить Короля-Мага и положить конец злу, которое овладело нашей землей.

— О чем ты говоришь?

— Все люди, которых ты здесь видишь, Эолин. Они — моя армия.

— Ты намерен начать войну с Мойсехеном?

— Война уже на пороге! С нашими людьми жестоко обращались, наши женщины лишены магии. Я не намерен начинать войну, я намерен ее закончить. А теперь с тобой, моя родная сестра, — он резко вздохнул и поднялся на ноги. — Мои люди уже тысячу раз повторили историю о твоем побеге. Наконец-то к нам пришла Высшая Мага! Женщина, которая может противостоять и победить наследника Кедехена.

— Противостоять ему? — пустая боль вспыхнула в сердце Эолин. — Я не могу противостоять ему. Он воин-маг. Я ничего не знаю о войне.

— Но ты уже перехитрила его.

— Король освободил меня, — тайна, которая глубоко тревожила ее. — Он мог бы держать меня в плену, если бы захотел, но он освободил меня и доверил магу Кори.

Эрнан наклонился и взял ее руки в свои. Его ладони были горячими. Запах эля пропитал его дыхание.

— Разве ты не видишь, Эолин? Как будто наша судьба была написана с того момента, как наша деревня была разрушена. Я был отдан на попечение рыцарю Вортингена, а ты — маге Старых Обрядов. Каждый из нас научился тому, что необходимо, чтобы отомстить за убийство наших родителей, разрушение нашей деревни и угнетение нашего народа. Мы должны сделать это вместе, ты, как мага, и я, как воин.

— Битвы нашей матери были ее собственными, — слова Гемены звучали от Эолин дрожащим голосом. — Кто мы такие, чтобы их воскрешать?

Эрнан нахмурился. Он тяжело сел перед ней.

— Как ты можешь так говорить, Эолин? После всего, что Кедехен отнял у нас, всего, что он разрушил. Разве для тебя ничего не значит, что мать и отец были убиты, что невинные

жители нашей деревни погибли, что ты всю жизнь скрывалась, только чтобы быть той, кто ты есть?

— Я... — Эолин неуверенно заерзала на стуле. — Прости, Эрнан. Дело не в том, что я не верю в твое дело. Просто моя магия не предназначена для войны. Гемена никогда не простит мне такого использования моих даров. А Кедехен мертв. Человек, который забрал у нас все, умер. Мы едва ли дали его сыну возможность стать королем. А если он другой?

— Дала ли тебе встреча с ним основания полагать, что он другой?

— Нет, — призналась она. — Не дала.

— Эолин, ты знаешь, как умерла наша мать?

Его тон зажг в ней поток страха.

— Почему ты спрашиваешь?

— Она умерла от его рук. Кайе оставила нас, чтобы отправиться в Королевский город, надеясь освободить королеву. Но когда она попыталась сбежать с Брианой, их перехватил принц Акмаэль. Он убил их обеих.

Эолин встала и, спотыкаясь, отошла от брата, сбивая стол и проливая на землю еще больше эля.

— Но он был тогда еще ребенком! Наверняка, у него не было сил победить воина-мага и ведьму Восточной Селен!

Воспоминание прорвалось сквозь ее слова, образ давно минувшего дня, когда мальчик Ахим укрылся с девушкой по имени Эолин в затхлом дупле большого бука. Проливной летний дождь скрывал мир, оставляя их в ловушке возле сердца старого дерева.

Это был день, когда Ахим рассказал Эолин историю о смерти своей матери, о незнакомке, которая назвала ее «другом», а затем попыталась убить его. Неужели и это было ложью? В глубине души Эолин считала, что это не так. Слезы, которые Ахим доверил ей, его подчинение ее утешительным обьятиям, разоблачение его уязвимости. Все это свидетельствовало о его искренности.

— Это произошло не так, — Эолин вернулась на свое место, истина растекалась по ней, как горькая эссенция измельченной руты. — Кайе пыталась устранить принца. Бриана погибла, защищая его. Это Кедехен сразил нашу мать, когда наткнулся на них, но не убил ее. Он передал ее магам, чтобы узнать, откуда она взялась и что еще скрывала, перед казнью.

Горло Эолин сжалось от горя. Впервые она осознала кошмар, который, должно быть, испытала ее мать в последние дни своей жизни. Жестокость магов, пламя, которое задушило ее существование, судьба ее семьи, все это померкло бы перед разрушительным бременем убийства одной из ее собственных сестер.

— Откуда ты это знаешь? — тон Эрнана был резким, глаза сузились.

Эолин уловила ревностный огонек в его сердце. Инстинкт подсказал ей, что он плохо отреагирует на заявление, что она с королем была близкими друзьями в детстве, и он рассказал ей все об этом.

— Моя наставница, Гемена, использовала свои гадальные инструменты, чтобы определить судьбу нашей матери, — сказала она.

— Я понимаю, — он внимательно изучал ее. — Но это мало что меняет. Если наша мать хотела уничтожить мальчика, она должна была знать и бояться того, кем он станет. Магия Восточной Селен не может оставаться в линии Вортингена. Короля-Мага нужно остановить, прежде чем он укрепит свою власть.

Эрнан встал и пошел к своей коллекции оружия. Эолин отметила рост его тела, ширину

плеч, тяжесть походки. Она задавалась вопросом, сколько людей он убил и сколько еще убьет, прежде чем встретится с тем, кому он надеялся отомстить.

— Мне есть что показать тебе, сестра, — он вернулся с оружием, обтянутым хорошо промасленной кожей. Шипящий звон пронзил воздух, когда он вытащил меч из места его отдыха.

Сердце Эолин остановилось. Она видела этот клинок. Она узнала его серебристо-белое сияние и таинственный голос из сна, подаренного ей в детстве, кошмара крови и огня. Она видела, как Акмаэль погиб под этим мечом.

— Это был мой приз в битве при Дарье, — сказал Эрнан. — Это и шрам, который ты видишь на моем лице.

Эрнан протянул ей его.

Эолин положила пальцы на холодное серебряное лезвие. Рукоять была цвета слоновой кости и без украшений. Хотя оружие казалось недавно выкованным, оно шептало кровью тех, кого оно убило, обычных жителей и рыцарей, принцев и королей.

— Это Кел'Бару, — сказал Эрнан, — меч галийского волшебника Сапока.

Гемена упоминала огненных волшебников Галии, но Эолин мало знала об их колдовстве.

— Как ты его получил? — спросила она.

— Я убил его хозяина. Это была моя последняя победа перед возвращением в Мойсехен. Когда я захватил Кел'Бару, я понял, что пришло время сразиться с Королем-Магом, потому что этот клинок достоин крови волшебника.

Эолин почти не слышала слов брата. Она опустила на колени и прижала ухо к плоской поверхности лезвия. Дрожь охватила ее пальцы.

— Ты понимаешь его, — понял Эрнан. — Ты слышишь его голос!

Эолин закрыла глаза от слез. Кел'Бару уже знал ее имя.

«Эолин, — пела меч. — Эолин, Эолин, Эолин».

— Я слышал, что маги Мойсехена могут говорить с металлами, — возбужденно продолжал Эрнан, — но Кори настаивал на том, что этот меч невнятный.

— До сего дня я не понимала голоса ни одного меча, — призналась Эолин.

«Почему, — думала она с разбитым сердцем, — этот из всех мечей говорит со мной?».

— Дорогая сестра, — Эрнан взял у нее меч и вложил его в ножны. Положив свои сильные ладони на плечи Эолин, он поднял ее на ноги и заключил в крепкие объятия. — Не плачь! Разве ты не видишь вестника нашей судьбы? Ты можешь говорить с этим мечом. Я могу владеть им. Вместе мы используем Кел'Бару, чтобы уничтожить Короля-Мага! Вместе мы завершим дни нашего изгнания.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Кел'Бару

Через несколько дней после прибытия Эолин Хелия и несколько ее спутников вернулись из охотничьей экспедиции, нагруженные олениной, кроликами и дичью. Щеки покраснели, а глаза сияли, Хелия встретила Эолин счастливым смехом и объятиями.

Как оказалось, Хелия знала Эрнана много лет и даже участвовала с ним в нескольких битвах. Горная воительница была свидетельницей противостояния между Эрнаном и галийским волшебником Сапоком в битве при Дарье, и ей нравилось рассказывать эту историю снова и снова, каждая версия была более кровавой и жестокой, чем предыдущая. Она стояла на равных с Эрнаном в планировании восстания. Их армия включала большое

количество воинов, мужчин и женщин, которые последовали за Хелией с Параменских гор.

Эолин была искренне рада ее видеть. Вскоре у женщин появилась привычка искать друг друга во второй половине дня. Отдаляясь от лагеря, они играли в метание ножей или просто беседовали, наслаждаясь лесом. Хотя армия Эрнана располагалась в сердце древнего леса, поблизости был участок молодых деревьев, берез и ольх, которые тянулись тонкими колоннами к лазурному небу. Их мягкие стволы были отличными целями.

— Мы не могли бы просить более ясного знака у богов, — заявила Хелия во время одной из таких прогулок. — Они дали тебя, Высшую магу, в нашу компанию именно в этот момент.

— Ты говоришь, как мой брат, — Эолин со свистом направила свой клинок в бледный ствол. — Я уже сказала ему. Я не могу помочь вам. Гемена не научила меня войне.

Хелия бросила свой клинок за ножом Эолин.

— Ты недооценивала свои способности с того дня, как мы впервые встретились! Ты остановила красное смертоносное пламя на его пути, не имея даже посоха в руке. Я думаю, что это было бы очень полезно иметь на поле боя.

— Я знаю немного огня для церемониальных целей и для самообороны. У меня есть талант обращаться с ножом, и я достаточно хорошо сражаюсь, чтобы отпугнуть злонамеренных деревенских мальчишек. Это все.

— У нас нет никого с твоими навыками в магии.

— А как насчет мага Кори?

— У Кори исключительные способности для его звания, но он не может похвастаться широтой твоих знаний, — голос Хелии потерял все нотки веселья. — Ты нужна нам, чтобы выиграть эту войну, Эолин.

— Целый Орден Маг с армией воинов-маг однажды выступил против Дома Вортингена, — возразила Эолин. — Мы знаем, где они остались: рассеяны и уничтожены. Моя жизнь беженки — свидетельство их истребления. Если вы решите привести свой народ к такой же судьбе, вы не можете ожидать, что я приму в этом участие.

Хелия протянула руку к ножу, уютно устроившемуся внутри ствола молодой березы.

Эхекат, — пробормотала она. — *Нэм Дена*.

Рукоять задрожала, и лезвие с трудом выскользнуло из дерева, прежде чем вернуться в ладонь Хелии.

Эолин удивленно уставилась на нее.

— Где ты этому научилась?

— Мой отец был Горным Воином, пришедшим из наших земель со своими товарищами, чтобы помочь магам против Кедехена. Так он познакомился с моей матерью, которая была посвященной, когда началась война. После этого они бежали в горы, спасаясь от чисток. Я родилась среди горцев. Моя мать научила меня традициям Мойсехена, а мой отец — обращению с мечом. Я поняла для себя, как соединить их.

Эолин разглядывала подругу, в ее сердце теплилась надежда. Хелия кое-что знала об этом ремесле. Ее не воспитывали в соответствии со строгими традициями Старого Ордена, но, тем не менее, она была магой, к тому же воином.

Протянув руку, Эолин призвала нож. Когда он влетел ей в руку, она бросила взгляд на Хелию.

— Кто научил тебя петь?

Хелия рассмеялась.

— Вся деревня! Такова традиция нашего народа.

— И твоя мать сделала тебя Высшей Магой?

— Нет. Она так и не закончила собственное обучение. Я многому у нее научилась, а также искала наставлений у наших Виссенсов, но горная магия сильно отличается от колдовства Мойсехена. Так что у меня странное сочетание даров: я умею одно и бесполезна в другом. Мастер Церемонд и Король-Маг не знают, чего от меня ожидать. Это одна из причин, почему я считаю, что у нас есть шанс.

— Тогда мое участие было бы помехой, потому что я обучена старым методам. Они точно будут знать, чего от меня ожидать и как этому противостоять.

— Возможно, — уступила Хелия, метнув нож в новую цель. — Хотя, когда тебя привели к Королю-Магу, он столкнулся с чем-то неожиданным, чем-то настолько удивительным, что растерялся и освободил тебя.

Это наблюдение покорило Эолин, обратив ее мысли к истинной дилемме ее сердца. Она не могла смириться с мыслью о встрече с Акмаэлем на поле боя. Она не могла представить, что сможет использовать свою магию, чтобы убить его, кем бы он ни стал.

— Что касается Церемонда, — продолжала Хелия, — наша самая большая сила сейчас — это его страх перед тобой.

— Страх передо мной? — теперь настала очередь Эолин смеяться. — Он ненавидит меня, но не боится меня. Никак не боится.

— Кори сказал, что зловоние его страха наполнило тронный зал.

— Воздух в том месте был зловонным, но не от ужаса Церемонда.

— Твои опасения, должно быть, помешали тебе обнаружить это.

Слегка пожав плечами, Эолин прошептала своему ножу, прежде чем направить его в новую цель. С приятным стуком он вонзился в кору прямо рядом с лезвием Хелии.

Хелия радостно хлопала в ладоши.

— Отличный бросок! У тебя есть какой-то талант. Ты умеешь обращаться с мечом?

— Немного училась, — от мальчика, которому я доверяла, с мечом, уничтоженным Драконом. — Я никогда не была хороша в этом. Я не люблю мечи.

— Тебе нравится Кел'Бару.

Эолин не могла с этим поспорить. Что-то в этом оружии покорило ее сердце. Как он гудел в руках Эрнана, как его длинная серебристая поверхность отражала все цвета леса.

Много лет назад Акмаэль сказал, что ее магия не может быть использована дляковки оружия, но галийские волшебники, по-видимому, нашли способ.

— Тебе стоит попробовать Кел'Бару, — сказала Хелия. — Он предназначен для колдуна, а не обычных солдат, как мы.

— Эрнан справляется с этим достаточно хорошо.

— Он действует в его хватке, только когда ты рядом. Если бы я не знала лучше, я бы сказала, что этот меч влюблен в тебя.

По телу Эолин пробежала дрожь. Она не хотела владеть этим мечом, чтобы он не убил Акмаэля, находясь в ее руках.

— Мои навыки не достойны такого оружия.

Хелия снова метнула клинок, придав полету элегантную дугу и направив его почти на двадцать шагов. Явно довольная, она уперла руки в бока и приподняла бровь, глядя на Эолин.

— Ну, тогда нам просто нужно потренироваться, не так ли?

Несмотря на настойчивость Хелии, Эолин ни секунды не думала о том, чтобы расширить свои скудные познания в оружии. Отвращение Гемены к войне давно отвратило ее от этого пути. Если ей суждено было вернуть Мойсехену женскую магию, то она хотела сделать это на своих условиях и со своими дарами.

Тем не менее, Кел'Бару позвал ее.

С разрешения Эрнана она стала брать меч в длительные прогулки. Она бродила глубоко в древнем лесу с лезвием, привязанным к ее спине, впитывая богатую магию этих зеленых коридоров, пока не находила чистый и мирный ручей, у которого можно было отдохнуть. Там она обнажала клинок и опускала его рядом с собой на твердый ствол бука, дуба или ивы.

Солнце просачивалось сквозь листья. Деревья шептались на ветру. Кел'Бару пел песни другого мира.

На западных берегах Галии из земли вырывается огонь и горящими реками течет к морю. Именно в этом союзе земли, огня и воды галийские волшебники черпают свою силу.

Гемена рассказывала Эолин эти истории много лет назад перед очагом в их домике.

Было время, когда галийские волшебники посещали Мойсехен. Они были товарищами наших магов и любили наших маг, многих брали в супруги. Но возвышение Кедехена положило конец этой дружбе. Галианцы не были довольны войной и последовавшими за ней гонениями.

Мягкое гудение Кел'Бару отражало плавную мелодию ручья. Он рассказал ей о своем рождении много поколений назад, о битвах, в которых он участвовал, и о воинах, которых он убил. Чем больше времени Эолин проводила с Кел'Бару, тем больше ее привлекал его убедительный голос.

— Мне бы хотелось познакомиться с твоим бывшим хозяином, — пробормотала она однажды. — Должно быть, он был благородным волшебником, потому что ты — благородное оружие.

Кел'Бару просиял от этого комплимента, поймав отражение солнца в своем серебряном лезвии.

— Разве ты не обижаешься на моего брата хотя бы немного за то, что он убил его?

При этом свечение Кел'Бару померкло. Меч погрузился в глубокую тишину, тяжелую тишину центра земли, печальную тишину, которую могли достичь только металлы. Когда он, наконец, заговорил, его голос был подавлен:

Сапок не был моим хозяином.

Удивленная таким ответом, Эолин протянула свои тонкие пальцы к лезвию, холодному на ощупь, несмотря на полуденное солнце.

— Прости, Кел'Бару, — прошептала она. — Мне кажется, я кое-что понимаю в твоём горе. Я тоже потеряла многих, кто был мне дорог, среди них воин и маг.

— А я, кажется, потерял любимую женщину из-за куска кованого металла.

Вздвигнув от мужского голоса, Эолин вышла из транса.

Тамир стоял над ней, его темные глаза были полны веселья, его шелковистые черные волосы свободно падали на широкие плечи. Она даже не услышала его приближения.

— О боги, как я рада тебя видеть! — вскочив на ноги, Эолин бросилась в его объятия. Богатая пряность его аромата наполнила ее чувства. — Что с Ришоной и Адианой? Что насчет остальной части Круга?

— Мы покинули лагерь в ту ночь, когда ты уехала. Сегодня со мной приехали Ришона и Адиана. Остальные движутся по назначенным им маршрутам и скоро присоединятся к нам.

— Есть какие-нибудь новости о короле?

— Твое появление на Бел-Этне вызвало большой резонанс. Жители Мойсехена говорят, что это предзнаменование. Маги Церемонда обезумели от ярости. Чистки возобновились.

— Чистки? — Эолин в тревоге отпрянула. — Но чистить уже некого!

— Берут, кого могут, девушек с необычной внешностью, энергичных женщин, вдов, разбогатевших после смерти мужей. Больше не имеет значения, реальна ли магия.

— А король ничего не делает?

— Чего ты от него ожидаешь?

Проницательный взгляд Тамира встревожил Эолин. Гемена сказала ей, что сырнте могут слышать мысли, и время странно искажалось от их магии. Теперь она осознала все последствия этого. Сколько ее мыслей он услышал за эти последние месяцы? Что он знал о ее прошлом и что видел о ее будущем?

— Большие волнения распространяются по Мойсехену, — сказал он. — Твой народ устал от Короля-Мага. Появление маги придало им храбрости. Настал момент для восстания твоего брата. Теперь, когда ты на его стороне, мало что может его остановить.

— Когда я была ребенком, мне говорили бежать и прятаться от солдат, — ответила Эолин. — Теперь мне говорят, что я должна бежать им навстречу.

Тамир взял ее ладони и поднес их к своим губам.

— Эрнан и Хелия — искусные воины, но ты нужна им, если они хотят добиться успеха в этой кампании.

— И ты здесь, чтобы убедить меня?

— Нет. Это решение только за тобой.

Глаза Эолин сузились, и она отвернулась.

— Ты все время знал, что Эрнан был моим братом, да?

Тамир помедлил, прежде чем признаться:

— Я узнал в тебе сестру Эрнана, как только впервые увидел тебя.

Эолин едва могла поверить своим ушам. Неужели все мужчины на дар женской ласки отвечали ложью и обманом?

— Когда ты собирался мне сказать?

Он изучал ее хмурым взглядом.

— Неблагодарно раскрывать все, что я вижу. Если я причинил страдания, скрывая от тебя существование вашего брата, я приношу извинения. Это не было моим намерением. Окно, в котором ты должна была столкнуться с этой истиной, еще не открылось.

Гнев подступил к ее щекам.

— А окно, в котором я узнаю правду о тебе? Когда оно откроется?

Тамир медленно вдохнул и отвернулся.

— Я думаю, ты знаешь ответ на вопрос, который задаешь.

— Да, на самом деле знаю. Кори рассказал мне о твоём месте среди твоих людей. Но я надеялась услышать это от тебя.

Выражение его лица стало жестче.

— Ты многое скрывала от меня.

— Какой интерес у принца-сырнте в провинциальных конфликтах Мойсехена?

— Я здесь, чтобы отомстить за смерть моей старшей сестры Тамары.

Эолин сдержала свой гнев. Об этом Кори не упоминал.

— У тебя есть еще сестра?

— Была. Тамара была женой Феродена, третьего сына Уриена.

— Был брак между королевскими домами Мойсехена и Сырнте? Я никогда не слышала о таком.

— Это не было широко известно. Фероден думал, что его никогда не вызовут носить Корону Вортингена. Он путешествовал далеко за пределы Мойсехена и, в конце концов, добрался до моей родины, где влюбился в наш образ жизни и женился на Тамаре. Затем пришло известие, что его второй брат погиб и корона ждет его. Фероден не хотел покидать Сырнте. Но его верность родословной его отцов преобладала. Он знал, что его младший брат не сможет принять корону, выбрав жизнь мага. Он предложил Тамаре возможность с честью развестись с ним и остаться со своим народом, но Тамара и слышать об этом не хотела. Она поклялась сопровождать Феродена до конца своих дней, и обнаружила, что ее клятва была исполнена гораздо раньше, чем ожидалось.

— Что ты имеешь в виду?

— Караван Феродена подвергся нападению по пути в Мойсехен. Никого не пощадили, и многие щедрые дары моего отца были разграблены. Только благодаря доброй милости лесника, оказавшегося впоследствии на месте происшествия, останки моей сестры были возвращены нашей семье. Мой отец проклял зачинщиков этого преступления и поклялся перед богами нашей земли, что наша семья отомстит за него.

— И ты обязан выполнить его клятву? Тебе было не так много лет, когда все это произошло.

— Это наш путь. Спустя годы Ришоне было видение, в котором она увидела виновного в этом позоре, человека, отдавшего приказ убить Феродена и всех, кто его сопровождал.

— Король-Маг?

— Нет. Кедехен ничего не знал о заговоре с целью лишить жизни его брата. Убийц подослал мастер Церемонд.

— Церемонд, — имя сорвалось с ее губ мягким шипением.

Эолин отвернулась от Тамира и подошла к молодому дубу на берегу ручья. Она положила ладонь на грубую кору и смотрела на кристально чистые воды, бегущие по гладкой гальке.

— Всегда Церемонд. И ты убьешь короля Акмаэля, чтобы добраться до него?

— Я сделаю то, что должен.

Сердце Эолин сжалось от открытия этого круга мести, отмеченного, когда один мужчина был мальчиком, а другой еще не родился.

— Как нити прошлого сошлись воедино только для того, чтобы бросить тень на будущее. Что теперь говорит тебе твоя осведомленность сырнте, Тамир? В каком направлении мне отсюда идти?

— Ты же знаешь, что я не буду отвечать на этот вопрос.

— Тамир, я не могу... — ее голос оборвался в замешательстве. Она посмотрела на него в поисках помощи, но выражение лица Тамира было твердым и бесстрастным.

«Как мало я знаю о нем», — поняла она.

Как мало он позволял ей видеть.

Эолин опустилась на землю, опершись на твердый молодой дуб.

— Я не могу.

Что она не могла сделать? Прикоснуться к Тамиру, как раньше? Искать тепла его общества под полуночной луной? С таким же азартом пить вино своего удовольствия?

Перестать любить его? Она не знала, потому что не могла видеть дальше этого момента, когда ткань, когда-то связывавшая их, рвалась на части.

Тамир подошел и встал на колени рядом с ней. Он притянул ее к своему теплу. Он ласкал ее лицо нежными поцелуями. Его руки обвели изгибы ее тела, оживляя воспоминания об удовольствиях, которые они испытали в объятиях друг друга.

Но Эолин не могла ответить. Река ее страсти иссякла.

С тихим вздохом он сдался, обнял ее и просто прижал к себе.

— Тебе не нужно отказываться от всех своих мечтаний, любовь моя, — пробормотал он. — Ты должна отказаться только от иллюзий, которые больше не помогают тебе.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Охота на Эолин

Акмаэль не видел, чтобы Церемонд с таким рвением посвящал себя делу с тех пор, как он уничтожал последние вещи королевы Брианы. Его маги разорили лагерь, покинутый Кругом, но не нашли никаких следов магии — ни гребня, ни вуали, ни кошелька, которые могли бы быть связаны с ней. Мастер заставил своих лучших прорицателей работать с лучшими чарами, но никаких следов ведьмы обнаружено не было. Толстые ветки пихты были наделены способностью летать, что облегчало длительные полеты Высших Магов над местностью, но безрезультатно. Средним Магам было приказано расспросить растения и животных, реки и камни, но все ответили молчанием.

Когда сэр Дростан сообщил Акмаэлю, что ярость Церемонда переросла в новые чистки, король впервые открыто упрекнул волшебника. Их страстное несогласие разыгралось перед Советом, предоставив Акмаэлю полезную возможность оценить лояльность Высших Магов. Придворный целитель Резлин, дипломат Цетобар, сэр Дростан и Телин воздержались от того, чтобы присоединиться к Церемонду. Из них только Дростан внушал Акмаэлю полное доверие.

В конце концов, Церемонд уступил воле короля, но ущерб уже был нанесен. Утомленные правлением Кедехена и обескураженные насилием при новом короле, жители Мойсехена кипели от недовольства. Акмаэль надеялся успокоить их ярость и избежать открытого восстания, заполучив Эолин в ближайшие недели. Если они не успокоятся, увидев ее рядом с ним, по крайней мере, он мог использовать ее силу, чтобы подчинить их.

В любом случае он намеревался найти ее раньше Церемонда. В последнее время благоразумие волшебника было слишком легко ослепить гневом. Акмаэль опасался за Эолин, если она попадет в руки Церемонда.

Была поздняя ночь, и с Бел-Этне прошло больше полумесяца, когда Акмаэль удалился в свои покои и достал серебряную паутину из тайника. За год до этого он чуть не уничтожил дар своей матери, разъяренный тем, что он подвел его. Вместо того чтобы вернуть в Южный Лес и Эолин, медальон бросал его через провинции королевства, в дюжину маленьких деревень, ни в одной из которых не было и следа его подруги детства.

Теперь Акмаэль полагал, что оберег Эолин, должно быть, отражал ищущую силу паутины, заставив его промахиваться в пространстве и времени. Возможно, с помощью некоторых незначительных вмешательств проблема может быть устранена.

Он положил драгоценность на полированный дубовый стол рядом с церемониальной маской, которую конфисковал у Эолин, когда они привели ее к нему в плен. Серебряная паутина искрилась в мерцающем свете факелов, а складки ее маски, казалось, колыхались вместе с тенями. После тщательных поисков Акмаэль нашел то, что искал: медную прядь

волос Эолин, сияющую магией и все еще несущую следы ее изысканного аромата.

С тихим обращением к Дракону он вплел волосы в реликвию своей матери, туго протянув их через замысловатую сетку. Когда он закончил, в медальоне внезапно вспыхнуло белое свечение, слившее прядь волос с паутиной и сделавшее ее неотличимой от других нитей.

Удовлетворенный, Акмаэль встал и поднял круг за серебряную цепь. Он перевел дух и начал новое заклинание, над которым тщательно работал, соединив колыбельную своей матери с заклинанием, предназначенным для того, чтобы разъединить шов оберега маги.

Эхекату

Элаом энем, Элаом энем

Сепэнем фейри

Элаом клизма, элаом клизма

Ренонем мэй

Эхуки

Когда он повторил стих, каменные стены вокруг него растаяли, и у его ног поднялась мягкая глина.

Паутина привела его в лес, древний по внешнему виду, но отличающийся от Южного Леса. Бледный свет молодой луны просачивался сквозь ветки. Ветер беспокойно шевелил деревья. Ему казалось, что он чувствует сущность Эолин в ветре, но ее нигде не было видно.

Разочарованный, но не испуганный, Акмаэль поднял медальон, чтобы попробовать еще раз. Как только он сплел паутину, чтобы начать заклинание, его остановил тихий шорох в кустах. Эолин появилась в нескольких шагах от него в образе Волка, ее истинная личность была выдана полным спектром ее великолепной ауры.

У Акмаэля перехватило дыхание. Должно быть, боги благоволили ему, потому что она не учуяла его запаха. Выйдя на поляну, она понюхала опавшие листья, ее сознание сосредоточилось на каком-то любимом запахе, исходившем от сырой земли. Ее грубый серый мех сливался с тенями. Слабый лунный свет отражался в ее черных глазах. Она продолжала не обращать на него внимания, пока внезапно не остановилась и не подняла взгляд. Она вдохнула, и ее мышцы напряглись. Ее уши повернулись в сторону Акмаэля.

Потом она зарычала и убежала в лес.

Призвав форму Волка, Акмаэль бросился за ней.

Эолин мчалась сквозь кусты, ловко преодолевая пересеченную местность, неизвестную Акмаэлю. Ветки цеплялись за его мех и царапали морду. Спутанные корни угрожали его лапам. Не раз Эолин удалялась на достаточное расстояние, чтобы он терял ее из виду, но Акмаэль не упускал ее запах и не сдавался.

Его мышцы начали гореть. Его язык безвольно свисал с челюстей. Пыхтя, поднимая в воздух горячие облака, он толкал конечности, чтобы двигаться быстрее.

Без предупреждения кусты исчезли. Акмаэль вылетел на небольшую поляну. Волчица беспорядочно кружила перед ним, тихо и пронзительно скулила. Крутая каменная стена оборвала ее побег. Почувствовав Акмаэля, она развернулась, чтобы противостоять ему, и оскалила клыки в злобном рычании.

Они кружили, низко опустив головы, хвосты зловеще замерли, тихое рычание и резкий лай складывались в напряженный дуэт. Эолин прыгнула первой, ударив Акмаэля по плечу и глубоко вонзив когти в его мех. Ее зубы искали его шею. Акмаэль вытянул шею подальше, просунул свою морду ей под морду, и она щелкнула его по ушам. Он снова наклонил голову,

едва избежав ее клыков.

Он никогда не видел Эолин такой жадной до крови. Просунув лапы сквозь ее хватку, он уперся ей в морду и провел когтями по ее лицу. С резким визгом Эолин отшатнулась, прервав их схватку. Восстановив равновесие, она сделала низкий выпад, сверкнув клыками в лунном свете. Как только ее челюсти сомкнулись, Акмаэль встал на задние лапы, не оставив ей ничего, за что можно было бы ухватиться. Упав ей на спину, он схватил ее за шею острыми, как бритва, зубами и решительно повалил ее на землю.

Эолин замерла, ее мышцы оставались напряженными. Через несколько мгновений она попыталась изменить положение, проскользнув по земле на несколько дюймов. С низким рычанием он усилил хватку, послав четкий сигнал, что его сила может сломать ей шею.

Она снова замерла. Он чувствовал ее пульс у своего подбородка, быстрый и сильный. Интенсивность их конфликта оставила ее мех теплым и влажным у корней. Ее густой мускус волнами поднимался вокруг него, насыщая его чувства до головокружения. Его чресла сжались от потребности. Каждый инстинкт Волка подталкивал его заявить права на нее прямо здесь и сейчас.

Было ли такое возможно?

Принимали ли маги древности участие в удовольствии богов, даже когда они меняли форму?

Морда Эолин опустилась между ее лап. Ее уши дернулись, и она тихо заскулила. Ее пульс замедлился. Напряжение перешло из ее бедер в полуночную землю.

Истолковав это как знак подчинения, Акмаэль ослабил хватку и отошел.

В одно мгновение Эолин поднялась, приняла человеческий облик и с силой ударила его ногой в живот. Сила ее удара удивила Акмаэля. Он с воплем рухнул на землю, и облик Волка покинул его. Его рука инстинктивно потянулась туда, где удар обжигал его бок.

— Ты ничего не потеряла в своей силе и мастерстве, — сказал он, — но тебе не кажется, что этот ход был немного несправедливым?

— Ты солгал мне! — выпалила она в ответ.

Акмаэль не мог не улыбнуться.

— Я не лгал.

— Ты сказал...

— Не то, что я сказал, — Акмаэль поднялся на ноги, чувствуя жжение от царапин, которые она оставила. Она устроила прекрасную погоню и достойный бой. Ему повезло, что его уши остались целыми. — То, чего я не говорил — то, чего я никогда не говорил тебе, — привело тебя в ярость.

— Все те разы, когда ты пытался отговорить меня от изучения магии, ты знал, что когда-нибудь станешь королем, и мановением своего... — она провела руками по воздуху, словно подбирая нужное слово. — Своим скипетром ты мог бы разрушить законы этой земли и создать новые!

— Это не так просто.

— Конечно, это просто!

— Я маг, а не провидец. У меня не было возможности узнать, при каких обстоятельствах проявятся твои способности. Мой отец не стал бы спорить, отправив тебя на костер. В самом деле, они бы превратили тебя в пепел еще до того, как я узнал, что тебя арестовали. Даже если бы я узнал о твоём аресте, я не мог бы помешать ходу событий. Моя воля как принца ничего не значила.

— Ну, как король ты можешь все решать.

— Власть Короны неразрывно связана с Орденом Церемонда. Это я унаследовал от своего отца. Мне могут потребоваться годы, чтобы вырваться.

— Значит, ты был бессилён тогда и бессилён сейчас.

— Это не то, что я сказал.

— Я не верю тебе, Акмаэль! Думаешь, я поверю твоему слову после того, что ты пытался сделать со мной в городе?

Акмаэль колебался. Он не мог отрицать голод, который он чувствовал, темные намерения, которые поднялись в его сердце.

— Прости, Эолин. Ты должна понять, я всю жизнь прожил в месте, где тени путались со светом, а свет с тенями. Я неверно истолковал то, что почувствовал, когда увидел тебя. Я был учеником Церемонда. Как еще я мог отреагировать в присутствии женщины твоей силы?

— Ты сделал то же самое с девушкой, которую тебе привели в третью ночь Бель-Этне? — парировала она. — Ты вселил ужас в ее сердце, прежде чем затащить ее в свою постель?

— Нет, — он наложил на эту девушку временную иллюзию, придав ей рыжие волосы и землисто-карие глаза. Но она не могла заменить его Эолин. — Это было не так.

Эолин бросилась на Акмаэля, подняв руку, чтобы ударить его. Он поймал ее запястье, словно тисками, и ее ярость остановилась. В последовавшей тишине Акмаэль измерил жар под кожей Эолин, ритм ее пульса, пар ее дыхания в прохладном ночном воздухе.

— Эолин, — он не удосужился скрыть нотку удивленной надежды в своем голосе. — Ты ревнуешь?

Она вырвалась из его хватки.

— Твоя магия — позор! Ты допустил, чтобы твои способности были извращены в нечестных целях. Дракон не дал нам этих сил, чтобы вызывать страх или использовать в своих интересах тех, кто слабее нас. И наши фестивали призваны прославлять наследие Мойсехена, а не укреплять твой авторитет, тем более — сексуальную доблесть.

— Возможно, так и есть, но твой вопрос о третьей ночи Бел-Этне... Он возник не из-за беспокойства о правильной интерпретации и применении магии. Да?

Эолин вздернула подбородок.

— В сердце маги нет места ревности.

Акмаэль поймал ее губы своими. В одно мгновение искра, дарованная им в подростковом возрасте, вспыхнула вновь. Он обнял ее, вдыхая ее медово-древесный аромат, переплетая пальцы с ее шелковистыми волосами, исследуя каждый тонкий контур ее лица и шеи. Сила его страсти прижала ее спиной к голому стволу большого дерева. Его руки ненасытно путешествовали по ландшафту ее тела, знакомому и новому одновременно.

С ее губ сорвался прерывистый всхлип, за которым последовал тихий стон. Она желала его поцелуев и пила их с удовольствием. Ее груди поднялись в ответ на его прикосновения, туника натянулась. Акмаэлю хотелось разорвать эту тонкую ткань, привязать ее к себе близостью и высвободить себя в ее земном тепле.

Его губы коснулись ее лба, его горячее дыхание коснулось ее кожи. Он слышал, как кровь бежит по ее венам. Она оставалась тихой в его объятиях, ее дыхание было глубоким и ровным, а выражение ее лица выражало беспокорную покорность.

— Если ты действительно с любовью вспоминаешь нашу детскую дружбу, — пробормотала она, — ты освободишь меня от наложенного тобой заклятия.

— В Мойсехене нет магии, способной вызвать это, — она должна была признать, что в этом он говорил правду. Маги Мойсехена давно осознали бессилие своей магии в сердечных делах. — Заклинания страсти и желания — прерогатива богов, и только они могут создавать их. Чувство, которое связывает наши сердца, является их даром. Отрицать это было бы оскорблением.

— Тогда как ты предлагаешь нам принять его?

Он поднял ее лицо к своему.

— Вернись со мной.

— Как твоя пленница?

— Как моя королева.

Печаль заполнила ее ауру.

— Разве ты не видишь, Акмаэль? Это одно и то же.

Он отпустил ее и отошел.

— Кори рассказал мне, как жила твоя мать, — продолжала Эолин, — как она умерла. Запертая в Восточной Башне, за дверью, запечатанной магией. Было ли это для того, чтобы удержать ее внутри или чтобы Церемонда не пустили?

— Мой отец заботился о своей королеве. Он никогда не позволял причинять ей вред. В конце концов, ее убил маг, а не Король-Маг или волшебник, которого ты так ненавидишь.

Эолин напряглась и бросила взгляд на лес, скрестив руки на груди.

— Он бы уничтожил ее, если бы не пришла мага. И он уничтожил то, что он мог впоследствии. Кори сказал, что Церемонд сжег все, что она оставила, что ничего из ее магии не сохранилось.

Акмаэль стиснул зубы.

— Каков характер твоих отношений с магом Кори?

— Что? — ее глаза снова обратились к нему. — Какое это имеет отношение?

— А тот мужчина из Сырнте, который встретил тебя у ворот замка? Кто он для тебя?

— Это то, о чем идет речь, Акмаэль? — ее гнев вспыхнул с новой силой. — Думаешь, соблазнив меня, ты сможешь склонить меня на свою сторону? Эти люди — мои друзья! Меня взяли, когда мне было некуда идти, не к кому обратиться. Их лидер — мой брат.

Акмаэль резко вдохнул.

— Твой брат? Ты сказала, что он мертв!

— Я думала, что он был мертв. Только после Бел-Этне я узнала, что он жив. В день, когда наша деревня была разрушена, его спас лесник, человек, обученный в рыцари под руководством твоего деда. Он научил моего брата всему, что мог, и когда Эрнан достиг совершеннолетия, он отправился в далекие земли, чтобы узнать больше о военном искусстве. Вся жизнь моего брата была подчинена единственной цели: сразиться с королем-магом Мойсехена и убить его. Теперь, когда твоего отца больше нет, его одержимость обращается к тебе.

Акмаэль молча обдумал ее слова.

— Значит, у меня есть грозный соперник. С доступом к секретам рыцарей Вортингена и с Высшей магией на его стороне.

Эолин отвела взгляд.

— Это то, чего ты хочешь, Эолин? Начать войну против меня?

Она переступила с ноги на ногу и посмотрела на него.

— Ты прекрасно знаешь, что Гемена оставила меня не готовой к этому кровавому

развлечению, но я понимаю, с чем они столкнутся в лице тебя, твоей армии и магов Церемонда. Я не оставлю их. Я буду стоять с ними, даже если единственная услуга, которую я могу оказать, — это облегчить их переход в загробную жизнь.

Акмаэль сжал кулаки. Она не могла отказаться от него ради банды простых мятежников. Ее судьба была выше этого.

— Я связан кровью, текущей в моих жилах, и клятвами, данными моим отцам, защищать корону Вортингена. Я не проявлю милосердия ни к тем, кто попытается вырвать ее у меня, ни к твоим друзьям, ни даже к твоему брату.

Голос Эолин стал горьким:

— Конечно, ты должен защищать Корону так, как считаешь нужным.

В считанные мгновения несколько шагов, разделявшие их, превратились в непроходимую пропасть.

«Она не пойдет со мной сегодня вечером», — понял он.

По крайней мере, по своей воле.

Внутри него поднялась тень, темная и зловещая.

«Все, что мне нужно сделать, это взять ее».

Эта игра закончится, и его голод будет утолен. Магия Эолин будет принадлежать ему навсегда. Но она умрет.

— Акмаэль, — ее рука коснулась его, неуверенно и тепло. — Не обязательно доходить до войны. Если бы ты только...

— Иди, — приказал он, сосредоточив всю свою волю на подавлении аппетита. — Оставь меня, пока я не взял тебя силой.

Эолин колебалась, но только мгновение. Во вспышке белого света она приняла облик Совы, улетела от него на бесшумных крыльях.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Предчувствие

Эолин никому не рассказала о своей встрече с Акмаэлем. В конце концов, что она сказала бы? Что Король-Маг мог найти ее, когда хотел? Что он играл с ней, как кошка с добычей, ловил ее, соблазнял, освобождал под угрозой снова поймать?

Что его поцелуй задержался на ее губах, был в ее снах и вернул ее к чувственному осознанию с рассветом?

Что она жаждала и боялась его возвращения?

Почему он отпустил ее? Почему он не лишил ее магии и не прекратил эту пытку?

Она терпела свои сомнения и замешательство, свое желание и страх в мучительном одиночестве, потому что, если бы Эрнан или кто-нибудь еще узнал, они могли бы отвергнуть ее как предательницу. Кто из них поймет этот коварный изъясн ее сердца, эту изнурительную потребность увидеть в Акмаэле того человека, которым, как она надеялась, стал бы Ахим?

За несколько недель до летнего солнцестояния армия Эрнана и Хелии вышла из лесов Восточной Селен. Их марш эхом отдавался в земле, заставляя дрожать даже деревья.

По мере того как мятежники мутили реки и вытаптывали поля, трепет фермеров плыл к ним, как тонкий дым, резкий и непреодолимый. Когда Эолин вдыхала их страх, он оседал в ее сердцевине, разжигая огонь ее сердца с обескураживающей силой. Впервые она поняла соблазн этого темного вина, которое слишком часто пили Церемонд и его маги. Осознание того, что она разделяла часть их жажды, не успокоило ее беспокойное сердце.

Победа Селен была ожидаемой. Провинция так и не простила Кедехену уничтожение

Клана Востока и разрушение магической крепости Берлинген. Ведущие дворяне увидели в восстании возможность вернуть себе славу, столь горько утраченную во время войны. В течение многих лет они сотрудничали с движением, скрывая растущую армию в своих густых лесах и управляя многочисленными линиями снабжения.

Когда войска Эрнана прибыли в город Селен, ворота были распахнуты для мятежников. Правящие семьи приветствовали их с большой церемонией, их патриархи обнимали Кори и Эрнана, их младшие дочери наполнили руки Эолин ароматными полевыми цветами.

Повелитель, Мерит Барамон, почтительно подошел к Эолин, взяв ее руки в свои с глубоким поклоном. Это был высокий мужчина, чья каштановая борода начала седеть. Его карие глаза были серьезными, но добрыми. Эолин заметила определенное сходство с Кори в длине его носа и форме челюсти, хотя маг настаивал, что у него нет кровных связей с выжившими дворянами Селен.

— Мы рады приветствовать тебя, Мага Эолин, — сказал он. — У тебя всегда есть дом и очаг в Селене.

— Благодарю вас, лорд Барамон, — Эолин поклонилась в ответ. — Ваша доброта — честь для меня.

— Барамон, — рядом с ней появился Кори и сердечно обнял его. — Рад снова тебя видеть.

— И я тебя, мой друг. У нас есть особый подарок для тебя и маги.

— Надеюсь, в нем будет много еды и вина, — сказал Кори.

Барамон рассмеялся.

— Да, много еды и вина, и задержанные маги Селен.

Кори приподнял бровь.

— Все?

— Некоторые ускользнули от нас, но тех, кто не бежал на запад, было достаточно легко поймать. Как ты знаешь, их здесь было немного, и все они — Средние Маги, но, тем не менее, ученики Церемонда. Если хочешь, мы можем посмотреть, как они сгорят завтра.

— Сгорят? — Эолин нахмурилась. — Что это значит?

Они посмотрели на нее, на лице Барамона отразилось озадаченное удивление, на лице Кори предсказуемо была непроницаемость.

— Вы, верно, шутите? — подсказала она.

— Мага Эолин, — ответил Барамон, — эти люди сожгли твоих сестер. Они бы увидели тебя на костре, если бы представилась такая возможность.

— Они — сыновья Карадока, так же как я — дочь Эйтны, — возразила Эолин. — Их убийство ничего не даст, только лишит Мойсехен магии. Мы не можем взять то небольшое, что осталось от нашего наследия, и просто превратить его в пепел, — она посмотрела на Кори. — Конечно, ты не можешь согласиться с этим предложением. Ты должен знать этих людей.

— Да. По этой причине я склонен согласиться с Барамоном.

— Если они Средние Маги, это значит, что Церемонд счел их недостойными изучать Высшую Магию, — заметила Эолин. — Он не счел бы их недостойными, если бы они полностью приняли его учение.

— Это опасное предположение, — ответил Кори. — Многие были отвергнуты Высшей Магией, потому что Церемонд счел их верность неполной, но многие просто не обладали навыками, независимо от того, принимали они его учение или нет.

— Тогда мы должны, по крайней мере, попытаться провести различие между ними. Мы не можем просто сжечь невинных вместе с виновными.

Кори обдумал ее слова.

— Ну, мы могли бы, на самом деле. Так делали раньше.

У нее перехватило дыхание от его бестактного юмора, но Кори поднял руки в примирительном жесте.

— Возможно, она права, Барамон, — сказал маг. — Те, кто не представляет угрозы, могут стать полезными союзниками, если мы их пощадим.

Лорд неуверенно взглянул на Эолин. Он подошел ближе к магу, его голос был низким и напряженным:

— Эрнан не отложит свою кампанию, пока мы проверяем этих людей, и держать их в заточении с их несвязанной магией — опасное дело. Я уже утроил охрану. Я не могу бесконечно терпеть эту ситуацию.

Кори нахмурился и встретился взглядом с Эолин.

— Возможно, мага согласится сопровождать меня в подземелья сегодня днем. Вместе мы сможем связать их магию, сделав их ничем не отличающимися от любого другого заключенного.

Эолин могла представить сотни способов провести день, но если бы это означало спасение жизней некоторых из этих магов, она бы спустилась в подземелья.

— Конечно, маг Кори.

— Как долго будет работать связывание? — спросил Барамон.

— Среднего мага? — Кори пожал плечами. — Пока Мага Эолин или я не решим их отпустить.

Барамон рассмотрел их обоих и коротко кивнул.

— Хорошо. Мы сделаем так, как предлагает Мага Эолин.

Он ушел, чтобы поговорить с Эрнаном.

Кори подошел ближе и пробормотал:

— Каково это, Мага Эолин, держать в своих руках власть над жизнью и смертью?

Эолин отпрянула.

— Ты же знаешь, что эти люди не заслуживают смерти без суда.

— Да? Ты обнаружишь, что во времена политических беспорядков то, что человек заслуживает, и то, что он получает, часто сильно различается. Проверка мало что может изменить.

— Ты против сохранения их жизней?

— Нет, — проницательная улыбка появилась на его лице. — Наоборот. Это долгожданное предзнаменование грядущих событий. Они назовут тебя Королевой, прежде чем все это закончится, Эолин. И я осмелюсь сказать, что ты поднимешься до этого титула.

Она побледнела от тревожного пророчества, но Кори, похоже, ничего не заметил. Подмигнув, он оставил ее одну, чтобы присоединиться к Барамону и ее брату.

На следующий день после их прибытия в город Селен Эрнан созвал свой военный совет. Они встретились в комнате, отведенной Барамоном. Вино, эль, черный хлеб и мясное ассорти были разложены щедрыми порциями. Хелия, маг Кори и Ришона сидели рядом с Эрнаном и лордом Барамоном. Тамир не присоединился к ним, так как выбрал более осторожный маршрут через южные леса в сопровождении небольшой свиты кавалерии сырнте.

Эолин, которой не нравились каменные стены, заняла место рядом с большим окном, выходящим на черепичные крыши города вниз. День был ясный, и улицы были полны движения. Летние цветы украшали дома янтарного цвета. Над полями сразу за городской стеной она заметила летящего ястреба. Здесь не чувствовалось страха фермеров, и Эолин была этому рада.

— Я говорю, что мы идем на Королевский город, — страстное заявление Эрнана напомнило Эолин об их матери. — Вытащим его из его крепости и победим на равнинах под Каменным основанием его отцов.

— Мы не готовы, Эрнан, — возразила Хелия. — Мы должны укрепить нашу армию прежде чем встретимся с ним. Нашим первым шагом должно стать заключение союза с Моэном. Тогда мы должны договориться с Селкинсен.

— Моэн — провинция фермеров, — сказал Эрнан. Его презрение удивило Эолин. В конце концов, Моэн был их домом. — У них нет военных традиций. Даже если мы вытащим их из нежелания воевать, обучение займет слишком много времени.

— Кедехена убил рыцарь из Моэна, — отметил Кори.

Эрнан нахмурился и отмахнулся от комментария.

— Нам поможет не мастерство их бойцов, — настаивала Хелия. — Моэн — источник пищи для всего королевства. Все, что нам нужно сделать, это отрезать проход через Эрунден, и Мойсехен будет поставлен на колени.

— Если мы хотим поскорее завершить эту войну, мы должны оставить Моэн заниматься сельским хозяйством и заручиться поддержкой Селкинсен, — сказал Кори. — Селкинсен контролирует линии снабжения королевства, и у него самые большие военные силы после короля.

— Лордов Селкинсен будет нелегко переубедить, — предупредил Барамон. — Они процветали при Кедехене. Они первыми поклонились Церемонду, вычищая маг и всех прочих инакомыслящих. Самые успешные купцы провинции построили свои состояния на пепле чисток. У них нет причин бунтовать.

— Их подчинение Церемонду было вызвано практическими соображениями, — сказал маг Кори. — Они последовали бы за любым магом — или магой — у которого в то время было ухо короля.

— Ну, мы не можем предложить Селкинсен ухо короля, — Хелия хитро улыбнулась. — Разве что на блюдечке, когда все кончится.

— Если убеждение не поможет, мы можем попытаться вторгнуться в провинцию, — сказал Эрнан. — Покорим лордов и приведем их воинов к нам на службу.

— Цена вторжения в Селкинсен будет слишком высока, — возразила Хелия. — Мы потеряем больше, чем когда-либо сможем получить.

— Ты так мало веришь в наш народ, Хелия? — сказал Эрнан.

— Я говорю, что у нас есть один шанс сделать это. Мы должны использовать наши сильные стороны с максимальной осторожностью. Рассчитать время нашего удара с терпением рыси.

— Нет необходимости вторгаться, — маг Кори сложил руки на столе и склонился. — Мы заложили прочный фундамент в Селкинсен за годы работы в Круге. Их обращение может быть не таким трудным, как вы думаете.

— Ты же не веришь, что они рискнут открыто восстать? — сомнение Барамона отразилось в его хмуром взгляде.

— С тех пор, как мы начали там свою работу, Селкинсен посетило более широкое видение. Они больше не руководствуются исключительно своими кошельками или даже безопасностью существующего порядка, — Кори посмотрел в глаза каждому из них, пока говорил. — Еще несколько сезонов, и мы могли бы преобразовать всю провинцию. Но даже сейчас у нас есть влиятельные друзья. У нас есть лорд Херенсен, который управляет почти половиной провинции и имеет значительное влияние на остальную часть. Было бы благоразумно поговорить с ними, прежде чем мы направим наши усилия на что-то еще.

— Ты думаешь взять на себя эту задачу? — сказал Эрнан.

Кори кивнул.

— Да.

— Нет, — вмешательство Эолин привлекло к ней все взгляды. — Это слишком большой риск, Кори. Если с тобой что-нибудь случится...

Кори тепло улыбнулся ей.

— Я тронут твоей заботой, Мага Эолин, но в этом нет нужды. Я свяжусь с лордом Херенсеном напрямую. Он знает, кому можно доверять, и устроит соответствующие встречи. С сомнением прикусив губу, Эолин снова повернулась к городу.

«Что-то не так».

За словами Кори скрывались тени, тревожное предчувствие, которое она не могла понять.

— Сколько наших людей нужно? — спросила Хелия.

— Два компаньона, — ответил Кори. — Больше не надо. Мы должны путешествовать осмотрительно.

— Даже если мы не сможем повлиять на всех лордов Селкинсен, разделить их тоже хорошо, — Хелия кивнула, задумавшись. — Это имело бы очень большое значение.

— Камрон и Саэль будут сопровождать тебя, — Эрнан стоял, словно готовясь закрыть собрание. — Они будут готовы с первыми лучами зари.

— Эрнан, я приму это сопровождение, — любезно сказал Кори, — но мы не уйдем до летнего солнцестояния.

— Но это через несколько дней! Мы не можем терять время, Кори.

— Соблюдение высоких праздников не является пустой тратой времени, — Эолин почувствовала, как серебристо-зеленые глаза Кори остановились на ней, хотя она держалась спиной к компании. — Прошло почти целое поколение с тех пор, как я видел Высшую Магу во время Летнего Солнцестояния, и я не собираюсь упускать возможность.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Летнее солнцестояние

Когда полуденные лучи осветили поля, Кори и Эолин повели жителей Селен к опушке близлежащих лесов. Там они разложили щедрые дары для генд и возвысили свой голос в песне. Они пригласили лесных духов на пир и попросили их использовать свою магию, чтобы повернуть солнце к Подземному миру, чтобы его цикл мог завершиться.

В сгущающихся сумерках маг и мага вернулись на городскую площадь, чтобы зажечь священный огонь, который будет гореть всю короткую летнюю ночь. Выполнив свои обязанности, они позволили своей магии отдохнуть из уважения к гендам, которые в единственную ночь в году взяли на себя власть над всеми силами заклинаний.

Расставшись с компанией Эолин, Маг Кори побывал у многих костров, провел время с Барамоном и его семьей, последователями Эрнана, Хелией и ее горными воинами. Он везде

встречал теплый прием, наслаждаясь часами общения и множеством чашек вина, прежде чем отправиться в место, где бывшие члены Круга наполняли ночь песнями и смехом.

Призвав дух Лисы, Кори сначала держался на расстоянии, спрятавшись в тени, наблюдая, как они танцуют. Ему было больно думать, что его время с этими артистами и музыкантами почти подошло к концу, что их радостная жизнь может скоро прийти к кровавому и ужасному концу.

Эолин тихо сидела в стороне от празднества, сжимая чашу с вином в своих тонких пальцах. Оранжевое пламя освещало ее задумчивое лицо, оставляя спину в тени. Она казалась неуместной с ее мрачным выражением лица и тихим поведением.

Позволив духу Лисы сойти с его плеч, Кори шагнул вперед. Его присутствие сразу заметили. Круг приветствовал его хриплыми криками и теплыми объятиями.

Эолин моргнула и подняла взгляд, словно выходя из транса. Улыбка расплылась в ее темных глазах, и она поднялась, чтобы встретить его. Впервые они обнялись как друзья. Ее аромат меда и дерева казался каким-то знакомым, как неожиданное возвращение домой. Маг Кори прижался губами к ее лбу и взял руку Эолин в свою, отметив, что она прохладна на ощупь.

— Ты еще не танцевала, — сказал он, — и до восхода солнца осталось совсем немного времени.

Она пожала плечами.

— Солнце возвращалось каждое солнцестояние на протяжении целого поколения, с танцем маги или без него.

— Это не правда. Бриана танцевала во время правления Кедехена, а когда она умерла, у нас была Гемена, хотя никто, кроме солнца, луны и генде, не знал. Вскоре после этого у нас была ты. Думаю, солнце наслаждалось твоим танцем с тех пор, как ты была маленькой девочкой. Оно будет очень опечалено, если ты бросишь его сейчас.

— Мой танец не понравился бы ему, даже если бы я попыталась, потому что он был бы вынужденным и без пыла.

Такая мрачная гримаса.

Коснувшись щеки Эолин, Кори перевел ее взгляд на свои глаза.

— Когда мы впервые прибыли в лагерь Эрнана, я ожидал, что его миссия принесет тебе надежду. Потом он оказался твоим потерянным братом, и я подумал, что это доставит тебе радость.

— Да, — сказала она, хотя ее тон был неубедительным. — Что может быть большей радостью, чем возвращение моей семьи ко мне?

— В последнее время ты серьезна, — настаивал Кори. — Ты поешь только тогда, когда того требуют обязанности. Ты не танцуешь. Ты даже отказалась от Тамира.

Она отвела взгляд, моргая.

— Это неправда, маг Кори. Тамир едет на юге, а мы остаемся здесь. Как ты можешь ожидать, что мы разделим близость на таком расстоянии?

«Ты могла бы попроситься пойти с ним».

Кори, конечно, никогда бы этого не позволил. Но она могла бы и спросить.

— Я не имею в виду мили, разделяющие вас сейчас, — сказал он. — Ты не прикасалась к нему с нежностью с тех пор, как мы покинули город.

— Кори, я не...

— Я не ставлю под сомнение твое решение. Я упоминаю об этом только из опасения за

тебя. Ты не можешь бесконечно воздерживаться от Примитивной Магии. Ты знаешь последствия такого воздержания. Это только ослабит твои силы.

— Как можно танцевать и петь? — ее голос стал вызовом. — Как можно искать удовольствия богов накануне войны?

— Нет лучшего времени, чтобы вспомнить, почему нам нравится жить.

— Гемена никогда не одобряла войны, — сказала Эолин. — Она была бы бесконечно недовольна, что я поддерживаю своего брата в этом начинании.

— Ты сейчас сама по себе Высшая мага. Одно дело, чему тебя научила Дуайен Гемена, и совсем другое, как ты решаешь использовать свои дары.

— Ты сказал то же самое своей кузине Бриане, когда она положила свою магию к ногам Кедехена?

Уязвленный, Кори сделал шаг назад. Эолин ударила низко и сильно, в самую уязвимую из всех его ран.

Он отхлебнул своего вина.

— Хорошо. Ты сегодня в серьезном настроении.

Последовало неловкое молчание.

Эолин отошла и села на ближайшее бревно.

— Прости, Кори, — сказала она. — Я не в себе в последнее время.

— Как я и говорил.

— Было неправильно говорить плохо о твоей семье, — она протянула руку в жесте дружбы. — Прости.

Он кивнул и занял место рядом с ней.

— Многие плохо отзывались о Бриане, но она не была честолюбива, не тянулась к власти и не соблазнялась темными силами, как могла бы сказать твоя любимая наставница. Она была опытной ведьмой, одной из величайших в своем поколении. Она бы возглавила наше племя, если бы не война. Но случилась война, и Бриана сделала то, что в те времена делали все остальные. Она сделала выбор, который считала лучшим в данных обстоятельствах.

— Как она стала его королевой? — спросила Эолин.

— Вряд ли это тема для Летнего солнцестояния.

— Если не сейчас, то когда? Вскоре ты отправишься в Селкинсен, а мы продолжим наш поход. Я не могу... — она нахмурилась и отвела взгляд. — Я не могу встретиться с ним в бою, если не пойму кое-что из того, что произошло раньше.

Кори глубоко вдохнул. В воздухе пахло дымом, огнем и предательством, и это никак не облегчило боль, вспыхнувшую в его груди. Сегодня вечером он мог рассказать Эолин много историй, но эту предпочел бы оставить похороненной в пыли. В прошлом Брианы было слишком много будущего Эолин. И судьба отвела ему слишком большие роли в обоих. Рассказ о давно умершей кузине не облегчит Эолин борьбу, но Кори чувствовал тяжесть на ее плечах, глядя на ее полное надежд выражение. У него не хватило духу отказать ей.

— Я был маленьким мальчиком, когда началась война, — сказал он. — Я мало видел до того, как она закончилась. Большая часть боев происходила на западной границе Селен или в Мойсехене и Селкинсен. Клан Востока был разделен во время конфликта, но достаточное количество наших людей выступило против Кедехена, чтобы спровоцировать его ярость и подозрения. Едва война закончилась, как король явился за нами. Это произошло всего через несколько дней после кануна Середины зимы, времени года, когда никто не ожидал битвы.

По нашей традиции на праздник собралось все племя. Люди думали, что мы достигли мира, и это был самый красивый, радостный Праздник Середины Зимы, который я помню из своего детства. Мы не были готовы к атаке. Наши мысли были настолько далеки от конфликтов и войн, насколько это было возможно. Люди Кедехена пришли ночью. Они вытащили моих людей из их постелей и убили на пороге. Мужчины, женщины и дети. Никто не был пощажен. Я проснулся, а потом пытался снова проснуться. Я думал, что попал в ловушку кошмара. Моя мать... — Кори сделал паузу и кашлянул. — Моя мать много страдала перед смертью. Моего отца разрубили на куски у меня на глазах. Я до сих пор не знаю, какое чудо увело меня от них, какая тень сделала меня невидимым для нападавших. Я сбежал из нашего дома и побежал, но везде, куда бы я ни пошел, были взлетающие клинки и взрывающееся пламя. Затем из ниоткуда появилась Бриана, врезалась в меня. Она выглядела потрепанной и испуганной, как животное, загнанное в угол на охоте. Она схватила меня за руку и потащила вглубь леса. Я замедлял ее. Мои ноги были слишком короткими, чтобы не отставать. Я спотыкался, кричал и ревел, как жалкий ребенок, каким и был. Она должна была оставить меня и обеспечить себе побег, но она подхватила меня и продолжала бежать, как могла. Маг-воин перехватил нас. Он вырвал меня из рук Брианы и поднял свое оружие, чтобы покончить со мной. В этот момент Бриана вытащила гриб ночную тень...

— Ночная тень? — недоверчиво сказала Эолин. — В глухую зимнюю пору?

— Я не знаю, как она его нашла, но она была с ядом на языке. Она угрожала убить себя, если он причинит мне какой-либо вред. Только этого было достаточно, чтобы остановить его. Он связал нас обоих и отвел к королю.

— У него был приказ захватить ее живой?

— Да. Это было судьбоносное совпадение, что я был с ней, когда ее задержали. Совпадение, которое спасло мне жизнь.

— Зачем Кедехен хотел ее?

— Я не знаю. Возможно, он планировал завладеть ее магией, хотя практика еще не была широко распространена. Возможно, они разделили радость богов во время какого-то праздника, и он все еще желал ее. Она была потрясающе красива, Эолин, с черными волосами и серебристо-зелеными глазами нашего народа. Ее магия предшествовала ей повсюду. Все просто знали, что она вот-вот придет, и ждали ее появления с великой радостью. Когда нас привели в Кедехен, его глаза торжествующе горели. Я не думаю, что он даже заметил меня сначала. Его палатка была заполнена людьми в доспехах, магами и слугами. Одно его слово, и все они исчезли. Между ним и Брианой существовало странное волшебство, что-то более темное и глубокое, чем все, что я испытал за свою короткую и защищенную жизнь. Я прижался к своей кухне, мой сопливый нос уткнулся в ее юбку, мои глаза опухли от слез. Она положила руку мне на голову и не дрогнула. Она высоко держала подбородок и говорила ровно, даже когда король стоял всего в двух шагах от нее. В ту ночь она просила его только об одном. Она просила его пощадить меня.

— И он удовлетворил ее просьбу, — прошептала Эолин.

— У Короля Магов было много пороков, но он был верен своему слову. Меня убрали от них и увезли в другое место. Незнакомцы дали мне еды и велели спать. Но я знал, что моя семья была уничтожена, и, несмотря на свой юный возраст, я понимал суть сделки, заключенной от моего имени. Я не спал в ту ночь и еще много ночей после этого.

— О, Кори, — она взяла его руку в свою.

Они погрузились в задумчивое молчание.

Легкая музыка наполняла воздух. Танцоры кружились и смеялись у костра.

«Проклятье», — подумал Кори.

Им следовало бы напиться и отпраздновать Солнцестояние, а не вытягивать эту жалкую историю на съедение псам ночи.

— Ты думал, что это слишком высокая цена для нее? — спросила Эолин.

— Что ж, — он грустно улыбнулся. — Я полагаю, что цена жизни этого мага не слишком высока, хотя с тех пор я встречал многих, кто утверждал бы иначе.

Нежная улыбка тронула ее губы.

— Я имею в виду, ты думаешь, это была та жертва, которой она казалась? — Эолин, казалось, тщательно подбирала слова. — Для Брианы, я имею в виду. Думаешь, она действовала против своей воли, когда подчинялась королю?

Кори сделал медленный вдох и еще раз попробовал вино.

«Ну, я знал, что это произойдет, не так ли?».

— Я не претендую на то, что знаю сердце любой маги, — сказал он, — даже Бриану, которая, хотя и была моей кузиной, была на много лет старше меня и жила в мире, очень отличном от моего, до той ночи, когда нас свело бегство. Я не знаю, что она чувствовала к своему королю.

— А Кедехен? Он...? — голос Эолин дрогнул. Она отвела взгляд.

Кори поднес чашку к губам, но обнаружил, что она пустая. Нахмурившись, он бросил его в огонь.

— Любил ли Кедехен Бриану?

Эолин не ответила, сосредоточившись на пламени. Боги, она была прекрасна. Слишком красивой даже для короля.

Кори наклонился и взял ее за руки.

— Эолин, посмотри на меня.

Она согласилась, ее темные глаза были искренними и ожидающими. Он давно восхищался ее невинностью. Слишком долго он предавался этому.

— Ни один король этой земли никогда не любил и никогда не полюбит женщину, — сказал он. — Способность к любви была выведена из линии Вортингена давным-давно. Члены королевской семьи боятся любви и предательства, которое, по их мнению, любовь приносит в их игры за власть. Король ищет много женщин для удовольствия, и он выберет одну из подходящей родословной ради наследников. В очень редких случаях она вызывает его страсть. Это максимальное приближение к тому, что мы называем любовью, — желание, смешанное с уважением к матерям своих сыновей. Возможно, это то, что Кедехен чувствовал к Бриане.

Эолин потребовалась минута, чтобы переварить его слова. Что-то угасло в ее глазах, возможно, затаившаяся надежда. Детская фантазия. Что бы это ни было, Кори был рад этому.

— Ей этого было бы недостаточно, — сказала Эолин. — Этого было бы недостаточно для любой маги.

— Этого хватило, чтобы родить Кедехену сына.

— Ты обиделся на нее за это?

— Нет. Нет, я не обижался на нее. Бриана была не из тех женщин, которые способны вызывать обиду. Ее ребенок был мне как брат в те первые годы, хотя были времена, когда я не мог смотреть на него, не вспоминая о смерти моих родителей.

— Разве тебя не беспокоит война с двоюродным братом?

— Ты такая же моя семья, как и он, а, может, даже больше, — Кори потянулся за забытой чашкой и поднес ее к губам. — Я чувствую, что твое любопытство к этой теме зашкаливает, но я устал от этого разговора. Вскоре я приступаю к миссии, из которой, возможно, уже не вернусь. Я хотел бы увидеть, как ты танцуешь, прежде чем я уеду.

Наконец, она позволила себе короткий смешок.

— Ты только еще больше огорчаешь меня такими разговорами.

— Что я увижу, как ты танцуешь?

— Что ты можешь не вернуться, — выражение ее лица снова стало серьезным. — Кори, я имела в виду то, что сказал на днях. Я не хочу, чтобы ты уходил. У меня очень плохое предчувствие по этому поводу.

— Ты мага, а не ведьма сырнте, поэтому я не склонен прислушиваться к твоим предчувствиям.

— Но Кори...

— Я преувеличиваю опасность моего приключения в жалкой попытке убедить тебя сжалиться надо мной и согреть мою ночь небольшим количеством твоей магии, — сказал он. — Я бы не предложил поговорить с лордом Херенсенем, если шансов на успех было мало. Ты знаешь меня, Эолин. Я не иду на глупый риск. Если, конечно, их мне не навяжут умные маги.

Она снова рассмеялась.

«Слава богам».

Кори предложил ей руку, и она приняла его приглашение.

Вместе они вошли в круг танцоров.

— У нас всего несколько часов до рассвета, — сказал он, притягивая ее к себе. — Мы должны максимально использовать то, что у нас осталось.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Предательство

Эолин резко проснулась, сердце бешено колотилось, по шее струился пот.

Влажный ветерок приподнял подол ее палатки, обнажив вспышку серебряного света, предвещающую приближающуюся бурю. Дрожая, она плотно накинула одеяло на плечи.

Перемещение взгляда. Блеск лезвия.

Сон ускользнул вместе с желанием спать, оставив лишь разрозненные образы, которые испарились, как туман, когда она попыталась уловить их.

Брызги крови. Треск ребер.

Поднявшись, Эолин зажгла свечу, нашла таз с водой и умылась. Что-то звало ее, вой, застрявший в поднимающемся ветру. Она подумывала сбежать в лес, в мир без войны, как Сова, Рысь или Олень. Но в последний раз, когда она сменила облик, ее нашел Акмаэль, и она не осмеливалась снова столкнуться с ним.

Она натянула простое платье поверх ночной рубашки и накинула плащ. Выйдя из палатки, она поприветствовала двух стражей, которых прислал Эрнан. Временами казалось, что она ускользнула от бдительности Кори только для того, чтобы подвергнуться менее изощренному подходу своего брата. Она велела им не следовать за ней, заверив, что далеко не уйдет.

Армия никогда не бывала тихой, как она поняла, даже в темные часы ночи. Всегда было движение и голоса: издевательский смех за соседней палаткой, грубая ругань, неожиданный

лязг металла, тяжелый топот лошадей. Грубое мычание мужчин и сдавленные стоны девушек, с которыми они спали. Эолин задавалась вопросом, привыкнет ли она когда-нибудь к этому. Она надеялась, что нет.

Незаметно шагая в тених, она смотрела, как воины пьют и играют в азартные игры у своих костров, солдаты, которых она не знала, мужчины, которые рисковали своей жизнью ради ее свободы.

Разбитое стекло. Комната, из которой нет выхода.

Внезапная хватка на запястье испугала ее. Она посмотрела в черные глаза, увидела черные волосы, заплетенные в косу, почувствовала изогнутый кинжал у своего горла. На грубом лице мелькнуло узнавание, а затем удивление. Он отпустил ее и отступил.

— Мага Эолин, — воин-сырнте уважительно кивнул. — Мои извинения. Я не узнал вас.

Она подошла к дальнему краю лагеря Эрнана, где небольшая группа золотых и бордовых палаток обозначала жилища Ришоны и солдат сырнте, сопровождавших ее. В их лагере было тихо, лишь пара факелов освещала края.

Люди Ришоны почти ничего не носили, кроме нагрудников и оружия, оставляя открытыми мощные руки и мускулистые ноги. От них пахло потом, ночью и пряностями родины. Запах заставил ее сердце болеть из-за Тамира. Чего бы она ни отдала, чтобы он был сейчас рядом с ней, чтобы узнать утешение его силы.

Вспышка боли за глазами. Тьма.

— Я здесь, чтобы увидеть Ришону, — решила она. — Пожалуйста, скажите ей, что я пришла.

— Пропусти ее, Рахим, — принцесса-сырнте вышла из теней, застегивая свой плащ украшенной драгоценными камнями брошью. Когда она взяла руки Эолин, ее прикосновение обожгло.

— Твоя кожа — лёд, *сэмтью!* — прижав ладонь к щеке Эолин, она заглянула маге в глаза. — Говорящие пытались связаться с тобой. Ты их слышала? Ты знаешь, что произошло?

В замешательстве Эолин перевела взгляд с Ришоны на ее стража.

— Нет. Нет, я не знаю.

Ришона робко вздохнула, а затем с тихой решимостью сказала:

— Кори предали.

Сердце Эолин сжалось. Она пошатнулась, но Ришона поймала и удержала ее. Они пошли рука об руку к палатке Эрнана так быстро, как только смогли. Страж ее брата оставил их ждать снаружи, пока он не объявит об их прибытии.

Эолин услышала приглушенный протест. Через несколько мгновений в дверях появилась девушка, стройная, с каштановыми волосами, которые спутанными локонами падали ей на спину. Не глядя по сторонам, она бросила несколько монет в кошелек, поправила плащ на плечах и продолжила свой путь.

Эолин боролась с румянцем негодования, вспыхнувшим на ее щеках. Она могла терпеть такое поведение со стороны людей Эрнана, но со стороны собственного брата оно казалось неприемлемым.

«Удовольствие богов нельзя покупать и продавать на рынке», — учила ее Гемена.

Но Гемена сказала много вещей, которым, казалось, больше не было места в этом мире.

Появился Эрнан и провел их внутрь. Услышав новости, он немедленно послал за Хелией, которая прибыла с Адианой. Эолин с ужасом слушала, как Ришона описывала свое видение ареста Кори, а Эрнан расхаживал вокруг них с белым от ярости шрамом на лице.

— Почему ты не предвидела этого? — спросил он, когда Ришона закончила.

— Я не выбираю, какие видения приходят ко мне и когда, — ответила она.

— Селкинсен потерял, — он покачал головой, его глаза были устремлены в пол, как будто он угадывал послание самой земли. — Мы должны немедленно идти к городу.

— Это решение не только за тобой, — возразила Хелия.

— Я не понимаю, какой у нас есть выбор, Хелия, — он встретился с ней взглядом. — Мы должны нанести быстрый удар, прежде чем прибудет подкрепление.

— А как же Кори? — спросила Адиана.

— Мы не знаем, кто предал Кори и почему, — настаивала Хелия. — Провинция еще может быть разделена.

— Лорд Херенсен предал его, — сказала Ришона.

— Но Кори верил в их дружбу! — воскликнула Эолин.

— Посланники короля прибыли к Херенсену первыми. Глава Селкинсена счел наше дело слишком рискованным и увидел необходимость заверить короля в своей верности. Он не хотел, чтобы с Кори плохо обращались, но как только его арестовали, ситуация вышла из-под контроля Херенсена.

— Если мы потеряли Херенсена, мы потеряли провинцию, — утверждал Эрнан. — Мы должны идти вперед, пока не стало слишком поздно.

— Почему мне никто не отвечает? — спросила Адиана. — Мы должны что-то сделать с Кори.

Эрнан посмотрел на нее, озадаченно нахмурившись.

— Ничего не поделаешь.

— Ничего не поделаешь? — недоверчиво повторила она. — Они будут пытаться его, могут казнить, если мы не будем действовать быстро.

— Если нам повезет, они убьют его до того, как он расскажет слишком много.

— Ты не серьезно, — Адиана посмотрела на других в поисках поддержки. — Мы не можем бросить его просто так. Он — нить, которая держит нас вместе. Никого из нас не было бы здесь, если бы не Кори.

— Адиана права, — согласилась Хелия. — Мы не можем просто сидеть здесь, пока он погибает от их рук.

— Маршировать на Королевский город пора, — голос Эрнана был хриплым от нетерпения. — У нас есть единственная возможность, и мы должны ею воспользоваться!

— Позвольте мне пойти за Кори, — настаивала Адиана. — Дайте мне полдюжины мужчин и женщин. Мы найдем способ.

— Они намерены доставить его в Королевский город, — сказала Ришона.

— Вот видите? Я знаю эту дорогу. Я могу ходить по ней во сне. Есть два прохода, оба отлично подходят для засады, а третий может сработать, если другие не сработают.

— Они будут ждать вас во всех этих местах, — возразил Эрнан.

— Мне все равно. Мы должны хотя бы попытаться спасти его.

— Адиана, — Эрнан крепко положил руки ей на плечи. — Я не могу пожертвовать ни одним из своих воинов ради миссии, которую ты предлагаешь. Нам нужны все мужчины и женщины до последнего, если мы надеемся свергнуть Короля-Мага.

— Я могу послать с тобой некоторых своих людей, Адиана, — предложила Хелия.

— А я кого-то из Сырнте, — добавила Ришона. — Они — скрытные бойцы, и их магия может пригодиться.

— Разве вам не приходило в голову очевидное? — в ясных зеленых глазах Эрнана вспыхнул гнев. — Разве вы не видите варианта, что нас предали?

Ошеломленная, Хелия сделала шаг назад.

— Ты не можешь этого иметь в виду.

— Почему нет?

— Все это начал Кори, — ответила Хелия. — Он никогда не стал бы лгать нам. Не таким образом.

— Маги Церемонда не лгут. Они просто не говорят всю правду, — Эрнан повернулся к Эолин. — Что скажешь, сестра? Маг Кори что-то сказал или сделал, что могло бы противоречить тому, что он шпион Церемонда?

— Он ненавидит Церемонда, — ответила Эолин. — Он выплевывает это имя, будто это яд. Он отказался изучать Высшую Магию из-за Церемонда.

— Кори сказал тебе это, или ты просто повторяешь один из многих слухов, которым он позволил процветать вокруг себя?

— Эрнан...

— Он производит впечатление Среднего мага, но ты сказала мне, что в Королевском городе он общался только с Высшими магами.

Зерно страха поселилось в сердце Эолин. Эрнан был прав. Кори всегда казался слишком влиятельным для своего положения. Он никогда не носил цвета Среднего Мага. И в городе Высшие Маги принимали его как одного из своих.

— Его жизнь была построена на двуличии, — продолжил Эрнан. — Его кузина предала свой клан. Кто мы такие, чтобы предполагать, что она не научила его своим примером?

— Я видела, как его арестовали лорды Селкинсен, — сказала Ришона. — Его магия была связана, и он был побежден. Мои видения не лгут.

— Как долго он изучал твои пути сырнте? — возразил Эрнан. — Маги этой земли могут внушать видения нашим людям. Наверняка, теперь Кори уже знает, как внушать видения.

— Такое заклинание можно использовать только с близкого расстояния, — возразила Эолин. — И есть явные симптомы. Жертва не может сказать, но окружающие могут. Мы бы знали. Я бы знала.

— Да, сестра? — Эрнан повернулся к Эолин, согнув руки по бокам. — Что происходило между тобой и Королем-Магом в те моменты, когда ты была с ним наедине?

По спине Эолин пробежал холодок.

— Я рассказала тебе, что случилось.

— Нет, не сказала, — сказал Эрнан. — Ты что-то скрыла от меня, что-то важное. Я чувствую, как это кипит под твоей сдержанностью, подстегивая тебя с каждым мгновением, приближающим нас к битве. Король-Маг отпустил тебя и доверил магу Кори, который привел тебя к нам. Почему? Чтобы заставить нас? Чтобы вывести нас, прежде чем мы были готовы?

Эрнан болезненно сжал руку Эолин.

— Ты предашь свою родню, Эолин, — прорычал он, — как Бриана предала свою?

Эолин замерла от этого непостижимого обвинения. Она чувствовала на себе взгляды Хелии, Ришоны и Адияны. Тишина повисла жестко, как жаркое летнее облако.

— О, боги! — мощный голос Хелии прорезал напряжение. — Если в этой комнате нет никого, кому ты можешь доверять, Эрнан, мы можем собрать оружие и отправиться домой прямо сейчас. Адияна, трое моих лучших воинов будут сопровождать тебя в Селкинсен.

— И трое сырнте, — сказала Ришона.

— Я тоже хочу пойти, — сказала Эолин.

Это заявление было встречено молчанием.

— Придется сражаться с магами, — рассуждала Эолин. — Нужен кто-то, кто знает, как противостоять им, кто может высвободить магию Кори.

— Этого я не могу допустить, — ответила Хелия.

Эрнан воздел руки к небу.

— Слава богам, мы хотя бы в этом согласны!

— Если мы потеряем тебя вдобавок к Кори, у нас нет надежды, — сказала Хелия. — Я не могу просить своих воинов идти на Короля-Мага без Высшей Маги на их стороне.

— Я могу прилететь сюда, как только мы закончим.

— И рискнуть, что Верховный Маг заманит тебя в ловушку по пути? = возразил Эрнан. — Ни за что.

— Ну, что такое, Эрнан? — Эолин вспыхнула. — Я достаточно сильна, чтобы победить Короля-Мага, или слишком слаба, чтобы сразиться с одним из его магов?

Челюсти Эрнана сжались. Его лицо застыло в недоверии.

— Или ты думаешь, что я хочу отказаться от этого восстания и сбежать с магом Кори? — сказала Эолин.

— Эолин, мы не сомневаемся в твоих способностях или твоей преданности, — вмещалась Хелия, хотя взгляд на Эрнана выдал ее сомнения. — Дело не в тебе, а в нашем чувстве надежды и цели. Ты стала символом нашей борьбы, залогом нашего успеха. Наши люди видят тебя, и у них есть мотивация сделать невозможное. Если исчезнешь накануне нашего противостояния с Королем-Магом, эффект будет сокрушительным. Ты должен остаться здесь. Адияна найдет выход без тебя.

Но как Эолин могла остаться? Ибо если Эрнан был не прав, то Кори нужно спасти. А если он был прав...

«Если он прав, я хочу услышать это из уст самого Кори».

Что он обманул ее своей дружбой. Что он сделал ее невольным орудием гибели ее брата. Что он использовал ее с самого начала.

Ришона успокаивающе обняла ее за плечи.

— Его арест был отправлен в твои сны, Эолин, но это не значит, что его судьба в твоих руках. Ты должна отпустить Кори. Это твоя судьба требует твоего внимания в этот момент, а не его.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Маг и король

Кори с глухим стуком упал на землю. Вокруг него расплылись тени, силуэты мужчин вырисовывались в сумерках, невыносимо ярких после стольких дней в темноте.

Ароматы летней травы и ночных цветов наполняли воздух, но не облегчали вонь крови и пота, прилипшую к одежде Кори. Он узнал мягкий баритон Телина, а также голоса трех других Высших Магов.

По приказу Телина Кори был закутан в грубо сплетенную сеть из ливинского паучьего шелка. Каждый раз, когда они двигали его, боль пронзала его конечности. Как только его зрение начало проясняться, он оторвался от земли, подвешенный в сети между летающими посохами. Они подняли его высоко и быстро понесли над холмистой местностью, освещенной серебряной луной.

Ночной воздух освежил его лицо, и деревья встретили его движение словами ободрения, но каждый мускул протестующе пульсировал. Каждая мысль отзывалась эхом сожаления. Он многое дал бы за горячую ванну, кружку вина и песни своего народа под звездным небом. И чтобы еще раз встретить Рассвет Солнцестояния рядом с Эолин, насладиться ее беззаботным смехом, ощутить тепло ее руки в своей.

Если бы он мог повернуть вспять дни, месяцы и годы, он поступил бы во второй раз по-другому. Но так сделали бы и все остальные. В результате беспорядок был бы таким же мрачным. По всей вероятности, Кори все равно закончил бы здесь, мешок израненной плоти, уносимый ветром на верную гибель.

«Но я бы поцеловал Эолин. Я бы знал горько-сладкий вкус губ маги».

Под ними появился Королевский город, покрытый тенями, серыми и полуночного синими. Они приземлились в одном из нижних дворов, ударив избитое тело Кори о каменные плиты. Сеть была разрезана. Грубые руки схватили его и потащили прочь.

Они спустились в лабиринт теней под крепостью. Кори считал подземелья Селкинсен ужасными, но здесь царила абсолютная тьма. Единственным звуком было затхлое сердце горы, бившееся медленно и холодно.

Ни еды, ни воды ему не приносили. В течение, казалось, нескольких часов он сидел в компании своего ноющего тела, гадая, кто придет первым, Церемонд или Бейдон. Возможно, они соберутся вместе с магическими инструментами в руках, жаждущие сыграть в свои игры с пытками и запугиванием.

Наконец, он услышал шаги и голоса, поворот массивного замка и скрип сухих петель. Тяжелую дверь толкнули внутрь. Свет факела ослепил его. В камеру вошли стражники, а за ними король Акмаэль.

Удивленный и настороженный, Кори смотрел на своего кузена опухшими глазами. Сын Брианы стоял прямо, чувствуя себя как дома в этом темном месте, его лицо было таким же бесстрастным, каким когда-то было лицо его отца. Стражи высоко подняли факелы и проверили цепи Кори, прежде чем выйти из камеры. Несколько мгновений король и маг молча изучали друг друга.

— Я послал инструкции относительно заботы о тебе, — наконец, сказал Акмаэль. — Похоже, их не слышали.

Кори пожал плечами, хотя его плечи ныли от этого движения.

— Они бы насадили мою голову на пику и бросили мою плоть стервятникам, если бы не вмешался Верховный маг Телин. Я такой, каким он меня нашел.

— Тогда нам придется работать с тем, что осталось, — ответил Акмаэль. — Я бы многому научился у тебя, маг Кори.

— Мой король, — Кори судорожно вздохнул и встретил взгляд своего кузена. — Как я однажды сказал вам, то скромное знание, которым я обладаю, предназначено для вашей службы, на благо нашего племени, в чем я поклялся вашей матери и моей защитнице, королеве Бриане. Спрашивайте, что хотите, я отвечу честно.

— Так ты говоришь, но мне сказали, что ты ничего не сообщил инквизиторам Селкинсен.

— Я не знаю, кто платит инквизиторам Селкинсен. Мои секреты предназначены только для моего короля, чтобы быть услышанными и действовать только им.

Акмаэль в сомнении приподнял бровь.

— Ты бы скорее умер от их рук, чем заговорил?

— Да.

Акмаэль какое-то время изучал спертый воздух, затем снова посмотрел на Кори.

— Зачем ты доставил магу к мятежникам?

— Это было самое безопасное место, которое я мог придумать за пределами этой цитадели. То, что случилось со мной в Селкинсен, случилось бы с ней, и даже хуже, если бы я попытался спрятать ее в любом другом уголке этого королевства.

— Ты знал, что ее брат был их лидером?

— Нет, — Кори нахмурился. Как король получил эту информацию? — Это было неожиданно и досадно. Мага не стала бы так сильно поддерживать их дело, если бы не он. Она ненавидит саму мысль о войне, но она любит своего брата и не бросит его.

— Ясно.

Кори разглядывал своего кузена, но без толку. Маг мог прочесть лицо самого Мастера Церемонда, но эти проклятые короли Вортингена никогда не пропускали ни одной мысли в глаза. В одном он был уверен: его судьба решится в ближайшие несколько минут.

— Я хотел снова вывезти ее контрабандой, — сказал Кори, — но это казалось слишком рискованным во всех отношениях. В любом случае, текущая ситуация вполне может быть в нашу пользу. Ее присутствие мобилизовало их, выдвинуло вперед прежде, чем они были готовы. Войска Эрнана не могут сравниться с вашими, и они не найдут поддержки в Селкинсен, поскольку Херенсен остается верным вам. У них нет другого выбора, кроме как противостоять вам с тем, что у них есть.

— Она — единственная, кто остался у нас, маг Кори. Ее нельзя потерять.

Кори кашлянул. Это был трудный момент, но он сделал все, что мог.

— Ее брат не позволит причинить ей вред. В качестве дополнительной меры предосторожности я оставил магу с анналами магии военного времени, извлеченными из библиотек Селен. Старые техники, используемые магами, не обученными обращению с оружием. Это, конечно, не гарантия, но это должно уберечь ее от опасности, когда они встретятся с вами в бою.

Король не ответил.

— Было бы благоразумно, если бы наши маги использовали подобные техники, — добавил Кори, чтобы заполнить тишину. — Иначе она может решить, что я ее обманул.

Акмаэль кивнул, хотя выражение его лица не изменилось.

— Печать Восточной башни сломана. Там для тебя готовят комнату.

Значение этого заявления не ускользнуло от внимания Кори. Восточную башню не открывали после смерти Брианы.

— Как долго я буду задержан?

— Пока мы не подавим это восстание, — ответил Акмаэль.

Или пока король не решит, нужна ли ему еще польза от его кузена.

Напряжение в мышцах Кори пропало. Ему были дарованы время и слова. Имея в достаточном количестве и то, и другое, он еще мог обеспечить свое будущее.

— Сэр Дростан увидится с тобой завтра. Ты должен относиться к его ушам как к моим, маг Кори. Я не буду говорить с тобой наедине снова, пока твоя верность не станет несомненной.

Маг кивнул. Тяжесть сожаления и облегчения прижала его ноющую голову к ушибленным рукам.

— Тебя переведут до захода солнца, — король повернулся, чтобы уйти.

Кори еще раз болезненно вздохнул. Ребра впились в легкие.

— Повязка на руке, которую она носит. Вы дали ей это, не так ли?

Его слова внезапно остановили плавное отступление Акмаэля.

— Она рассказала тебе об этом?

— Нет. Она ни с кем о вас не говорит. Я узнал Серебряного Дракона — фамильную реликвию Восточной Селен. Когда я впервые увидел его... — как давно это было? Возможно, год назад, под небом поздней весны на травянистых холмах Эрундена. Тогда Эолин была простой девушкой с любопытным даром, скромной, не имеющей большого значения. — Я подозревал, что она встретила какого-то моего потерянного родственника. Легче было представить себе еще одного выжившего члена племени, чем представить, что вы могли знать ее, — легче и как-то терпимее. — Но потом кусочки ее истории сошлись воедино, и все они указывали на вас.

— Это был не запланированный подарок, — Акмаэль говорил двери, — от эгоистичного мальчика, у которого не было ни предвидения, ни воображения, чтобы сделать подарок, достойный ее дружбы.

Его слова падали, как галька в глубокий колодец, исчезая, как только они были произнесены. Кори мог бы подумать, что он их вообразил, если бы не резонанс, который они оставляли, волны, отражающиеся в сыром воздухе.

— Вы вызвали древнюю традицию нашего племени, когда почтили ее этим украшением.

Акмаэль повернулся к своему двоюродному брату с озадаченным выражением лица.

— Повязка была моя, подарок мамы. Она ничего не сказала о племени, когда давала его мне.

— Не имеет значения, понимали ли вы значение. Это Серебряный Дракон выбрал Эолин, а не вы.

— Выбрал ее?

— Это украшение из сердца Восточной Селен. Это приглашение присоединиться к племени, стать частью его наследия наравне с любым человеком, в котором течет кровь наших предков.

— И Эолин знает об этом?

— Нет, — Кори покачал головой. — Говорить ей об этом в эти дни было бы неосторожно. Но ей нужно сказать, и она должна решить, соглашаться ли.

Королю потребовалось время, чтобы переварить это. Улыбка искривила его губы, и он кивнул.

— Тогда мы еще можем сделать ее своей, маг Кори. Мы еще можем сделать ее своей.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Открытия

— Они направляются на юго-запад, мой Король, — сообщил сэр Дростан. — Их число подкрепляется примерно четырьмя сотнями человек из Селен.

— Кавалерия?

— Максимум пятьдесят. Остальные — пехотинцы. Маг Кори подозревает, что они намерены воссоединиться с всадниками Сырнте, обезопасить перевал Эрунден и заручиться дополнительной поддержкой Моэна, прежде чем отправиться в Королевский город.

Рыцарь ждал, пока его правитель обдумывал новость.

Церемонд стоял с ними в зале совета, сжимая костлявыми руками рябиновый посох.

Король не торопился, повернувшись спиной к советникам, смотрел в окно на широкое пространство на юге. Холмистый пейзаж сиял зеленым и золотым под летним солнцем. Вдалеке темно-синее пятно указывало на низкие горы, граничащие с Моэном.

— Хорошо, — Акмаэль повернулся к ним лицом. — Отправляемся на рассвете. Немедленно отправьте сообщение Херенсену и лордам Селкинсен. Они должны встретить нас в Римсавене через три дня.

— При всем уважении, мой Король, — сказал Церемонд, — я считаю неразумным действовать на основании информации, предоставленной нам предателем и еретиком.

— Я понимаю, Церемонд, и согласен. Но слова мага Кори подтверждаются тем, что мы получили от наших разведчиков и шпионов. Мы должны реагировать соответствующим образом. Мы не можем просто сидеть здесь, пока враг не постучит в наши ворота.

— Конечно, мой Король, — Церемонд уважительно кивнул. — Тогда, возможно, было бы разумно перед походом решить вопрос о том, как лучше всего избавиться от мага.

— Этот вопрос уже решен, — ответил король, — как вы должны помнить. Ее нельзя стирать. Ее нужно схватить и привести ко мне живой и целой.

— Но если мы позволим им встретиться с нами в бою, и в их распоряжении будет ее сила...

— Ее сила не имеет значения для исхода этого конфликта.

— Вы недооцениваете ее способности, мой Король. Ошибка, которую ваш отец никогда бы не совершил.

Король обратил свой черный взгляд на волшебника. Волосы на затылке Дростана встали дыбом. Неужели Церемонд потерял всякое благоразумие, сравнивая короля с его отцом и находя его слабым?

Церемонд вздернул подбородок, сжал губы и расправил плечи.

— Я говорю откровенно, мой Король, для вашего блага и для блага этого королевства.

— Мастер Церемонд, — процедил король сквозь зубы, — она всего лишь мага. Мой отец уничтожил целый Орден ее рода.

— Ваш отец отправил на костер всех, кто уцелел от этого сброда, потому что знал, что одной мага достаточно, чтобы разрушить королевство, — янтарные глаза мастера Церемонда вызывающе вспыхнули. — Одной, безусловно, достаточно, чтобы сбить армию. Вы не сталкивались с магами на войне, поэтому не знаете, какие заклинания они могут использовать. Мы должны уничтожить ее до того, как встретимся с ними, если это возможно, и в начале битвы, если нет.

Сэр Дростан кашлянул.

— Даже по нашим самым щедрым оценкам, армия повстанцев не может насчитывать больше половины боевой силы короля, особенно когда к нам присоединятся лорды Селкинсена. У нас двенадцать Высших Магов, Мастер и несколько воинов-магов, которые готовы к бою. У нас есть наш самый достойный Король-Маг. Одна мага не может справиться со всем этим. Решение повстанцев взять перевал Эрунден разумно, но в конечном итоге оно мало что даст. Этот спор будет недолгим, независимо от того, где мы встретимся с ними в бою, независимо от степени ее силы.

— Она остановила красное пламя без посоха в руке! — выпалил Церемонд. — Она заставила дрожать основание этой крепости. Ни один маг или мага этой земли никогда не совершал подобного.

— У нее могут быть необычные способности, — признал король, — но она не обучена

военному делу. Она не может создать смертоносное пламя, манипулировать страхом или использовать любую из техник, которые мы применяем для победы над нашими врагами. Она может использовать свои навыки только в целях самообороны. Это долгое время ограничивало ее тренировки.

Церемонд фыркнул:

— Вы говорите так, как будто знаете ее. Никто из нас ее не знает. Нам не удалось проследить ее прошлое.

Король сделал паузу, прежде чем многозначительно объявить:

— Я знаю ее, Церемонд. Я знаю ее много лет.

Пораженный, сэр Дростан уставился на своего короля. Церемонд побелел. Пламя самого Дракона не могло нарушить их ошеломленной тишины. У старого волшебника перехватило дыхание. Одна рука беспокойно двигалась по воздуху, словно ища что-то, что могло бы поддержать его. С видимым усилием он выдавил из горла единственное слово:

— Как?

— По воле богов, мастер Церемонд.

Старый маг моргнул, как растерянный ребенок.

— Это действительно удача, — сэр Дростан осторожно вмешался, не зная, разумно ли вообще говорить. — Значит, у нас есть прямые знания о способностях этой женщины. Это сэкономит нам много времени и ненужной подготовки.

— Кто ее обучал? — голос Церемонда был хриплым. У Дростана сложилось отчетливое впечатление, что старый волшебник больше не замечал его присутствия.

— Одна из дуайен Старого Ордена, — сказал король, — ведьма по имени Гемена.

— Гемена? — прошипел волшебник. Его посох чуть не выскользнул из его руки. — Вы знали Гемену?

— Я никогда не встречался с ней, но молодая мага часто говорил о ней.

— Это невозможно! — Церемонд взорвался от ярости. — Берлинген был разрушен! Все погибли. Сэр Дростан, вы дали мне слово, что никто не сбежал!

Сердце Дростана екнуло под внезапным вниманием Церемонда. Рыцарю удалось удержать голос ровным, но с трудом:

— В ту ночь мы никого не перехватывали. Возможно, дуайена нашла способ незаметно проскользнуть через наши сети, хотя более вероятно, что она ушла до начала рейда.

Церемонд погрузился в долгое молчание. Летний ветерок дул в южные окна. С западной башни доносились ритмичные крики смены караула.

Наконец, Церемонд поднял янтарные глаза. Выражение его лица смягчилось, и он покрепче сжал посох.

— Если ее научила Гемена, то вы правы в оценке ее сил, мой Король. Я хорошо знал эту дуайену. Она была неспособна обучить любого мага благородному искусству войны. Если позволите... Если позволите, я поделюсь этой информацией с Высшими Магами. Как мудро признал сэр Дростан, это существенно изменит нашу подготовку к этой битве.

Король прищурился.

— Ты поклялся не причинять ей вреда, Церемонд. Если ты откажешься от моих приказов, ты заплатишь за это своей жизнью.

— Мой король, — тон Церемонда был подавленным и смиренным, его взгляд был прямым. — Я бы никогда не предал ни вас, ни королевство. Моя долгая служба вашему отцу показала это.

Акмаэль изучал лицо волшебника, прежде чем сдаться.

— Очень хорошо, мастер Церемонд. Идите.

С глубоким поклоном волшебник повернулся, чтобы уйти. Сэр Дростан двинулся следовать за ним, но король едва заметным движением руки приказал рыцарю остаться.

Как только двери за Церемондом закрылись, Акмаэль подошел к сэру Дростану, его голос был низким, а лицо — суровым.

— На данный момент, дорогой рыцарь, я не буду подвергать сомнению ваше решение солгать в присутствии Церемонда, но и не потерплю никаких попыток обмануть меня. Вы расскажете мне правду о том, что произошло в Берлингене, и немедленно.

Встревоженный, Дростан переминался с ноги на ногу. С момента своего посвящения в рыцари Вортингена он гордился тем, что был честным и верным воином. Но однажды, давным-давно, он обманул своего правителя, и теперь этот проступок вернулся, чтобы осудить его, как он всегда и опасался.

— Мой Король, — сказал он. — Я верно служил королям Вортингена всю свою жизнь, и ваш отец не стал исключением. Я следовал за ним на войну и защищал Корону изо всех сил. Тем не менее, при всем уважении к нашему покойному королю, я всегда считал войну, которую он призвал нас вести, войну с магами, войной без чести. Мы убили наших братьев и сестер на поле боя и погасили блеск нашего наследия кровью наших родственников.

Сэр Дростан замолчал, сбитый с толку своим языком. Какое отношение его мысли о войне имели к Берлингену? В самом деле, разве была разница, согласен он на войну или нет? Обязанностью рыцаря было следовать за своим королем.

Он искал на лице своего правителя признаки осуждения, но выражение лица Акмаэля оставалось бесстрастным. Король кивнул, приказывая рыцарю продолжать.

— Аббатство Берлинген не было военной целью. Это было убежище для старейших и мудрейших магов и маг, непревзойденный кладезь магических знаний. Нас отправили в Берлинген под предлогом эвакуации этих уважаемых мужчин и женщин в более безопасное место. Но когда мы прибыли, печать королевских приказов была сломана, и истинная цель нашей миссии раскрылась. Солдаты, посланные с нами, люди, отобранные за их рвение убивать, напали на аббатство, сожгли все до основания и вырезали всех внутри. Маги-воины заняли посты на окружающей местности, получив приказ убивать любого, кто попытается сбежать. Я перехватил Дуайену Гемену совершенно случайно. Ее сопровождал рыцарь, сэр Варил. Я не знал, как он там оказался, потому что его не было среди отряда, посланного для рейда. Когда он увидел меня, он обнажил свой меч, чтобы защитить ее. Варил был опытным бойцом, но не магом-воином. Я мог бы легко победить его, но что бы это мне оставило? Я учился быть воином в традициях Кэдмона, рыцарем Дома Вортингенов, а не вором в лесу и убийцей старух. Поэтому я пропустил их и никогда не сообщал об их побеге.

Король нахмурился.

— Вы не знали, что случилось с Дуайен Геменой после этого?

— Нет, мой Король. Только сегодня услышал.

Дростан чувствовал внимание Акмаэля, он измерял пульс в висках, оценивал морщины на лице, движение глаз.

— Почему ты оставался на службе у моего отца все эти годы, если ты так сильно переживал за войну? — спросил король.

— Когда я пощадил жизнь Гемены, она кое-что доверила мне, крошечный кошелек, предназначенный для вашей матери. Тогда я был лишь рыцарем, и даже получив место в

Совете, я вряд ли мог увидеть Королеву, не говоря уже о том, чтобы преподнести такой компрометирующий подарок. Но в конце концов мне это удалось, и после этого она... Ну, она стала добрее ко мне. Королева сказала мне, что однажды я верну себе честь, но только если продолжу служить королям Мойсехена.

— И было ли выполнено ее обещание?

Сэр Дростан судорожно вдохнул.

— Мой король, простите меня за смелость, но я всегда верил, что у вас есть задатки великого правителя. Служа вам, я надеялся восстановить свою честь.

— Ясно. Но я тоже веду тебя на войну против вашего же народа.

— Последователи Эрнана — не более чем наемники и нечестные люди. Даже если он завербовал некоторых из наших, народ Мойсехена, который идет с ним, не сражается против вас, они сражаются против памяти о вашем отце. Мойсехен сильно пострадал во время войны и последовавших за ней чисток. Среди людей есть желание разыграть свою месть. Им еще предстоит отделить вас от нашего мертвого короля.

Губы Акмаэля скривились в недоумении.

Сэр Дростан опустил взгляд. Прошли годы с тех пор, как он говорил так откровенно, и огромная тяжесть теперь спала с его плеч. Тем не менее, он ожидал худшего. Его неповиновение в Берлингене было актом государственной измены, наказуемым смертью.

Король прервал тяжелую тишину отрывистым смехом.

Сэр Дростан отступил на шаг, удивление смешалось с трепетом. Он не видел у своего принца даже улыбки со времен юности Акмаэля.

Рука короля с тяжелым хлопком упала на плечо Дростана.

— Не волнуйся, верный рыцарь, — сказал Акмаэль. — Я не буду наказывать тебя за непослушание. Мне нужна твоя голова на плечах, если мы хотим добиться успеха в этой битве, потому что мы будем сражаться на многих фронтах.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Мучения Церемонда

Церемонд шагал по коридорам замка, темная мантия развевалась за ним, магия потрескивала в его посохе. Он не обратил внимания на стражей, приветствовавших его уход. Придя в свои покои, он отослал слуг, закрыл за ними дверь и прислонился к массивному дубу. Его руки дрожали, а дыхание стало хриплым.

Медленно набирая воздух в легкие, Церемонд встал, оперся на посох и пошел дальше по лабиринту маленьких комнат, ведущих к сердцу его апартаментов.

Он достиг места, запечатанного магией и доступного только ему. Темное святилище без окон, освещенное серыми свечами, заваленное секретными книгами и пергаментами и украшенное многочисленными магическими предметами.

Открыв маленькую коробку из железного дерева, Церемонд вытащил свой самый ценный инструмент из лежащего среди листов черного шелка. Полированный кристалл смотрел на него в ответ, его черное сердце излучало слабое свечение.

Гадание — безрассудная форма магии.

Он вздрогнул от ее голоса, огляделся, но ничего не увидел.

Посылая тихое ругательство в тени, Церемонд сел за один из захламленных столов. Он отодвинул в сторону бумаги, книги и инструменты. Затем он положил хрустальный шар перед собой. Закрыв глаза, он провел длинными пальцами по его гладкому лицу.

Эхекат, нэом вехам

Рененем пелау

Эренам утурм сэ сепунем эом

Она смеялась над ним.

— Ты не можешь видеть будущее в камне, любовь моя.

— Я достаточно хорошо видел наше будущее! — выпалил он в ответ.

— А ты, Церемонд?

Этот голос, его грустная лирическая красота, как нож в сердце.

Церемонд поднял голову и увидел, что она стояла там. Молодая и красивая, какой она была забыта много лет назад. Ее глаза сияли серым, как осенние сумерки, платиновые волосы шелковистой рекой спускались по спине. Ее тонкое льняное платье свободно обвивало бледные плечи. Меланхолическая улыбка скользнула по ее губам.

— Однажды эта игрушка введет тебя в заблуждение, — сказала она, — и ты пожалеешь об этом.

— Это ты ввела меня в заблуждение! — воскликнул он. — Это единственное, о чем я сожалею.

Она опустила глаза, и образ ее растворился, как туман.

Церемонд вернулся к заполненному облаками кристаллу и повторил свое заклинание. Устройство, возможно, и подвело его в последние недели, но точно не подведет его сейчас.

Он сосредоточил всю свою волю на дымчатой глубине, пока образы не начали танцевать сквозь стекло. В течение нескольких часов он сидел глубоко сосредоточенно, прочесывая прошлое в поисках связи, которую он упустил, критической нити, которую ему не удалось перерезать.

Когда свечи догорели, он нашел ее: ребенок, бегущий в лес. Ее смех звенел над осенним ветром. Ее магия была еще слишком слаба, чтобы ее можно было обнаружить под прикрытием этого древнего покрова. Церемонд наблюдал, как Всадники громят ее деревню. Он видел, как генды уводят девушку и переправляют ее через реку, через заколдованный лес, который расступился, как занавес, открывая затерянный дом женщины, которую он когда-то считал мертвой.

Гемена.

С неестественным ревом Церемонд взял кристалл и швырнул его об стену. Гладкое стекло рассыпалось на миллион огней цвета индиго, которые вспыхивали и растворялись, как ртуть. Свет растворился во тьме. Церемонд опустил утомленную голову на руки, схватился за свои седеющие волосы и заплакал.

«Они перехитрили нас».

Каким-то образом мертвые маги своими холодными обугленными пальцами подняли из могил заклинания. Они спасли Гемену. И они привели к ней девушку, которая могла испортить принца.

Как хитра их уловка. Как невинно, должно быть, выглядела молодая мага! Какой наивный мальчик, который нашел ее и подружился с ней.

Неудивительно, что проблемы с Акмаэлем сохранились и после смерти его матери: наглость, едва скрываемый скептицизм, высокомерная настойчивость ставить под сомнение очевидное. Ученик с таким же темпераментом, но другого происхождения был бы лишен дальнейшего обучения, но это был единственный сын Кедехена, которому суждено было стать Верховным Магом и Королем.

Годами Церемонд пытался убедить Кедехена взять другую королеву, но безуспешно. Со

вторым принцем будущее Мойсехена могло бы быть обеспечено, а бедствие женской магии было бы навсегда уничтожено.

Но Боги не хотели этого. Они оставили Мойсехен на милость этого безвкусного короля, человека, который простил убийцу своего отца, освободил мага в Бел-Этне и обращался с еретиком Кори как с почетным гостем.

«И теперь он хочет мага для себя».

Этого нельзя было допустить. У Кедехена хватило сил противостоять более темному влиянию Брианы, но его сын был другого сложения. Эта ведьма погубит Акмаэля, а вместе с ним и целое королевство.

С усталой решимостью Церемонд узнал путь перед собой. Спасение молодого короля будет трудным, сложным и деликатным делом. Это потребует от волшебника многого, возможно, всей его жизни и магии. Но Боги готовили величайшие задачи для своих самых преданных слуг, и Церемонд решил принять этот вызов с благодарностью и смирением.

Будущее его народа зависело от него.

Снова наполнив легкие, Церемонд вытер слезы и поднял голову. Он протянул руки к свечам, вернув им полную высоту и ровный свет.

Пройдет большая часть ночи, прежде чем он найдет искомое проклятие среди стопок книг и пергаментов. Это было древнее заклинание, предназначенное для самых трудных врагов, настолько могущественное, что ему требовалась помощь, чтобы контролировать его. Но Церемонд знал, кто из Высших Магов был верен. Он точно скопировал заклинание и сунул пергамент под мантию.

Когда он погасил свечи и вернулся в свою спальню, бледный свет рассвета только начал просачиваться сквозь высокие окна.

— Гемена, — прошептал он, подняв лицо к новому дню. — Ты сыграла в последний раз. Теперь смотри, как играю я.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Ахмад-купт

Переход от Селен к перевалу Эрунден оказался трудным. Колонна Эрнана утомительно ползла вперед. Вонь мочи и навоза преследовала их повсюду. Чем дальше Эолин ехала рядом со своим братом, тем больше ее отвращение к этому начинанию, которое Боги вручили ей.

Люди Эрнана брали все, что хотели, с полей и фермеров, наполняли фургоны зерном и резали свиней или крупный рогатый скот, где им заблагорассудится. Девушки приезжали из деревень, обменивая удовольствие на еду или деньги. Когда Эолин попросила Эрнана положить конец этой практике, он рассмеялся, хотя и не без злобы.

— Я не могу просить своих людей сражаться натошак, — сказал он. — И если у них есть другие аппетиты, которые нужно удовлетворить, прежде чем они столкнутся со своей судьбой на поле боя, кто я такой, чтобы стоять у них на пути?

— По крайней мере, заплати фермерам за еду, — настаивала Эолин.

— Их освобождение от Короля-Мага будет достаточной платой.

С этими словами ее брат переключил свое внимание на другие дела.

Они были еще в паре дней к востоку от Эрундена, когда Рената нагнала их.

За несколько недель до этого наставница удалилась в поместье Кори, заявив, что она слишком стара, чтобы продолжать служить восстанию. Эолин пыталась убедить ее в обратном, но безуспешно.

Неожиданное появление Ренаты вызвало волнение в лагере. Женщина заметно

изменилась. Черты ее лица уже не были такими глубокими, а серебристо-серые волосы сменились прерывистыми угольно-черными прядями. Она носила темно-синие цвета Средней Маги.

Обрадованная этим изменением, Эолин приветствовала Ренату объятиями и дружеским поцелуем. Вместе они уединились в палатке Верховного Мага.

— Я покинула Восточный Селен, как только до меня дошло известие об аресте Кори, — сказала Рената, когда они сели. — Это трагедия, Эолин. Огромная потеря для всех нас.

— Мы пока не можем предаваться трауру. Сны Ришоны указывают на то, что Кори жив, и его раны вылечены.

— Но до меня дошли слухи, — руки Ренаты нервно шевелились у нее на коленях. — Говорят, что он отказался от восстания и поклялся в верности Королю-Магу.

— Я знаю, — Эолин не нравилось, когда ей об этом напоминали. — Как думаешь, это правда? Он предал бы нас?

Рената покачала головой.

— Я слишком долго считала Кори своим другом, чтобы избавиться от привычки верить ему. Но он был учеником Церемонда, он — двоюродный брат короля. Полагаю, до того, как все это закончится, станет известно, кому он верен.

Эолин отодвинулась и прикусила губу. Неуверенность тяготила ее сердце. Она поднялась на ноги, достала книги, которые Маг Кори дал ей в Селен, и положила их перед Ренатой.

— Это единственные анналы военной магии, которые у меня есть, — сказала она. — Все они от него, от мага Кори.

Рената взяла один из томов и полистала его.

— Они подлинные? — спросила Эолин. — Думаешь, они будут полезны?

— Я не знаю. Я не обучался такой магии.

— Но ты знала людей, которые это делали. Ты что-нибудь помнишь?

Рената положила книгу на стол.

— Они использовали священные круги, используемые для передачи мужества воинам, и различные виды пламени и проклятий. Ахмад-мелан, например, и...

— Ахмад-купт?

— Да. Смертельный заряд, — Рената нахмурилась. — Ты нашла это заклинание в этих книгах?

— Я думаю, это оно, — Эолин потянулась за другим томом и вытащила из-под обложки небольшой листок бумаги. — Он был вставлен между страницами, будто кто-то оставил его там по ошибке. В томах нет заклинаний огня войны и подобных проклятий, а если и есть, то я их не нашла.

Рената пробормотала первое слово проклятия, пока читала. Ледяная дрожь пробежала по спине Эолин. Наставница прикусила губу и молча рассмотрела оставшуюся часть заклинания.

— Столько насилия в этих словах, — она осторожно положила бумагу. — Да избавят тебя боги от необходимости их использовать.

— Так это смертельный заряд?

— Это или что-то очень похожее. Ты должна быть очень осторожна с этим проклятием, Эолин. Оно может убить тебя так же легко, как и твоего врага.

— Гемена говорила мне об этом тысячу раз. Иногда мне хочется проклясть ее за то, что

она оставила меня так плохо подготовленной, — она раздраженно вздохнула. — Мне нужен еще как минимум год, чтобы все это понять, потренироваться. Я пытаюсь сказать Эрнану, но он слишком одержим победой над Королем-Магом, слишком уверен, что наша судьба близка. Или, возможно, не доверяет мне, не прислушивается к моему совету.

— Не доверяет тебе?

— Он думает, что я могу быть под чарами Короля-Мага. Он больше ничего не говорил об этом со времен Селен, но я достаточно часто вижу это в его глазах. И он поверит, что его подозрения подтвердились, когда он увидит, как жалко я веду себя в бою, — Эолин потерла лоб, пытаясь снять накопившееся там напряжение. — Это безнадежно, Рената. Что мне делать?

— Я бы не сказала, что это безнадежно. Я видела безнадежное, ты же знаешь. Они сказали, что никто из нас не выживет, и все же мы здесь.

Эолин попыталась улыбнуться, но слезы щипали глаза.

— У меня есть дар, который может взбодрить твой дух, Эолин. Жди здесь.

Рената вышла из палатки и вернулась с продолговатой кедровой коробкой, которую поставила на колени Эолин. Сверху было вырезано изящное изображение Драконши. Ее длинный хвост и мощные конечности переплелись с толстыми ветвями древнего дуба.

— Открой, — сказала Рената.

Эолин сняла печать и подняла крышку. Внутри лежал бордовый халат. Она провела пальцами по мягкой ткани, ощущая магию, заключенную в ее рубиновых нитях.

— Где ты нашла это?

— Мы годами хранили его в поместье Кори. Он был моим до того, как начались чистки, до того, как я отказалась от своей магии и позволила уничтожить посох.

— Но они бы заодно сожгли и твою одежду.

— На мне не было мантии, когда меня задержали.

Эолин встала, чтобы достать наряд из коробки. Она накинула одежду на руку и стала изучать замысловатые узоры, вышитые на ее поверхности. Гемена научила ее сложным заклинаниям, секретным волокнам и специальным красителям, используемым для мантий Высшего Мага, но без полного шабаша из двенадцати было невозможно создать его.

— Это слишком великий подарок, чтобы его принять, — пробормотала она.

— Ты должна надеть его, когда столкнешься с Королем-Магом, — ответила Рената. — Это усилит тебя и защитит, если боги потребуют от тебя проклятия, подобного Ахмад-купту.

— Тогда я надену его только для этой кампании и верну тебе, когда мы победим.

— Мне это больше не нужно.

— Будет нужно, — сказала Эолин. — Когда Дракон дарит тебе новый посох.

Лицо Ренаты побледнело. Она отвернулась.

— Не шути о таких вещах.

— Это не шутка.

— Посох, однажды уничтоженный, не может быть заменен.

— Почему бы и нет, если это угодно богам?

Рената покачала головой.

— Дракон накажет меня за такое высокомерие. Я отказалась от своей магии, вероломная трусиха, и без протеста смотрела, как сгорают все мои сестры.

— У богов есть другой способ судить о наших проступках, — Эолин вернула подарок в коробку и взяла руки Ренаты в свои. — Они интерпретируют наши действия через большее

пространство времени и последствий.

— Еще слова от твоей дуайен.

— Нет, — поняла Эолин. — Эти слова принадлежат мне. Я о том, Рената, что, возможно, ты должна была отказаться от своей магии тогда, чтобы восстановить ее сейчас, во время большей нужды и большей надежды.

Рената подавила всхлип и спрятала лицо в трясущихся руках. Почувствовав движение, приближающееся к поверхности, Эолин обняла ее и притянула к себе. Рената дрожала. Она прижалась к Эолин и плакала долго и горько, выпуская все слезы, которые ей не удавались в течение бесконечных лет с тех пор, как погибла последняя из ее сестер.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Пророчество

На следующее утро после того, как войска Эрнана и Хелии прибыли к перевалу Эрунден, перед палаткой Эолин появился Тамир со свежей парой лошадей. Солнце еще не взошло над восточными холмами, и мышцы маги болели после долгого пути от Селен, но компания Тамира обновила ее дух. Они сели на лошадей и отъехали от широких палаток, которые теперь составляли военный лагерь повстанцев.

Перевал Эрунден занимал юго-восточную вершину длинной долины, которая тянулась на север, пока не переходила в холмистую равнину. Окрестные холмы скрылись за зеленым лесом. По их прибытии Эрнан с удовлетворением заметил, что деревья скроют разведчиков и лучников. Но Эолин могла видеть только сладкую магию, изливающуюся из живого леса. Прямо над входом в перевал возвышался невысокий гребень, увенчанный плоским травянистым холмом. Эолин планировала создать там свой священный круг, если король встретит их здесь, в Эрундене.

— Все окна судьбы Эрнана сходятся, — сказал Тамир, ехавший рядом с Эолин. — Он сразится с Королем-Магом в этой долине.

— Когда?

— Скоро. Ты услышишь движение королевской армии еще до того, как разведчики твоего брата сообщат об их приближении, — Тамир осмотрел окружающие холмы. — Где Церемонду лучше всего создать свой круг?

Эолин закрыла глаза и прислушалась к деревьям. Через несколько мгновений она кивнула в сторону невысокого холма на северной стороне долины.

— Это будет его первый выбор. Магия бежит из центра этой насыпи в долину, откуда открывается вид на все поле битвы. Мы должны сообщить Эрнану. Он может поставить охрану для защиты этого холма и воспрепятствовать доступу Церемонда.

— Нет, — Тамир покачал головой. — Лучше нам знать, где он будет.

— Если ты собираешься исполнить клятву своего отца во время битвы, ты не сможешь сделать это там. Круг мага будет хорошо защищен. По традиции Мойсехена, в тот момент, когда круг разорван, битва проиграна. Король поставит перед ним все свои линии, а вокруг него специальную стражу. Добраться до Церемонда будет невозможно.

— Мои воины и я найдем способ. Сопроводишь меня вверх по склону, Эолин? Я хочу поближе познакомиться, узнать все детали того, как будет создан его круг.

Они спешили у подножия холма. Тамир отправил лошадей в лагерь.

— Мы спустимся с другой стороны и обозначим путь за хребтом пешком, — сказал он. — Это будет самый верный путь к нему, когда начнется битва.

Они не торопились, петляя по склону небольшой горы, пока воин не почувствовал

уверенность в своих знаниях о каждом дереве, кусте и камне. Утренний туман цеплялся за усыпанную травой землю, а листва густо наполнялась сладким ароматом позднего лета. В воздухе плыл хор птиц; шумные белки спрыгнули с безопасных насестов. Эти мелодии зажгли сердце Эолин желанием вернуться домой, в безопасные места и беззаботные приключения своего детства в Южном лесу.

— Ты помнишь, Тамир, когда ты научил меня ездить верхом? — спросила она. — Я тогда так боялась. Я думала, что в любой момент меня обнаружат и моя жизнь сгорит. Теперь я вспоминаю это, и проблемы Круга кажутся мелочью по сравнению с тем, с чем мы сталкиваемся сегодня.

— Твое бремя никогда не было обычным, — он взял ее руку в свою, пока они шли.

— Я помню каждую деталь тех дней: наклон солнца над полями, запах вспаханной земли, жар конских тел. Я бы хотела, чтобы эти моменты длились вечно.

— Твои люди говорят о времени так, как будто его можно нарезать и съесть, как хлеб. В Сырнте время не такое. Мы не чувствуем ни начала, ни конца. У нас есть только настоящее и наши изменчивые представления о прошлом и будущем.

— Тем не менее, ты знаешь рождение и смерть. Если я попрошу тебя рассказать мне о нашей первой встрече, ты расскажете о представлении в Моэне.

— Возможно. Или, может, я бы рассказал о своих первых снах о тебе, или о первом дне, когда мы вместе катались, или о том, как мы впервые занялись любовью. Я мог бы даже говорить о мгновениях, которых мы еще не прожили, и, в конце концов, я должен был бы признаться, что, пока не пройдет вечность, я не узнаю тебя по-настоящему.

Эолин молчала, обеспокоенная его словами.

— Так любили мы друг друга или нет?

Тамир улыбнулся и взял ее лицо в свои руки. В его темных глазах, обрамленных густыми ресницами, горел крошечный огонек золотого солнца.

— Что сказала бы твоя дуайен?

— Она сказала бы, что любовь не связана временем.

Он прижался к ее губам в нежном поцелуе.

— Так и у нас.

Когда они достигли вершины, Эолин прошлась по травянистой поляне, пока не нашла главный канал, ведущий к сердцу горы. Сняв туфли, она уперлась босыми ногами во влажную землю и сосредоточилась на устойчивом пульсе, исходившем из ядра далеко внизу. Если бы она взяла с собой свой посох, она могла бы осмелиться спуститься во тьму, исследовать ленты магии, тянущиеся к полю битвы, но без дуба и хрустала, поддерживающих ее дух, риск был слишком велик.

Эолин открыла глаза.

— Если я правильно поняла анналы, Церемонд будет стоять здесь. Магия не такая сильная, как на южной стороне долины, но для него ее будет более чем достаточно.

— Кто будет с ним?

— Восемь Высших Магов, по одному на каждой из сторон света, в двенадцати шагах от Церемонда.

На край сознания Эолин заползла тень, слабая, но невыносимая. Ее чувства наполнил эфемерный туман, пахнувший кровью. Крики тоски раздавались с пустого поля. Эолин закрыла лицо, чтобы не видеть.

— Я дура, что пришла сюда, — сказала она. — Мы ведем этих людей к катастрофе.

Тамир подошел и твердо положил руку ей на плечо.

— Они встретились бы со своим королем в битве, с тобой или без тебя на их стороне. Твоя глупость, как ты ее называешь, — их надежда, даже для тех, кому суждено умереть. Твое присутствие облегчит их кончину.

— Нет, если Церемонд...

— Тебе не нужно беспокоиться о Церемонде. Он отправится в Подземный мир задолго до того, как у него появится возможность разорвать твой круг.

— Это то, о чем говорят тебе твои видения? — она не скрывала вызов в своем голосе.

— Битвы трудно предугадать, — признался Тамир. — Слишком много окон пересекаются одновременно. Но мое сердце уверяет меня, что Ришона и я не подведу в задаче, которую мой отец поставил нам.

Тамир притянул ее к себе. Эолин всегда находила убежище в его жаре и силе, и сегодняшний день не стал исключением. Она положила голову на его широкое плечо. Голоса страха растворились. В долине внизу высокая трава изгибалась волнами, ее цвет становился темнее из-за проплывающих теней белых облаков. Небольшой извилистый ручей блестел под восходящим солнцем.

— Я должна сообщить об этом обитателям воды, — сказала она, — чтобы у них было время эвакуироваться до того, как начнется битва.

— Эолин, — голос Тамира эхом отозвался в его груди. — Когда эта война закончится, я хочу, чтобы ты вернулась со мной на мою родину.

Его приглашение глубоко тронуло ее. Тем не менее, она сказала:

— Я не могу этого сделать.

— Если не из любви ко мне, то хотя бы для себя и своего народа, — приподняв ее подбородок, Тамир заглянул в ее глаза. — В моей стране есть ветер, называемый «Сэфира», дыхание солнца. Каждый год в первое равноденствие он появляется с востока. Когда наши дети достигают совершеннолетия, мы ведем их навстречу этому ветру, и он пробуждает в них силы. Сэфира разбудит и тебя. У тебя есть способности, которые строгие традиции Мойсехена не позволили тебе открыть. Моя сестра предвидела это. Твоя сила больше, чем ты думаешь, и Сырнте может показать тебе, как ею пользоваться.

Образы, прекрасные и соблазнительные, наполняли ее разум: бескрайние равнины и широкие реки, красочные караваны и яркие люди. Она видела, как они танцуют под ярким солнцем и поют в серебряном свете звезд. Навязчивый ритм их музыки заполнил ее уши, сплетая сон о бесконечных ночах рядом с Тамиром, вечном удовольствии от его прикосновения, защитном тепле его объятий.

— Я бы многое отдала, чтобы последовать за тобой на твою родину, Тамир, — сказала Эолин. — Но когда я приняла свой посох, я дала обет вернуть традиции маг на эту землю. Если мы победим Церемонда и короля, самая важная часть моей работы только начнется. И если мы проиграем... Боги, спасите, если мы проиграем, но если мы проиграем, тогда я должна найти способ начать все сначала. В любом случае, я не могу оставить свой народ.

Он прижался губами к ее лбу. Она ответила на их нежность, тая в его объятиях, отвечая на его ласку молчаливым согласием. На обратном пути в лагерь они занимались любовью в каком-то неизведанном уголке этих мирных зеленых лесов, вызывая дух леса и предлагая общий экстаз богам.

— Есть много путей к твоей судьбе, — пробормотал Тамир. — Не все они привязаны к этим холмам.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Вызов

Возмущение вывело Эолин из сна. Массовое движение лошадей и солдат нарушало пульс земли. Воздух звенел от металлического хора их оружия. Глубокая боль вспыхнула за висками Эолин и распространилась на затылок.

Борясь с кислотой, охватившей ее желудок, Эолин встала, оделась и отыскивала своего брата.

Несколько часов спустя разведчики Эрнана, отправленные за несколько дней до этого, подтвердили, что армия короля двинулась к Эрундену. У них было два дня, максимум три.

Пока Эрнан и Хелия заставляли своих людей готовить оружие, Эолин заручилась помощью Ришоны в собственных приготовлениях. Они делали настои из шандры и лавра, чтобы смягчить проклятия Ахмад-мелана, и изготавливали амулеты из лука-пороя и вербены, чтобы затупить клинок врага. Они собрали белую иву и мандрагору, чтобы облегчить боль раненых, и дрова для священного огня круга Эолин: дуб для силы и выносливости, рябину для контроля и победы, ольху для руководства теми, кто предназначен для подземного мира.

Ближе к вечеру следующего дня первые королевские войска появились в дальнем конце долины, пурпурные знамена развевались над облаком пыли. Поскольку солнце быстро опускалось на западе, они остановили свое продвижение на некотором расстоянии, разбив лагерь, в то время как остальная часть колонны прибывала. Даже когда наступила ночь, люди короля продолжали двигаться в Эрунден, длинная река ярких факелов, которая питала постоянно расширяющееся озеро мерцающего света.

В сопровождении Эрнана, Хелии, Тамира и Ришоны Эолин поднялась на южный хребет, чтобы построить первый священный круг, который она посвятила войне. Взывая к силе земли, она подожгла дрова и бросила в огонь тщательно отмеренные порции можжевельника, розмарина и зимнего шалфея. Она призвала память о своей матери и Гемене, чтобы придать силу своей магии и душевное спокойствие перед лицом смерти. Встав на колени перед каждым из своих спутников, она раскрасила их руки и ноги красками, приготовленными из ночных ягод и корня синего ириса, для защиты от врагов в этом мире и в следующем.

Эхекат, Эхекату, — пела она, — Нэом комаэ, фэом денэ, нэом думэ.

Когда ритуал подошел к концу, люди разошлись по своим палаткам. Только Эрнан задержался, стоя рядом с сестрой в тишине, пока они смотрели, как армия короля заполняла долину.

Он положил руку ей на плечо и сказал:

— Это мало чем отличается от тех ночей, когда мы не спали на ферме в поисках падающих звезд в безлунном небе.

— Тут ты ошибаешься, дорогой брат, — тихо ответила она. — Это совсем не похоже на те ночи.

Он напрягся и убрал руку. Когда он снова заговорил, его голос был хриплым:

— Каждый день я благодарю богов за то, что ты вернулась ко мне, и не — как ты могла вообразить — из-за победы, которую ты можешь помочь нам достичь, а потому, что я скучал по тебе, Эолин, с того момента, как ты исчезла.

Она попыталась сглотнуть, но горло сдавило.

— Я тоже скучала по тебе, Эрнан, больше, чем ты можешь себе представить. Каждый

год после рейда я задерживалась допоздна на Самайн, надеясь мельком увидеть твой дух. Я оставляла столько сладкого хлеба, сколько позволяла Гемена, потому что помнила, как ты его любишь, и каждое утро его не было. Интересно, кто мог это съесть? Должно быть, это были генды. Но я думала, что это ты. Я всегда верила, что это ты.

Она сделала паузу, смущенная, говоря о детских воспоминаниях в такой серьезный момент. Но потом она почувствовала, как он улыбается в темноте, и это утешило ее.

— Что ж, — сказал он, — если завтра боги позовут меня домой, тебе придется снова выложить сладкий хлеб. И кружку эля. Я слышал, что в загробной жизни нет хорошего напитка.

— Не шути об этом, Эрнан. Я потеряла тебя однажды. Я не могу вынести мысли о том, что снова потеряю тебя.

Он подошел ближе, застигнув ее врасплох, когда она вдруг ощутила его эфемерное тепло.

— Эолин, если я завтра не выживу...

— Выживешь. Даже не предполагай, что не выживешь.

— Если дела пойдут плохо для нас, — настаивал он, — если ты увидишь, что мои ряды рвутся, ты должна взять свою лошадь и мчаться так быстро, как только сможешь, к началу перевала. Там у Тамира есть несколько всадников. Они сопровождают тебя в безопасное место.

— Тамир? — странная тревога закралась в ее сердце.

— Сырнте знают дорогу через Южный лес, небольшую проторенную тропинку, которая огибает западный склон Параменских гор и ведет к их родине. Ты пойдешь с ними и не вернешься.

— Вы с Тамиром согласились на этот план, не посоветовавшись со мной?

— Обещай мне, что отдашь себя на попечение его людей.

— Нет! Нет, я ничего такого не обещаю, потому что я не брошу свой народ, и ты не падешь.

Эрнан вздохнул и повернулся к долине, одной рукой сжимая рукоять меча. Ей хотелось навсегда запомнить этот образ, его профиль на фоне теней, запах его кожи и летней травы. Она почти не знала своего брата, и вот он снова грозился бросить ее. Что-то глубоко внутри разрывалось надвое. Эолин подавила вскрик, поднявшийся в ее сердце.

Эрнан взглянул вверх, словно искал звезды. Затем он остановил взгляд на ней.

— Эолин, дорогая сестра, если я сказал что-то в прошлые дни, что оскорбило или расстроило тебя, я прошу прощения. Я знаю, в чем заключается твоя преданность. Я знаю, чего ты хочешь для себя и для нашего народа. Я никогда не сомневался ни в тебе, ни в судьбе, которая привела нас сюда. Ни на мгновение.

Эолин понимала, что ее брат не совсем честен, но это не имело значения. Завтра он пойдет на поля смерти с памятью о ней в своем сердце. Он будет искать свою месть, думая почтить ее, почтить их мать. Ему нужно было примирение, и она не откажет ему в этом.

— Я знаю, брат, — сказала она. — И я никогда не сомневалась в тебе. Если в моих силах завтра привести тебя к победе, я сделаю это.

Эрнан кивнул. Обнажив Кел'Бару, он протянул ей клинок.

— Для меня будет большой честью, мага Эолин, если ты поговоришь с моим оружием сегодня ночью и будешь держать его рядом с собой, пока будешь обращаться с последним прошением к богам.

Это было давней традицией накануне битвы в Мойсехене. По всей вероятности, в этот

момент Акмаэль отдавал свой меч Церемонду. Эолин приняла Кел'Бару с почтением.

— Это честь для меня, брат. Я позабочусь о твоём мече и передам его Дракону.

Эрнан обнял ее и ушел.

Встав на колени в центре своего круга, Эолин положила меч перед собой. Бледный клинок Кел'Бару отражал реку звезд, освещавшую ясное небо. Трава была прохладной и мягкой у колен. Вечерние песни лягушек и сверчков доносились с деревьев успокаивающим ритмом. При любых других обстоятельствах эта ночь внушала бы покой бесконечности. Но завтра солнце зайдет над кровавыми полями, а луна взойдет над воронами и волками.

На северной стороне долины Эолин могла видеть пурпурно-голубое пламя костра Церемонда. Она представила, как старый волшебник стоит рядом с ним на коленях, соблюдает те же обряды и вызывает те же заклинания, что и она, чтит те же традиции, сформированные столькими поколениями до них.

«Как люди, имеющие так много общего, могут быть так разделены?».

Акмаэль сейчас спускался с этого холма, выражение его лица точно было суровым, его темный взгляд — сосредоточенным. Войдя в лагерь, он поприветствует своих людей словами ободрения, возможно, случайным рукопожатием или хлопком по плечу. Прежде чем отправиться в свою палатку, он посмотрит на северный гребень, на огонь там, где она стояла на коленях. Ему будет интересно, не благословила ли она меч, предназначенный убить его.

Глубокая дрожь охватила Эолин у основания позвоночника и прошла по ее плечам. Она закрыла лицо руками.

— Я не могу этого сделать, Кел'Бару, — призналась она в слезах. — Я не могу просить тебя убить Акмаэля.

Лезвие шевельнулось, будто его двигала невидимая рука.

— Но если я не попрошу тебя убить его, я отправлю своего брата на смерть.

Оружие волшебника лежало безмолвно. Несмотря на все свои чары, Кел'Бару был скорее верным псом, чем разумным существом. Он не мог дать совет или утешение. Он мог только ждать, чтобы услышать ее приказ, напевая тихие песни убитых воинов и выигранных сражений.

Эолин судорожно вдохнула и взяла меч в руки. Магия оружия изменилась, соединившись с ее духом и волей. Она прижала лезвие к губам, затем подняла его к небу.

Песня Кел'Бару становилась все более сложной, устремляясь к звездам и достигая кульминации в завораживающем ритме радости и доблести. Плененная ее силой, Эолин ответила своим голосом, предлагая Кел'Бару все, что могла: свою любовь, свой страх, свою благодарность и негодование, свои надежды и разочарования, свою неуверенность и свою убежденность.

Эхекат, — молилась она, — это мое прошение к богам. Принесите победу Мойсехену. Каким бы ни был путь, какой бы ни была цена, какую бы цену вы ни потребовали кровью, верните магию наших предков моему народу. Услышьте мольбу Вашей слуги. Помогите мне выполнить мою клятву.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Ахмад-мелан

Эолин была прекрасной, когда выехала навстречу королю, ее волосы приобрели золотисто-рыжий оттенок на прохладном ветру. Она была в бордовом одеянии и высоко держала полированный посох. Хрустальный набалдашник сиял в собирающемся свете, яркое

отражая восходящее солнце.

Глядя на нее, Акмаэль ощутил неожиданный прилив гордости, сопровождаемый скрытым желанием. И снова он решил заполучить ее — женщину и мага — до того, как солнце сядет в долине Эрунден.

Рядом с ней ехал мужчина, которого Акмаэль принял за ее брата, а рядом с ним — женщина с видом воина с Параменских гор.

Хелия, возможно.

Кори упоминал ее.

Позади них повстанцы были собраны в четыре роты, растянувшиеся по всей ширине узкой долины. Их правый фланг казался беспокойным и плохо вооруженным, с вилами и мотыгами. Рядом с ними стояли Горные Воины, их стройные шеренги были под развевающимися небесно-голубыми знаменами. Акмаэль чувствовал их хищный взгляд с поля боя, но без копий они были бы легкой добычей. Слева от них, под темно-зелеными флагами, стояло несколько рядов копейщиков из Селен, мрачное напоминание о восставших против него мятежных лордах. Когда это будет закончено, их годы правления землей, где родилась его мать, подойдут к концу. Последняя рота слева от повстанцев была сплоченной и такой же крепкой, как Горные Воины. Акмаэль подозревал, что это были опытные люди Эрнана, сражавшиеся вместе во многих кампаниях.

Небольшая группа лошадей, не более пятидесяти, стояла в тылу. Если верить Кори и подсчетам королевских разведчиков, то не было видно еще около пятисот человек, не говоря уже о неизвестном количестве кавалерии сырнте.

Несомненно, Эрнан спрятал в лесу лучников, что Акмаэль предвидел. Две роты его пехоты должны были преследовать их во время первой атаки. Вторая линия всадников следовала за авангардом, чтобы бросить вызов сырнте, если они появятся, или помочь в бегстве, если они не появятся.

Если предположить, что у Эрнана не было настоящих сюрпризов, эта битва вполне могла закончиться к полудню. И если тысячи всадников было недостаточно, у Акмаэля было достаточно копейщиков, которых можно было бросить в бой. В любом случае победа будет за ним. Если бы у брата Эолин был хоть какой-то разум, он бы признал это и воздержался от своего безумия.

Кивнув Церемонду и Дростану, Акмаэль направил своего коня. Они появились перед его армией, чтобы принять вызов повстанца.

Эрнан и его спутники остановились в нескольких шагах от них.

Король молча разглядывал их, больше всего его взгляд задержался на Эолин. Одна выдающаяся мага выступила против него и его магов. Пожалуй, величайшей глупостью Эрнана было то, что он так сильно верил в ее магию. Но его безумие превратилось в ее доблесть, и она смотрела королю в глаза, ее темные глаза были решительны, а выражение ее лица было непроницаемым.

«Будто мы не знали друг друга до этого дня».

— Эрнан из Моэна, — Акмаэль повернулся к своему противнику. Он заметил что-то знакомое в Эрнана. Огонь в этих зеленых глазах тревожил его, пробуждая какую-то тень, поселившуюся глубоко в его сердце. Как дурной сон, который изо всех сил пытался всплыть. — Я много слышал о твоих навыках и опыте. Наверняка ты осознаешь безвыходность твоей ситуации. Если сложишь оружие сейчас, я готов принять капитуляцию на щедрых условиях. Твоему народу будет даровано мое помилование и позволено оставаться

в этом королевстве в мире, за исключением, конечно, твоих наемников и чужеземных союзников, которые должны немедленно покинуть мои земли.

Эолин вдохнула от удивления. Акмаэль поймал ее пристальный взгляд.

Нахмурившись, она отвела взгляд.

— Ты проявил явный интерес к Селен, — продолжил Акмаэль, возвращаясь к Эрнану. — Я могу предоставить тебе часть земель на востоке, от реки Фурма на юге и на западе до холмов Мэскон, подарить их твоей семье и их потомкам. Твоя сестра, — он кивнул на Эолин, — останется магой, с моего позволения. Я предлагаю принять мои условия, чтобы мы могли воздержаться от этого кровопролития и вернуться домой.

— Эрнан, — сказала Эолин. — Возможно, нам стоит подумать...

— Мы не сдадимся, — решимость ее брата одновременно впечатлила и встревожила. Акмаэль счел прискорбным, что этот человек, который мог бы стать достойным союзником, так стремился стать его заклятым врагом. — Род Вортингена предал наш народ. Мы пришли отомстить за порчу этого королевства, положить конец правлению, твоему и твоих отцов и вернуть магию всему народу Мойсехена.

— У тебя нет причин мстить мне, и ты не можешь победить сегодня. Если будешь сражаться, твои люди падут, как летний дождь. Их кровь зальет эту долину. В твоих силах избежать этой трагедии, — Акмаэль снова переключил свое внимание на Эолин. — Сдавайтесь и примите обещание моей защиты.

Эрнан повел свою лошадь вперед, чтобы заслонить от короля Эолин. Напряжение охватило плечи лидера повстанцев. Волны жара поднимались от его доспехов, хотя утренний воздух оставался прохладным.

Акмаэль заметил тревожное изменение ритма дыхания Эрнана. Инстинктивно рука короля потянулась к рукояти меча, но Эрнан не атаковал. Он сидел неподвижно, как камень, зеленые глаза тлели под рыжими бровями. Он смотрел не на короля, а на что-то, что видел только он.

Металлический запах пронзил чувства Акмаэля, и его осенило осознание. Он взглянул на Церемонда, но янтарные глаза волшебника были устремлены на Эрнана, который теперь повернулся к своей сестре и сказал ей низким рычанием:

— Сегодня ты погибнешь от моего меча.

Эрнан направил лошадь к армии повстанцев.

С лицом, полным тревоги, Эолин развернула свою кобылу, чтобы следовать за ним.

Хелия, явно сбитая с толку их внезапным отступлением, галопом неслась позади.

Акмаэлю пришлось бороться с желанием броситься за ними. Гнев вылился в злобный упрек.

— Слишком рано для таких проклятий, старый волшебник!

Церемонд удивленно приподнял бровь, но почтительно кивнул.

— Простите меня, мой король. Я думал, вы будете довольны. Наверняка вы видели, что он не был склонен принять ваши условия, и есть не один способ избежать кровопролития.

Акмаэль сдержал свой гнев.

— Это был бесчестный поступок, а угроза его сестре — нехороший знак.

— Уверяю вас, мой Король, он будет слишком растерян, чтобы поднять меч против кого-либо.

Не убежденный, Акмаэль сжал поводья и замедлил дыхание. Кори однажды заверил его, что Эрнан никогда не допустит, чтобы его сестра пострадала, но сейчас эта мысль его мало

утешала. Известно, что даже самые крепкие узы любви рушились под ужасающим безумием Ахмад-мелана.

* * *

Шагов за пятьдесят до их рядов Эрнан отвернулся от своих воинов и поспешил к временному убежищу под одиноким деревом. Эолин, все еще находившаяся на расстоянии позади него, остановила свою лошадь.

Хелия подъехала к ней сзади, взволнованная и озадаченная.

— Что, во имя богов, только что произошло?

Эолин не сводила глаз с Эрнана.

— Хелия, иди к нашим людям. Я должна поговорить с моим братом.

Оставив горную воительницу позади, Эолин подошла к Эрнану и спешила в тени раскидистых ветвей. Она вонзила свой посох в землю.

Эхекат

Нэом вехам

Леаном энем

Эхуки

Воздух замерцал, и долина расплылась. Только ее брат остался в центре внимания. Он стоял к ней спиной, положив руку на рукоять меча, другой сжимая низкую сильную ветку. Жар его ярости отражался плотными волнами от его спины.

Эолин глубоко вдохнула, пытаясь справиться со своими опасениями. Она осторожно шагнула к нему.

— Эрнан.

— Отойди от меня, ведьма, — прорычал он. — С меня хватит твоих заклинаний и обманов! Ты убедила меня, когда ты была моей сестрой, потерянной и вернувшейся ко мне. Теперь я вижу, что ты всего лишь шлюха Короля-Мага!

Эолин приготовилась к его оскорблениям. Эрнан был не в себе, и если она не снимет это проклятие, гнев, который пылал в его венах, сведет его с ума. Битва будет проиграна еще до того, как начнется.

— Эрнан...

— Не провоцируй меня! — обнажив меч, он бросился на нее.

— Эрнан!

Его клинок остановился у ее горла. Эолин услышала металлический всхлип Кел'Бару, который бился с волей Эрнана.

— Я Эолин, твоя сестра и верховная мага Мойсехена. Ты меня услышишь и увидишь. Сейчас.

По вискам Эрнана текли ручейки пота. Его глаза дернулись и расширились.

— Сестра? — выдавил, будто ему потребовались все силы, чтобы говорить. Кел'Бару вырвался из его хватки и рухнул на землю. Эрнан упал на колени от силы лихорадки. — Что со мной случилось? Меня одолевает желание убить тебя.

Слезы текли из его глаз. Эолин двигалась быстро, чтобы ярость не перешла в безутешное отчаяние.

— Это Ахмад-мелан, — она достала из-за пояса амулет и сломала его, выпустив медную пыль ему в лицо. — Дыши, Эрнан. Дыши глубоко.

Его голова вскинулась от противоядия. Подойдя к нему сзади, Эолин приложила ладонь к его влажному лбу, а другую — к пульсирующей груди. Закрыв глаза, она искала корни

проклятия и силой выдерживала их.

Эхекат,

Нэом дена даум

Эренам рехорнем экат

Бенаум энем

Эрнан пошатнулся, и его стошнило желчью на траву. Лихорадка ушла, оставив дрожь. Встав на колени, Эолин обняла его и поднесла к его губам фляжку с водой с мятой.

— Все кончено, — она заверила его тихо, поощряя его выпить. — Ты восстановишь свои силы через несколько мгновений.

— Я видел, как ты обнимала его, — голос Эрнана дрожал. — Ты отдала все и положила свою силу к его ногам. Ты предала меня, и я погиб. Все это казалось таким реальным.

— Это было видение, отражение самых глубоких страхов. Церемонд или, может, король, — ее голос дрогнул при этой мысли. — Один из них нашел твой страх и манипулировал им. Прости меня, Эрнан. Я не считала их такими бесчестными, чтобы предпринять такую атаку до начала битвы. Я больше не подведу тебя и не предам. Ни сегодня, ни когда.

Он оттолкнулся от нее и встал на колени.

— Наши люди, — он посмотрел в сторону линий повстанцев. — Я обнажил свой меч против тебя. Что они подумают?

— Они ничего не видели. Я создала искажение зрения. Они видят, как мы, брат и сестра, воин и мага, молим богов о победе.

— Победа, — повторил он, словно пытаясь вспомнить, где он и зачем пришел сюда. — Да. Победа.

Эрнан с трудом поднялся на ноги. Он поднял Кел'Бару с места, где тот лежал, и протянул руку Эолин. Безумие в его глазах исчезло. Выражение его лица снова стало спокойным, а голос решительным.

— Пойдем, сестра. Нам предстоит победить.

Эолин приняла его руку и встала, но ее облегчение длилось недолго. Когда они подошли к лошадям, Кел'Бару испугал ее серебристым шипением:

Он обратил меня против тебя.

Она замерла, страх струился по ее венам.

«Он был не в себе. Проклятие овладело им».

Он хотел убить тебя.

Прежде чем она успела ответить, Эрнан вложил клинок в ножны и оседлал своего скакуна.

— Брат, — сказала она, — ты должен выбрать другое оружие для этой битвы.

Он рассмеялся.

— У меня нет лучшего меча, Эолин.

— Пожалуйста, Эрнан. Что-то не так с Кел'Бару.

Нахмурившись, он вынул меч из ножен и держал его перед собой, оценивая его баланс, прежде чем сделать несколько чистых выпадов. Клинок сиял как никогда ярко, его песня была гладкой и уверенной.

Эрнан пожал плечами и улыбнулся.

— Кел'Бару всегда танцевал для моей сестры, и сегодняшний день не будет исключением. Этот меч должен был попробовать кровь волшебников, Эолин. Он разделит

славу нашей победы над Королём-Магом, иначе зачем бы он достался мне?

С этими словами он направил лошадь к своим людям.

* * *

Хватка Акмаэля на поводьях ослабла, когда Эолин вышла из купола видений со своим братом, они объединились и были готовы к битве. Он даже позволил себе улыбнуться от резкого разочарованного шипения Церемонда.

Воистину, она была одарена, с такой легкостью сняв проклятие мастера. Сколько раз он пытался убедить ее не идти по пути Высшей Магии? Если бы она послушалась его, то предала бы свою сущность. Но, выбрав этот путь, она вступила в неизбежную конфронтацию с силами, которые откажут ей в этой привилегии. Акмаэль был рожден этими силами, и он не мог избежать своего наследия, как и она не могла избежать своей судьбы.

С какой же целью боги допустили их недолгую дружбу в Южном лесу? Возможно, эти потерянные годы дадут искупление за кровь, пролитую за них сегодня.

Или, возможно, Боги были просто жестоки.

Эрнан воодушевлял своих людей, его меч сиял серебристо-белым в лучах восходящего солнца. Его последователи ответили громopodobными криками и поднятыми руками, призывая к победе во имя Эолин. Подобно малиновому пламени, она проехала сквозь их силы и прошла сквозь гущу своего народа, ее прикосновение служило источником мужества и решимости. Она поднялась на южный хребет позади их рядов и заняла положение Верховной Маги.

Акмаэль повернулся к королевской армии.

— Никто из них не выживет, — напомнил он Дростану. — Убедитесь, что мужчины понимают. Я не потерплю пленных, кроме маги. Она должна быть доставлена ко мне живой и целой, нетронутой никаким клинком.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

Эрунден

Королевская гвардия продвигалась вперед, сэр Дростан ощущал ностальгию, страстно желал увидеть армию маг, выстроившуюся перед ним.

Он помнил волнение от встречи с этими достойными противниками: блеск их доспехов, резкий треск их бордовых флагов, пронзительную ярость их боевых кличей. Они встретили армию Кедехена с хорошо выкованными мечами и мощными посохами. Их пламя опалило поле битвы, оставив тлеющую землю и обожженную плоть. Их смертельные залпы прогремели среди людей короля, убивая всех, у кого не было времени или умения отразить их смертоносные проклятия.

Но королевская армия выдержала их атаку. Дростан убил всех своих противников — мужчин, с которыми он учился, женщин, с которыми он занимался любовью, друзей и коллег, ставших врагами короля и, следовательно, Мойсехена.

Он оплакал их лишь спустя долгое время после войны, когда нашел время, тихие и тайные места, чтобы погоревать. Как только его сожаления кончились, он больше не думал о них. Только сегодня, когда память о них возникла, как сверкающий мираж, над скромной долиной Эрунден.

Эхекату, — пробормотал он. — *Сепуэнем ал мелан думэ, Эрехаи абнам ал шуэ.*

Расстояние между ним и его противниками было все еще слишком велико, чтобы Ахмад-мелан мог подействовать, но Дростан никогда не вступал в битву, не прибегнув к его защите. Как только начинались бои, использовать такие заклинания было намного сложнее.

По приказу короля Дростан остановил своего гнедого коня и перешел на рысь вместе с остальными. К этому времени он уже видел лица повстанцев, не более чем в сотне шагов, словно ястребы на земле. Страх поднимался дымными струйками от плохо сложенного правого фланга.

Магия, бегущая под полем битвы, уже была ощутима. Песнопения магов Церемонда затихли, отступили и снова устремились вперед. Мага Эолин защищала своих, воздвигая барьеры против проклятий Церемонда и укрепляя мужество своих пехотинцев. Ни один меч не столкнулся, а битва уже началась, окутывая их невидимым облаком, бегая под ними тугими лентами магии.

Главный королевский лучник крикнул. Столбы пепла полетели по высокой дуге к правому флангу повстанцев. Когда они остановились в зените, Дростан почувствовал нерешительность маги и затаил дыхание.

«Она новичок в войне, и она одна».

Она не могла плести заклинания доблести и одновременно отражать стрелы.

В тот момент, когда она сделала свой выбор, волна магии под правым флангом отступила. Порыв ветра сорвался с южного гребня. Она ответила так, как они и надеялись. Стрелы разлетелись и не попали в цель, но второй залп последовал за первым, прямой и стремительный, не дав ей возможности вмешаться. Наконечники пронзали руки, плечи, ноги и лица. Крики боли и паники наполнили воздух.

— Вперед! — воскликнул Акмаэль, и рога затрубили атаку.

Дростан бросился вперед с людьми своего правителя. Они образовали непроницаемую стену из лошадей и металла. Ноздри раздувались. Запах страха и пота наполнил чувства Дростана. Сила магов Церемонда несла их вперед.

Они ворвались в ряды Горных Воинов. Мужчины боролись. Неуверенность пронеслась по линии фронта. Дростан высоко поднял свой меч и обрушил его на первого повстанца в пределах досягаемости. Он ощутил приятный хруст металла о кость. Лезвие выпустило брызги крови, и мужчина рухнул на землю.

Вокруг кричали пехотинцы под мечами и копытами. Дростан позволил себе мрачную улыбку, отправляя другого наемника в Преисподнюю. Здесь не было бы нужды в магии. Они с легкостью прорвали позиции Эрнана, и вскоре к ним присоединится вторая атака.

«Эта бойня закончится в течение часа».

Жестокий удар вышиб воздух из легких Дростана, а его скакун с воем упал на землю. Рыцарь тяжело приземлился, нога оказалась прижата под его мечущимся конем. В голове пронесся оглушающий рев. С бешено колотящимся сердцем он откинул забрало, пытаясь сосредоточиться.

Дростан недоверчиво наблюдал, как дикая кошка вгрызлась в шею его коня. Почти такое же большое, как лошадь, это дикое существо имело белоснежный мех и серые полосы. Оно подняло свою окровавленную пасть, взревело и устремило на Дростана ледяные голубые глаза.

Прежде чем рыцарь успел вернуть меч, кошка прыгнула. Гигантские когти царапали его доспехи. Клыки полоснули его лицо. Дростан вонзил бронированное предплечье в горло зверя, отчаянно пытаясь удержать его. Его свободная рука искала оружие, любое оружие.

Его хватка сомкнулась вокруг рукояти брошенного топора, которым он изо всех сил ударил существо по голове сбоку. Удар отразился в его руке, но кот лишь остановился в раздражении. Вес существа давил на него. Горячая слюна капала ему на лицо.

Поправив хватку, Дростан отдернул оружие и снова ударил, вонзив металлическое лезвие в череп животного. Резкий вой боли заставил рыцаря вздрогнуть. Он выдернул топор и снова ударил. Кот отшатнулся. Дростан вырвался из-под коня и бросился вперед, снова и снова ударяя зверя. Кровь брызгала всюду, пока, наконец, гигантское животное из семейства кошачьих не рухнуло кучей почерневшего промокшего меха.

Измученный, Дростан опустился на колени, на мгновение не обращая внимания на битву, которая бушевала вокруг него. Когда он потянулся, чтобы коснуться животного, оно трансформировалось на его глазах, оставив на своем месте человека с разорванной плотью, покрытой кровью.

Ошеломленный, Дростан перевернул тело. Рост, черты лица, цвет волос и глаз — все было безошибочно. Его противником был горный воин. Но как, во имя богов, он научился менять форму?

Рыцарь поднялся на ноги. Боль пронзила его бедро. Когти вонзились ему в руку. Он проверил ушибленную ногу и удовлетворенно хмыкнул. Раны были глубокими, но он страдал еще хуже.

Подняв меч с земли рядом со своей изуродованной лошадью, Дростан выпрямился и оглядел рукопашную схватку вокруг себя, щурясь, мышцы напряглись. Легион снежных тигров напал на королевскую армию. Клыки и когти сверкали в пыли, поднятой битвой. Горстка воинов-магов, таких же стариков, как Дростан, превратилась в медведей, чтобы противостоять новой угрозе. Они высоко поднимались на крепких задних лапах. Их рев грохотал по полю боя. Гигантские кошки бросались на них злобным пятном. Людей и лошадей, зажатых между оборотнями, разрывало на части.

Прошли мучительные мгновения, пока Дростан исследовал хаос, опасения нарастали, когда он понял, что у него не было ответа на самый важный вопрос.

«Где был король?».

* * *

Тамир двигался по узкой долине с горсткой воинов-сырнте еще до рассвета. Они двигались, как тени, через туманный лес, призывая силу скрытности великих хищников, которые правили равнинами их родины. Когда солнце согрело высокие ветки, они поднялись по холму. Немногих охранников, которых они встретили до того, как достигли вершины, легко заставили замолчать.

Дав своим людям сигнал рассредоточиться у края поляны, принц Сырнте спрятался за небольшой группой саженцев. Мастер Церемонд начертил свой круг именно там, где и ожидала Эолин. Он стоял в темной мантии, плавная мелодия его заклинаний контрастировала с хаотическим шумом долины.

Нетерпение Ришоны отозвалось эхом в голове Тамира. Она ждала с небольшим отрядом всадников, спрятавшихся в лесу за рядами Эрнана. Тамир чувствовал быстрый пульс ее сердца, пот ее ладоней в кожаных перчатках. Ей не терпелось броситься вперед, защитить многих, кого она полюбила, завоевать корону, которую так желала.

«Терпение, дорогая сестра. Наша судьба близка».

Тамир вытащил стрелу, предназначенную для Церемонда, из места, где она лежала. Он сделал древко из гладкой ветки молодого ясеня и уравновесил его хвостовыми перьями ястреба их матери Тамары. Ришона наполнила его сложными заклинаниями, предназначенными для того, чтобы пробить грозную защиту священного круга мага. Кончик был с ядом. Они привезли стрелу со своей родины и во время своего пребывания с магом

Кори охраняли ее существование в абсолютной тайне. Накануне битвы они вынули стрелу из резного футляра и подожгли ее усыпляющую магию.

Вложив стрелу на лук, он натянул тетиву и подождал, пока течение времени замедлится. Волны улеглись, и в фокусе появилось окно смерти Церемонда. Тамир с шипением послал стрелу в сторону волшебника. Она вонзилась ему в спину, как нож в мягкое масло. Пройдя сквозь старого мага, стрела продолжила плавную дугу к земле и исчезла из виду.

У Тамира перехватило дыхание.

Окно шанса дернулось и исчезло.

Время возобновило свое течение. Церемонд остался стоять, как ни в чем не бывало, его мантия не шевелилась на ветру. Он прекратил свою песню, затем замерцал и исчез.

Трое Высших Магов исчезли вместе с ним.

Голоса оставшихся пяти дрогнули. Один бросился к тому месту, где только что стоял их мастер, с недоверчивым выражением лица. Другой с убийственной точностью повернулся к укрытию Тамира. Маг протянул руку и закричал:

Эхекату, феом

Ре дума!

Тамир бросился на землю в тот момент, когда ударило пламя. Наверху загорелись ветки. Он вскочил на ноги и помчался вниз по склону, уклоняясь от пути второго залпа, который обжег его плечи и волосы. Со всех сторон его люди умирали с криками агонии. Запах горячей плоти наполнил воздух.

Тамир оглянулся, когда с вершины донесся низкий грохот. Тамир остановился, слившись со своим собственным образом, когда прошлое встретилось с будущим. Он повернулся, и свет разорвал лес. Жар обжег его лицо и окутал тело. Смерть прожигала его легкие. Огонь поглотил плоть, расплавив кожу и мышцы в бурлящую почерневшую массу.

На одно мучительно болезненное мгновение Тамир увидел каждый путь, которым он жил и не будет жить. Он помнил музыку, страсть и танец. Он услышал смех сестры и увидел залитые солнцем равнины их дома. Он протянул руку ко многим, кого любил, и оплакивал ту, кого навсегда подвел.

Эолин.

Тьма поглотила его, и сознание ускользнуло из его рук.

* * *

Конь Акмаэля вздрогнул, сбросив его на землю, когда тигр схватил лошадь и разорвал ей шею. Король с трудом поднялся на ноги под фонтаном крови.

Эхекату, феом ре дума!

Магия хлынула через ноги Акмаэля и вырвалась из его ладони. Снежный тигр упал, бился в конвульсиях, его голова превратилась в почерневший мех и покрытые пеплом клыки.

Еще один тигр выпрыгнул из дыма. Не имея возможности вызвать второе пламя, Акмаэль взмахнул мечом. Зверь увернулся и схватил Акмаэля за голень лапой, лишив его равновесия. Акмаэль встал на ноги и снова повернулся к тигрице лицом.

Снежная тигрица присела в нескольких футах от него, злобно оскалившись, кривые клыки обнажили охотничий азарт в ее ледяных голубых глазах. Взревев, она бросилась вперед и придавила Акмаэля к земле. Его меч выскользнул из руки. Его шлем был сорван, а зрение затуманилось. Затем ее зубы сверкнули в эбонитовом рту.

Взрыв меха унес ее прочь. Задыхаясь, Акмаэль поднялся и потянулся за мечом.

Огромный медведь оттащил самку и теперь бился с ней. Когти рвали шерсть, челюсти — конечности. Акмаэль узнал красноватый оттенок медвежьей ауры.

«Дростан!»

С явным облегчением король поднялся на ноги.

Вражеский всадник несся на него, минуя разъяренных зверей и отчаянных пехотинцев. Акмаэль посмотрел на Дростана, но теперь медведь боролся с двумя тиграми. Он устоял и ждал с мечом в руке, пока конь не приблизился к нему. Затем он вонзил свой клинок в коричневую морду, разделив кожу, зубы и язык в струе крови.

Животное закричало и отпрянуло, сбросив всадника. Копыто ударило Акмаэля в грудь. Меч вырвался из его рук и приземлился в нескольких футах от него. Акмаэль отшатнулся и потянулся за клинком, когда нападавший ударился о землю.

Эхекату, нэом денэ!

Но его дыхание было быстрым, а стойка слабой, и оружие не вернулось к нему.

Его противник поднялся на ноги. Акмаэль узнал его по длинному мечу, такому бледному, словно он был выкован из слоновой кости. Клинок Эрнана запел голосом, не похожим ни на один из тех, какие Акмаэль слышал, богатым слиянием земли, огня и воздуха.

Мятежник шагнул вперед и снял шлем, позволив рыжим волосам рассыпаться по плечам. Его бледно-зеленые глаза сузились.

— Посмотри на меня, сын Вортингена, и запомни того, кто в этот день отправил тебя в Преисподнюю.

Акмаэль уже видел эти глаза раньше на лице женщины, маги и воина. В одно мгновение образ Эрнана померк, и перед ним стояла рыжеволосая ведьма, неумолимая в своей ярости, в ее беспощадном взгляде отражался труп его матери. Она указала на него своим посохом и закричала: «Этот мальчик должен умереть!».

Король отшатнулся, ошеломленный.

Эрнан, сын Кайе.

Эрнан, брат Эолин.

Оба они порождены ведьмой, убившей мать Акмаэля.

Почему он не видел его раньше? Обстоятельства детства Эолин, время нападения на ее деревню, оттенок ее волос вечером, тон ее голоса, когда она злилась.

Ярость прорезала извилистую реку через глубокие и забытые уголки души Акмаэля. Открыла черную яму под его сердцем и воспламенила бурную ярость, питаемую давно похороненными воспоминаниями о том, что он был вынужден терпеть, бессильный, в детстве. То, что он отказывался терпеть сейчас, как мужчина и король.

Брат Эолин шагнул к нему, подняв обеими руками свой длинный меч. Его шрам белел на покрасневшем лице. Его глаза горели жаждой крови.

Акмаэль снял с пояса топор и с убийственным спокойствием сжал его. Он укрепил свою позицию, соединив свою магию с глубочайшими силами земли.

— Ну же, Эрнан, сын Кайе. Твоя гибель ждет тебя.

* * *

Эолин вскрикнула от боли. Она прислонилась к своему посоху и схватилась за грудь, легкие горели внутри ее груди.

Тамир.

Она увидела слепящий свет, почувствовала обжигающий жар и ощутила ужасную

пустоту, которая последовала за этим. Над долиной клубы дыма поднимались с вершины, занятой Церемондом и его магами.

«Что произошло?».

Эолин с трудом переводила дыхание, пытаясь подняться над агонией и окунуться в происходящее. Ее посох зловеще загудел. Изображение Дракона светилось огненно-красным внутри кварцевого кристалла. В долине внизу две армии разрывали друг друга на части.

«Что я наделала?».

Люди, которых она любила, умирали. Убивали друг друга, и за что?

Небольшая стайка воронов приземлилась на соседнее дерево, их черные крылья трепетали и цеплялись за воздух. Тонкие ветки согнулись под их тяжестью. Гортанными криками они звали лесных падальщиков.

«Так быстро они чувствуют запах смерти!».

Еще до наступления темноты прибедет больше воронов, а также барсуков и диких кошек. Волки придут следом, сгрызут плоть с костей, сражаясь за конечности и внутренности.

«Будут ли они питаться мной? Эрнаном, Акмаэлем?».

«Где мой брат? Где король?».

Она обыскала взглядом долину и нашла их. Эрнан несся к Акмаэлю, Кел'Бару был поднят, его серебристо-белый клинок был единственной яркой точкой на затянутой дымом равнине. Эолин вздрогнула, вспомнив этот момент таким, каким она видела его в видении много лет назад в Южном лесу. Ужас подорвал ее магию. Ее дыхание полностью остановилось, и круг разорвался.

«Я не могу позволить им умереть».

Она позвала своего коня, решив спуститься с хребта и встать между своим братом и Акмаэлем. Она будет сопротивляться их кровавой игре до тех пор, пока они не опустят руки, или умрет, пытаясь их остановить.

Но кобыла вздрогнула и понеслась. Ледяной ветер ударил Эолин и швырнул ее на землю. Посох Эолин отлетел в сторону. Испуганная и ушибленная, она попыталась встать, но ступня на спине толкнула ее в грязь. Песок и кровь заполнили ее рот.

— Я ожидал большего от ученицы Гемены, — Церемонд говорил с убийственным спокойствием.

Рядом приземлились три ворона и уставились на нее обсидиановыми глазами. Во вспышке света они приняли свои истинные формы, все Высшие Маги.

Эолин потянулась за посохом, но тонкая веревка обвилась вокруг ее шеи, перекрывая дыхание.

Церемонд направил раскаленный добела луч света в сердце посоха Эолин. Дуб и хрусталь должны были расколоться под его проклятием, но остались целыми. Ни один ожог не испортил его поверхность.

Волшебник сплюнул и поднял Эолин за веревку на колени.

Руки Эолин потянулись к ее горлу, пытаясь ослабить его хватку.

— Твоей матерью была Кайе, не так ли? — он прошептал ей на ухо. — Ведьма, убившая собственную сестру.

Эолин ударила его локтем, но он только натянул веревку, отчего она задохнулась.

Высшие Маги построились вокруг них треугольником и начали медленное заклинание на незнакомом ей языке. Внутри завязался узел ужаса. Какое проклятие могло потребовать

столько магов?

Церемонд схватил ее за подбородок и заставил смотреть на поле битвы.

— По правде говоря, я благодарен тебе, Эолин, за то, что ты принесла нам наш последний триумф. Сегодня всякое сопротивление королям-магам Мойсехена прекратится, и остатки вашей извращенной магии будут удалены с нашей земли. Мы долго ждали этого дня. Мы создали его с большим терпением. Мой Орден, мой Король и я.

Она выдавила слова между мучительными вдохами:

— Я не буду слушать твою ложь!

— Ты мудра, что не доверяешь мне, мага, но тогда зачем мне обманывать тебя сейчас, когда наша победа близка? — он погладил ее по волосам. — Ты помнишь мальчика, Ахима?

Сердце Эолин дрогнуло. По его пульсирующей поверхности расплзлись тонкие трещины.

— Да, — сказал Церемонд. — Я вижу. Ахим не был так наивен, как ты и твоя дуайен полагали. Он с самого начала видел, что ты из себя представляешь, и понял, как использовать тебя в своих целях. Он заслужил твое доверие, потому что знал, как и все мои ученики, что чем сильнее иллюзия дружбы, тем ужаснее предательство. Чем сильнее разбиты преданные, тем большую силу мы получаем от их падения. Принц-маг всегда хотел от тебя только три вещи, Эолин. Отомстить за смерть его матери, сделать твою магию своей и положить конец вероломному неповиновению маг. Сегодня он увидит, что его желания исполнились. Мой король убьет твоего брата и перережет твоих друзей. Затем он придет, чтобы завладеть тобой, чтобы закончить то, что он просил меня начать.

Эолин попыталась вызвать контрзаклинание, но это было бесполезно. Церемонд перекрыл ей дыхание. Почему она глупо ничего не заподозрила, когда увидела воронов? Разорвала круг, даже не оглянувшись?

— Посмотри, что происходит, Эолин, — Церемонд говорил, но из его уст она услышала голос Ахима. — Посмотри на эту битву такой, какая она есть.

Дух Эолин был затянут в кричащий туннель и брошен в самую гущу битвы. Медведи сцеплялись с тиграми, рыцари рубили пехотинцев. Воздух был мутным от крови и пыли. Мужчины и женщины лежали разбитыми поперек ландшафта. В ноздри ударил смрад горелого меха и горящих трупов.

Она услышала боевой клич Акмаэля раньше, чем увидела его. Он бросился на ее брата, и они столкнулись с ужасающим звоном металла, яростнее любого зверя вокруг них. Рыжие локоны Эрнана взметнулись в воздухе. Кудри Акмаэля спутались на его лбу. Лицо Короля было темным, магия, пронизавшая его, была зловещей.

Эрнан дрогнул перед своим противником. Клинок галийского волшебника скользнул по доспехам Акмаэля и топору короля. Оружие предавало Эрнана снова и снова, тонким, но решающим образом. С каждым взмахом брат Эолин уставал немного больше. Но Эрнан, казалось, ничего не замечал. Потерянный в своей одержимости мстью, он не мог осознать, что его мечта рушится.

«А Акмаэль...»

Акмаэль, как поняла Эолин с ледяным ужасом, играл с ее братом, позволяя ему спотыкаться, падать и возвращаться только для того, чтобы нанести ему еще один сокрушительный удар.

Эрнан пошатнулся и наклонился, борясь за дыхание, его глаза заливало потом.

Кел'Бару бесполезно выскользнул из его рук.

Эолин издала отчаянный вскрик.

Король бросился, чтобы убить.

Эолин крикнула Акмаэлю, чтобы тот остановился, но у нее не было голоса. Такова была сила проклятия Церемонда. Эолин видела, но не могла быть видна. Она слышала, но не могла говорить. Она не могла отвернуться или закрыть глаза.

Король ударил Эрнана кулаком в лицо. Голова брата откинулась, с его губ брызнули бордовые струйки. Акмаэль снова ударил его. Броня и кольчуга отрывали полоски плоти. Эрнан ответил несколькими взмахами вслепую, но его нос был сломан, а щеки превратились в сырое месиво.

«Перестань, Ахим! — сердце Эолин рухнуло в живот. — Остановись!».

Эрнан опустился на колени, перевернулся и лег на землю, его дыхание превратилось в хриплое бульканье.

Король-Маг возвышался над ним, плечи вздымались. Его лицо было наполнено презрением, глаза были черными, как безлунная ночь. Он взял рукоять топора обеими руками и обрушил лезвие на горло ее брата.

* * *

Капитан Сырнте изучал Ришону с хмурым выражением лица, его конь беспокойно двигался под ним.

— Миледи, — сказал он, — если мы присоединимся к битве сейчас, у нас еще может быть возможность...

— Я сказала, иди! — ответила Ришона. — Окна закрыты. Мой брат мертв, Эрнан пал. Король-Маг одержит победу, и наши воины ничего не смогут сделать, чтобы остановить это. Наше время здесь подошло к концу. В этом месте больше не за что умирать.

Он кивнул в знак согласия.

— А вы, миледи?

Ришона судорожно вдохнула.

«Не знаю. Возможно, мне не осталось смысла жить».

— Я вскоре последую за тобой. Позволь мне произнести последнюю молитву за моего брата, чтобы он смог найти путь через бездну с миром.

Он подал сигнал мужчинам. Они бесшумно рассеялись по лесу, быстро исчезнув в тених.

Ришона смотрела, как они уходят, с тяжелым сердцем и сломленным духом. Она спешила и принялась ходить кругами среди деревьев, сжав руки в перчатках по бокам.

«О, Тамир».

Потеря пронзила ее душу. Слезы текли по щекам. Присев у дерева, она ударила кулаком по коре.

За лесом боевые кличи были прерваны низким грохотом второй атаки, атаки, которую она намеревалась встретить.

Сожаление плотно сомкнулось вокруг ее сердца. Она посмотрела в сторону своих воинов, но они уже были далеко.

«Я совершила ошибку?»

Впервые она не могла видеть ясного пути в будущее. Она чувствовала себя потерянной и одинокой, покинутой всеми своими проводниками и любимыми.

Собрав влажные листья обеими руками, Ришона погрузила лицо в аромат земли и воды, смерти и новой жизни.

Дома.

Разве не это она чувствовала, когда бродила по этим холмам? Ришона всегда притворялась пришельцем из далекой страны. И все же она принадлежала этому месту, богатому суглинком и влажными лесами, больше, чем когда-либо принадлежала высохшим равнинам народа ее деда.

Ришона все еще была едина со своей матерью Тамарой, когда ужас настиг их, когда жестокость вторглась в некогда тихое место, которое было чревом Тамары. Но Ришона отказалась умирать вместе со своей матерью. Она боролась и толкала, умоляла, пока Тамара не использовала свой последний вздох, чтобы выгнать свою дочь в безжалостный мир. Малышка Ришона тяжело приземлилась на мокрые листья, в ушах звенело от последних мучительных криков ее матери. Холодный воздух ворвался в ее легкие, принеся с собой запах крови и пота, гниющей земли и солоноватой воды.

Даже среди сырнте редкие помнили день своего рождения, но Ришона знала, что это ее вопли вывели лесника из леса. Когда мужчина завернул осиротевшего младенца в свой плащ, мальчик Тамир появился словно из ниоткуда, с широко раскрытыми от потрясения глазами и дрожащими от опасения губами.

— Теперь ты должен заботиться о своей сестре, — лесничий отдал ее на руки Тамиру. — Она будет зависеть от тебя.

С того самого дня Ришона полагалась на Тамира, на его планы и суждения, на его осторожность и мужество. И чего они добились после всех этих лет погони за мечтой о справедливости? Ничего.

— Вы пощадили меня! — она возвала к небесам. — Когда убийцы вонзили свои ножи в живот моей матери, вы пощадили меня. Для чего, как не для этого?

Под коленями Ришоны раздался шепот. Зловещий и первобытный, он поднялся из глубины земли, как шипение тысячи змей.

«Боги покинули тебя, Ришона из Мойсехена?»

Дыхание Ришоны остановилось. Ее сердцебиение замедлилось. Она хорошо знала этот зов. Она часто слышала это во сне. Дрожащими руками она прижала ладони к земле.

«Твоя судьба не потеряна. Отомсти за него. Отомсти за всех».

Закрыв глаза, принцесса Сырнте призвала Говорящих для совета. Они отступили, не желая формировать будущее под жестоким водоворотом настоящего. В их молчании она нашла только раскаяние. Мучительная пустота смерти брата, безжалостный позор собственной неудачи.

Ришона подавила вскрик и вытерла слезы с лица. Поднявшись на ноги, она достала арбалет и отправила своего коня вглубь леса. Затем она повернулась к холму, где Церемонд держал Эолин. С холодной решимостью она выбрала путь к его вершине.

* * *

Веревка обжигала горло Эолин, когда Церемонд потянул за нее. Она рухнула на землю, глотая воздух между горькими рыданиями. Боль пронзила ее ребра, словно зверь разрывал ее на части изнутри. Она проклинала богов за то, что они не дали ей умереть в детстве, за то, что привели ее к Гемене, а затем к магу Кори. Больше всего она проклинала их за то, что они доставили ее к Акмаэлю.

Церемонд обошел ее. Зловещее пение его магов продолжалось. Кружащиеся тучи закрыли солнце. Над головой прогремел гром.

— Мы победили целую армию таких, как ты, — сказал Церемонд. — Со стороны

Гемены было безответственно позволить тебе поверить, что ты можешь противостоять нам в одиночку.

Эолин прижалась к земле, ища утешения, которого нельзя было найти в прохладной и ароматной траве. Прямо над бледно-зелеными травинками она увидела хрустальный блеск своего посоха, бесполезного инструмента, который никуда ее не привел. В конце концов, она была всего лишь пешкой, игрушкой, которую боги использовали, чтобы закончить то, что начал Кедехен.

Она закрыла глаза от правды и услышала невозможный звук: смех молодой девушки. Из-за деревьев появилось пятно движения и побежало к ней. Ребенок опустился на колени и устался на упавшую магу. Темно-рыжие кудри обрамляли ее круглое лицо. Ее землисто-карие глаза искрились любопытством.

— Думаю, лучше умереть с небольшим количеством магии во мне, — призналась она, — чем умереть без магии вообще.

Эолин удалось улыбнуться, и девочка исчезла. К ней вернулись образы Южного леса, извилистых троп и бесконечных приключений. Она слышала звуки деревьев и животных, чувствовала теплые объятия Гемены. Она вспомнила, как Ахим впервые бросился с ней в холодную реку, и всю магию, которую они открыли вместе, до того, как Боги развели их по разным дорогам, до того, как судьба толкнула их на войну.

Втянув воздух в легкие, она закрепила дух глубоко в земле. Она чувствовала, как вода течет по ее венам и разжигает огонь в сердце. Когда все элементы осветили ее внутри, Эолин поднялась, чтобы встретиться со своим противником. Призвав свой посох, она воткнула его в землю и позволила долгому запретному проклятию гореть на ее языке.

Мэхенам арат сауфини

Эхемкат нерай!

Молния ударила из кипящих облаков, проникнув в основание ее посоха и потрескивая по всей его длине. Белый огонь пронзил Эолин, напрягая ее конечности и угрожая взорваться внутри нее. Вылетев из хрустального наконечника, залп впечатал Церемонда в землю. Волшебник вскрикнул, размахивая конечностями, а затем замер.

Эолин судорожно вздохнула. Тело болело, в ушах звенело. Ее руки были в ссадинах и волдырях, но она была жива.

Но и он тоже.

Церемонд закашлялся и перекатился на бок. Яростно дрожа, он встал на колени, хрипя и хватаясь за живот. Его одежды были обожжены, а руки почернели. Его лицо было бледно-серым, но решительным.

Он потянулся за своим посохом и оперся на него. Он не встал, но пронзил Эолин своими янтарными глазами и протянул к ней трясущуюся руку. Растопырив костлявые пальцы, он закричал:

Саэнау

Ревоерит

Нефау

Земля качнулась под Эолин. Ее посох выскользнул из ее рук, как ртуть.

Холодный ветер распространился по ней, высушивая кровь в ее венах и оставляя их пустыми. В отчаянии она попыталась вызвать контрзаклинание, но стихии покинули ее. Земля превратилась в вихрь и тянула клубящиеся черные облака к своему ядру. Течение тянуло ее вниз, и она не нашла ничего, за что можно было бы ухватиться, чтобы остановить

падение. Грязь забила горло, камни били по конечностям. Вес горы обрушился на нее и погрузил во тьму.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

Бездна

Акмаэль вырвал клинок из земли рядом с шеей Эрнана. Он стоял над лидером повстанцев, одной рукой держа топор, а другую сжимая в ярости.

«Боги! Что она сделала со мной?»

Ни один король Вортингена не мог оставить такого человека в живых. Однако в тот момент, когда оружие Акмаэля опустилось, он увидел лицо Эолин и услышал ее жалобы. Он колебался, и его клинок не попал в цель.

«За что?»

Чтобы сын Кайе смог сбежать с этого поля и поднять новый мятеж? Эрнана нельзя было пощадить. Даже ради нее.

Акмаэль снова поднял топор, но по земле прошла дрожь, лишившая его равновесия. Он чувствовал, как часть его души отрывается. Его взгляд метнулся к южному гребню. Молния обернула тонкой светящейся сетью клубящиеся облака, которые закружились и острой воронкой спускались к сердцу горы.

«Эолин!»

Битва вокруг него быстро подходила к концу. Еще не убитые повстанцы бежали в лес под второй атакой его людей. Акмаэль схватил узду ближайшего всадника.

— Твоя лошадь!

Мужчина повиновался.

Взяв и длинный меч рыцаря, Акмаэль прыгнул на животное и направил коня вперед, проклиная упавшие тела и брошенное оружие, преградившее ему путь.

К тому времени, когда он достиг вершины, буря улеглась, и солнце снова грело траву. Бейдон и два других Высших Мага были с Церемондом, который согнулся, сжимая свой посох. Эолин безжизненно лежала на земле.

Сердце Акмаэля сжалось, когда он спешился и опустился на колени рядом с ней. На ее губах не было дыхания, как и пульса под кожей. Ее охватил неестественный холод, более глубокий и зловещий, чем простой холод смерти.

— Что здесь случилось? — спросил он.

— Мы преуспели, мой Король, — Бейдон ответил низким поклоном. — Хоть и за большие деньги. На мастера Церемонда наложено ужасное проклятие...

— В чем преуспели?

— Что вы, мой Король, — Бейдон бросил смущенный взгляд на волшебника. — Ваши приказы были ясны.

Церемонд поднял дрожащую руку, чтобы успокоить мага. Его лицо было пепельным, но глаза светились облегчением.

— Мы очистили ее от магии в этом мире и в следующем.

Его слова ударили сильнее любого оружия. Глаза Акмаэля защипало от удара. Когда он нашел свой голос, он был хриплым.

— Очистил ее?

— Ахмад-дур, — сказал Бейдон. — Мы вызвали Ахмад-дур.

— Против этой женщины? — взревел Акмаэль. — Боги! Она была магой, а не чудовищем!

Церемонд подавил хриплый кашель.

— Это был единственный способ покончить с ними раз и навсегда.

С яростным ревом Акмаэль бросился на них. Он перерезал шею одному магу и вонзил клинок в живот другого. Спасся только Бейдон, приняв форму Ворона и улетев ввысь. Акмаэль отпустил его и вонзил кончик своего окровавленного меча под подбородком Церемонда.

— Ты смеешь послушаться меня?

— Думаете, я боюсь смерти? — прохрипел Церемонд. — Я, всю жизнь вернувшийся служивший богам? Я, принесящий магию в род Вортингенов? Я не боюсь смерти! Я боюсь гнева Дракона, если окажусь слабым против прихотей моего заблудшего ученика!

Акмаэль отдернул свое оружие и взмахнул, но его меч отбил другой клинок. От лязга металла в лицо Церемонду посыпались искры. Гнев короля сменился удивлением, когда он узнал человека, скрестившего с ним мечи.

— Дростан?

— Простите меня, мой Король, — голос рыцаря был ровным, взгляд решительным. — Церемонд больше не может причинить вреда, как он есть, но если вы убьете его сейчас, он может ждать вас там, куда она ушла.

Воздух вернулся в легкие Акмаэля, как резкое дыхание зимнего утра. Он отступил и повернулся к лежащей Эолин.

— Что... что ты говоришь? — голос Церемонда дрожал. — Дростан, то, что ты предлагаешь... Это безумие!

— Это делали раньше, — пробормотал Акмаэль.

Волшебником Тиренделем и мастером Эраноном, среди прочих. Акмаэль помнил все легенды о происхождении после смерти матери, отчаянно желая узнать, как войти в Подземный мир и вернуться с неповрежденным духом, надеясь, что однажды он сможет найти мать и вернуть ее домой. Эта детская мечта давно развеялась, но, возможно, эти знания пригодятся ему сейчас.

Акмаэль воткнул свой меч в землю и начал сдирать с себя нагрудник.

— Мой король! — воскликнул Церемонд. — Мёртвых нельзя возвращать!

— Она не умерла, — ответил Акмаэль. — Еще нет.

— Но она потеряна для этого мира! Проклятие Ахмад-дур необратимо.

Акмаэль встал на колени рядом с Эолин. Иней покрыл ее губы и ресницы. Синеватый блеск распространился под ее кожей. Холод ее пальцев пронзал его сердце словно нож. Тело Эолин теперь служило не более чем якорем для ее духа, привязанным к царству живых, а затем брошенным в Подземный мир. Думая, что она мертва, мага попытается перейти в загробную жизнь, но привязь удержит ее, заманив в ловушку среди Потерянных душ.

— Вы не найдете пути назад! — взмолился Церемонд. — Такие навыки исчезли вместе с мастерами прошлого! Вы станете жертвой Потерянных Душ или будете поглощены Наэтерскими Демонами. Они уничтожат вас, мой Король, а вместе с вами и род Вортингена. Вы не можете бросить наших людей!

— Заставь его замолчать, Дростан, — Акмаэль не сводил глаз с Эолин. Впервые он осознал, как одна лишь мысль о ее существовании поддерживала его, были ли они вместе или порознь, были ли они друзьями или врагами. Он не мог потерять ее. Не так.

Расстегнув пояс, Акмаэль вытащил весь зимний шалфей, который у него был.

«Достаточно, чтобы направить душу на другую сторону, но недостаточно, чтобы вернуть

ее».

Увидев сумочку Эолин, он потянулся к ней, но замер. Традиции Мойсехена запрещали одному магу трогать лечебный пояс другого.

— Что ж, — прошептал он, осторожно расстегивая ее пояс, — полагаю, если ты вернешься, ты сочтешь это наименьшим из моих проступков.

Он с облегчением обнаружил, что ее сумочка была наполнена не только зимним шалфеем, но и сухими плодами белого альбанета и несколькими пасленовыми грибами. Какой-то ее инстинкт, должно быть, предвидел это. Она еще не была готова покинуть их.

Разделив травы на девять пучков, Акмаэль разложил их вокруг Эолин. Он подозвал ее брошенный посох, положил его рядом с ней и опустил на него ее холодные пальцы. Взяв ее другую руку в свою, он прижался губами к ее лбу. Затем он положил ладонь ей на сердце и процитировал стихи Тиренделя, выученные наизусть много лет назад:

Эхекат Эхекату

Элаом мен дю

Сепуенем манэ

Элаом мен ду

Нум морте

Нум морте а вэте

Фэом сэмтуэ

Эхекат Эхекату

Травы загорелись. Горький дым обжег горло.

Акмаэль закрыл глаза, глубоко вздохнул и повторил заклинание. Его голос впал в постоянный ритм, его дух сосредоточился на одной цели.

Земля сдвинулась. Тонкий рокот раздался под травой, когда деревья направили к нему свои корни. У колен проросли побеги. Листья и стебли ползли по его туловищу, грубые древесные лозы расплзались по спине. Когда они закончили обнимать его тело, тонкие конечности проложили извилистую дорожку вниз по его руке к Эолин. В тот момент, когда они коснулись ее, нежные новые почки увяли и почернели.

Акмаэль ощутил ужасающее притяжение земного ядра, первобытную силу, которая напрягла его кости до предела. Доверившись растениям, которые поддерживали его, он позволил своему духу упасть в бездну.

* * *

Сильные конвульсии сотрясали Эолин, когда дух вырывался из тела. Она падала невесомо через бесформенный мир, пока чернота не окутала ее мягкими объятиями, и она поняла, что Боги говорили.

Время маг закончилось. Судьба освободила ее. Аромат зимнего шалфея витал вокруг ее духа тонким облаком. Не поддаваясь печали, она воодушевилась мыслью, что Гемена ждала по ту сторону, вместе с матерью, отцом и Эрнаном.

Вспомнив, чему ее научила Гемена, Эолин запела песню перехода. Ее голос звучал приглушенно в густой тьме, лишь бормотание в вечной ночи. Она остановилась и прислушалась к тишине. Вскоре в пустоте стал слабо слышен голос Гемены, сопровождаемый матерью и отцом Эолин. Их мелодия плыла по щупальцам света, вплетаясь в бледную луну, пойманную за массой облаков.

Пока Эолин двигалась под их песню, пейзаж вокруг нее приобретал форму, заполненное камнями место, где воздух не двигался. Земля превратилась в тропу, которая вилась среди

крутых скал и над бесформенными долинами.

Поющая луна остановилась на вершине следующего пика. Но когда она достигла его, голоса стихли, и свет опустился в долину вниз. Хотя время больше не удерживало ее, путешествие казалось бесконечным, эфемерный шар всегда убегал к горизонту.

Сомнение начало проникать в сердце Эолин. Тревога ускорила ее шаг. Наконец, во время одного подъема ей удалось коснуться шара, но тот полностью исчез.

Эолин остановилась и не шевелилась. Неуверенность переполняла ее дух, истонченный битвой и смертью. Ее близкие отвергли ее? Осудила ли ее неудача ее в глазах Гемены? Неужели ее слабость заставила Кайе отвернуться?

Она попыталась начать песню заново, но мелодия ускользнула из ее памяти. Узел страха стал плотнее. Она попыталась ослабить его, но не было ни живой земли, в которую можно было бы укорениться, ни воздуха, которым можно было бы наполнить легкие, ни огня, пылающего в ее сердце, ни крови, бегущей по венам. Элементы, которые наделяли ее силой в мире живых, не быть доступны здесь, даже для подавления ее страха.

«Заблудшие души, — сказала ей однажды Гемена, — слышат сомнение, как тихий колокольчик, зовущий их на пир».

От земли поднимался маслянистый туман. Эолин в страхе отступила. Она чувствовала, как мертвецы скользят по коридорам ее разума, духи в различных состояниях разложения, жаждущие обновления, которое она предлагает, жаждущие жизненной силы, которая замедлит их неизбежное падение в небытие. Старшие души мелькали тенями на краю ее сознания, молодые возникали как бледные отражения их человеческого облика. Вместе они двинулись к ней. Она могла слышать их тоску, чувствовать их желание поглотить ее магию как тихий шепот, медленно тянущийся сквозь ночь.

В отчаянии она побежала. Но какое убежище можно было найти в Преисподней? Какой уголок ее разума мог отгородиться от них?

Направляясь к широкой равнине, Эолин инстинктивно искала безопасные воспоминания своего детства: деревню из детства, дом Гемены, глубокие складки Южного Леса. Каждое убежище откликнулось на ее зов, представляя себя серыми тенями, но Потерянные души уничтожили все. Они разрушили ее деревню, вытоптали сад Гемены и медленными уверенными ударами свалили вековые деревья.

Они окружили Эолин и ее дух. Они заключили ее в свои объятия и потащили к себе. Крючки их голода вонзились ей в душу деликатным пощипыванием крошечных пиявок. Она попыталась закричать, но голос не звучал в ее горле. Она попыталась убежать, но ее конечности были парализованы.

Внезапное движение вывело ее из оцепенения. Мимо пронеслось пятно серого меха. Она услышала низкое рычание и увидела, как в темноте сверкнули глаза.

Узнав Волка, Эолин вырвалась на свободу и бросилась за ним. Зверь увел ее в лес, к берегу небольшого ручья, где он скрылся в своем логове. Эолин последовала за ним, запечатав вход тем немногим, что у нее осталось. Хотя Волк уже исчез, ее охватило облегчение. Дрожа, она поблагодарила. Где лучше спрятаться от тьмы, если не в темной дыре?

Глухой крик разнесся по пустошам снаружи, прервав ее передышку. Что-то врезалось в ее убежище. Запечатанный вход разлетелся на тысячи дымчатых осколков, которые растворились в небытии.

Если бы в этом месте можно было задержать дыхание, Эолин задержала бы его тогда.

Перед ней раскачивалось на длинных светящихся конечностях неземное существо, его хищные глаза затерялись в зияющих впадинах, а отвисшая пасть превратилась в открытую яму. Атаковав ее пронзительным воем, демон Наэтер прыгнул вперед, обнажая длинные изогнутые когти.

Эолин отпрыгнула от его досягаемости и рухнула в пустое пространство. Ей открылся небольшой проход в конце убежища. Охваченная ужасом, она убежала в его глубины.

* * *

Дух Акмаэля укоренился в пустоте. Ночь была густой, мертвецы — зловеще неподвижны. Он не слышал песни о переходе, плывущей через бездну, не видел далекого свечения, указывающего на светлую душу маги. Только отчаяние охватило его сердце и сделало его холодным.

Он все еще мог рискнуть использовать больше магии, если хотел найти ее.

Тирендель писал, что без силы живых элементов маг в Подземном мире должен расходовать свой собственный дух, чтобы сотворить даже самое маленькое заклинание. Это уменьшало его шансы вернуться целым, и магия пробуждала мертвых.

Но сидеть здесь, не зная, когда и откроется ли путь, в страхе, что, пока он медлит, она погибнет, было неприемлемо.

Сомнения переполняли его мысли, но Преисподняя ответила. Поблекшие лица возникли на краю его сознания и проплыли мимо него. Акмаэль узнал Реку Голода, о которой говорил Тирендель. Мертвые мчались к душе, несущей свет. Возможно, это была душа Эолин. Оказавшись между надеждой и тревогой, Акмаэль позволил их импульсу нести его вперед, паря среди них, его дух был неподвижен, как зимняя ночь.

Бледная звезда оказалась в центре вихря, созданного Потерянными Душами. Акмаэль узнал ауру Эолин, хотя большая часть цвета уже испарилась из нее. Он подавил настойчивость, которая закралась в его сердце, опасаясь, что любая сильная эмоция будет замечена как признак живых.

Бесформенные щупальца голода поймали ее, но она вырвалась на свободу, вырвалась из бешеной массы и исчезла. Вихрь рванулся за ней, засасывая Акмаэля в свое ядро. Он врезался в то место, где она исчезла. Обсидиановый барьер разрушился под ударом его живого духа.

Вне его досягаемости она съежилась, ее лицо было бледным, глаза — широко раскрыты в темных впадинах.

«Эолин», — позвал он.

Она попятилась, споткнулась и убежала.

Голодный ропот пронесся по Потерянным Душам, словно фиолетовая тень, ползущая по вечернему небу. Они узнали его живую душу, источник, способный утолить их голод, как никакой другой.

Ослепив их лучом света, Акмаэль помчался за Эолин. Ее уменьшенная сила не могла сравниться с его скоростью. Он спустился на нее и призвал чары, чтобы остановить ее отступление.

«Нет! — она колотила кулаками в невидимую стену. — Гемена, помоги мне! Боги!».

Он потянулся, чтобы успокоить ее, но она убежала, корчась в панике. Акмаэль укрепил свой дух.

«Эолин».

Она снова затряслась. Трепет сковывал его сердце. Она ответила так, будто он был

каким-то существом Преисподней, Потерянной Душой или, что еще хуже, Наэтерским Демоном.

«Эолин, я Акмаэль, верховный маг и король Мойсехена. Я пришел, чтобы помочь тебе. Увидь меня сейчас».

Это было бесполезно. Беспорядок этого пустынного места заманил ее в ловушку.словно животное в клетке, Эолин бросилась к границам чар. Когда они не поддались, она стала увядать, ее душа наполнялась печалью, ее пламя почти угасло. Надежда Акмаэля рухнула. Его собственная магия скоро потерпит неудачу. Он не мог вернуть ее, если она не преодолеет свой страх и не узнает его.

За его спиной вихрь снова принял форму. Мертвые возвращались. Оставалось очень мало времени. Он заметил верёвку, созданную Церемондом, и схватил ее своим духом. Если он не сможет вернуть ее целиком, возможно, он сможет разорвать веревку и перебросить ее на другую сторону.

Он знал, что до этого могло дойти, и все же колебался. Освободив ее, он уменьшит свою силу и положит конец всякой надежде вернуться в собственное тело. Он также не мог следовать за ней, так как перед спуском привязал свой дух к миру живых. Узник Преисподней, он погибнет здесь, став одной из Потерянных Душ, или еще хуже.

«Это единственный путь».

Он натянул светящуюся нить. Мысль о том, чтобы отпустить ее, на этот раз навсегда, пронзила его, опустошая его душу и разбивая сердце. Подняв один из пульсирующих осколков, он приложил его острие к веревке.

Эхекату

Нэм дена даум

Эренам рехорнем экат

Бехнауэм энем

Эхукаэ эхекату

Магия влилась в лезвие. Вспыхнул свет, когда он направил осколок на цель.

«Акмаэль».

Ее голос остановил его руку.

Эолин встала и коснулась его, ее дух согрелся против холодной ночи.

«Это ты».

Мертвые остановились, перестав приближаться.

Между ними вспыхнуло сапфировое пламя. Из какого источника, Акмаэль не мог понять. Он смотрел, загнипнотизированный, как Эолин поймала танцующий свет своими тонкими пальцами. Подземный мир содрогнулся, и мертвые отступили, а Эолин превратила пламя в багряно-фиолетовое. Ее аура вспыхнула ослепительным цветом, окутав Акмаэля сиянием. Фонтан света ускользнул от них, устремившись в черное небо и разорвав свод Преисподней. Освещение залило пейзаж. Потерянные души закричали и убежали.

Эолин запнулась, словно пораженная собственной силой. Хранилище начало закрываться, возвещая возвращение бесконечной ночи. Акмаэль поймал Эолин и притянул ее к себе. Связав ее дух со своим, он приказал деревьям вырвать их.

Воздух резко ворвался в легкие Акмаэля, когда лозы освободили его.

Эолин с трудом встала на колени, но ее одолел отрывистый кашель. Ее стошнило мелким белым льдом, который растаял на нагретой солнцем земле. На ее коже выступил пот, и она невольно задрожала. Инстинктивно она искала тепло его объятий.

— Акмаэль, — прошептала она сквозь стучащие зубы. — Что ты наделал? Мертвых не вернуть.

— Ты не была мертва.

— Бой...

— Все кончено.

— Мой брат, — ее сдавленные рыдания закончились приступом кашля.

Он успокоил ее и заключил в объятия.

— Он жив.

— Я видела, как ты убил его.

— Я хотел убить его, — его голос был мрачным из-за того, что он оставил невыполненной задачу. Если повезет, один из его людей прикончил его. — Мне следовало убить его. Но я не смог этого сделать из-за тебя.

Ее дыхание выровнялось, и ее пальцы скользнули к его лицу. Она провела линию его бровей, носа, губ.

— Акмаэль, мои глаза открыты?

— Да.

— Мир покрыт тенями. Я не вижу тебя.

— Зрение вернется, — он говорил с большей уверенностью, чем чувствовал. Слепота была одной из многих цен, которые можно было заплатить за путешествие в Подземный мир. Он поймал ее пальцы и прижал их к своим губам. — Отдыхай, Эолин. Ты в безопасности, и о тебе заботятся.

Положив ладонь ей на лоб, он призвал древнее заклинание Восточной Селен, одно из первых, которым его научила Бриана. В одно мгновение она уснула, расслабилась в его объятиях. Он подхватил ее на руки и поднял с земли.

В долине Эрунден царила тишина, боевые кличи и лязг металла сменились стонами раненых и умирающих. Горстка его людей собралась на гребне. Покрытые кровью, грязью и потом, они стояли, ожидая его следующей команды.

Церемонд остался, скорчившись на коленях, теперь его руки были сцеплены за спиной, а клинок Дростана был неподвижен у его горла.

Тихие шаги позади Акмаэля нарушили тишину. Дростан выкрикнул предупреждение. Акмаэль услышал грубый звук металла, разрывающего кольчугу и плоть. Он повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как Эрнан рухнул у его ног. Прекрасный меч лидера повстанцев из слоновой кости выпал из его рук. Из-под его тела быстро растекалась лужа крови.

Солдат с тонкими светлыми волосами вынул из трупа оружие и встал на колени.

— Простите меня, мой Король, — пробормотал он, — за то, что я обнажил свой меч за вашей спиной. Он намеревался убить вас.

Это был Бортен, молодой человек, убивший отца Акмаэля. Со смесью облегчения и опасения Акмаэль перевел взгляд с Бортена на труп Эрнана.

«Значит, дело сделано».

Он уже мог слышать жалобы Эолин. Он знал, что она могла простить ему многое, но этого она никогда не простит.

— Вставайте, сэр Бортен.

Молодой человек повинился, вложив меч в ножны.

«Он рыцарь, которого стоит иметь рядом с собой», — сказал отец Акмаэля. И таким он был.

— Кажется, ты доказал, что достоин служить королю.

— Мой король, — он снова поклонился.

По выражению лица Бортена Акмаэль понял, как сильно его тронули эти слова.

— Возьми мою лошадь и благополучно доставь магу Верховному магу Резлину. Скажи ему, что она вернулась из Ахмад-Дура. Он должен гарантировать, что она выздоровеет полностью. Я не позволю никому ей заниматься. И оставайся с ней, Бортен, пока я не приеду.

Бортен кивнул. Акмаэль доверил ему измученное тело Эолин.

Когда рыцарь ушел, Акмаэля охватила усталость. Каждый мускул болел. Его порезы жгло, а синяки начали пульсировать. Он чувствовал себя истощенным от силы и магии. Слава богам, битва закончилась, и закончилась в его пользу.

Наклонившись, он взял меч Эрнана. Кори говорил об этом оружии, произведении галийских волшебников. По правде говоря, оно было лучше, чем он себе представлял.

«Эолин, — пел меч, грустно и печально. — Отправь меня с Эолин».

Он проверил баланс меча и провел пальцами по всей длине лезвия.

— Посмотрим на это, мой друг. Я намерен оставить тебя себе.

Пронзительный вопль Церемонда прервал мысли Акмаэля. Снаряд пронзил туловище волшебника.

Из леса вышла женщина — сырнте, судя по ее цвету. В одно мгновение три воина Акмаэля набросились на нее, вырывая арбалет из ее рук. Она боролась с их хваткой, даже когда они поставили ее на колени.

Ахме талам ну! — воскликнула она. — *Бехнем ахрат неме, Салам махне ду!*

Стрела в груди Церемонда вспыхнула. Воздух наполнился его мучительными криками и едкой вонью горящей плоти.

Один из рыцарей ударил ее по лицу.

Механе! — выла она, слезы и кровь текли по ее щекам. — *Механе ахнам! Талам ну ахрам! Церемонд!*

Из глубины горы донесся приглушенный крик. По земле прошла дрожь. Акмаэль сжал свой меч, когда под волшебником расцвела угрожающая тень. Глаза Церемонда закатились, и он безжизненно упал на землю. Так же быстро, как появилось, темное пятно на траве растаяло.

Женщина обмякла и рухнула на землю.

— Простите меня, — всхлипнула она. — Мать, отец, простите меня... Смерти ему было мало. Мне этого было недостаточно.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

Восстановление

Тени рассеялись тонким серым туманом. Эолин открыла глаза и увидела большую комнату с каменными стенами и пустым камином. Свет из высоких окон освещал свежий тростник, расстилавшийся по гладкому полу. На длинном столе стояли травы, настойки и свечи с ароматом лемонграсса, примулы и шалфея. Ее укутали теплые льняные простыни и летние одеяла. У ее постели возникло знакомое присутствие.

— Кори, — она осторожно вдохнула ноющими легкими. — Приятно видеть тебя снова.

Он вздрогнул от ее голоса и оторвался от раскрытого тома, лежавшего у него на коленях. Улыбка заполнила его лицо, а серебристо-зеленые глаза вспыхнули облегчением.

— Приятно знать, что ты видишь.

Он наклонился, чтобы помочь поправить подушки, когда она заставила себя сесть. Она чувствовала себя разбитой, ее мышцы напрягались и медленно двигались.

— Как долго я спала?

— Семь дней и семь ночей, включая время, которое потребовалось, чтобы донести тебя сюда.

— Куда?

— В Королевский город. Ты приходила в себя время от времени, чтобы принять вливания, но даже тогда ты только наполовину бодрствовала.

— Я слышала твой голос, когда появились призраки, — она потерла лоб, пытаясь отогнать следы ужасных снов, которые мерцали, как тени, на краю ее сознания.

— Я вызывал тебя из твоих кошмаров, — сказал Кори, — но я не вернул тебя из мира мертвых. Ты помнишь, что случилось, Эолин?

— Думаю, да, — она еще раз вздохнула, недовольная колючим ощущением воздуха под ребрами. — Где Акмаэль?

— Полагаю, выполняет обязанности короля. Я могу послать ему сообщение, если хочешь.

Эолин покачала головой. Она не была к этому готова. Еще нет.

— А Эрнан?

Кори отвел взгляд. Его губы сжались в тонкую линию.

Эолин сразу поняла. Черные пятна мешали ей видеть. Комната дрогнула.

— Твой брат мертв, Эолин, — тихо сказал Кори.

— Это невозможно! Акмаэль заверил меня, что его пощадили.

— После того, как ты вернулась в мир живых, Эрнан напал на короля. Его сразил один из солдат Акмаэля.

Ошеломленная, Эолин откинулась на подушки.

— Этого не может быть.

Прошло всего несколько недель с тех пор, как она нашла его, этот мальчик воскрес из мертвых и превратился в воина. Незнакомец, который разделял ее кровь и поклялся, что ей не навредят, пока он жив. Теперь рыцари Вортингена забрали его навсегда, как и ее отца. Ее глаза горели от слез.

— Акмаэль солгал. Он соврал мне. Опять.

— Король не обманывал тебя, Эолин. Эрнан был жив, когда ты спросила о нем.

Она пронзила Кори суровым взглядом.

— Эрнан был моим братом, и Акмаэль позволил ему умереть.

— У него почти не было выбора.

— У него всегда был выбор! — то, что Кори стал защищать Короля-Мага, потрясло ее. — У него был выбор. Во всем.

Кори нахмурился. Он встал и приготовил мягкий настой из ромашки и мяты, согревая чашку тихим заклинанием.

Эолин приняла чай трясущимися руками.

— Зачем он привел меня сюда? Я теперь его пленница?

«Его Бриана?»

— Нет. Ни одна мага никогда не будет удерживаться в этих стенах против ее воли. По крайней мере, не при этом короле.

Туман рассеялся. Все стало более четким. Эолин изучала Кори, в ее желудке разлилось

тошнотворное чувство.

— Расстояние между тобой и Акмаэлем сократилось, — поняла она. — Он снова твой двоюродный брат.

— У меня было достаточно времени, чтобы поразмышлять об обстоятельствах нашего прошлого, и несколько возможностей поговорить о будущем с нашим королем.

— Это было до или после того, как ты стал участником восстания Эрнана?

Если ее горький вызов и удивил его, Кори этого не показал.

— Я не буду просить тебя понять, — сказал он, — не говоря уже о том, чтобы простить меня. Я сделал то, что должен сделать любой маг, чтобы выжить в этом мире. Я принимал решения, которые считал лучшими в данных обстоятельствах.

— А другие, которых ты предал, Кори? Что с ними случилось?

— Я не знаю судеб большинства, — его голос был серьезным, но твердым. — Единственной, кого они захватили живой, была Ришона. Она убила Церемонда стрелой в сердце и мерзким заклинанием сырнте. Она вызвала демона Наэтер, чтобы принять его в подземном мире.

— Демон Наэтер? — само это слово внушало ужас. Эолин столкнулась с одним из них во время собственного спуска, длинные и светящиеся конечности, когти рубили ее, как обсидиановые ножи. Из его зияющих глаз струился ненасытный голод.

Или этого не было? В одно мгновение существо исчезло, и остался только Акмаэль. Она в замешательстве покачала головой. Теперь все казалось сном, иллюзией, возникшей из ничего.

— Я думала, что никто не может общаться с Наэтерскими Демонами, — сказала она, — что их изгнание положило конец всем контактам с живым миром.

— Очевидно, сырнте нашли способ, — Кори не выглядел довольным такой перспективой. — Но проклятие оставило ее прикованной к постели, и я подозреваю, что в тот день, когда эти твари потребуют платы, ей будет плохо.

Эолин нахмурилась. Казалось немислимым приговорить кого-либо, даже того старого волшебника, к такому злонамеренному концу. Что могло заставить Ришону использовать такую темную магию? Эолин отставила свой чай.

— Я хочу ее увидеть.

— Ты не можешь, — слова были сказаны тихо, но ощущались как пощечина. — Ришона доставлена в Селкинсен, где она будет находиться до тех пор, пока не прибудет делегация Сырнте с подходящим выкупом.

— Выкуп?

Кори пожал плечами.

— Акмаэль сначала думал казнить ее, но, учитывая, что амбиции сырнте делают их склонными к войне под любым предлогом, мы решили, что лучше не форсировать военные действия.

— А Тамир? — она боялась ответа, но она должна была знать.

— Никто не видел его со времен Эрундена. Ришона считает, что он мертв.

— Я так и знала, — прошептала Эолин. — Я что-то почувствовала... в бою.

Выражение лица Кори смягчилось. Он встал со стула и сел рядом с ней на кровать.

— Я слишком много вывалил на тебя в первые минуты твоего пробуждения.

— Все мои друзья ушли. Все они убиты или скрылись.

Кори нежно взял ее за руку.

— Не все.

Он сдвинул ткань ее рукава, его пальцы не остановились на переплетающихся изображениях Дракона, обвивающих ее руку. Эта близость нервировала ее. Она попыталась вырваться, но он крепко держал ее.

— Мы должны поговорить об этом, — сказал он.

Эолин отвела взгляд, ее тело напряглось, как у змеи, готовой нанести удар.

— Акмаэль дал его тебе, не так ли? — спросил Кори.

Разозлившись, она вырвала руку из его хватки и с силой натянула рукав на драгоценность.

— *Ахим* дал мне его. После того, как я встретила Акмаэля, я пыталась удалить его всеми заклинаниями, которые только могла изобрести, но он не сдвинулся с места. Но я найду способ. Я не буду связана ни с ним, ни с его кровожадным родом королей!

— Украшение шевелилось на твоей коже в те месяцы, что мы провели в Восточной Селене?

— Тамир рассказал тебе об этом?

— Неужели ты все еще веришь, что он был моим шпионом?

Тон Кори был спокоен и непоколебим, и под его пристальным взглядом пламя ее гнева дрогнуло.

«Какой смысл сопротивляться дальше?».

Восстание закончилось. Эрнан и Тамир были мертвы. Ее друзья были изгнаны. Если она сейчас не пленница, они могут объявить ее таковой, когда захотят. Зачем скрывать правду?

— В канун Середины зимы, — пробормотала она. — У подножия Старой Пихты. Он говорил с деревом твоих предков, хотя они использовали диалект, которого я не могла понять.

Он кивнул.

— Я рад слышать это. Это украшение — реликвия нашего клана. Королева Бриана доверила его своему сыну перед смертью, хотя и не сказала ему его значения. И это связывает вас с Акмаэлем, хотя, возможно, не так, как ты опасаясь. Это также связывает тебя со мной. Это связывает тебя со всем кланом Восточной Селен.

Он сделал паузу, прежде чем добавить:

— Нас двоих.

— Я не понимаю.

— Восточная Селен — это не клан крови, — сказал Кори, — по крайней мере, не совсем. Если бы это было так, мы ничем не отличались бы от королевской семьи, измученной соперничеством и интригами, отрицанием любви и страсти, предательством и...

— Ты не избежал ничего из этого.

Маг Кори вздохнул и вернулся на свое место.

— Период, когда ты познакомилась с нами, не был самым ярким в нашей истории.

— Значит, ты понял значение этого украшения с первого взгляда?

— Это твое приглашение. Повязка молча цепляется за тебя, потому что ты еще не сделала свой выбор. Если ты примешь его, оно останется с тобой навсегда, укрепит твою магию и защитит тебя как одну из нас.

— А если я откажусь?

— Оно вернется к корням Старой Пихты, откуда пришло, пока не будет сделано новое

приглашению другому.

— Тогда я отказываюсь, — Эолин засучила рукав и яростно заговорила с серебряной лентой. — Я не хочу быть частью этого. Всего этого. Я отказываюсь!

Украшение оставалось неподвижным на ее руке.

Через мгновение Кори кашлянул.

— Похоже, оно не верит твоим словам.

Эолин вскрикнула и ударила кулаком по подушкам кровати. Она хотела броситься на Кори и выцарапать ему глаза, но у нее не было сил.

— Почему ты делаешь это? Ты предал моего брата. Ты передал меня Эрнану, зная, что я вдохновлю его идти на гибель. Наши друзья разбежались или мертвы из-за тебя, а ты все еще упорно втягиваешь меня в свои игры. Почему ты просто не оставишь меня в покое?

Кори оставался неподвижным, как змея на нагретой солнцем скале. Она вспомнила их первую встречу, последний раз, когда они обнимались. Какая странная связь была дарована им богами, это чувство взаимопонимания сохранялось, несмотря на множество обманов, которыми были отмечены их отношения.

Когда маг, наконец, заговорил, его голос был приглушен:

— Я держусь за тебя, Эолин, потому что ты вселяешь в меня надежду.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

Примирение

Пока Эолин выздоравливала, Кори оставался рядом с ней. Он разговаривал с ней вечером, встречал ее завтраком утром и давал ей лекарства под строгим руководством Верховного Мага Резлина. Эолин поняла, что дни бдительности Кори вернулись, и она подозревала, что его постоянное общество было проявлением воли Акмаэля.

Через несколько дней после ее пробуждения Кори предложил прогулять Эолин по территории замка. Ее конечности нуждались в движении, и она согласилась, положив руку на его руку, чтобы не упасть.

Крепость Вортинген мало походила на то место, где она побывала всего несколько месяцев назад. Коридоры, которые когда-то казались неразборчивым лабиринтом удушливой тьмы, теперь тянулись широкими променадами, которые терпеливо петляли от одной группы покоев к другой. Высокие окна позволяли свету играть на согретом солнцем интерьере. Многие внутренние дворики были наполнены густыми садами, цветущими поздними летними цветами.

— Это не тот замок, в который ты меня привел в Бел-Этне, — сказала она Кори. — Ничто не выглядит одинаково.

— В Бел-Этне ты пришла сюда ночью, заключенная, опасаясь за свою жизнь. Теперь ты свободно ходишь днем, как гостья короля, — он сделал паузу, прежде чем признать. — Хотя это правда, что тень была убрана с этого места.

Гостья короля. Это казалось ругательством. Гости не находились под постоянным присмотром. А если бы она была достаточно здорова, чтобы сесть на лошадь и продолжить свой путь, отпустили бы ее?

В тихие ночные часы, после того как Кори оставлял Эолин спать, ее мысли устремлялись к Бриане из Восточной Селен, заключенной в одинокой башне, убитой одной из ее сестер. Заставит ли Акмаэль ее пойти по тому же пути? Была ли она его гостьей или призом за его победу?

Однажды, когда ее ноги стали достаточно устойчивыми, Кори повел Эолин по долгой

винтовой лестнице одной из башен. Тесное пространство и узкие окна создавали ощущение замкнутости, и Эолин выдохнула с облегчением, когда они, наконец, вышли на южный вал.

Под ними раскинулся великолепный ковер плодородных равнин и холмов. Ближе к горизонту она увидела сине-зеленую дымку, которая обозначала границу Моэна. Тоска наполнила ее сердце, сильная жажда леса, которая когда-то питала ее душу.

— Акмаэль отправил сообщение в приграничные королевства, — сказал Кори. — Он попросил маг вернуться.

— Есть другие? — эта мысль удивила ее, настолько она привыкла к одиночеству.

— Возможно. Гемена, возможно, была не единственной, кто сбежал, а если были и другие, они могли обзавестись учениками. Тем, кто примет приглашение Короля, будет позволено практиковать все формы Высшей Магии, но им не будет позволено учиться или заниматься искусством войны. И за ними будут внимательно следить. Любые разговоры о том, что Король-Маг сдаст свой посох, будут считаться изменой.

Эолин посмотрела на Кори, который не сводил глаз с местности внизу.

— Ты пытаешься меня предупредить? — спросила она.

— Все, что я хочу сказать, это то, что если у тебя есть какие-то сомнения по этому поводу, основанные на учении твоей любимой дуайены, лучше оставить их позади.

Она моргнула и отвернулась, не зная, что ответить.

Мимо пробежал мальчик, задел ее юбку. Вздвогнув, Эолин наблюдала, как он мчится к самой высокой точке крепостных валов, где он взобрался на стену и встал над холмистой равниной, широко раскинув руки.

— Что такое, Эолин? — Кори звучал встревоженно и отстраненно. — Твое лицо потеряло цвет.

Она шагнула к ребенку.

Инстинкт подсказывал ей не звать его. Он был поразительно похож на Ахима, но его волосы были прямыми и отливали блестящим каштановым светом на полуденном солнце.

— Это молодой принц Кедехен, — поняла она. — Во дворах внизу его братья играют в войну и приключения, кровь и славу, но ему нравится подниматься сюда и притворяться, что он может летать. Как орел. Или маг.

— Ты говоришь, как ведьма-сырнте, — сказал Кори.

— Никто не принял бы его, кроме Церемонда.

— О чем ты говоришь?

— О нем, — Эолин указала на мальчика, но изображение исчезло под свистящим ветром. Слезы снова защипали глаза. В последнее время слезы казались такими легкими. — Он не так уж отличался от меня в том, чего хотел.

Кори взял ее за плечи.

— Эолин, посмотри на меня. Были ли у тебя подобные видения раньше?

— Нет. Да. Видение? — она в замешательстве покачала головой. — В тот день, когда на мою деревню напали, и снова, много лет спустя, я видела смерть Акмаэля или думала, что он умер, хотя этого не произошло.

Эолин почувствовала головокружение. Она закрыла глаза и глубоко вдохнула, пытаясь заземлиться. Когда она открыла их, Кори внимательно изучал ее лицо.

— Возможно, ты родилась с этой способностью, хотя это необычно для ведьмы Мойсехена, — сказал он. — А еще твое путешествие в Подземный мир...

Эолин нахмурилась и посмотрела туда, где стоял ребенок Кедехен. Это все привело его

к такому результату? Страсть к магии? Она могла представить себе невыносимое разочарование юного принца, когда один маг за другим отклоняли его прошение, но не из-за учений Эйтны и Карадока, а из-за табу, настолько укоренившегося, что ни у кого не хватило воображения его разглядеть. Возможно, он был бы другим королем, если бы кто-то, кроме Церемонда, согласился учить его. В самом деле, он мог бы вообще никогда не быть королем.

— Только горстке людей удалось сделать то, что сделала ты, — голос Кори вернул ее из мыслей. — Возможно, этот дар вернулся с тобой из мира мертвых.

Эолин отошла, обхватила себя руками и поежилась. Она вспомнила, как они с Акмаэлем разорвали свод Преисподней. Свет залил тьму, и Потерянные души в ужасе бежали. Откуда взялась эта сила? Она вернула ее? Она спал внутри нее? Внутри Акмаэля?

— У короля были подобные видения? — спросила она.

— Я не знаю, — сказал Кори. — Возможно, тебе следует спросить его.

Она вздрогнула от этой мысли.

— Я устала. Я хотела бы отдохнуть.

Кори кивнул и проводил ее обратно в комнату.

Время шло. Король не навещал ее и не посылал за ней. Его отсутствие встревожило Эолин, наполнив ее сердце странной смесью облегчения и предчувствия. Облегчение каждый раз, когда садилось солнце, потому что она прожила еще один день, не сталкиваясь с ним. Предчувствие каждый раз, когда взошло солнце, потому что это мог быть день, когда он появился.

Что она скажет, когда придет время?

Акмаэль рисковал своей жизнью и душой, чтобы вернуть ее из Подземного мира. Он восстановил ее магию и ее дух. Он привел ее под защиту своей крепости и обеспечил ей все удобства королевского дома. Но в то же время он забрал все, что когда-то давало ей ощущение дома. Он допустил смерть ее брата и ее союзников. Он отправил ее немногих выживших друзей в изгнание.

Теперь даже Кори была вовлечен в его службу, вбивая клин между ней и единственным компаньоном, оставшимся со времен до восстания. Ей было невозможно представить, что этот мужчина, Маг и Король, когда-то был мальчиком, который принес ей такое счастье. Смех, который они разделяли в залитой солнцем тени леса, казался не более чем далеким сном. Все изменилось. Все пошло не так.

По вечерам Кори водил ее в сады, где солнце освещало пышные травы и усыпанные плодами деревья зелено-золотой дымкой. Бабочки летали с листа на лист в поисках места, где отложить яйца. Пауки плели свои сети в кустах. Эолин что-то шептала растениям, ее пальцы гладили стебли и цветы, ее мысли все дальше уносились в сторону Южного леса.

Тоска по дому становилась все сильнее.

«Твоя магия зависит от этого леса, — однажды сказала Гемена. — Южный лес всегда будет звать тебя домой».

Что она сделает, если Акмаэль не отпустит ее?

— Как добиться аудиенции у короля? — спросила она. — Я должна просить об этом или ждать, пока меня вызовут?

Кори рассмеялся.

— Конечно, мага Эолин, ты должна понимать, что ты из всех людей можешь видеть короля, когда захочешь.

— Не издевайся, Кори.

— Я не издеваюсь над тобой. Когда ты хочешь увидеть Акмаэля?

— Что ж, — она вздернула подбородок. — Если то, что ты говоришь, правда, то сейчас.

Она, конечно, проверяла его. Если бы она знала, что он согласится, она бы сказала «завтра» или «на следующей неделе», но маг Кори положил ладонь ей на плечо и увела ее из садов. Они прошли через лабиринт коридоров, вверх по узким лестничным клеткам и длинным коридорам.

По мере приближения к покоям короля количество стражей, с которыми они столкнулись, увеличивалось, но они их не задерживали. Все, как слуги, так и солдаты, почтительно кивали, когда она проходила. Их почтение беспокоило ее.

— Они приветствуют нас, будто знают, кто я. Мне это не нравится.

— Ты слишком привыкла проходить через этот мир незаметно, — ответил Кори. — Сейчас это должно измениться.

Они вошли в приемную короля через пару тяжелых дверей и прошли дальше без предупреждения.

Магические и военные артефакты украшали каменные стены, а окна вели на широкий балкон с видом на холмистые равнины внизу. Акмаэль разговаривал с одним из своих Высших Магов, румяным мужчиной с густой светлой бородой. Они перебирали пергаменты и другие предметы на большом полированном столе.

Акмаэль был одет в простую, но хорошо сшитую льняную рубашку, напоминающую ту, что была на нем в день их первой встречи в Южном Лесу. Темные кудри, как в юности, снова отросли и были свободно собраны на затылке. Его широкие плечи были расслаблены, сильные руки лежали на столе. Его осанка, указывающая на его место в роду Вортингена, наполняла Эолин противоречивыми чувствами страха и гордости.

Король поднял взгляд. Интенсивность его внимания заставила Эолин затаить дыхание, хотя по выражению его лица было ясно, что ее прибытие ему понравилось.

— Мага Эолин, — сказал он. — Ты в порядке.

— Да, спасибо, Ахим... Акмаэль... мой лорд, король, — она опустила глаза, смущенная путаницей имен, слетавших с ее губ.

Кори и другой маг тихо ушли.

— Пожалуйста, — король протянул руку, приглашая ее подойти. Улыбка коснулась его губ.

Она вспомнила, как ей нравилось видеть, как он улыбается в детстве, как трудно было заставить его улыбаться поначалу. Хотя ей очень хотелось сократить расстояние между ними, она остановилась за пределами его досягаемости. Ее руки сцепились в нервном возбуждении.

— Я хотела сказать, что я глубоко благодарна за то, что ты сделал, вернув меня. Я понимаю, чего это могло стоить, и я рад, что ты не пострадал, когда нашел меня. Я... — она вздохнула и выпрямила руки. — Через несколько дней я отправлюсь в Южный лес. Я хочу отдохнуть там, может, всю зиму. Моя магия была истощена путешествием в Подземный мир и битвой... — она покраснела. Боги, зачем ей было упоминать об этом?

— Но ты вернешься? — спросил он.

— Да, конечно, я... — она переступила с ноги на ногу. Это был не тот ответ, которого она ожидала, что она свободна. — Маг Кори сказал мне, что запрет снят. Так что предстоит много работы. Будут ученики, которых можно учить. Много женщин, я надеюсь. Магия этой земли сильно расплетена. Потребуется много времени, чтобы сплести все это вместе, —

пока она говорила, ее взгляд скользнул по столу. Рассеянно она взяла овальный предмет. Он удобно лег в ее ладонь, и она поняла, что это портрет молодой женщины. — Кто это?

Акмаэль кашлянул.

— Первая принцесса Рёнфина. Один из многих кандидатов, которых я обсуждал с верховным магом Цетобаром.

Эолин осторожно положила портрет. Ее пальцы онемели.

— Долг короля, — пробормотала она.

— Союзы должны быть заключены, наследник престола — обеспечен, — он говорил без эмоций, будто дело его непосредственно не касалось.

— Так ты женишься на ней?

— Я еще не решил, с кем мы будем инициировать переговоры. У Ренфина есть свои преимущества. Это соседнее королевство, которое предлагает важные территории, и у наших людей общая история. Но есть и другие возможности. Горцы или Сырнте, например, с магическими традициями, которые могли бы сослужить нам хорошую службу.

— Ты только что изгнали их с нашей территории, а теперь говоришь о союзах?

— Я отбросил их враждебные армии, но, как поспешит тебе сказать маг Цетобар, за войной должна следовать дипломатия, иначе вскоре она породит новую войну. Если у горцев и сырнте есть планы на нашу территорию, было бы неплохо подумать об утолении их голода с помощью королевского брака.

— Они пришли не завоевывать нас. Они пришли помочь Эрнану и его делу.

Акмаэль коснулся ее подбородка и заставил посмотреть на него. Пару мгновений он изучал ее лицо, выражение его лица было одновременно озадаченным и веселым.

— Думаю, мое сердце поразила в тот первый день твоя способность так легко доверять, верить в лучшее в других, даже во мне. Гемена упорно трудилась, чтобы избавить тебя от этого, но ей так и не удалось, не так ли?

— Мой инстинкт доверия не имеет к этому никакого отношения. Я знала их. Хелию. Тамира. Ришону.

— А я — нет, — он отпустил ее и отошел. — Я обязан, как король, подвергать сомнению мотивы их присоединения к этому восстанию. Я уверен, что тобой двигали твои идеалы и твоя любовь к брату. Но они? Зачем им посылать своих воинов умирать на наших полях сражений?

— Думаешь, они бы меня так использовали? — этот намек вызвал у нее гнев.

— Тебя и твоего брата. Да, — он напрягся, и его глаза стали жесткими. — Верховный маг Цетобар скоро назначит группу посланников, сначала в горы Парамен, а затем в земли Сырнте. Я могу организовать для тебя их сопровождение. Учитывая твой обширный... опыт работы с их людьми, твоя помощь может оказаться полезной.

— Акмаэль, меня не интересует...

— Возможно, ты найдешь другого принца Сырнте по своему вкусу, — обида окрасила его голос. — Это тебе понравится, Эолин?

Она напряглась.

— Ты не имеешь права сомневаться в моих отношениях с ним! Ты ничего о нем не знал.

— Я знаю, что король всегда остается королем в своей стране. То, чего ты надеялась избежать, отказавшись от меня, ты бы нашла, приняв его.

— Акмаэль, у меня не больше желания быть принцессой Сырнте, чем королевой Мойсехена! Все, что я хотела... — она запнулась. *Все, что я хотела — ты.* — Я чувствовала

себя такой одинокой. Тебя не было, а он был там, и я... он был мне нужен. Мне нужно было кого-то любить. Это все.

Ее признание ничуть не уменьшило его недовольства. Когда он нетерпеливо вдохнул, чтобы ответить, Эолин заметила отблеск серебра на его груди. В мгновение ока она сократила расстояние между ними, не отрывая взгляда от воротника его рубашки. Она положила пальцы на тонко сплетенное украшение, висевшее у него на шее, очарованная светом, заключенным в его многочисленных кристаллах.

— Этим ты нашел меня! — поняла она, пораженная. — Где ты взял это?

Акмаэль замер под ее прикосновением.

— Моя мама сделала его и подарила мне.

— Почему я не видела его раньше? Почему ты мне его не показал?

— Это была моя тайна, мое единственное воспоминание о ней. Я привык ни с кем не делиться.

— Если бы только это открылось мне раньше, — опечаленная, Эолин отошла, но Акмаэль остановил ее, поймав ее пальцы своей рукой. Заряд от его прикосновения сотряс ее.

— Почему? — спросил он.

— Это древняя магия маг, одно из немногих заклинаний, которые они хранили в тайне. Его существование никогда не было зафиксировано в летописях. Гемена рассказывала мне о нем, хотя не успела научить меня ткать его перед смертью. Предмет позволяет своему пользователю найти друга на большом расстоянии, но он не будет работать, если намерения ищущего не будут истинными и чистыми.

— Мои намерения всегда были истинными, — сказал он, — хотя было бы преувеличением сказать, что они всегда были чисты.

— Чего я не понимаю, так это того, как это работает. Я имею в виду, что когда ты нашел меня в Южном лесу, это, должно быть, отпечаталось в моей сущности, чтобы позволить тебе прийти снова, но как ты появился в первый раз? Твоя мать ничего обо мне не знала, не имела от меня ничего, что могло бы быть вплетено в эту паутину.

Затем истина пришла к ней, как летний дождь, просачивающийся в мягкую землю, медленное осознание, прозвучавшее в голосе темноволосой ведьмы, явившейся в ее снах так давно.

«Ты не та, кого я искала, маленькая Эолин, но ты та, кого я нашла».

— Бриана хотела, чтобы ты нашел Гемену! — сказала она. — Твоя мать, должно быть, имела что-то от моей наставницы. Должно быть, она как-то знала, что Гемена выжила. Она хотела, чтобы Гемена обучила тебя, но эта магия не могла проникнуть за пределы ее убежища. Она переместила тебя к заколдованному лесу, а вместо этого ты нашел меня.

Эолин вырвалась из хватки Акмаэля, ее голос понизился до шепота.

— О, Акмаэль, ты мог многому у нее научиться! Все возможности были потеряны из-за того, что я стояла на пути!

— Это не правда, — он шагнул вперед и взял ее лицо в свои руки, вызвав трепет в глубине ее души.

«Я все сделала не так. Все перевернулось».

— Но ты не понимаешь! — сказала Эолин. — Моя семья вмешалась в твою судьбу с самого начала. Я удерживала тебя от Гемены, хотя и не знала, что делаю, и мой брат пытался убить тебя, и моя... — Эолин заколебалась, остро осознавая грозную силу, протекающую через руки Акмаэля, ту легкость, с которой он мог раздавить ей череп. — Женщина, которая

убила твою мать...

На него снизошла абсолютная тишина, подобная тишине, предшествующей сильной буре.

Эолин закрыла глаза, слезы выступили под ее ресницами, она была уверена, что он вот-вот ударит.

— Женщина, которая убила твою мать... — прошептала она.

— Я знаю, кем она была, Эолин, — сказал он. — Я знаю, кем она была для тебя.

И все. Только эти слова, а потом тишина.

Эолин открыла глаза и в замешательстве уставилась на него.

— Во время битвы при Эрундене, — сказал Акмаэль, — я узнал ее в лице Эрнана.

Она не знала, что ответить. Было ли это источником бессмысленной ярости, охватившей его во время противостояния с ее братом? Не поэтому ли он сражался с Эрнаном с такой неукротимой яростью? И если да, то почему...?

— Тогда почему я все еще здесь? — спросила она.

Печаль заполнила его глаза, и он нахмурился. На мгновение он снова стал похож на Ахима, на мальчика, который весь день тщетно искал неуловимую радужную улитку. Ребенок, который не мог вынести потерю единственного сокровища, которое так и не нашел.

— Потому что я люблю тебя, Эолин, — сказал он. — Потому что я не могу представить это королевство без тебя.

Ее дух раскрылся при этих словах. Комната двигалась и менялась вокруг них. Богатые и разнообразные ароматы Южного Леса поднимались от каменного пола: запахи горькой земли и измельченной сосны, гниющего дерева и диких роз. Она слышала шум ветра в деревьях, пение птиц, стрекотание сверчков в ночи, весенний рев реки.

Она сжала пальцы Акмаэля и прижалась губами к ним, к широкой ладони его руки, к нежной коже его запястья. Ее поцелуи прошли по жестким линиям его лица, прежде чем проникнуть в чувственную глубину его губ. Ее желание вспыхнуло розовым пламенем, и она растворилась в нем, когда он обвил ее руками.

Сразу за жаром их объятий Эолин услышала, как закрылись тяжелые двери и мягко зашипела магическая печать.

Была ли это ловушка? Ей было все равно. Она хотела только любить его, любить его всегда.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ

Возрождение

Эолин почувствовала дрожь копыт лошадей под землей, а затем по стеблям ромашки и шалфея прошла устойчивая дрожь. Ее пальцы задержались на растениях, успокаивая их.

«Смогу ли я когда-нибудь привыкнуть к этому, — подумала она. — Или этот звук всегда будет вызывать одно и то же мимолетное ощущение детского ужаса?»

Она встала и вытерла руки о фартук, затем прикрыла глаза от солнца, низко зависшего над горизонтом. Густой сад мерцал в янтарном свете, и свежий голос молодой ели шептал на ветру. От небольшого круга строений, которые составляли ее новый дом, земля плавно спускалась к небольшому ручью, затем снова поднималась, чтобы продолжить свой путь к близлежащему городу Моэн.

Девочка прижалась к юбке Эолин и посмотрела на нее снизу вверх. Прядь пепельных светлых волос упала на ее большие карие глаза. Она крепко сжала маленькой ладошкой руку Эолин.

— Что это такое? — спросила она.

Эолин ободряюще сжала руку девочки.

— Посмотри на дальний хребет, Гемена, и скажи мне, что ты видишь.

Появились всадники, неслись над холмом короткой колонной, прежде чем спуститься в неглубокую долину.

— Фиолетовые знамена, — сказала девочка.

— А печать?

— Серебряный дракон.

— Значит, они люди короля.

— Они меня пугают.

— Да, — Эолин улыбнулась. — Они меня тоже иногда пугают. Но мы под защитой короля, и эти люди поклялись служить ему. Поэтому мы должны предположить, что они друзья.

Гемена сжала губы, нахмурившись, что явно указывало на то, что она не убеждена. Гемене, самой младшей из трех, пришедших к Эолин в этот первый год, было всего пять лет. Она была такой же упрямой, как когда-то была наставница Эолин, и такой же сообразительной. Как и ее компаньоны, она была ребенком скромного происхождения, чьи родители видели в Экеларе скорее возможность накормить и одеть дочь, чем место рождения новой эры женской магии.

Эолин нежно коснулась щеки девочки.

— Я поприветствую людей короля, Гемена. Скажи своим сестрам, чтобы они разложили хлеб и напитки для наших гостей.

Когда ребенок убежал, Эолин взяла свой посох. Она синхронизировала свое дыхание с его ровным гулом и соединила свой дух с твердой землей. По правде говоря, ей не нравился этот вид. Поскольку весь народ Мойсехена собирался в Королевском городе, солдатам Акмаэля нечего было делать в Моэне.

Эолин шагнула вперед, стараясь максимально увеличить расстояние между ними и Экеларом. Она встретила их у ручья, где они остановили своих лошадей. Сэр Дростан возглавил роту, а рядом с ним находился маг Кори. Среди остальных было несколько членов личной охраны короля.

— Что это означает? — спросила она, когда Дростан и Кори спешили.

Кори улыбнулся и широко раскинул руки в приветствии. Она неохотно обняла его.

Дростан достал запечатанный свиток и с поклоном вручил ей.

— Мага Эолин, у нас есть приказ сопровождать вас в путешествии.

Озадаченная, Эолин взяла документ и сломала восковую печать. Акмаэль сам написал приказы. Бумага несла следы его сущности, чернила — отпечаток его ауры. Простое прикосновение к нему зажгло ее желание. Она судорожно вдохнула и вернула свиток Дростану.

— Спасибо, но это не обязательно. Я планирую путешествовать самостоятельно.

Кори усмехнулся. Дростан переминался с ноги на ногу, на его лбу появилась морщина.

— Это приказ короля, миледи, — сказал рыцарь, будто это все решало. Будто больше нечего обсуждать.

— Я понимаю, сэр Дростан, и ценю его доброту, которую он мне оказал, но в этом нет никакой необходимости.

— Я бы посоветовал не отказываться от воли короля, Мага Эолин, — Кори смотрел с

веселым выражением лица, хотя в его голосе звучала скрытая нотка предупреждения. — Я давно знаю Дростана. Он увидит, как исполняется воля его правителя, даже если для этого придется связать тебя и бросить на спину его лошади.

Эолин переводила взгляд с Кори на Дростана и мужчин, ожидающих позади них. Истинность слов Кори была очевидна на их лицах. Смирившись, она кивнула в знак согласия и пригласила их на еду и вино.

Они дали ей остаток дня на сборы и ушли на рассвете. К большому огорчению Эолин, Дростан оставил горстку людей под командованием молодого рыцаря Вортингена, человека по имени Бортен, тоже из Моэна.

— Это место обучения, а не крепость, — возразила она.

— Они должны присматривать за вашими ученицами, — сказал Дростан.

— Для этого я наняла няню, чтобы она оставалась с ними, пока я буду в Королевском городе.

— Это приказ короля, — ответил Дростан.

Так что это было решено еще раз.

Поля Моэна в тот год были пышными. Лето принесло затяжные дожди, и теперь на созревающих посевах распространялись оттенки красновато-золотистого цвета. Тем не менее, плодородный пейзаж мало способствовал облегчению дискомфорта Эолин от ее вынужденного эскорта. Она надеялась совершить это путешествие в одиночестве, поболтать с птицами, собирающимися в стаи для путешествия на юг, помолиться в долине Эрунден, где так много пало всего лишь год назад.

В течение долгих дней пути Дростан держался на почтительном расстоянии, но разговор с Кори был постоянным и навязчивым. Стук металла и запах боевого коня отвлекали ее до бесконечности. Когда они, наконец, прибыли в Королевский город, башни которого были украшены яркими знаменами, развевающимися на ветру, она чувствовала себя опустошенной, напряженной и совершенно неподготовленной к грядущему событию.

Люди уже собрались со всех концов королевства, заполнили постоянные дворы, разбили лагерь за высокими стенами и наполнили улицы оживленной деятельностью. Смех смешивался с резкими ароматами эля, вина и жареного мяса.

Пока они ехали к центральной площади, новости о ее прибытии проносились впереди, выводя мужчин, женщин и детей, желающих мельком увидеть Верховную Магу. Они бросали ей на пути лилии, предлагали в дар травы и цветы и просили благословения Эолин.

— Принцесса будет недовольна, когда услышит об этом, — заметил Кори. — Ее прием был далеко не таким восторженным.

Эолин пожала плечами.

— В сердце маги нет места для ревности.

Маг закатил глаза.

— Могу ли я напомнить, что принцесса Тэсара — не мага. Королевские женщины наслаждаются ревностью. Им ее всегда мало.

— Этот избыток внимания вряд ли является поводом для обиды. И этого можно было бы вообще избежать, если бы король не настоял на сопровождении королевской стражи.

— Меня утомляет отсутствие у тебя благодарности, Мага Эолин, — ответил Кори. — Мы проходили через это раньше. Компаньон Церемонда, Бейдон, все еще на свободе, и мы не можем недооценивать угрозу со стороны сырнте и горцев.

— Они бы никогда...

— Да? Твоя ценность для короля не секрет. Нет лучшего способа удержать его в заложниках, чем поставить под угрозу твою безопасность. И есть силы, которые сопротивляются изменениям в нашей стране. Кто знает, у скольких есть причины возмущаться тобой и тем, что ты представляешь. Тебе опасно путешествовать без защиты. Мы не будем рисковать потерять тебя снова.

— Мы? Кто такие «мы»? Ты? Король? Великий Клан Восточной Селен? — ее ответ был резче, чем предполагалось, но после стольких дней на пыльной дороге она устала и была раздражительна.

— Ты можешь сомневаться в моей привязанности к тебе, — коротко сказал Кори, — но не можешь сомневаться в его.

Эолин ничего не ответила на это, не желая продолжать разговор, касающийся ее отношений с королем. Она подняла взгляд на крепость над городом и попыталась еще раз представить себя в его мире, отягощенную прекрасными платьями и золотыми цепями, заблудившуюся в лабиринте интриг, которых она никогда не могла понять. Ее сердце сжалось от мысли.

«Моей магии здесь не место».

Она процветала на открытых пространствах и лесистых холмах. Заключение в каменную крепость Вортинген, она ослабевает и помутнеет. Она перестанет быть магой. Она превратится в женщину с обычными манерами, человека, которого Акмаэль больше не сможет любить.

— Ты встречал ее? — хотя она не сводила глаз с каменных башен, она чувствовала пристальный взгляд Кори и могла представить себе его невысказанный упрек.

«Мы столько дней провели вместе, и ты до сих пор ждешь, чтобы спросить».

— Да, — сказал он.

— Какая она?

— Красивая. Холодная. Принцесса во всех смыслах этого слова, готовая служить своему долгу и гордящаяся им.

Эолин кивнула и погнала лошадь вперед, хотя на самом деле ей хотелось повернуть назад. Она не доверяла своей решимости держаться, увидев, как Акмаэль привязан к другой. Однако отказаться от свадебного приглашения было бы оскорблением. Возможно, он не обиделся бы. Возможно, он бы понял, но все остальные заметили бы ее отсутствие. Она не могла рисковать неодобрением знатных семей Мойсехена.

В последующие дни оценка Кори принцессы Тэсары оказалась верной. Хотя у Эолин не было с ней разговора, она достаточно видела невесту на банкетах и празднествах, чтобы получить некоторое представление о будущей королеве.

Осанка девушки была царственной, ее белая ладонь нежно лежала на руке Акмаэля, у нее была робкая улыбка и острый взгляд. Она уделяла размеренное внимание каждому вельможе, появлявшемуся при дворе, и уже знала половину домов и знамен Мойсехена. Хотя она не была знакома с классами магов, у нее было чутье, какие вопросы задавать. Она приняла Эолин вежливо, хотя они общались только тогда, когда того требовал протокол. И она была прекрасна, ей было не больше шестнадцати лет, волосы были цвета спелой пшеницы, а глаза — голубые, как летнее небо.

Однако ее аура была тусклой. Она несла мало пламени или цвета.

— С ней будет скучно, тебе не кажется? Теперь, когда он вкусил страсть настоящей маги, — замечание Кори, сделанное однажды вечером, когда они шли к покоям Эолин после

очередного утомительного банкета, поразило ее как холодная вода.

Каменные стены дрогнули. Эолин остановилась. Через мгновение она перевела дыхание и продолжила идти.

— Принцесса Тэсара — это все, чего может пожелать настоящий король, — сказала она.

Той ночью на город обрушился мороз, погубивший многочисленные цветы, предназначенные для украшения церемонии. Однако странный холод не испортил настроение горожанам. Когда взошло солнце, они собрались, чтобы присутствовать на свадьбе и встретить свою новую королеву.

Сначала на центральную площадь вышла толпа магов. Эолин шла среди них в своей бордовой мантии. Рената заняла место рядом с ней, одетая в сапфировое платье среднего мага. Напротив них стояли знатные семьи четырех провинций.

Король прибыл верхом в окружении личной стражи и членов Совета. Когда, наконец, все собрались, Акмаэль встал посреди площади, чтобы встретить свою принцессу, которая появилась со своими фрейлинами и воинами, с мехом, накинутым на плечи, чтобы защититься от холода.

Ее платье сверкало на солнце. Она высоко держала голову и носила величественную улыбку своего класса. Акмаэль встретил ее с бесстрастным лицом, хотя глаза его были теплыми. Когда Верховный Маг Цетобар призвал благословение Дракона, король держал руку Тэсары в своей. Когда маг закончил, Акмаэль наклонился, чтобы поцеловать Тэсару в губы.

Эолин закрыла глаза от слез.

«Это был мой выбор, — напомнила она себе. — Это мой путь».

Она сосредоточилась на образе своего нового Экелара, круга скромных зданий, уютившихся среди холмов Моэна. Она услышала восторженный смех своих учениц: Сирены, Мелани и, по воле судьбы, бойкой девочки, носившей имя ее наставницы Гемены.

Они уже любили Магу Эолин, зависели от нее и надеялись, что она поможет им осуществить их мечты о магии. В этом году пришло только трое, но в следующем году их будет больше, а через год — еще больше.

Когда Эолин открыла глаза, поцелуй закончился. Она почувствовала, как теплая ладонь Ренаты обвила ее руку, и была благодарна за выражение дружбы и поддержки.

Верховный маг Цетобар представил новую королеву народу. Они кричали, пели и сыпали лилиями. Прилив радости был не похож ни на что, что Эолин чувствовала от жителей Мойсехена, и это наполнило ее сердце радостью. Страх больше не сдерживал их голоса. Акмаэль построит свое правление не на той основе, что его отец.

Последовавшее за этим празднество было ярким и шумным, со щедрыми порциями жареной оленины, фаршированного гуся и дикого кабана, за которыми последовали сладкие лепешки, сухофрукты и пропитанные медом пироги. Вино и эль лились из переполненных чашек. Играли и пели музыканты, на столах танцевали акробаты. Смех то поднимался, то опускался из-за постоянной болтовни.

Дворяне, которые еще не разговаривали с Эолин, теперь приветствовали ее, а лорды Барамон из Селен и Фелтон из Моэна даже пригласили ее на танец. Несколько бывших членов Круга были там, чтобы развлечь, включая Адиану.

Узнав Эолин, Адиана крепко обняла магу, слезы омыли ее щеки, когда она вскрикнула от восторга. Вскоре к их счастливому воссоединению присоединилась Рената. Они

разговаривали до поздней ночи, делясь новостями о своей жизни после восстания и делясь приятными воспоминаниями о Круге Кори.

Только когда король и его невеста удалились с пира, Эолин заметила тупую боль в глазах. Когда очередная чашка вина только усилила боль, она решила пожелать друзьям спокойной ночи.

До рассвета оставалось всего несколько часов, когда она вернулась в свои покои, одна и измученная.

Эолин не разговаривала с Акмаэлем с момента ее прибытия, но она заметила его руку за каждой деталью своего пребывания. Ей выделили хорошо обставленную квартиру на южной стороне замка с прекрасным видом на провинцию Моэн. Слуги выполняли все ее желания. В ее комнате всегда были свежие фрукты и напитки.

Сейчас она налила себе чашку воды и приправила ее травами, чтобы успокоить головную боль. Крепко удерживая кружку пальцами, она произнесла первое заклинание, которому ее научила Гемена:

Эхекат, нэм цефур. Эхуки.

От воды поднялся пар. На мгновение Эолин почувствовала, как дух ее любимой наставницы прошел в комнату.

Смех и песни доносились с улиц внизу. Эолин подошла к окну, чтобы посмотреть на город. Вдыхая успокаивающий аромат своего травяного настоя, она смотрела, как люди танцуют под далекими факелами, словно яркие угли в угасающем костре. Вчерашний мороз рассеялся, и ей на щеки дул теплый ветерок.

Суть комнаты изменилась, и Эолин почувствовала чье-то присутствие позади себя. Она поставила чай на подоконник дрожащими пальцами и не сводила глаз с крыш внизу.

— Зачем ты пришел? — спросила она.

— Увидеть тебя еще раз, — ответил Акмаэль. — Почему ты не просила у меня аудиенции в эти дни?

— Потому что я знала лучше, — она повернулась к нему, ее эмоции превратились в бурлящий котел печали и облегчения, раздражения и желания. — Твоя невеста ждет, мой Король.

— Королева спит под заклинанием. Она не проснется, пока я не вернусь.

— Ты не можешь оставаться здесь.

— Я не собираюсь.

Его слова глубоко ранили, и она отвела взгляд, чтобы он не заметил боли. Тогда он приблизился. Эолин стояла неподвижно, хотя знала, что должна отойти. Это было все, чего она хотела в тот момент, почувствовать интенсивность его ауры, вспомнить интимность его прикосновения.

— Не делай этого, — прошептала она, неуверенность пробила ее решимость. — Акмаэль, пожалуйста... я не могу...

Он разглядывал ее молча, как бы запоминая каждую деталь. Затем он поднял руки к серебряной цепочке на шее и снял драгоценность, сотканную его матерью. Он осторожно надел ее на голову Эолин, позволив прекрасному медальону покоиться на ее груди. Он отстранился прежде, чем их губы успели соприкоснуться.

— Маг Кори очень впечатлен работой, которую ты ведешь в Моэне.

Это звучало холодно и официально.

— Боги послали мне достойных учеников, талантливых и преданных делу, — ответила

она.

— Я рад это слышать. Следующей весной мы с королевой посмотрим на прогресс, посетим твой новый Экелар в Моэне.

— Не знаю, хорошая ли это идея.

— Это необходимо. Твое стремление поддерживается Коронай.

— Конечно, ты мог бы послать представителя, мага Кори или Телина...

— Мы не можем не видеться, Эолин. Ты — единственная Верховная Мага Мойсехена, а я — король.

— Но мы могли бы отложить это до тех пор, пока ваш брак не укрепитя и эта... эта сила, притягивающая нас друг к другу, не исчезнет.

Он медленно выдохнул.

— Как долго, по-твоему, это будет?

Эолин прикусила губу, не желая озвучивать ответ.

Он положил руку на ее щеку, возвращая ее взгляд к себе. Его пальцы прошли по линии ее шеи, прежде чем спуститься к серебряной паутине, лежащей на ее сердце.

— Эта драгоценность связывает нас друг с другом и с лесом, в котором мы встретились. Я оставляю это в твоей власти. Используй его, чтобы найти меня, если тебе когда-нибудь это понадобится.

Эолин кивнула, ее горло сжалось от боли. Скрытые слезы всех этих дней вырвались наружу и безудержно катились по ее щекам.

Затем его губы оказались на ее губах, нежных и полных желания. Она привлекла его ближе, не в силах сопротивляться пламени его прикосновения.

Объятия оказались короткими. Без предупреждения Акмаэль отстранился и прошел мимо нее к окну, где встал со сжатыми кулаками, с задумчивым выражением лица.

Молчание было густым, и Эолин не осмеливалась его нарушить. Когда он, наконец, заговорил, его голос был хриплым:

— Ты сказала, что хочешь вернуть магию нашему народу. Ты сказала, что это единственный способ.

— Так и есть, Акмаэль. Я не могу надеяться выполнить свое обещание, данное Драконше, если я...

Он поднял руку, призывая ее замолчать. В этот момент Эолин поняла, что Акмаэль занял место своего отца раз и навсегда. Как бы он ни страдал, чего бы ни хотел, в чем бы ни нуждался, что бы ни любил, теперь это было навсегда скрыто за каменной маской Вортингена.

Он замерцал, за этим последовала вспышка белого света, он принял форму Совы. С шелестом крыльев Король-Маг сел на подоконник, задержавшись всего на мгновение, прежде чем скользнуть в ночь.

Сердце Эолин прыгнуло вслед за ним, но она сдержала порыв, остановившись у окна и наблюдая за тенью Акмаэля на фоне звездного неба.

— Я люблю тебя, — прошептала она, когда он исчез из поля зрения.

Эолин повернулась к комнате. Без него она казалась пустой, пустым пространством, окруженным камнем, бессмысленной безжизненной мебелью.

Она стояла, прислушиваясь к тишине.

Затем она переделась в ночную рубашку и скользнула в свою пустую постель. Она сжала в объятиях большую подушку, вдыхая аромат камня, земли и вневременной магии.

Его запах.

Завтра она пораньше соберется и отправится домой. Ей хотелось снова увидеть девочек, почувствовать, как солнце сияет на полях Моэна, и услышать шепот леса. Прижаться босыми ногами к траве и вдохнуть аромат теплой земли и полевых цветов.

Возможно, она пригласит Ренату или Адиану путешествовать с ней.

Она остановилась при этой мысли, и ее ноющее сердце просветлело.

«Конечно!»

Почему она не подумала об этом раньше? Рената могла преподавать Среднюю Магию, и музыка Адианы, в конце концов, была Примитивной Магией. А кто разобрался в музыке лучше, чем Адиана?

Эолин вздохнула от волнения.

«Мы будем вплетать магию обратно в эту землю, объединившись как сестры, как Маги Старых времен».

Укрывшись под теплым одеялом, Эолин закрыла глаза.

Завтра они вместе поедут на юг.

Больше книг на сайте - Knigoed.net